

2024 – № 4

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озона (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руй-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (КемГУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилаhti (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru
Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Анисимов Н. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН; Ижевск, УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН)
Софронова Е. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН; Ижевск, АУК УР РДНТ)
Пчеловодова И. В. (Ижевск, УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН)
Музыкально-фольклорная традиция ярких удмуртов автохтонного и сибирского бытования: современное состояние 9
- Шахов П. С.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Дёмина Л. В. (Тюмень, ТГИК)
Песенный фольклор мордвы-мокши Тюменской области в фоно- и видеозаписях 23
- Ключева М. А.** (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ; Москва, ИСП РАН)
Екиук: об одном наименовании лешего в марийском фольклоре 32

Литературоведение

- Журова Л. И.** (Новосибирск, ИИ СО РАН)
Дискурс Максима Грека «начальствующим правоверно»: вопросы атрибуции текстов 47
- Вдовин А. В.** (Москва, НИУ ВШЭ)
Прозрачное мышление и крестьянская субъективность в повести И. С. Тургенева «Постоялый двор» 60
- Мазуров А. Е.** (Томск, ТГУ)
Традиции сатирической журналистики 1860-х годов в фельетонном творчестве Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888) 73
- Курьянова В. В.** (Симферополь, КФУ им. В. И. Вернадского)
Толстовский текст в творчестве А. Белого 86
- Капинос Е. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Лирическая поэтика романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» 99
- Рубинчик О. Е.** (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН)
Анна Ахматова и ее соавторы за работой над переводами 112
- Налегач Н. В.** (Кемерово, КемГУ)
Кемеровский текст на перекрестке двух утопий: американская мечта и коммунистический интернационал в повести Р. Э. Кеннелл «Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера, 1922–1924» 126
- Маматов Г. М.** (Новосибирск, НГТУ)
Тырышкина Е. В. (Новосибирск, НГПУ)
«Автоматические стихи» Бориса Поплавского: тема и вариации 139

Языкознание

- Тимкин Т. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Коартикуляция по палатальности в алтайском языке по данным УЗИ в динамическом аспекте 156

Бродский И. В. (Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена) Номинация растений по признаку сходства с другими растениями в финно-пермских языках	172
Матханова И. П., Стексова Т. И. (Новосибирск, НГПУ) Наречия со значением отсутствия осознанности и контроля (в си- туации целеустановки)	186
Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Семантика глаголов перемещения объекта в хакасском и алтайском языках	201
Монгуш Н. М. (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) Эвфемизмы, репрезентирующие значение 'умереть' в тувинском и монгольских языках	215
Петрова Н. А. (Иркутск, ИГУ; ИРНИТУ; Шэньчжэнь, Университет МГУ-ППИ) Классификатор ЦВЕТ как доминирующий при категоризации гри- бов в языках народов Прибайкалья	229
Федина Н. Н. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Стяженные формы аналитической конструкции -(ы)п ий- в чалкан- ском языке	242
Дадугева Е. А. (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН) Семантико-структурные компоненты каузативных конструкций эмо- ционального воздействия в бурятском языке	257

2024 – No. 4

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology SB RAS
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Anisimov N. V., Sofronova E. A., Pchelovodova I. V.**
Musical and folklore tradition of the Yar Udmurts of autochthonous and
Siberian existence: current state 9
- Shakhov P. S., Demina L. V.**
Song folklore of the Mordvin-Moksha of the Tyumen Oblast in phono-
and video recordings 23
- Klyucheva M. A.**
Ekshuk: about one denomination of the wood goblin in Mari 32

Literature

- Zhurova L. I.**
The discourse of Maximus the Greek appealing to “those ruling properly”: the issues of text attribution 47
- Vdovin A. V.**
Transparent minds and peasant subjectivity in the novella “The Inn” by
Ivan Turgenev 60
- Mazurov A. E.**
Traditions of satirical journalism of the 1860s in the feuilleton work of
F. V. Volkhovsky in the “Sibirskaya gazeta” (1882–1888) 73
- Kurianova V. V.**
Tolstoyan text in the work of Andrei Bely 86
- Kapinos E. V.**
Lyrical poetics of the novel “The Life of Arseniev” by Ivan Bunin 99
- Rubinchik O. E.**
Anna Akhmatova and her co-authors at work on translations 112
- Nalegach N. V.**
Kemerovo text at the crossroads of two utopias: The American dream
and the communist international in the story by R. E. Kennell “Comrade
One-Crutch. The Adventures of an American Boy in Kemerovo: The
Siberian Chronicle of the Life of Young David Plummer, 1922–1924” 126
- Mamatov G. M., Tyryshkina E. V.**
“Automatic poems” by Boris Poplavsky: theme and variations 139

Linguistics

- Timkin T. V.**
Palatal coarticulation in the Altai language according to ultrasound data
in a dynamic aspect 156
- Brodsky I. V.**
Plants nomination based on their similarity to other plants in the Finno-
Permic languages 172
- Matkhanova I. P., Steksova T. I.**
Adverbs denoting a lack of awareness and control (in the context of
goal-setting) 186

<i>Shagdurova O. Yu., Tyuntesheva E. V.</i>	
Semantics of verbs of object transfer in Khakass and Altai languages	201
<i>Mongush N. M.</i>	
Euphemisms representing the meaning 'to die' in Tuvan and Mongolian languages	215
<i>Petrova N. A.</i>	
The classifier COLOR a dominant one in the categorization of mushrooms in the languages of the peoples of the Baikal region	229
<i>Fedina N. N.</i>	
Contracted forms of the analytic construction <i>-(y)p iy-</i> in the Chalkan language	242
<i>Dadueva E. A.</i>	
Semantic and structural components of causative constructions of emotional impact in the Buryat language	257

Научная статья

УДК 784.4(=511.131)(571.17)

DOI 10.17223/18137083/89/1

**Музыкально-фольклорная традиция ярких удмуртов
автохтонного и сибирского бытования:
современное состояние**

**Николай Владимирович Анисимов¹
Екатерина Анатольевна Софронова²
Ирина Вячеславовна Пчеловодова³**

^{1, 2} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Автономное учреждение культуры Удмуртской Республики
«Республиканский дом народного творчества»
Ижевск, Россия

^{1, 3} Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук
Ижевск, Россия

¹ kyldysin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

² soroka-katya90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4558-5973>

³ orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

Аннотация

Приводится сравнительно-сопоставительный анализ современного состояния фольклорной традиции (обрядов, песенных жанров) удмуртов коренной (Ярский район Удмуртской Республики) и переселенческой (Кемеровская область) традиций. Сравнительный анализ показал наличие сходных жанров, в том числе характерного для коренной севернoudмуртской традиции уникального архаичного жанра песенных импровизаций *крезь*. Если в музыкальном фольклоре удмуртов Ярского района *крезь* функционирует и в обрядовых, и в необрядовых жанрах, то у кемеровских удмуртов он сохранился лишь в качестве внеобрядовых песен-импровизаций по случаю горестных событий личной жизни певца. Лучшая сохранность наблюдается в сфере необрядовой лирики в обеих традициях. Для поддержания своей родной культуры кемеровские удмурты вынуждены обращаться к информации, найденной в Интернете.

Ключевые слова

удмурты, сибирская группа, переселение, Кемеровская область, экспедиции, обряды, песенные жанры, импровизированное пение, обрядовые песни, необрядовые песни, коренная и переселенческая традиции

© Анисимов Н. В., Софронова Е. А., Пчеловодова И. В., 2024

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10113, <https://rscf.ru/project/19-78-10113/>

Для цитирования

Анисимов Н. В., Софронова Е. А., Пчеловодова И. В. Музыкально-фольклорная традиция ярких удмуртов автохтонного и сибирского бытования: современное состояние // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 9–22. DOI 10.17223/18137083/89/1

**Musical and folklore tradition of the Yar Udmurts
of autochthonous and Siberian existence:
current state**

**Nikolai V. Anisimov¹, Ekaterina A. Sofronova²
Irina V. Pchelovodova³**

^{1,2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Autonomous Cultural Institution of the Udmurt Republic
“The Republican House of Folk Art”
Izhevsk, Russian Federation

^{1,3} Udmurt Institute of Philology
of the Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation

¹ kyldysin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

² soroka-katya90@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4558-5973>

³ orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

Abstract

This paper focuses on analyzing the current folklore tradition of the Udmurts of the Kemerovo Region. The first folklore and ethnographic expedition was conducted in the winter of 2023. In total, we visited seven settlements and interacted with 45 Udmurts, most born between the 1940s and 1970s and descendants of the first Udmurt immigrants in this region. The Udmurts who voluntarily migrated to the Kemerovo Region mostly came from villages in the Yarsky district of Udmurtia, such as Tsipya, Lekovai, Karavai, Ust-Lekma, Pudem, Bayaran, Chabyrovo, and others. A smaller portion of immigrants originated from the Balezinsky, Glazovsky, and Kez districts of Udmurtia, and they settled in these areas mainly during the mid-20th century. A special feature of the musical tradition of the Yarsky district, a part of the northern Udmurt area, is an archaic genre, *krez*. *Krez* involves improvised singing using onomatopoeic vocabulary from ritual and non-ritual song genres. The analysis has revealed that *krez* is diminishing both in the indigenous and resettlement traditions of Udmurts. We managed to record only oral information about the existence of the *krez* genre earlier in the tradition of the Udmurts of Kemerovo and recorded some trial tunes. The recordings made during the expedition revealed the prevalence of non-ritual songs, including five lyrical songs, one game song, and one lullaby. These songs are still popular among traditional performers in the indigenous Udmurt tradition. Today, the only way for Udmurt immigrants to join the tradition of their ancestors is through information found on the Internet.

Keywords

Udmurts, Siberian group, resettlement, Kemerovo region, expeditions, rituals, song genres, improvised singing, ritual songs, non-ritual songs, resettlement tradition

Acknowledgments

The research was conducted with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10113, <https://rscf.ru/en/project/19-78-10113/>

For citation

Anisimov N. V., Sofronova E. A., Pchelovodova I. V. Musical and folklore tradition of the Yar Udmurts of autochthonous and Siberian existence: current state. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/1

Введение

Удмурты, являясь автохтонным населением территории междуречья Вятки и Камы, в начале XX в., как и многие народы нашей страны, оказались вовлечены в политические процессы, в результате которых были вынуждены покинуть свою историческую родину и обосноваться на территории Западно-Сибирского края.

Благодаря совместной экспедиции 1974 г. преподавателей и студентов Удмуртского государственного университета и сотрудников Удмуртского научно-исследовательского института (ныне Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, далее – УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) известно, что удмурты компактно разместились на территории Томской области и Красноярского края. Повторные экспедиции к ним были организованы в 2006 и 2020 гг.¹ Ранее нами было осуществлено сравнительное изучение переселенческих фольклорных традиций удмуртов Томской области и Красноярского края с коренной традицией на материале разновременных записей [Пчеловодова и др., 2019; 2021; 2023; Пчеловодова, Анисимов, 2021; 2023; Anisimov et al., 2020]. Однако недавно появились сведения о компактном проживании удмуртов в Кемеровской области², которые подтверждаются информацией из переписи населения с 1897 по 2020 г. Эти данные сообщают, что в конце XIX в. на территории Томской губернии, в которую входила нынешняя Кемеровская область, проживало 16 удмуртов. В период с 1926 по 1989 г. удмуртов было от 4 000 до 5 000 человек. В 2002 г. их насчитывалось 2 665 человек, а в 2010 г. – 1 611 человек. На сегодняшний день, по данным Росстата, в Кемеровской области 113 человек указали себя удмуртами³.

Зимой 2023 г. была осуществлена первая фольклорно-этнографическая экспедиция к кемеровским удмуртам в составе фольклориста Н. В. Анисимова и этномузыколога Е. А. Софроновой. Цель экспедиции – сбор информации и музыкально-этнографического материала об удмуртах-переселенцах. За время поездки удалось побывать в семи населенных пунктах (Ленинск-Кузнецкий район – д. Новопокровка, пос. Красноярка и Свердловский, г. Ленинск-Кузнецкий; Крапивинский района – с. Междугорное, пос. Каменный, пгт Крапивинский) и пообщаться

¹ Экспедиция в Красноярский край в 2020 г. выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 19-78-10113 (рук. П. С. Шахов).

² В Удмуртском государственном университете в настоящее время учится Зырянов Владислав – удмурт из Кемеровской области.

³ Удмурты Кузбасса. URL: <https://forum.vgd.ru/2767/103275/> (дата обращения 15.11.2023).

с 45 удмуртами преимущественно 1940-х – 1970-х годов рождения, которые являются потомками первых удмуртов-переселенцев в Кемеровскую область.

История переселения

Удмурты, перебравшись на новые земли в начале XX в. (в рамках аграрной столыпинской реформы), обосновались в двух центральных районах Кемеровской области – в пос. Чернолеска Крапивинского района и пос. Покровский (ныне д. Новопокровка) Ленинск-Кузнецкого района (рис. 1).

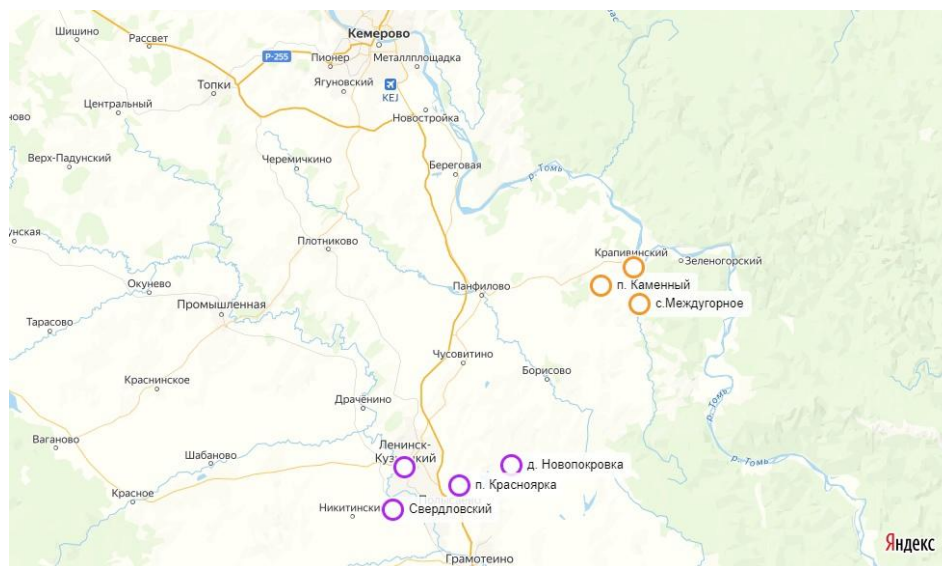

Рис. 1. Обследованные населенные пункты Кемеровской области
Fig. 1. Localities surveyed in the Kemerovo region

Основную массу добровольно прибывших в Кемеровскую область составили удмурты из Ярского района Удмуртии: деревни Ципья, Лековой, Каравай, Усть-Лекма, Пудем, Баяран, Чабырово и др. Небольшая часть состояла из выходцев Базезинского, Глазовского и Кезского районов Удмуртии, переселившихся в эти места в основном в середине XX в. (рис. 2).

Переезжали семьями друг за другом по 30 человек. Брали только самое необходимое. Например, родители Ившиной Антонины Владимировны привезли с собой икону, которую, согласно семейной легенде, отлил их дед (рис. 3).

Первое время жили в землянках, обустроивали жилище с помощью земельных пластов, позже появилась возможность строить дома. Но, несмотря на тяготы жизни, вспоминают, что жилось им очень дружно и весело. Когда в 30-х гг. XX столетия началась кампания по созданию коллективных хозяйств, жители д. Новопокровской на общем собрании решили добровольно причислить свой скот к колхозному, тем самым избежав раскулачивания.

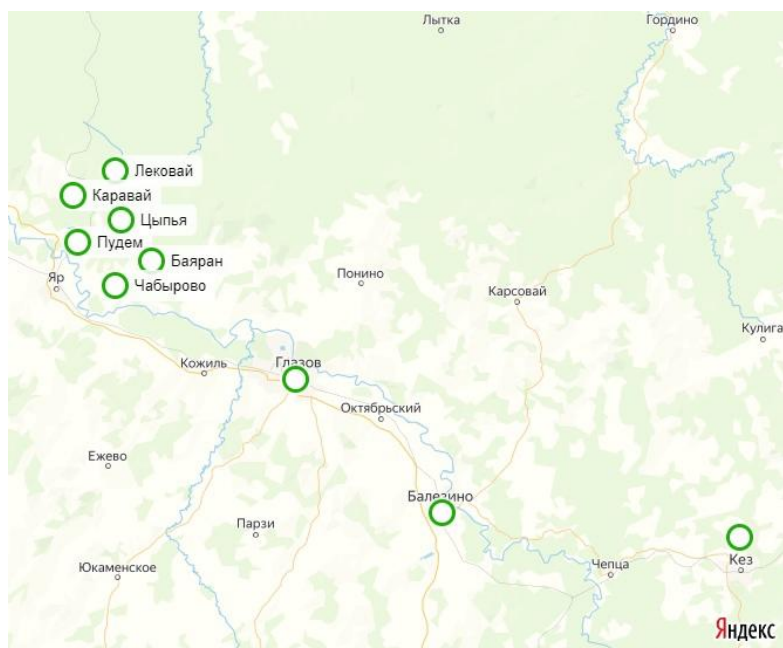

Рис. 2. Карта мест выхода сибирских переселенцев из Удмуртской Республики
Fig. 2. Map of the departure places of the Siberian resettlers from the Udmurt Republic

Рис. 3. Литая икона, привезенная из с. Пудем Глазовского района
Удмуртии в Кемеровскую область в начале XX в.
(фото Е. А. Софроновой, 2023 г.)

Fig. 3. The cast icon brought from the Pudem village of the Glazovsky
district of Udmurtia to the Kemerovo region
at the beginning of the 20th century (photo by E. Sofronova, 2023)

В 70-х – 80-х гг. прошлого столетия население по разным причинам из малых поселков разъехалось в более крупные. Так, в 1970-х гг. удмурты из пос. Чернолеска переехали в соседние с. Междугорное и пос. Каменный (бывш. колх. Чуваштруд), из д. Новопокровка – в пос. Красноярка, Свердловский, г. Ленинск-Кузнецк и др. населенные пункты Кемеровской области.

Песенный фольклор коренной традиции (Ярский район Удмуртской Республики)

Ярский район расположен в северо-западной части Удмуртской Республики на границе с Кировской областью. Сотрудниками УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН в Ярский район было совершено шесть экспедиций, материалы которых хранятся в Научном архиве института: в 1983 г. – МЛ 90; 1984 – МЛ 91; 2000 – МК 160; 2005 – МК 193; 2009 – МК 206; 2023 – звуковая коллекция № 223.

Музыкальная традиция Ярского района относится к северноудмуртскому ареалу. Его особенностью является наличие в песенной системе архаичного жанра *крезь* – импровизированного пения на ономатопозитическую лексику обрядовых и необрядовых песенных жанров. Как показывают материалы экспедиций (как более ранних, так и последних), песенный жанр *крезь* представлен свадебными (*сюан крезь*), рекрутскими (*солдат крезь* / *солдат келян крезь* ‘солдатский напев / напев проводов в солдаты’), похоронно-поминальными (*ватон крезь* / *шайвыл крезь* / *поминка крезь* / *курекъяськон крезь* ‘похоронный напев / кладбищенский напев / поминальный напев / горестный напев’), гостевыми напевами (*юон крезь* букв.: ‘напев пиршества’). При этом архаичные жанры гармонично соседствуют с поздними удмуртскими, авторскими и русскими заимствованными песнями, обозначаемыми в местной традиции как *мадь* (букв.: ‘сказ, повествование’). В качестве рекрутских и похоронно-поминальных песен (*солдат мадь* / *солдат келян мадь* ‘солдатская песня / песня проводов в солдаты’ и *шайвыл мадь* ‘кладбищенская песня’) в традиции ярских удмуртов выступают и русские песни, что в целом характерно для северноудмуртского ареала – «Последний нынешний денёчек...», «Командир герой Чапаев...», «Вы послушайте, ребята...», «При долине ключи бьются...», «В моем садочке ветер веет...», «Ходила я в лес по малину...», «Там в саду при долине...». Интересно отметить, что в некоторых случаях русские песни именуются *крезь*, например, песню «Вы поля, вы широки поля...» в д. Озёрки исполнители обозначили как *озьнэ крезь*, что можно перевести как ‘обычный напев / на все случаи жизни’. Этим же термином называются и архаичные жанры.

Среди необрядовых песен наибольшей популярностью пользуются такие песни, как «*Шунды но ёжужа но...*» – «И солнце встает да...», «*Одйген-кыкен, киртичен-кыкен...*» – «По одному, по два, по кирпичу, по два...», «*Из но, му но пилиське но...*» – «И камень, и земля трескаются да...», «*Тёды кызьпу воз куаро но...*» – «Белая берёза с зелеными листьями да...», «*Чукна чук султй...*» – «Рано утром встала...», «*Васькисько, васькисько...*» – «Иду я, спускаюсь...», «*Шур дурин мон огням...*» – «Возле речки я одна...», «*Тулкымьяське, тулкымьяське...*» – «Волнуются, волнуются [воды]...», «*Тулыв васьки Кам дуре...*» – «Весной спустилась к реке Каме...», «*Куке но мон, дыр, вал...*» – «Когда и я, наверно, была...», «*Уг но кырза шу(й)сько вал...*» – «Не буду петь, говорила я...». Некоторые из них звучат и в рамках похоронно-поминальной обрядности (например, песня «*Васькисько, васькисько...*» – «Иду я, спускаюсь...»). Также зафиксированы игровые

и шуточные песни: «*Ужай мон кузёнин...*» – «Работал я у хозяина...», «*Марусямы чабей ара...*» – «Маруся пшеницу жнёт...».

Подробнее остановимся на последней экспедиции (август 2023 г.), так как именно она была проведена с целью сбора информации по переселению местных удмуртов и особенностей современного состояния фольклорной традиции (подробнее см.: [Софронова и др., 2023]).

Первыми нашими пунктами стали деревни Ципья и Лековой Ярского района. Они находятся в северо-восточной части района в двух километрах друг от друга с немногочисленным населением: в д. Лековой проживает чуть больше 30 человек, а в д. Ципья остался всего один дом⁴. В д. Лековой нас тепло встретила чета Осиповых Михаила Афанасьевича (1937 г. р.) и Валентины Семеновны (1938 г. р.). Они познакомили с местным песенным репертуаром – *армие келян* (напев проводов в армию), русские песни («Вы поля, вы поля...», «Ой, да ты калинушка...»), авторские, неприуроченные лирические песни, застольные песни, *шудон крезь* «*Улй мон кузёнин...*» (игровая песня «Жил я у хозяина...»). Русская песня «Вы поля, вы поля...» и удмуртская игровая песня до сих пор звучат в репертуаре кемеровских удмуртов. Михаил Афанасьевич подтвердил информацию о переселении жителей деревни в Кемеровскую область в послевоенные годы (1945–1946 гг.), причиной чему послужила тяжелая жизнь в Удмуртии, но позже некоторые из них вернулись.

В д. Баяран относительно переселения местные жители информацией не владели, но благодаря активной деятельности кемеровского удмурта Владислава Зырянова к настоящему моменту налажена связь д. Баяран с удмуртами-переселенцами из Кемеровской области, некоторым даже удалось найти родственников. Деревни Баяран и Чабырово тоже находятся на грани исчезновения, проживающих здесь людей осталось совсем немного. Записи песен удалось сделать лишь в д. Чабырово от Корепановой Надежды Аркадьевны (1964 г. р.) – это неприуроченные лирические песни «*Гур вылын пуки, тирме мон шер...*» («На печке сидел/а, топор точил/а...»), «*Шур дурын мон огнам...*» («У реки я одна...»), игровая песня «*Марусямы чабейзэ кизе...*» («Маруся пшеницу сеет...»), частушки, необрядовая лирическая песня «*Васькисько, васькисько...*» («Иду я, спускаюсь...») и русские романсы «Ходила я в лес по малину...», «Там в саду при долине...», приуроченные к похоронно-поминальной обрядности.

В д. Усть-Лекма местные жители поделились рассказами о проведении календарных обрядов, приуроченных к весеннему периоду – *Йё келян* (букв.: 'проводы льда'), и осеннему периоду – *Шеп утчан* (букв.: 'поиск колосьев'). Музыкально-песенный репертуар обряда *Йё келян* был восстановлен жителями деревни. Сегодня он состоит из песен позднего пласта и авторских песен, в том числе русских. В качестве основополагающего образа в текстах выступает образ реки / воды: «*Чупчи тупалан-а...*» («На этой ли стороне реки Чепца...», сл. С. Широбокова, муз. Г. Корепанова), «*Бусьёсын шобырскизы...*» («Покрылись туманом [берега реки Чепца]...», сл. А. Лужанина, муз. Г. Корепанова), «На той ли на речке...» и др. Уникальной информацией для нас оказался обычай *Шеп утчан* (букв.: 'поиск колосьев'), приуроченный к осеннему периоду: когда на полях начинали созре-

⁴ Данные подтверждены сведениями с официального сайта Ярского района: https://yarskij-r18.gosweb.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/naselennye-punkty/munitsipalnyy-okrug-yarskiy-rayon-udmurtskoy-respubliki/dostoprimechatelnosti-2281_22.html (дата обращения 15.11.2023).

вать зерновые культуры, пожилые женщины выходили на поля, проверить созрели ли колосья (молодые девушки и дети не допускались), только после этого начинали уборку. Обычай *Шеп утчан* проводился и в советское время на колхозных полях.

Таким образом, экспедиционные материалы по Ярскому району дали возможность представить песенный материал коренной традиции, где наряду с уникальным архаичным жанром *крезь* бытуют поздние неприуроченные песни как на удмуртском, так и на русском языке. К сожалению, сбор информации по переселению удмуртов в Кемеровскую область показал лишь воспоминания о переселении третьей волны миграции (1940-е гг.).

Современное состояние фольклорной традиции кемеровских удмуртов

Большая часть собранного полевого материала экспедиции связана с рассказами о жизни, воспоминаниями из детства и молодости удмуртов в Кемеровской области. Отдельное внимание уделено праздникам и обрядам, проводимым местными удмуртами. Наиболее яркие из них связаны с зимними и весенними календарными праздниками: *Вöй* (Масленица), *Великой Четверик* (Великий Четверг), *Великтэм / Паска* (Пасха), Троица, Ильин день и особенно *Вожо / Вожаоськон* (период зимнего солнцестояния), *Вожокелян* (зимний обряд проводов духов переходного времени *вожо*), *Толсур* (Рождество).

Из семейных праздников сохранились воспоминания о свадьбе *сюан*, о празднике в честь новорожденного *шаньгиен ветлон* (букв.: 'хождение с шаньгами')⁵, крестинах, похоронно-поминальных обрядах, проводах в армию и помощи в строительстве домов *веме*.

Записанный материал по музыкально-поэтическому фольклору показал, что обрядовые напевы и самобытная форма исполнения *крезь*, характерная для коренной традиции, практически не сохранились. Большинство информантов красочно описывали исполнение удмуртских песен, указали на их бытование в местной традиции в прошлом. Но записать удалось только фрагменты воспоминаний с пробой напева по случаю своих переживаний. Особенно хорошо сохранились воспоминания об исполнении жалобных песен-импровизаций об ушедшем родственнике, на прощании с умершими на кладбище. В песне сетовали на то, что человек покинул их и оставил своих родных, описывали его болезнь. Импровизационные мелодекламации звучали и на первой встрече с новорожденным *шаньгиен ветлыны* – приносили в дом шаньги или любую выпечку, для того чтобы символически обмыть ножки новорожденного (*пыдьёссэ маялтылыны*). Обряд проводили через три дня или через неделю по возвращении из роддома, но чаще приурочивали к встрече из роддома. При этом поют, приговаривая:

*Ой, пыдьёсыз но кычёесь,
Симъёсыз но чебересь!
Ой, бамыз но кыче чебер,
Зöк буды!*

Ой, ножки да какие,
Глазки да красивые!
Ой, личико да какое красивое,
Здоровым расти!

⁵ Другое название обряда местные удмурты по-русски обозначили как «ножки обмывать», когда встречали из роддома.

Или:

Ой, кыче чебер пиналэз вортскиз!

Ой, какое красивое дитя родилось!

Интересно отметить, что при расспросах об обрядовых напевах и форме их исполнения на термин *крезь* местные не отзывались. Однако в обычной беседе с просьбой исполнить песню друг к другу обращались именно так: «*Крезьдэ сёт ни*» («Запой свой напев/песню»). Валентина Николаевна Семакина (1940 г. р.), родом из д. Новопокровка, вспоминала, что ее мама исполняла импровизационные песни, похожие на «заговоры». Она попробовала показать фрагмент пения, которое слышала от своей мамы:

*Ой, бен, марлы, марлы сюлэмы
висе?*

Ой, ведь, почему, почему
сердце болит?

*Ой, марлы гинэ мон меда таче
мөйёми?*

Ой, почему же я так
состарилась?

*Вина юэме потэ, нокин но уг ни
мыным поны!*

Вина выпить хочется, никто да
мне не предлагает
(букв.: 'не наливает')!

Ой, бен уг бен...

Ой, ведь да ведь...

Вариант исполнения подобного *крезя* вспомнила и Светлана Николаевна Афанасьева (1938 г. р.), некогда услышанного ею от своей бабушки:

Вот, сюлэме висе, нылы но ёвёл!

Вот, сердце болит,
дочери-то у меня нет!

*Малы вот со калыктьёс озь
лэсьтйзы?*

Почему вот эти люди так сделали?

Ой, бен, кызы ты терпеть каром ни...

Ой, ведь, как же мне вытерпеть...

Приведенные образцы ярко характеризуют жанр внеобрядовых песен-импровизаций, в которых «преобладает лирическая, или эмотивная, составляющая, так как поводом для импровизации становятся любые разновидности горестных переживаний певца, автобиографические факты» [Пчеловодова, 2013, с. 57]. В поэтических текстах подобных песен-импровизаций ономастопозитическая лексика, в отличие от смысловесущего текста, встречается в меньшем количестве, так как именно повествование в данном случае обладает важной семантической нагрузкой.

Необрядовые песенные жанры имеют чуть лучшую сохранность. В населенных пунктах Ленинск-Кузнецкого муниципального района удалось записать несколько лирических песен, частушки, по одному образцу гостевой, колыбельной и игровой песен (см. таблицу).

Песенные жанры, зафиксированные у кемеровских удмуртов в 2023 г.
Genres of songs recorded from the Udmurts of the Kemerovo region in 2023

Название песни	Жанр	Место записи
«Одйген-кыкен кирпичен-кыкен...» («По одному, по два, по кирпичу, по два...»)	Лирическая песня	д. Новопокровка, г. Ленинск-Кузнецкий
«Тодьы кызьпу вож куаро но...» («Белая берёза с зелеными листьями да...»)	Лирическая песня, приуроченная к свадебному обряду	пос. Свердловский

Название песни	Жанр	Место записи
«Васькисько, васькисько...» («Иду я, спускаюсь...»)	Лирическая песня	пос. Свердловский
«Куке но мон вал, дыр...» («Когда-то я была, наверно...»)	Лирическая песня (исполнили на мелодию песни «Васькисько, васькисько...»)	пос. Свердловский
«Укно улын льбмпу сяська учкыкум...» («Когда смотрела на черёмуху, растущую под окном...»)	Лирическая песня (могли исполнять на свадьбе)	г. Ленинск-Кузнецкий
«Ой, туганэ, туганэ...» («Ой, любимый мой, любимый...»)	Частушки	г. Ленинск-Кузнецкий
«Кыџе потэ, кыџе потэ...» («Как хочется, как хочется...»)	Частушки	д. Новопокровка, пос. Свердловский
«Тодьы весе...» («Мои белые бусы...»)	Частушки	пос. Свердловский
«Тйни, тйни пылем лыктэ...» («Вот, вот туча надвигается...»)	Частушки	пос. Свердловский
«Юом, юом та винаез...» («Выпьем, выпьем этого вина...»)	Гостевая песня	пос. Свердловский
«Улй мон кузёнин...» («Жил я у хозяина...»)	Игровая	пос. Свердловский
«Изъ-изъ нуные...» («Спи, спи, дитятко...»)	Колыбельная	г. Ленинск-Кузнецкий, пос. Свердловский

Мелодии лирических песен кемеровские удмурты помнили примерно, поскольку с уходом старшего поколения они их уже не исполняли. Игровую и колыбельную песни представили более полно, потому что знали их с самого детства. В советское время старшее поколение выступало на местном районном празднике с игровой песней «Улй мон кузёнин...» («Жил я у хозяина...»), которую очень тепло приняли местные русские и другие народы:

Улй мон кузёнин одйгетй арзэ,
Ужам поннам сётйиз со мыным
курегзэ.

Мынам куреге
Азбаретй ветлэ, пиёссэ бёрсяз
нулэ,

Кузёез куаретэ, курегез черетске

«Кыт-кыток, кыток, кыток!»

Жил я у хозяина первый год,
За работу он мне дал курицу.

Моя курица
По двору гуляет, деток за собой
водит,

Хозяин ругается, курица
кудахчет:

«Кыт-кыток, кыток, кыток!»

Улй мон кузёнин кыктетийээ арзэ,
Улэм поннам сётйз со мыным
жаёегзэ.

Мынам жаёег «га-га-га»,
Мынам куреге
Азбаретий ветлэ, пиёссэ бёрсяз
нуллэ,
Кузёез куаретэ, курегез черетске

«Кыт-кыток, кыток, кыток!»

Улй мон кузёнин куиньметийээ арзэ,
Улэм поннам сётйз со мыным
шорзэ.

Мынам шоре «тён-тён-тён»,
Мынам жаёег «га-га-га»,
Мынам куреге
Азбаретий ветлэ, пиёссэ бёрсяз
нуллэ,
Кузёез куаретэ, курегез черетске

«Кыт-кыток, кыток, кыток!»

Жил я у хозяина второй год,
За это он мне дал гуся.

Мой гусь гогочет,
Моя курица
По двору гуляет, деток за собой
водит,
Хозяин ругается, курица
кудахчет:

«Кыт-кыток, кыток, кыток!»

Жил я у хозяина третий год,
За это он дал мне индюка.

Мой индюк кулдыкает,
Мой гусь гогочет,
Моя курица
По двору гуляет, деток за собой
водит,
Хозяин ругается, курица
кудахчет:

«Кыт-кыток, кыток, кыток!»

пос. Свердловский Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области
НА УИИЯЛ, звуковая коллекция № 222, 2023 г.

Начиная с 1970-х гг. большую популярность приобретают русские традиционные песни, например, солдатская «Вы поля, поля, вы широкие поля...», и бытовые повсеместно «Вдоль по тропинке...», «Вот кто-то с горочки спустился...», «Рябина кудрява...», «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...», «Калина красная...», «Чёрный ворон...». Тексты этих песен можно найти в песенниках народных исполнителей.

Экспедиция 2023 г. также выявила включение в песенный репертуар кемеровских удмуртов современных удмуртских эстрадных и народных песен, которые они учат через Интернет. Эти песни исполняются ими во время различных праздников, концертов, фестивалей и встреч. Данный процесс, на наш взгляд, имеет как положительный, так и отрицательный момент. С одной стороны, Интернет помогает поддерживать «удмуртскость» местной диаспоры, так как с уходом старшего поколения из быта ушли традиционные песни и обряды. С другой стороны, песни из Интернета нивелируют особенности северноудмуртского фольклора, к которому относится культура кемеровских удмуртов.

Выводы

Как показал анализ, современное состояние и коренной традиции, и переселенческой показывает тенденцию исчезновения архаичного пласта импровизированного пения *крезь*. Даже если подобные напевы звучат, то только в одногласном варианте с небольшими изменениями в тексте. Значительное место в музыкально-песенном фольклоре северных удмуртов занимают русские песни.

Безусловно, отдаленность от исходной традиции, соседство с другими этносами способствовали потере языка и культуры удмуртов-переселенцев. Но, несмотря на это, удалось зафиксировать устные сведения о бытовании ранее в традиции кемеровских удмуртов архаичного жанра *крезь* и сделать записи пробных напевов, которые представляют особую ценность. По жанру они относятся к внеобрядовым песням-импровизациям, построенным на пропевании личных переживаний по тому или иному поводу. Экспедиционные записи также показали распространение необрядовых песен, которые до сих пор популярны среди традиционных исполнителей коренной традиции.

Сегодня единственным способом приобщения к традиции своих предков для удмуртов-переселенцев является информация, найденная в Интернете. Таким примером интереса к удмуртскому языку и культуре служит, в частности, разучивание народных и эстрадных песен, которые они активно включают в свою праздничную и быденную жизнь.

Список литературы

Пчеловодова И. В. Удмуртская песенная лирика: от мотива к сюжету. Ижевск, 2013. 164 с.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В. Из «России» в Сибирь... Современные экспедиционные заметки об удмуртах Красноярского края // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 1. С. 45–59.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В. Алнашский компонент в песенной традиции Красноярских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, № 1. С. 60–76.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Музыкально-песенный фольклор переселенческой традиции удмуртов Красноярского края // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 31–49.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Необрядовые лирические песни удмуртов Томской области: поэтические мотивы и образы // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 207–231.

Пчеловодова И. В., Софронова Е. А., Корнилов Д. Л. Музыкальный фольклор сибирских удмуртов в звуковых коллекциях УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 4. С. 615–622.

Софронова Е. А., Перевозчикова О. В., Пчеловодова И. В. Современные формы трансляции фольклорной традиции (по материалам экспедиции в Глазовский и Ярский районы Удмуртской Республики) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13, № 2. С. 314–322.

Anisimov N. V., Pchelovodova I. V., Sofronova E. A. Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2020. No. 14 (1). P. 85–110.

Список источников

Удмурты Кузбасса. URL: <https://forum.vgd.ru/2767/103275/> (дата обращения 15.11.2023).

Ярский район. Муниципальный округ Ярский район Удмуртской Республики. URL: https://yarskiy-r18.gosweb.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/naselennye-punkty/munitsipalnyy-okrug-yarskiy-rayon-udmurtskoy-respubliki/dostoprimechatelnosti-2281_22.html (дата обращения 15.11.2023).

References

Anisimov N. V., Pchelovodova I. V., Sofronova E. A. Migrant and Autochthonous Traditions within Udmurt Folksong (on the Example of the Siberian Udmurt). *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2020, no. 14 (1), pp. 85–110.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V. Alnashskiy komponent v pesennoy traditsii Krasnoyarskikh udmurtov [Alnash component in the song tradition of the Krasnoyarsk Udmurts]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023, vol. 17, no. 1, pp. 60–76.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V. Iz “Rossii” v Sibir’... Sovremennyye ekspeditsionnye zametki ob udmurtakh Krasnoyarskogo kraya [From “Russia” to Siberia... Modern expeditionary notes about the Udmurts of the Krasnoyarsk region]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2021, vol. 15, no. 1, pp. 45–59.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Muzykal’no-pesennoy fol’klor pereselencheskoy traditsii udmurtov Krasnoyarskogo kraya [Musical and song folklore of the migrant tradition of the Udmurts of the Krasnoyarsk region]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2021, no. 2, pp. 31–49.

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Neobryadovyye liricheskie pesni udmurtov Tomskoy oblasti: poeticheskiye motivy i obrazy [Non-ritual lyrical songs of the Udmurts of the Tomsk region: poetic motives and images]. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*. 2023, no. 1, pp. 207–231.

Pchelovodova I. V., Sofronova E. A., Kornilov D. L. Muzykal’nyy fol’klor sibirskikh udmurtov v zvukovykh kollektsiyakh UIIYAL UDMFITS UrO RAN [Musical folklore of the Siberian Udmurts in the sound collections of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2019, vol. 13, no. 4, pp. 615–622.

Pchelovodova I. V. *Udmurtskaya pesennaya lirika: ot motiva k syuzhetu* [Udmurt song lyrics: from motive to plot]. Izhevsk, 2013, 164 p.

Sofronova E. A., Perevozchikova O. V., Pchelovodova I. V. Sovremennyye formy translyatsii fol’klornoy traditsii (po materialam v Glazovskiy i Yarskiy rayony Udmurtskoy Respubliki) [Modern forms of translation of folklore tradition (based on materials in the Glazovsky and Yarsky districts of the Udmurt Republic)]. *Historical and cultural heritage of the Ural-Volga region peoples*. 2023, vol. 13, no. 2, pp. 314–322.

List of sources

Udmurty Kuzbassa [Udmurts of Kuzbass]. URL: <https://forum.vgd.ru/2767/103275/> (accessed 15.11.2023).

Yarskiy rayon. Munitsipal’nyy okrug Yarskiy rayon Udmurtskoy Respubliki [Yarsky district. Municipal okrug, Yarsky district of the Udmurt Republic]. URL: https://yarskiy-r18.gosweb.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/naselennye-punkty/munitsipalnyy-okrug-yarskiy-rayon-udmurtskoy-respubliki/dostoprimechatelnosti-2281_22.html (accessed 15.11.2023).

Информация об авторах

Николай Владимирович Анисимов, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия); младший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (Ижевск, Россия)

WoS Researcher ID G-1070-2019

Екатерина Анатольевна Софронова, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия); заведующая отделом по работе с нематериальным культурным наследием Автономного учреждения культуры Удмуртской Республики «Республиканский дом народного творчества» (Ижевск, Россия)

Ирина Вячеславовна Пчеловодова, кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (Ижевск, Россия)

Scopus Author ID 60110552

WoS Researcher ID AAM-8971-2021

RSCI Author ID 638841

Information about the authors

Nikolai V. Anisimov, Candidate of Philology, Researcher, Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Junior Researcher, Udmurt Institute of History, Language, and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)

WoS Researcher ID G-1070-2019

Ekaterina A. Sofronova, Candidate of Arts, Researcher, Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Head of Intangible Cultural Heritage Department of Autonomous Cultural Institution of the Udmurt Republic "The Republican House of Folk Art" (Izhevsk, Russian Federation)

Irina V. Pchelovodova, Candidate of Philology, Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 60110552

WoS Researcher ID AAM-8971-2021

RSCI Author ID 638841

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;

одобрена после рецензирования 08.05.2024; принята к публикации 08.05.2024

The article was submitted on 16.04.2024;

approved after reviewing on 08.05.2024; accepted for publication on 08.05.2024

Научная статья

УДК 801.81 (811.511.152.2), 398.8
DOI 10.17223/18137083/89/2

Песенный фольклор мордвы-мокши Тюменской области в фоно- и видеозаписях

Павел Сергеевич Шахов¹
Лилия Васильевна Дёмина²

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Тюменский государственный институт культуры
Тюмень, Россия

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>
² ldemina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2867-8628>

Аннотация

Рассматриваются аудио- и видеоматериалы с записями песенного фольклора мордвы-мокши Тюменской области. Анализируются фоно- и видеозаписи фольклора локальной переселенческой традиции с. Калиновка Сорокинского района, основанного в 1924 г. выходцами из населенных пунктов, ныне относящихся к Краснослободскому, Атюрьевскому, Ковылкинскому и Торбеевскому районам Республики Мордовия. Разновременные записи, сделанные в период с 1989 по 2021 г., выстроены в хронологическом порядке, рассмотрен жанровый состав и песенный репертуар, включающий около 19 песен в 29 вариантах. Рассмотренное фольклорное собрание с аудиовизуальными материалами позволяет сделать предварительные выводы о высокой степени сохранности локальной песенной традиции сибирского бытования, оценить динамику ее развития.

Ключевые слова

мокша-мордовский песенный фольклор, Сибирь, локальная фольклорная традиция, аудио- и видеозаписи фольклора

Для цитирования

Шахов П. С., Дёмина Л. В. Песенный фольклор мордвы-мокши Тюменской области в фоно- и видеозаписях // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 23–31. DOI 10.17223/18137083/89/2

© Шахов П. С., Дёмина Л. В., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 23–31
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 23–31

Song folklore of the Mordvin-Moksha of the Tyumen Oblast in phono- and video recordings

Pavel S. Shakhov¹, Lilia V. Demina²

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² Tyumen State Institute of Culture
Tyumen, Russian Federation

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

² ldemina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2867-8628>

Abstract

The paper explores audio and video recordings of Mordvin-Moksha song folklore, specifically focusing on songs from the migratory tradition of Kalinovka village, Sorokinskiy District, Tyumen Oblast. The village was established in 1924 by migrants from settlements in Krasnoslobodskiy, Atyuryevskiy, Kovylkinskiy, and Torbeevskiy Districts of the Republic of Mordovia. A total of 19 songs in 29 variations, created between 1989 and 2021, are presented in chronological order. The analysis examines the genres and repertoire of these Mordvin-Moksha songs, including calendar songs, dance songs, round dance songs, wedding songs, as well as non-calendar lyrical-epic and lyrical songs. The collection features both traditional Russian songs and contemporary songs in Mordvin-Moksha and Russian. Notably, there are phonorecords of polyphonic samples of lyric-epic, lyrical, circular, and dance songs, as well as video recordings showcasing the ceremonial reconstruction of the Moksha wedding. Through the examination of this folklore collection, it is concluded that the local Siberian tradition remains vibrant and continues to evolve. The various folklore materials, most of which have been transcribed and translated into Russian, will serve as a foundation for further comprehensive descriptions and textological studies. These materials are included in the national corpus of the Mordvin volume of the academic series "Monuments of folklore of the Peoples of Siberia and the Far East," published by the Institute of Philology of the SB RAS and the Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia.

Keywords

Mordvin-Moksha song folklore, Siberia, local folklore tradition, audio and video recordings of folklore

For citation

Shakhov P. S., Demina L. V. Song folklore of the Mordvin-Moksha of the Tyumen Oblast in phono- and video recordings. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 23–31. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/2

К 100-летию со дня основания с. Калиновка

Настоящая статья посвящена истории фиксации локальной песенной традиции мордвы-мокши, проживающей на протяжении последнего столетия на юго-востоке Тюменской области в с. Калиновка. Внимание авторов в большей степени сосредоточено на описании и характеристике разновременных аудио- и видеоматериалов, которые представляют собой наиболее достоверный источник для последующего комплексного текстологического исследования устной фольклорной традиции сибирского бытования.

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Ознакомиться с фольклорными фоно- и видеоматериалами, приступить к их атрибуции, восстановить хронику фиксации мокшанской переселенческой традиции стало возможным благодаря отзывчивости и помощи коллег: выражаем глубокую благодарность за предоставленные материалы и помощь в их подготовке В. Н. Адаеву, О. И. Выхристюк, Р. Р. Мулачанову, Н. А. Дорогавцеву, А. Петрову, И. В. Зубову, О. Е. Полякову, а также О. Д. Шатуновой и другим участникам мокшанского фольклорного ансамбля с. Калиновка «Ванфтымания», которые стараются сохранить мордовскую песенную культуру в Сибири.

Мокшанские переселенцы Тюменской области

История переселения мордовского населения в Сорокинский район Тюменской области описана тюменскими [Крупин, 2004] и мордовскими [Никонова и др., 2009] этнографами. Формирование мокшанского переселенческого локуса в этом районе началось в 1924 г. и связано с основанной в этом году д. Калиновка. Мордовский крестьянин Иван Петрович Одышев обратил внимание на редко населенную местность и изобилие пустовавших земель в Ишимском уезде Уральской области и, собрав ходоков из числа жителей Краснослободского уезда Пензенской губернии (д. Старая Потьма, Старое Зайцево ныне Краснослободского района и д. Курташки Атюрьевского района), отправился в Сибирь. После успешной поездки было принято решение о переезде на новые земли. Разрешение было получено от председателя ЦИК СССР Михаила Ивановича Калинина, в честь которого и был назван новый населенный пункт. Всесоюзный староста дал переселенцам денежную ссуду на перевозку имущества и домашних животных по железной дороге до станции Ишим и на три года освободил их от уплаты налогов [Никонова и др., 2009, с. 6; Щанкина, 2020а, с. 77–78].

Как отмечают исследователи, в Калиновке сохранились наименования сельских улиц, связанные с населенными пунктами Мордовии, откуда были родом переселенцы: ‘Крхтаж пе’ (с. Курташки Атюрьевского района); ‘Потьма пе’ (д. Старая Потьма Краснослободского района); ‘Зайцерь пе’ (с. Старое Зайцево Краснослободского района) [Щанкина, Никонова, 2019, с. 178]. С. Ю. Крупин также приводит сведения о месте выхода мордовских переселенцев из населенных пунктов, ныне относящихся к Ковылкинскому (Рыбкино, Дергановка, Самаевка, Толковка) и Торбеевскому (Московка) районам Республики Мордовия [Крупин, 2004, с. 148].

История фиксации и песенный репертуар мордвы-мокши с. Калиновка

Первые известные нам фонозаписи песенного фольклора мордвы-мокши Тюменской области выполнены исследовательницей песенной культуры русского населения Среднего Зауралья Л. В. Дёминой [2012] в 1989 г. в селах Калиновка и Большое Сорокино. Это первые аудиообразцы, записанные на магнитную ленту, пока не введенные в научный оборот. Они характеризуют песенную культуру мокшан-переселенцев, сохранивших в Сибири самобытную фольклорную традицию. В аудиокolleкции 1989 г. содержатся следующие записи, сделанные в Калиновке:

- четыре образца лирических и лиро-эпических песен: *Аню, Анюта* ‘Аню, Анюта’, *Бабанень цѣрась Алѣшась* ‘Бабушкин сын Алёша’, *Костень Дарюнесь*

‘Костина Дарьюшка’, *Вай, алашанть фталась, гармонь кармась* ‘Ой, за лошадью гармонь начала [играть]’;

- круговая песня *Кацта неян, мез неян?* (Там вижу, что вижу?);
- плясовая песня (под язык) *Лёли, лёли, лёли, лёли, лёли, ля*;
- версия баллады о гибели оклеветанной жены (на русском языке).

В с. Большое Сорокино Л. В. Дёмина записала ряд фрагментов песенных текстов, относящихся к традиционному русскому фольклору: новогоднее поздравление, свадебное величание жениха, плач невесты, частушки и краковяк, а также образец сказочной прозы (легенда с христианской тематикой о том, как Адама и Еву Господь изгнал из Рая).

В 1990-е гг. благодаря активной деятельности фольклорного ансамбля с. Калиновка «Мокша» / «Ванфтыманя»¹ часть его песенного репертуара была записана на видео пленку. Эти материалы являются ценной визуальной фиксацией носителей традиции во время пения и выполнения обрядовых действий.

1. Первая видеозапись относится к 1994 г. и представляет собой концерт, посвященный 70-летию села, на котором зафиксированы непродолжительные фрагменты выступления мокшанского фольклорного ансамбля (долгая лирическая и плясовая песни «под язык»).

2. Вторую видеозапись сделала телерадиокомпания «Регион-Сибирь» в 1996 г. в рамках подготовки телевизионной передачи «Веселая горница», посвященной Сорокинскому району Тюменской области (автор Л. Бочкарева, режиссер Л. Переплеткина, оператор Ю. Сапчук). В одном из видеосюжетов этой передачи представлена обрядовая реконструкция мокшанского свадебного обряда в исполнении участников фольклорного ансамбля с. Калиновка и жителей села.

3. Фрагменты мокшанской свадьбы с. Калиновка также были записаны на видео пленку в 1997 г. в Новосибирске во время проведения XV Сибирского фольклорного фестиваля, в котором принимал участие мокшанский фольклорный ансамбль «Ванфтыманя». Видеозапись сохранилась в личном архиве основателя фестиваля Оксаны Ильиничны Выхристюк, руководителя фольклорного ансамбля «Красота» Областного центра русского фольклора и этнографии, которая любезно предоставила нам для работы оцифрованные видеоматериалы².

В 2003 г. сотрудниками Тюменского областного краеведческого музея в рамках Музейного фестиваля «Сибирская глубинка – 2003» проводилось изучение мордовской диаспоры, в том числе в целях пополнения музейных фондов. Этнографами В. Н. Адаевым и Г. Б. Быльской были собраны образцы женского мок-

¹ Мордовский фольклорный ансамбль имеет богатую историю. Он был организован в 1962 г. заведующей сельским клубом и библиотекарем Матреной Ивановной Петриковой и носил название по этнониму – «Мокша». С 1986 г. ансамбль возглавила Татьяна Николаевна Петрикова, окончившая Тобольское училище искусств и культуры имени Алябьева. С открытием в 1995 г. Центра мордовской культуры на базе Калиновского сельского дома культуры и библиотеки произошло обновление ансамбля, который в 1997 г. получил новое название «Ванфтыманя» (Берегиня), в него вошла детская группа «Шиня» (Солнышко) [Никонова и др., 2009, с. 80–81].

² Мокшанский ансамбль «Ванфтыманя», приехавший в Новосибирск на XV Сибирский фольклорный фестиваль в 1997 г., также принимал участие в семейном торжестве родителей О. И. Выхристюк, которые в этот период отмечали золотую свадьбу.

шанского костюма³, записаны интервью со старейшими жителями Калиновки, а также три мокшанские песни⁴.

Особо ценным источником при изучении песенных традиций тюменской мордвы-мокши является аудиокolleкция, записанная в 2004 г. Андреем Петровым и Никитой Дорогавцевым в рамках проекта «Нашего Радио» (г. Сургут) «Песни малых народов» [Петров, 2005]. Кроме мокшанской Калиновки участники данного проекта побывали в Тресколье, Нижнем Сортыме Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа, на р. Сыня Ямало-Ненецкого автономного округа. Всего на студийной технике было записано более 30 часов народной музыки манси, ханты и мордвы-мокши. Звукорежиссер проекта Рустам Мулачанов из всего объема записанного материала отобрал и аранжировал 12 песенных образцов, включая две мокшанские песни, электронные обработки которых вошли в состав аудиодиска «Тресколье», выпущенного в 2005 г. при поддержке Департамента по вопросам малочисленных народов Севера ХМАО и Комитета по культуре Администрации Сургутского района.

Позднее, в 2022 г., уточняя подробности проекта «Песни малых народов», удалось выяснить, что в личном архиве звукорежиссера удивительным образом сохранились оригинальные аудиозаписи мокшанских песен – 60-минутная аудиопленка, которая была оцифрована Рустамом Мулачановым и с разрешения руководителя проекта Елены Гончаровой передана нам для дальнейшей работы. Фотографиями также поделился участник мокшанской экспедиции Никита Дорогавцев. Такие выдающиеся находки бесценных источников, сохранившихся в личных архивах собирателей и хранителей полевых материалов, – большая удача, особенно в современное время стремительного угасания фольклорных и языковых традиций.

В коллекции 2004 г. содержится 20 песенных образцов (включая варианты), из них:

- две свадебные песни: *Архциава, тонцят* ‘Сваха ты сама’, *Илять шачи шабанысь* ‘Вечером родится ребенок’;
- календарная (возможно, масленичная) *Путна пень стирнясна* ‘Девушки у них с хорошего конца села’;
- плясовая (под язык);
- две круговые песни: 2 варианта *Кайцта неян, мез неян?* ‘Там вижу, что вижу?’; 2 варианта *Пора домой, Лукерия, со двора* ‘Пора домой, Лукерья, со двора’;
- восемь лирических и лиро-эпических песен: 2 варианта *Ой, кафта пантте* ‘Ой, две горы’; *Вай, шачи сёра, ялгай улелень* ‘Вай, рождающимся хлебом, друг, я была бы’; *Вай, лугат, лугат, пек оцю лугат* ‘Вай, луга, луга, очень большие луга’; *Марьша, Марьша, мазый Марьша* ‘Марьша, Марьша, красивая Марьша’; 3 варианта *Вай, сюдуф, сюдуф, шкаень сюдуф эрзянь авась, нёй* ‘Проклятая, проклятая, богом проклятая эрзянская женщина, нёй’; 2 варианта *Эрзянь Полюнясь* ‘Эрзянка Полюшка’; *Уходи, дякай, сярдянь, душкай* ‘Уходи, дитя мое, болею,

³ Элементы национального мордовского костюма, собранные в рамках музейного фестиваля (сарафаны, фартуки, платок и женская рубаха), в настоящее время хранятся в фондах Музейного комплекса им. И. Я. Словцова (инв. № ТОКМ ОФ-17551, 17552, 17562, 17564, 17565, 20083/4).

⁴ Благодаря помощи В. Н. Адаева нам удалось ознакомиться с письменными стенограммами бесед, расшифрованными С. Ю. Крупинным. К сожалению, оригинальная аудиопленка с записями мокшанских песен пока не обнаружена.

душечка»; ...эхай но, кучка юромста, козе юромти '...эхай но, от простой родни, к богатой родне';

- семь частушек на мокшанском языке.

В 2009 г. в Тюменской области работала историко-этнографическая экспедиция Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск) под руководством Л. И. Никоновой в рамках большого проекта «Мордва России». По результатам работы была подготовлена и опубликована коллективная монография, посвященная истории с. Калиновка, ее материальной и духовной культуре [Никонова и др., 2009]. В издании имеется ряд опубликованных мокшанских песенных текстов, в том числе записанных авторами книги⁵. В настоящее время данная монография представляет собой единственное крупное историко-этнографическое исследование локальной традиции тюменской мордвы-мокши. По результатам экспедиции 2009 г. кроме названной монографии опубликован ряд работ, посвященных истории собирания регионального фольклора [Никонова, 2012], свадебному обряду [Щанкина, 2020б], традиционным праздникам [Щанкина, 2011]. В последней работе тюменские записи рассматриваются в контексте материалов из других сибирских регионов.

В 2019 г. педагоги и студенты Тюменского государственного института культуры под руководством Л. В. Дёминой вновь выезжали в фольклорную экспедицию в Калиновку Сорокинского района. В музее сельского Дома культуры ими собрано достаточное количество предметов быта и женский мокшанский костюм. От местного фольклорного ансамбля на видеокамеру записан обряд проводов весны «Лишмя», а также лирические песни и частушки, что свидетельствует о сохранности элементов традиционной мордовской культуры в с. Калиновка.

В рамках изучения современного состояния и исторической динамики мокша-мордовских фольклорных традиций Тюменской области в 2021 г. полевое исследование Сорокинского района было проведено П. С. Шаховым⁶: изучены материалы Государственного архива Тюменской области, Музейного комплекса имени И. Я. Словцова, а также «Центра мордовской культуры» с. Калиновка, проведено интервьюирование жителей села и участников фольклорного ансамбля «Ванфтымания», записаны образцы песенного фольклора⁷, тексты заговоров на мокшанском языке (от занозы, от ожога), а также сведения о свадебном обряде и календарных праздниках мордвы-мокши. В архиве сельского клуба обнаружены сохранившиеся видеозаписи ансамбля 2005 и 2008 гг., сделанные на Областном

⁵ Для последующего фольклористического исследования представленные в монографии песенные тексты имеют дополнительный характер, поскольку в большей степени основываются на рукописных материалах архива сельского клуба.

⁶ Сбор фольклорных материалов и исследование проводились в рамках «мегагранта» ИФЛ СО РАН по проекту «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» (№ 075-15-2019-1884).

⁷ Круговые песни *Кайцта неян, мезе неян?* (Там вижу, что вижу?), *Кавто цёрат тикше ледить* (Два парня сено косили), авторская песня на мокшанском языке *Семань ульце*, а также популярные авторские песни XX в., распространенные в русской народно-исполнительской среде: «Над полями», «Березоньки», «Вишня под окном», «Сталинки», «Земля целинная», «Виновата ли я?» и др.

фестивале национальных культур «Мост дружбы» (г. Тюмень), а также студийные аудиозаписи 2014 г., выполненные в с. Большое Сорокино⁸.

Заключение

Таким образом, в настоящее время благодаря проведенной поисковой работе нам удалось собрать корпус аудио- и видеозаписей мокшанского песенного фольклора с. Калиновка, сделанных в период с 1989 по 2021 г. Это позволило сформировать достоверную разновременную источниковую базу по разным стилистическим пластам одной из локальных переселенческих традиций мордвы-мокши Западной Сибири, имеющей вековую историю.

Особую ценность имеют фонозаписи многоголосных образцов лиро-эпических, лирических, круговых и плясовых песен, а также видеозаписи с образцами обрядовой реконструкции мокшанской свадьбы.

Собранные фоно- и видеоматериалы, часть которых расшифрованы и переведены на русский язык⁹, составят основу для дальнейшего комплексного описания и текстологического изучения локальной песенной традиции сибирских переселенцев. Сформирована часть мокшанского национального корпуса мордовского тома академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», совместную работу по подготовке которого ведут сотрудники Института филологии СО РАН и Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Список литературы

Дёмина Л. В. Феномен песенной культуры русского населения Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... д-ра культурологии. Челябинск, 2012. 39 с.

Крутин С. Ю. Мордовская деревня на юге Западной Сибири (проблемы этнической адаптации) // Словцовские чтения: Материалы докладов и сообщений XVI Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. Ч. 1. С. 148–150.

Никонова Л. И. Поволжье и Сибирь: к вопросу собирания и изучения регионального фольклора (по результатам этнографической экспедиции 2009 г.) // Фольклор как средство этнокультурного образования школьников в полиэтническом регионе: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. М. Г. Заббарова. Ульяновск: УлГПУ, 2012. С. 159–165.

Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Шерстобитова Ж. В. Мордва Западной Сибири: В 2 ч. / Под ред. В. А. Юрченкова. Саранск: Красный Октябрь, 2009. Ч. 1: Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции. 112 с.

⁸ На студии звукозаписи Сорокинского Дома культуры участники фольклорного коллектива «Ванфтыманя» записали три песни: «Семань ульця», «Вай, паксяса, вай, паксяса», «Эх, мордовочка моя!»

⁹ Работа по расшифровке и переводу на русский язык мокшанских аудиокolleкций с. Калиновка 1989 г. и 2004 г. осуществлялась в рамках проекта РНФ № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (2022–2024 гг.) при непосредственном участии И.В. Зубова и О.Е. Полякова.

Петров А. В Калиновке, слышав голосок... // Национальные культуры региона: Научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Тюмень: Комитет по делам национальностей Тюменской области, 2005. Вып. 9. С. 42–44.

Щанкина Л. Н. Традиционные праздники мордовских переселенцев Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 5. С. 305–313.

Щанкина Л. Н. Крестьянское переселение в Тюменскую область в устных историях мордвы // Modern science. 2020a. № 5–4. С. 77–80.

Щанкина Л. Н. Свадебные обряды по устным рассказам мордовских переселенцев Тюменской области в XX – начале XXI в. // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: Материалы Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф. В. И. Дулова. Иркутск: Оттиск, 2020б. С. 40–45.

Щанкина Л. Н., Никонова Л. И. Топонимия в местах проживания мордвы на территории Сибири // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 4 (52). С. 174–179.

References

Demina L. V. *Fenomen pesennoy kul'tury russkogo naseleniya Srednego Zaural'ya* [The phenomenon of song culture of the Russian population of the Middle Urals]. Abstract of Dr. cultur. sci. diss. Chelyabinsk, 2019, 39 p.

Krupin S. Yu. Mordovskaya derevnya na yuge Zapadnoy Sibiri (problemy etnicheskoy adaptatsii) [Mordovian village in the south of Western Siberia (problems of ethnic adaptation)]. In: *Slovtsovskie chteniya: materialy dokladov i soobshcheniy 16 Vserossiyskoy nauch-praktich. kraeved. konf.* [Slovtsovsky reading: materials of reports and messages of the 16 All-Russian Scientific and practical local history conference]. Tyumen, TyumSU, 2004, pt. 1, pp. 148–150.

Nikonova L. I. Povolzh'e i Sibir': k voprosu sobiraniya i izucheniya regional'nogo fol'klora (po rezul'tatam etnograficheskoy ekspeditsii 2009 g.) [Volga region and Siberia: on the aspect of collecting and studying regional folklore (based on the results of an ethnographic expedition in 2009)]. In: *Fol'klor kak sredstvo etnokul'turnogo obrazovaniya shkol'nikov v polietnicheskom regione* [Folklore as a means of ethnocultural education of schoolchildren in a multiethnic region. Materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Zabbarova M. G. (Ed.). Ulyanovsk, UISPU, 2012, pp. 159–165.

Nikonova L. I., Shchankina L. N., Sherstobitova Zh. V. *Mordva Zapadnoy Sibiri: v 2 ch.* [Mordvins of Western Siberia: in 2 pts.]. Yurchenkov V. A. (Ed.). Saransk: Republican printing house "Krasnyy Oktyabr", 2009, pt. 1: Selo Kalinovka: sibirskaya istoriya i mordovskie traditsii [Kalinovka village: Siberian history and Mordovian traditions]. 112 p.

Petrov A. V. Kalinovke, zaslyshav golosok... [In Kalinovka, hearing a voice...]. In: *Natsional'nye kul'tury regiona: nauchno-metodicheskiy i repertuarno-informatsionnyy al'manakh*. [National cultures of the region: scientific-methodological and repertoire-information almanac]. Tyumen, Komitet po delam natsional'nostey Tyumenskoy oblasti, 2005, iss. 9, pp. 42–44.

Shchankina L. N., Nikonova L. I. Toponimiya v mestakh prozhivaniya mordvy na territorii Sibiri [Toponymy in the places where Mordvins lived in Siberia]. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019, no. 4 (52), pp. 174–179.

Shchankina L. N. Krest'yanskoe pereselenie v Tyumenskuyu oblast' v ustnykh istoriyakh mordvy [Peasant migration to the Tyumen region in the oral histories of the Mordvins]. *Modern science*. 2020a, no. 5–4, pp. 77–80.

Shchankina L. N. Svadebnye obryady po ustnym rasskazam mordovskikh pereselentsev Tyumenskoy oblasti v 20 – nachale 21 v. [Wedding rituals according to oral stories of Mordovian settlers of the Tyumen region in the 20th – early 21st centuries]. In: *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost'* [Siberia in a changing world. History and modernity. Materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Prof. V. I. Durov]. Irkutsk, "Ottisk", 2020b, pp. 40–45.

Shchankina L. N. Traditsionnye prazdniki mordovskikh pereselentsev Sibiri [Traditional holidays of Mordovian settlers of Siberia]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, no. 5, pp. 305–313.

Информация об авторах

Павел Сергеевич Шахов, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Лилия Васильевна Дёмина, доктор культурологии, профессор факультета музыки, театра и хореографии Тюменского государственного института культуры (Тюмень, Россия)

Information about the authors

Pavel S. Shakhov, Candidate of Arts, Senior Researcher, Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Lilia V. Demina, Doctor of Culturology, Professor, Faculty of Music, Theater, and Choreography, Tyumen State Institute of Culture (Tyumen, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 03.06.2024;

одобрена после рецензирования 19.06.2024; принята к публикации 19.06.2024

The article was submitted on 03.06.2024;

approved after reviewing on 19.06.2024; accepted for publication on 19.06.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Научная статья

УДК 811.511.151

DOI 10.17223/18137083/89/3

Екиук: об одном наименовании лешего в марийском фольклоре

Мария Аркадьевна Ключева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории имени В. М. Васильева
Йошкар-Ола, Россия

Институт системного программирования имени В. П. Иванникова
Российской академии наук
Москва, Россия

keymachine@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7518-1649>

Аннотация

Исследуется происхождение слова *екиук* ‘леший’ в марийском языке (~ северо-западный *экиўк*, *экиўк*, *екиўк*, *екиук*, *ексюк* ‘леший’ ~ бранное слово в луговом наречии *екиўк*, *йёкиўк*). Рассмотрены лингвистические источники и фольклорные материалы, в том числе редкие, архивные, которые впервые вводятся в научный оборот. Установлено, что ареалом распространения лексемы являются преимущественно западные диалекты марийского языка. В результате анализа горномарийского слова *экиук* ‘леший’ в контексте русской диалектной лексики (названий лешего типа *лес*, *ёлс*, *лешук*, русских фамилий типа *Екиуков*, *Екиаков*, *Евиуков*, *Епсуков*, *Елсуков*, названий деревень типа *Екиаково*, *Елсуки*, *Елсуковицина*) делается вывод о заимствовании мифонима *екиук* в марийском языке из русских диалектов.

Ключевые слова

финно-угорские языки, марийский язык, марийский фольклор, мифонимы, русские диалекты, заимствования, этимология, языковой субстрат

Для цитирования

Ключева М. А. *Екиук: об одном наименовании лешего в марийском фольклоре* // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 32–46. DOI 10.17223/18137083/89/3

© Ключева М. А., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 32–46

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 32–46

***Ekshuk*: about one denomination of the wood goblin in Mari**

Maria A. Klyucheva

Mari Research Institute of Language, Literature
and History named after V. M. Vasilyev
Yoshkar-Ola, Russian Federation

Ivannikov Institute for System Programming
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

keymachine@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7518-1649>

Abstract

The origin of the word *ekshuk*, one of the specific names of the *leshy* (the forest spirit) in the Mari language, is under study. The topic is explored using linguistic sources and folklore materials, including rare ones that are newly introduced. The lexeme area, particularly Western Mari dialects, is established. The analysis has revealed the mixing of the word *ekshuk* with the Eastern Mari *jekysuko* (all evil, diseases). We suggest that these lexemes are of heterogeneous origin and should be analyzed separately. Further consideration of the Hill Mari *ékshuk*, or the North-Western Mari *ékshyk*, *ékshök*, *ékshyk*, *ékshuk*, *eksyuk*, or the Meadow Mari *ékshyk*, *yökshyk*, is made in the context of Russian dialect vocabulary. This vocabulary includes various terms used to designate “leshy” in Russian dialects, including *les*, *yols*, *leshuk*, Russian surnames Ekshukov, Ekshakov, Evshukov, Epsukov, Elsukov, or the village names such as Ekshakovo, Elsuki, Elsukovschina, and others. The account is taken of the regular character of the phonetic transitions *s>š*, *l>v*, *p/b>g/k*, *e->yo-* and metatheses *le~el-* in Russian dialects and Finno-Ugric languages. Given the above, a conclusion is made that the Mari language mythonym *ekshuk* is a borrowing from Russian dialects: rus. *les* > rus. *yols* (devil, leshy) > **elsuk*/**evshuk*/*epsuk* > mari *ekshuk*. Thus, this name of *leshy*, along with the Hill Mari *shishigä*, *shigä*, *léshä* and North-Western Mari *leshäk* is included in the group of Mari mythonyms of Russian origin. The etymology of the Eastern Mari *ekysuko* (all evil, disease) remains an open question.

Keywords

Finno-Ugric languages, Mari language, Mari folklore, mythonym, Russian dialects, borrowings, etymology, language substrate

For citation

Klyucheva M. A. *Ekshuk*: about one denomination of the wood goblin in Mari. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 32–46. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/3

В данной статье исследуется происхождение мифонима *екишук*, это одно из наименований лешего в мари́йском языке. Исследование проводится на основе широкого круга источников: лингвистических, фольклорных, этнографических, в том числе редких, архивных, которые впервые вводятся в научный оборот.

В словарях мари́йского языка исследуемое слово определяется следующим образом:

- *екишукъ* ‘сатиръ’ (Дамаскин, 1785) (Эрм. собр. № 218, л. 288 об.);
- *екишук* (= *арыптыш*) ‘леший (дух)’ (Троицкий, 1894, с. 9);
- мар. Г *je-k’šùk* ~ *ékiшuk* ‘лесной бог’ (нем. *der Waldgott*) (Ramstedt, 1902, S. 30);
- мар. Г *йэкишук* ‘чертенок (дух)’ (Шорин, 1920, с. 31);

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

- *йэкиўк* (мар. Г), *таргылдыш* (мар. Л), *йакиыйвай* (мар. В), *тарвылдыш*, *эрымтыш*, *кылтымаш* ‘леший’ (Васильев, 1926, с. 320);
 - мар. Г *йэкиук* ‘чертенек, бесенок по верованию суеверных людей’ (Эпин, 1935, с. 29);
 - мар. Г *екиук* – 1. ‘миф. леший, нечистый дух’; 2. ‘непоседа’ (Саваткова, 1981, с. 31; 2008, с. 51);
 - *екиўк* ~ мар. Г *экиук* – 1. миф. ‘леший, лешак’; 2. мар. Г перен. ‘непоседа’; там же производный глагол мар. Г *екиукланаш* ‘быть непоседой’ (СМЯ, т. 1, с. 433); причем согласно картотеке СМЯ и Национальному корпусу марийского языка (КМЯ) в луговом наречии *екиўк*, *кожла екиўк* (*кожла* ‘лес, лесной’) и *йёкиўк* фиксируется только как бранное междометие в произведениях марийских писателей – носителей волжского (*йёкиўк*) и моркинско-сернурского (*екиўк*, *йёкиўк*) говоров мар. Л;
 - мар. СЗ *je-kʰšuk* ~ *йекиўк*, *je-kʰšək* ~ *йекишк*, мар. Г *je-kʰšuk* ~ *йекишук* 1. ‘лесной дух (живущий в болотистом лесу)’ (мар. СЗ, яранский говор, с. Люм-панур Яранского у. Вятской губ. ~ ныне Санчурского муниципального округа Кировской обл.), 2. ругательство (особенно для мальчиков, которые во всё суют нос) (мар. Г, с. Еласы) (Moisio, Saarinen, 2008, S. 176);
 - мар. Г *je-kʰšuk* ~ *экиук* д. Архипкино (ныне с. Владимирское Горномарийского р-на РМЭ), мар. Л волж. *ʰje-kʰšū-k* ~ *ʰйекиўк* (д. Кукшнур ныне Моркинско-го р-на, д. Большие Маламасы ныне Звениговского р-на РМЭ), мар. В *d'ekāsuko* ~ *d'ekysukó* (д. Сарси, ныне Сарсы ныне Красноуфимского гор. округа Свердловской обл.), бирск. *jəkāsuko* ~ *йекысуко* (д. Старый Орьебаш, Старояшево ныне Калтасинского р-на Башкортостана) – 1. ‘дух леса’ (нем. Waldgeist) (Старый Орьебаш, мар. Г); 2. ‘дух, который также находится в заброшенных банях, он также появляется в человеческом облике или в виде красивой девушки’; 3. бранное слово (нем. Schimpfwort) (мар. Л волж., д. Большие Маламасы). В языковых примерах сообщаются подробности, что *екиук* вылезает из оврага, пугает; он есть в лесу, приходит с ветром к костру, разметывает огонь заночевавших в лесу грибов (д. Архипкино, мар. Г) (Beke, t. IV₂, S. 392–393)¹.
- Обратим внимание, что в последнем источнике – словаре Э. Беке – в ряд с мар. Г *екиук* и мар. Л *екиўк* поставлено слово восточного наречия *екысуко* как диалектное соответствие, тогда как у В. М. Васильева (и в ряде других словарей марийского языка) оно вынесено в отдельную словарную статью как гетерогенное к *екиук*:
- *йэкэ суко* ‘всякая нечисть’: «*Йэкэ суко инжэ пуро*» маньн, пасу капка вуй-эш, кўар вуйэшат пизлэ пўгём йиштэн шогалтат (йрым) ‘Чтобы всякая нечисть не проникла, на полевые ворота и на мосту устанавливают дугу из рябины (суеве-рие)’ (Васильев, 1926, с. 320);
 - *екысуко* – миф. диал. ‘всякая нечисть, болезни’ (СМЯ, т. 1, с. 433); встречается в произведениях марийских писателей – уроженцев Башкирии (мар. В);
 - *екесуко* ‘дрянь, дрянной человек’, *икесуко* ‘странноватый, не совсем понят-ный, относительно ума находящийся в каком-то пограничном состоянии’ (д. Унур-Киясово (*Уськур*) Киясовского р-на Удмуртии) (Вершинин, 2011, с. 109, 97).
- Ни в одном источнике (в том числе и в языковых примерах у самого Э. Беке, и в его публикациях фольклорных текстов (Beke, 1961, S. 174–175)) значение ‘леший, чёрт’ у слова восточного наречия не зафиксировано. Тем не менее вслед

¹ Все переводы в статье с марийского и других языков здесь и далее наши. – М. К.

за Беке в этнографических работах появляются следующие смешанные толкования: “*ekšuk*. ‘Этот дух леса приходит ветром и рассеивает огонь людей, которые проводят ночь в лесу. Чтобы преградить этому духу путь, поверх ворот в поле и на мостах кладут ветки рябины’ (Sebeok, Ingemann, 1956, p. 62). В этом источнике наименование персонажа, значение слова и первый пример (о том, что этот дух порывом ветра гасит костер в лесу) взяты из горномарийских материалов Э. Беке (на что есть и ссылка), а второй (об обереге-рябине) – из словарной статьи *йэкэ суко* ‘всякая нечисть’ (мар. В) словаря В. М. Васильева. Причем эта восточная (диалектная, в понимании Э. Беке) форма слова *екиук* в книге Т. А. Шебеока и Ф. Й. Ингеманна даже не приводится.

Аналогично *екиук* и *екусуко* представлены как варианты одного слова в (Ситников, 2006, с. 38; Вершинин, 2017, с. 116).

Но, рассмотрев все примеры словоупотреблений, значения и оттенки значений, оценив степень фонетических отличий западного и восточного слова, мы считаем, что нельзя априори считать их гомогенными (т. е. разделяем точку зрения В. М. Васильева и И. С. Галкина, вопреки представлению Э. Беке). В. М. Васильев записывает *йэкэ суко* раздельно, т. е. воспринимает как словосочетание (и этимологизировать надо два корня!), тогда как морфология слова *екиук*, скорее всего, простая: корень *еки-* ‘неизвестное значение’ + уменьш. суф. -ук. Таким образом, этимологический анализ мар. Г *екиук* (~ мар. Л *екиўк*) и мар. В *екусуко* должен проводиться автономно. Предметом нашего исследования в данной статье является этимология только западного слова, и полученные выводы не могут быть непосредственно перенесены на созвучные лексемы восточного наречия.

Литература по этимологии марийского *екиук* скудна. К исконным финно-угорским оно не относится, отсутствует в базах финно-угорской лексики, таких как (Rédei, 1988). Первую попытку его объяснения сделал М. Ряснен в работе 1920 г., связав мар. Г *je-kʷšuk* с чув. *jəksək* ‘дрянь’ ~ *jyksyk* ‘гад, гадина’ (бранное слово). Причислив мар. Г *екиук* к заимствованиям из чувашского, М. Ряснен добавляет: «Я подозреваю, что мифологическое значение этого слова более оригинально, как это обычно бывает со словами, первоначально обозначающими мифологическое существо, а затем употребляемыми в качестве ругательств» (перевод с нем.) (Räsänen, 1920, S. 241–242). В дальнейшем у М. Ряснена в его словаре 1969 г., как и в других фундаментальных этимологических словарях тюркских языков, чув. *йёксёк* с мар. *екиук* уже никак не связывается, и чувашскому слову дается тюркская этимология: от *jäk* < *jē* ‘есть, жрать’ (Räsänen, 1969, S. 194–195). Согласно ЭСТЯ, чув. *йёксёк* ‘негодяй, дрянь’ заимствовано из какого-то татарского диалекта, при литер. тат. *жик* в выражении *жик булу* ‘измучиться’ < ОТю *йек* ‘дьявол, шайтан; гад, гадина’ < ДТю *jek* ‘демон’ (ЭСТЯ, 1989, с. 170–171). В. И. Вершинин, сопоставляя марийское слово с чувашским, продолжает задаваться вопросом о направлении заимствования («Всё же из тюрк.?») (Вершинин, 2017, с. 116). Тем не менее тюркские связи марийского слова *екиук* в надежных лингвистических источниках не подтверждаются.

Обсуждение

Каков же генезис *екиук* (*екиўк*, *йёкиўк*) в марийском языке? Прежде всего следует отметить явную периферийность персонажа с именем *екиук* / *екиўк* в марийском фольклоре. Так, он не рассматривается, даже не упоминается ни Л. С. Тойдыбековой в ее фундаментальных работах по марийской мифологии,

например [Тойдыбекова, 1997], ни в новейшей диссертации «Система мифологических персонажей в репрезентации идентичностей современных марийцев» [Устьянцев, 2022]. В диалектологическом словаре Э. Беке слово фиксируется далеко не у всех информантов: из шести его горномарийских информантов о *екишке* говорит только один; в луговом наречии слово зафиксировано только в волжском говоре (и тоже только у одного информанта). В северо-западном наречии фиксируется только в материалах Ю. Вихманна (Moisio, Saariinen, 2008), отсутствует (!) в (Иванов, Тужаров, 1971), но изредка встречается в записях фольклористов 2-й половины XX в.

В частности, в 1961 г. В. А. Акцорин записал в д. Кузьмино Юринского р-на Марийской АССР (ареал мар. СЗ) игру с самодельными тряпичными куклами в водяного духа (*вйт овда*), и слово *екишук* там появляется единожды в следующем контексте: <...> *Вйт-овда екишукт лизш. Всякий лин мошта*. ‘Водяная овда и екишук бывает. Всякой умеет быть <...>’ (инф. Митюшин Геннадий Николаевич, 1927 г. р.) (МФЭ-61 № 20, л. 43–44, № 109). Наименование лешего, чёрта словами *екишук*, *екишук*, *ексюк* фиксируется фольклористами в быличках у мари в северо-восточных районах Нижегородской обл. в 1990–1991 гг. [Морохин, 1994, с. 177–178, 196], что соответствует ареалу мар. СЗ). (Но фонетическая точность фольклорных записей этого слова в мар. СЗ под вопросом.) Редкость слова и текстов с ним, его не общемарийский характер косвенно указывает на то, что это локальное заимствование в контактных зонах с иноэтническим населением.

Исходя из ареала диалектного распространения *екишук* ‘леший’ в марийском фольклоре (мар. Г, мар. СЗ), в первую очередь обращаем внимание на фольклор нижегородских русских, в котором обнаруживается следующая быличка: «По определенным местам ходили невидимые “*екишухи*”. Они могли напасть на человека, даже сорвать крест. Или: везут из леса дрова в санях. Лошадь до пота тянет – воз не двигается. Мужик перекрестится, но это мало помогает. Тогда перепрыгают лошадь: хомут и дугу надевают задом наперед. Тогда *екишух* хлопает в ладоши и кричит: “А, догадались!”» (п. Шаранга) (Мифологические рассказы..., 2007, с. 87, 346). В комментариях к быличке указано: «Поверье записано от русского информанта, проживающего в русско-марийском селении. Речь идет явно о персонаже марийской мифологии, но сюжетные ситуации типичны для русских быличек» (Мифологические рассказы..., 2007, с. 346). По уточнениям Н. Б. Храмовой, одного из составителей данного сборника (в личной переписке), «в сборнике неверно напечатано “*екшух*”. В тетради написано “*екшук*”, “х” собиратель пишет совсем по-другому». Во-вторых, в оригинале (материалах, записанных студентом-практикантом самостоятельно) не указана национальность информанта, но данный текст входит в раздел, который обозначен им в рукописи как «Марийские обычаи», и там среди прочих материалов приводится и марийская лексика (имена богов). Поэтому, как резюмирует Н. Б. Храмова, нет уверенности, что «быличка из сборника записана от русского информанта. Хотя К. Е. Корепова, которая в те годы руководила практикой, сказала, что она просила студентов не записывать материалы от не русских информантов, т. к. она изучала только фольклор русского населения». В картотеке нижегородских диалектологов, как и в СРНГ, «ничего подобного *екишухе*» не обнаружено, т. е. это слово, с точки зрения русских диалектологов, марийское, и как русское диалектное не фиксируется. Таким образом, по имеющимся данным, мы не видим, что слово *екишук* пришло в марийский язык из фольклора нижегородских русских. Скорее можно говорить о заимствовании в обратном направлении.

Однако слово *екишук* (ударение, предположительно, на у) всё же было известно в русских диалектах, если учесть данные антропонимики (русские фамилии) и топонимии (наименования деревень Средней полосы России и Русского Севера). Так, в русских документах XVI в. зафиксирована фамилия *Екишук* коломенского «литвяка» («Юрьи Есипов сын Екшуков») (Десятни XVI в., Коломна, 1577) (Описание документов..., 1891, с. 28). А фамилия Екшаков (с иной огласовкой предположительного суффикса: *екишак* ~ *екишук*) известна в с. Кукнур Яранского у. Вятской губ. (ныне Сернурского р-на РМЭ) (1914 г.)². Деревни с названием Екшаково фиксируются в Романов-Борисоглебском у. Ярославской губ. (1843 г.) (ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 455. Оп. 2РБ-3. Д. 1475)³, в Красноборском р-не Архангельской обл. (в настоящее время офиц. название Якшаково)⁴, д. Екшакова в Устюжском у. Новгородской губ. (на 1775 г.)⁵. Далее к *Екишук* и *Екишак* выстраивается целый ряд похожих современных русских фамилий, которые обнаруживаются в Интернете при простом поиске Яндекс: *Екишак* (2 аккаунта ВКонтакте), *Ексаков* (4 аккаунта ВК), *Епсаков* (1 ВК)⁶, *Епсуков*⁷, *Евишук* (9 ВК), *Евишак* (47 ВК), *Евсаков* (10 ВК), *Евсуков* (117 ВК), *Елсуков* и *Ельсуков* (ок. 3187 ВК), *Елишук*⁸, *Елишак*⁹, *Ельшак*¹⁰ и т. п.

² Вятка: наследие.... сайт по истории и генеалогии Вятской губернии. URL: http://urzhum-uezd.ortox.ru/urzhumskijj_uezd_genealogija/view/id/1212647 (дата обращения 27.01.2023).

³ Интернет-портал Архивной службы Ярославской области. URL: <https://af.yar-archives.ru/archive1/unit/10000543504> (дата обращения 27.01.2023).

⁴ 1418 шагов по дороге памяти: музейный комплекс (сайт). URL: <https://1418museum.ru/heroes/57438664/?SEARCH=Y> (дата обращения 27.01.2023).

⁵ Генеалогический форум ВГД (Всероссийское Генеалогическое Древо: интернет-портал). URL: <https://forum.vgd.ru/566/84734/> (дата обращения 27.01.2023): «Книга записная Устюжского уезду Двинской трети Уфтыжской Верхней Троицкой церкви священника Тимофея Прокопиева коликое число тоя церкви у приходских людей младенцев родилось и кто восприемники были, и бракосочетавшихся, и умерших кто имянно, в сей книге показано на три части порознь имянно.

Часть первая о рождающихся [в] 1775 году

№ 7. 27 апреля деревни Екшакова женка вдова Анна Потапова дочь Большаковых принесла (sic!) незаконного сына Василия, а прижила деревни Никольской с крестьянином Иваном Рудаковым, с женатым. Крещен мною священником Тимофеем того ж числа. Восприемники были Кирик Рядовцев, девка Васса Нетунаевых».

⁶ SCANBE.io: сервис для поиска данных о человеке по открытым базам данных. URL: https://scanbe.io/ru/people/ye/l/epsakov/s/epsakov_illya/epsakov_illya_oleksandrovich (дата обращения 27.01.2023).

⁷ Информация с сайтов: Русские мемориалы в Латвии. URL: <http://voin.russkie.org.lv/rozes.php>; Фанпарк «Бобровый Лог». URL: <https://bobrovlog.ru/news/itogi-snezhnykh-bobronavtov-iii-etap-gornye-lyzhi-4-7-let-i-ii-etap-snoubord-4-13-let/> и др. (дата обращения 27.01.2023).

⁸ Генеалогический форум ВГД (Всероссийское Генеалогическое Древо: интернет-портал). URL: https://forum.vgd.ru/1361/46931/0.htm?a=stdforum_view (дата обращения 27.01.2023).

⁹ 1418 шагов по дороге памяти: музейный комплекс (сайт). URL: <https://1418museum.ru/search/?q=елшаков> (дата обращения 27.01.2023).

¹⁰ 1418 шагов по дороге памяти: музейный комплекс (сайт). URL: <https://1418museum.ru/search/?q=ельшаков> (дата обращения 27.01.2023).

Фонетические соответствия, по которым мы произвели отбор этих фамилий, а именно: *л ~ в*, *б / п ~ з / к*, *с ~ ш* – есть и в русских диалектах, и в финно-угорских языках, например:

л ~ в (нерегулярные преобразования *л > в* в русских диалектах для исконных слов; регулярные соответствия *l / v < ПФУ *lv* в исконной лексике финно-угорских языков): волог. *евшина* ‘ольха’ и *евшинник* ‘ольховый лес’ (СРНГ, т. 8, с. 314) < *елишина* ‘ольха’ (Волог., Вят., Костром., Пск., Новг., Влад.), *ёлишина* ‘то же’ (Волог., Вят.), *елишинник* ‘ольховый лес’ (Влад., Волог., Вят., Костром., северное) (СРНГ, т. 8, с. 350) < ПС **elbša, *elbšina* (ЭССЯ, вып. 6, с. 25); мар. *теле*, удм. *тол* ~ коми *тёв* ‘зима’ < ПФУ **tälwä* (Rédei, 1988, S. 516), мар. *пыл* ‘облако’, удм. *тилем* ~ коми *пыв* < ПФУ **pilwe* (Rédei, 1988, S. 381);

б (~ в) / п ~ з / к (нерегулярный переход *б ~ в*, *б > з*, *п ~ к* в исконной лексике и в заимствованиях в русских диалектах; билабиальный характер марийского звука *β* (между рус. губно-зубным *в* и взрывным губно-губным *б*), нерегулярный переход *п (б, ф) > к* в заимствованиях в марийский из русского): рус. *волнушка* > рус. диал. *болнушка*, *берлога* > *верлога*, *бусеть* > *зусеть* ‘покрываться плесенью’, *вобла* > *вогла*, *болозень* ‘мозоль’ > *голозень*, *бульба* > *гульба* ‘картошка’, *племянница* > *клемянница*, *киса* ‘котомка из кожи’ > *писа* (Михайлова, 2013, с. 8, 338, 249), рус. *лапша* ~ диал. *локша*, *лохша* (< тюрк. (Фасмер, т. 2, с. 460)); рус. *лапта* (название игры) < ПС **laphta*: (ЭССЯ, вып. 14, с. 32)) > рус. диал. *локта* (Вят., 1907) (СРНГ, т. 17, с. 114), *лахта* (Перм.), *лохта* (Перм., Вят.) (СРНГ, т. 16, с. 296); рус. *бумага* (< итал. < иран. (Фасмер, т. 1, с. 241)) > рус. диал. *гумага* (СРНГ, т. 7, с. 226) > мар. диал. *кымага*, рус. *буфет* (< нем. < франц. или ит. (Фасмер, т. 1, с. 254)) > мар. *зунет* [Саваткова, 1969, с. 28] ~ мар. *буфет* (СМЯ, т. 1, с. 169), рус. *бабка* (< ПС **baba* (ЭССЯ, вып. 1, с. 105–108)) > мар. *капке* ‘бабки (игра)’ (Исанбаев, 2014, с. 44) ~ мар. *напка* ‘гриб (обабок)’, ‘стропило’ (СМЯ, т. 5, с. 34) (в современной орфографии *напке*), рус. *перемет* (название народной игры типа лапты) (< ПС **per* + ПС **metati* (ЭССЯ, вып. 42, с. 106; вып. 18, с. 112–115)) > мар. *керемеч* (Васильев, 1926, с. 101); [Ключева, 2016, с. 95–96], рус. *фуфайка* > рус. диал. *куфайка* (СРНГ, т. 16, с. 180) > мар. Г *куфайкы*, *фуфайка*, *фуфайкы*, *фифатъкы* (Саваткова, 2008, с. 53, 305) (*ф* > мар. *п*), рус. *заступ* (< ПС **stōpati*: (ЭССЯ, вып. 23, с. 88)) > мар. *састук* ~ мар. Г *застук* ‘железная лопата’ (СМЯ, т. 6, с. 160);

с ~ ш (регулярное чередование *с / ш* в русском как наследие йотовой палатализации **sj > *š* в праславянском, нерегулярные переходы *с ~ ш* в русских диалектах в исконной лексике и заимствованиях; аналогично флуктуация *ш ~ с* в марийских диалектах в исконной лексике и в заимствованиях¹¹): рус. *лес* > *леший*, *весна* > *вешний*, *носить* > *ношу* и т. п., рус. *слепень* ~ диал. *шлепень*, рус. *брусника* > диал. *брусница* > *брушница*, рус. *спирт* > диал. *шпирт*, рус. *маскарад* > диал. *машкара*, рус. *шелушить* > диал. *салушить*, рус. *поршни* ‘обувь из кожи’ > диал. *боршни* > *борсни*, рус. *штраф* > диал. *страф* и др. (Михайлова, 2013, с. 344, 313,

¹¹ В марийском языке регулярный характер носит переход исконных свистящих в шипящие. В ранних заимствованиях из тюркских и русского этимологический *с* тоже регулярно переходит в мар. *ш*. Но в заимствованиях из татарского и русского более позднего времени (примерно с XIV–XV вв.) исходный *с*, как правило, сохраняется, например: мар. *осал* ‘плохой’ < тат. *усал*, мар. *стакан* ‘стакан’ ~ диал. *сакан* < рус. *стакан*. При этом в марийских диалектах в отдельных словах встречаются отклонения от этих регулярных закономерностей (диал. *с ~ в* в большинстве диалектов *ш* и наоборот) [Грузов, 1969, с. 192–195].

345, 333, 348, 54, 349); мар. *шулаш* ‘таять’ ~ диал. малм. *сулаш* (< ПФУ **sula* (Rédei, 1988, S. 450–451)), мар. *шолышташ* ‘красть’ ~ мар. малм. *солышташ* (< ПУ **sala* (Rédei, 1988, S. 458–459)), мар. *шинча* ‘глаз’ ~ мар. Г *сѣнзѣ* (< ПУ **šilmä*) (Rédei, 1988, S. 479)), мар. *шовын* ‘мыло’ ~ диал. *совын*, *шавын*, *шавынъ* (Beke, t. IV₇, S. 2402) < тюрк. (чув. *супан*, тат. *сабын*) (Федотов, 1996, т. 2, с. 64), мар. *тасма* ‘тесма’ ~ диал. *ташма*, *тәшмә* (Beke, t. IV₈, S. 2691) < тат. *тасма* (< перс.) [Грузов, 1969, с. 291–195], мар. *шога* ~ диал. *сога*, *шага* (Beke, t. IV₇, S. 2408) < рус. *соха*, мар. *кышал* ~ диал. *кысал*, *кѣшәл*, *кѣсәл*, *кис’ал* (Beke, t. IV₃, с. 755) < рус. *кисель* [Саваткова, 1969, с. 37].

Исходной для данного ряда представленных фамилий¹² является, как мы полагаем, самый частотный фонетический вариант – основа типа **елс-* (*елиш-*, *ельс-*, *ельш-*) с уменьшительным суффиксом *-ук* / *-ак*.

Точно совпадает с этой основой рус. диал. *ѣлс* ‘леший, чёрт’ (Костром., Ярослав.) (СРНГ, т. 8, с. 348; ООВС, 1852, с. 64) – слово, которое О. Б. Ткаченко считает мерянским наследием в русском языке¹³, вместе с тем его происхождение наиболее логично объясняется как результат метатезы от рус. *лес* ‘леший; обращение к хозяину леса’ (Олон., Смол., Костром., Пск.) (СРНГ, т. 16, с. 368)¹⁴. Примеры аналогичной метатезы в русских диалектах нередки, см., например, дублеты: *елишина* ‘ольха’ (Волог., Вят., Костром., Пск., Новг., Влад.), *ѣлишина* ‘то же’ (Волог., Вят.), *елишник* ‘ольховый лес’ (Влад., Волог., Вят., Костром., северное) (СРНГ, т. 8, с. 350) ~ *лешина*, *лешинник* (Пск., Твер.) (СРНГ, т. 17, с. 33); *ельпесить* ‘беспокоиться, беспокоиться или быстро говорить’ (Олон.) (СРНГ, т. 8, с. 353) ~ *лепесить* ‘болтать, сплетничать’ (Сев.-Двин.) (СРНГ, т. 16, с. 361); *ернивый* ‘ревнивый’ (Пск.) (СРНГ, т. 9, с. 30); *ерскать* ‘ударять, стегать лошадь’ (СРНГ, т. 9, с. 35) ~ *рескать* ‘ударять, бить, трескать’ (Олон.) (СРНГ, т. 35, с. 74) и т. п. Метатеза начального сонорного согласного и последующего гласного весьма характерна для горного наречия марийского языка, в частности: мар. Г *рѣвѣж* и дублет *ѣрвѣж* ‘лиса’ ~ мар. Л *рывѣж* < ПМар. **riwiž* (Berezckī, 2013, с. 215); мар. Г *рыт кѣш* и дублет *ырт кѣш* ‘перепреть, сгнуть’; мар. Г *ѣрзәш* ‘трясти’ ~ мар. Л *рүзаш*; мар. Г *ѣрдѣ* ‘сердцевина’ ~ мар. Л *рүдѣ*; мар. Г *ырдаш* ‘разуваться (о лаптях)’ ~ мар. Л *рудаш* и т. п.

В русских диалектах фиксируются также наименования лешего: *лесак*, *лесик*, *лешак* (СРНГ, т. 16, с. 368–370), *лешук* (витебское) (СД, т. 3, с. 104), *леуѣха* (СРНГ, т. 17, с. 35), производные от рус. слова *лес* < ПС **lěsъ* (Фасмер, т. 1, с. 485; ЭССЯ, вып. 14, с. 249–252). От формы *леуѣха* происходит русская фамилия *Леуѣков* (2 766 ВК) и ее дублеты *Лесуков* (346 ВК) и *Лесюков* (112 ВК). В свою очередь, фамилии *Елиуков*, *Елсуков*, *Ельсуков*, а также названия деревень в Кировской области *Елсуки* (Арбажский р-н) и *Елсуковицина* (Котельничский р-н),

¹² Однако гетерогенными к ним являются фамилии типа *Евсюков* < *Евсей*, *Ексук оглы* (9 ВК) – ср. хинди *eksuk* ‘одинокий’.

¹³ Согласно Д. К. Зеленину, *ѣлс* < *Велес* (Фасмер, т. 2, с. 17); согласно О. Б. Ткаченко, *ѣлс* < греч. *δίαβολος* [Ткаченко, 1985, с. 147–148]. А. Е. Аникин тоже считает недостоверной версию Зеленина, равно как и версию О. А. Черепановой (1983 г.): «географически и фонетически безупречен эстонский этимон *delus*, *vapaadelus* ‘чёрт’»; других версий сам не предлагает (Аникин, 2021, с. 328).

¹⁴ Примеры нерегулярного перехода *е* > *ѣ* в русских диалектах (под ударением, как в случае *лес* > *ѣлс*): *ѣбрышко* ~ *ѣбро* ‘ребро’, *вѣрша*, *ѣрша* ~ *вѣрша*, *ѣрша*, *вѣрш*, *ѣрш* ‘верша (рыболовный снаряд)’ (Михайлова, 2013, с. 130, 134).

деревни *Ельсуково* в Мари-Турекском р-не Республике Марий Эл содержат в себе ту же метатезу, что и *лес* > *ёлс*.

Итак, наименование лешего *ёлс* / **елс* (< *лес*) в сочетании с уменьш. суф. -ук дает форму **елсук* (*елиук*). Дальнейшее фонетическое развитие (*л* > *в* > *п* > *к*) привело к форме *екиук*, которая закрепилась в западных наречиях марийского языка как наименование лешего, в точном соответствии с исходной семантикой слова в русских диалектах – леший (!).

По поводу уменьш. суф. -ук следует добавить, что он не нормативный в русском языке, диалектный. В марийском языке суф. -ук широко употребителен во всех диалектах как уменьшительно-ласкательный, но только с собственными именами, например: *Анук* < *Анна*, *Майрук* (*Марюк*) < *Мария*, *Ивук* < *Иван*, *Эчук* < *Алексей* и т. п. Встречается он также в финно-пермских языках (удмуртском, коми) и в чувашском; скорее всего является заимствованием из русского: рус. -ок > мар. и чув. -ук (хотя Б. А. Серебренников считает его прауральским *-*кк* ~ *к*) [Галкин, 1966, с. 31–32]. Таким образом, фонетико-морфологические процессы образования **елсук* (< *ёлс* < *лес*) в русских говорах могут определяться субстратными влияниями финно-угорских языков. Это касается и метатезы, и узкого гласного в суффиксе, и рассмотренных выше переходов согласных (Михайлова, 2013, с. 7–8).

Выводы: мар. Г *экиук* ~ мар. СЗ *йёкиүк*, *екиүк* и др. (наименование чёрта, лешего в западных наречиях марийского языка) ~ мар. Л *екиүк*, *йёкиүк* (бранное слово) является, по результатам проведенного исследования, заимствованием из русских диалектов. Это подтверждается ареалом фиксации слова и объясняет его периферийный характер в марийском фольклоре. *Екиук* – не единственное русское заимствование в наименованиях лешего у горных и северо-западных мари, ср. мар. Г *ишигä*, *ишишигä*, *лэшä* ‘леший’, мар. СЗ *лэшäк*. Для этих диалектов марийского языка (западных) вообще характерно большое воздействие русского языка, много лексики, заимствованной из русского. В луговом наречии *екиүк* > *йёкиүк* (с исходным значением «леший») закрепилось только как бранное слово. Отличия в ударении в данном слове определяются спецификой системы ударений в каждом наречии (так, в мар. Г и мар. СЗ ударение преимущественно на пенультиму, т. е. предпоследний слог, а в мар. Л – разноместное и зависит от соотношения типов гласных в слове). Соответствие в первом слове рус. *е* ~ мар. *ö* (или *йо*) также характерно для заимствований в марийский из окружающих севернорусских говоров [Саваткова, 1969, с. 18].

В ходе исследования также установлено и обосновано происхождение нетривиальных русских фамилий *Ельсуков*, *Епсаков*, *Евиуков*, *Екиуков* и наименований населенных пунктов (*Елсуки*, *Елсуковицина*, *Ельсуково*, *Екиаково*) от названий лешего, восходящих к слову *лес* (> *ёлс* > **елсук*). Выявлена роль метатезы (*ле* > *ел*-) и фонетических переходов согласных (*л* > *в*, *б* > *к* и др.) в развитии диалектной лексики в ареалах сложного, длительного языкового взаимодействия русского и финно-угорских языков.

Список сокращений

АССР – автономная советская социалистическая республика; бирск. – бирский (калтасинский) говор восточного наречия марийского языка; ВК – социальная сеть ВКонтакте; Влад. – Владимирская губ. (обл.); волж. – волжский говор луго-

вого наречия марийского языка; Волог. – Вологодская губ. (обл.); волог. – вологодское; Вят. – Вятская губ.; г. – год; г. р. – год рождения; гор. – городской; греч. – греческий; губ. – губерния; д. – деревня; диал. – диалектное; ДТю – древнетюркский; зап. – записал; инф. – информант; иран. – иранский; ит. – итальянский; литер. – литературный; Костром. – Костромская губ. (обл.); малм. – малмыжский говор восточного наречия марийского языка; мар. – марийский; мар. В – восточное наречие марийского языка; мар. Г – горное наречие марийского языка (и литературный горномарийский); мар. Л – луговое наречие марийского языка; мар. СЗ – северо-западное наречие марийского языка; миф. – мифологическое; нем. – немецкий; Новг. – Новгородская губ. (обл.); обл. – область; Олон. – Олонекская губ.; ОТю – общетюркский; п. – поселок; перен. – переносное; Перм. – Пермская губ. (обл.); перс. – персидский; ПМар. – прамарийский; ПС – праславянский; Пск. – Псковская губ. (обл.); ПФУ – прафинно-угорский; р-н – район; ПУ – прауральский; РМЭ – Республика Марий Эл; рус. – русский; с. – село; Сев.-Двин. – бассейн реки Северная Двина; Смол. – Смоленская губ. (обл.); см. – смотрите; ср. – сравните; суф. – суффикс; тат. – татарский; тюрк. – тюркские; у. – уезд; удм. – удмуртский; уменьш. – уменьшительный; франц. – французский; чув. – чувашский; Яросл. – Ярославская губ. (обл.)

Список литературы

- Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 168 с.
- Грузов Л. П. Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 210 с.
- Ключева М. А. Некоторые примеры фонетической адаптации заимствований в марийской игровой лексике // Бусыгинские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 5 декабря 2016 г. Казань: ЯЗ, 2016. Вып. 9: Народы в поликультурном взаимодействии. С. 93–97.
- Морохин Н. В. (сост.) Нижегородские марийцы: Сб. материалов для изучения этнической культуры марийцев / Науч. ред. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола: Республ. центр народного творчества, 1994. 249 с.
- Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 129 с.
- Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев: Наук. дум., 1985. 206 с.
- Тойдыбекова Л. С. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu (Йоенсуу): Joensuu yliopisto, 1997. 397 с.
- Устьянцев Г. Ю. Система мифологических персонажей в репрезентации идентичностей современных марийцев: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. 345 с.

Список источников и словарей

- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии СО РАН, 2021. Вып. 15. 384 с.
- Васильев В. М. (Ўпымарий) Марий мутэр = Марийский словарь. Моско: СССР калык-влак рӱдӱ савыктыш = Центральное издательство народов СССР, 1926. 345 с.

Вершинин В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.

Вершинин В. И. Марий мут-влакын кушеч лиймышт (этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): В 2 т. Йошкар-Ола: Стринг, 2017–2018. 741 с.

ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. № 455. Оп. 2 РБ-3. Д. 1475. Геометрический специальный план части дачи дер. Екшаково, владения Леонида Ивановича Горянова.

Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1971. 304 с.

Исанбаев Н. И. Русские лексические заимствования дореволюционного периода в марийском языке: Словарь-справочник. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 97 с.

Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 494 с.

Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; Москва: Изд-во КГПА, 2013. 352 с.

МФЭ-61 № 20 – Материалы фольклорных экспедиций. Тетрадь № 20. Архив МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола). Зап. В. А. Акцорин в июне 1961 г. в Юринском р-не Марийской АССР.

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнарева и Ко, 1891. Кн. 8. 756 с.

ООВС – Опыт областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Академии наук / [Ред. А. Х. Востоков]. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1852. XII + 275 с.

Саваткова А. А. Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.

Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008. 404 с.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995–2012.

Ситников К. И. Словарь марийской мифологии. Йошкар-Ола: Мар. полиграф.-изд. комбинат, 2006. Т. 1. Боги, духи, герои. 160 с.

СМЯ – Словарь марийского языка = Марий мутер: В 10 т. / Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–52). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Т. 1–52. (Издание продолжается)

Троицкий В. П. Черемисско-русский словарь. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894. XIV + 87 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитарных наук, 1996. Т. 2. 509 с.

Шорин В. С. Марийский словарь горного наречия. Казань: Третья государственная типография, 1920. 176 с.

Этин С. Г. Горно-марийско-русский словарь = Кырык-марла да рушла сирѣм шамак книга. Козьмодемьянск: Тип. Гормариздата, 1935. 194 с.

Эрм. собр. № 218 – Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, Эрмитажное собрание № 218. Словарь черемисского языка с русским переводом, 1785 («Словарь Дамаскина»).

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и между-турские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 291 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев (вып. 1–31); О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев (вып. 32); А. Ф. Журавлев (вып. 33–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–42). М.: Наука, 1974–2021. (Издание продолжается)

Beke Ö. Mari Nyelvjárás szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Savaria, 1997–2000. T. IV_{1–9}. 3332 S.

Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. Weisbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. xxix + 332 p.

Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Suomalais-ugrilainen seura. Lexica Sodontatis Fenno-Ugricae XXXII. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 151. Helsinki, 2008. 925 S.

Ramstedt G. J. Bergtscheremissische Sprachstudien / Suomalais-ugrilainen seura (MSFOu). Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1902. Bd. 17. 219 S.

Räsänen M. Die Tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen / Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1920. Bd. 48. XVI + 276 S.

Räsänen M. Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino Oy, 1969. Bd. 48. XVI + 533 S.

Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. Bd. 1. 1905 S.

Sebeok T. A., Ingemann F. J. Studies in Cheremis: The supernatural. N. Y.: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956. 360 p.

References

Galkin I. S. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya* [Historical grammar of the Mari language. Morphology]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd., 1966, pt. 2, 168 p.

Gruzov L. P. *Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Vvedenie i fonetika* [Historical grammar of the Mari language. Introduction and phonetics.]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd., 1969, 210 p.

Klyucheva M. A. Nekotorye primery foneticheskoy adaptatsii zaimstvovaniy v mariyskoy igrovoy leksike [Some examples of phonetic adaptation of borrowings in the Mari game vocabulary]. In: *Busyginskije chteniya: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 5 dekabrya 2016 g.* [Busygina Readings: Materials of the Intern. sci.-pract. conf. December 5, 2016]. Kazan, YaZ, 2016, iss. 9: Narody v polikul'turnom vzaimodeystvii [Issue. 9. Peoples in multicultural interaction], pp. 93–97.

Morokhin N. V. (Comp.). *Nizhegorodskie mariytsy: Sb. materialov dlya izucheniya etnicheskoy kul'tury mariytsev* [Nizhny Novgorod Mari: Coll. of materials for the study of the Mari ethnic culture]. V. A. Aktsorin (Ed.). Yoshkar-Ola, Respubl. tsentr narodnogo tvorchestva, 1994, 249 p.

Savatkova A. A. *Russkie zaimstvovaniya v mariyskom yazyke* [Russian borrowings in the Mari language]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd., 1969, 129 p.

Tkachenko O. B. *Meryanskiy yazyk* [Merian language]. Kiev, Nauk. dum., 1985, 206 p.

Toydybekova L. S. *Mariyskaya yazycheskaya vera i etnicheskoe samosoznanie* [Mari pagan faith and ethnic self-consciousness]. Joensuu (Yoensuu): Joensuu yliopisto, 1997, 397 p.

Ust'yantsev G. Yu. *Sistema mifologicheskikh personazhey v reprezentatsii identichnostey sovremennykh mariytsev* [The system of mythological characters in the representation of modern Mary people's identities]. Cand. hist. sci. diss. Moscow, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2022, 345 p.

List of sources and dictionaries

Anikin A. E. *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS, 2021, iss. 15 (drug I – yerenga), 384 p.

Beke Ö. *Mari Nyelvjá rá si szó tár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch)*. Savaria, 1997–2000, vols. IV1–9, 3332 p.

Bereczki G. *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der heimische Wortschatz*. Weisbaden, Harrassowitz Verlag, 2013, XXIX, 332 p.

Epin S. G. *Gorno-mariysko-russkiy slovar'* [Gorno-Mari-Russian dictionary]. Kozmodemyansk, Tip. Gormarizdata, 1935, 194 p.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavjanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. O. N. Trubachev (Ed. of the iss. 1–31); O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev (Eds. of the iss. 32); A. F. Zhuravlev (Ed. of the iss. 33–40), Zh. Zh. Varbot (Ed. of the iss. 40–42). Moscow, Nauka, 1974–2021. (In progress)

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtuyurskie osnovy na bukvy “Ж”, “Zh”, “Y” [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters “Ж”, “Zh”, “Y”]. L. S. Levitskaya (Ed.). Moscow, Nauka, 1989, 291 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German), B. A. Larin (Ed.). 2nd ed. Moscow, Progress, 1986–1987.

Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: V 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language: In 2 vols.]. Cheboksary, Chuvash. gos. in-t gumanitarnykh nauk, 1996, vol. 2, 509 p.

Geometricheskii spetsial'nyy plan chasti dachi der. Ekshakovo, vladeniya Leonida Ivanovicha Goryainova [Geometric special plan of the part of the cottage of the village Ekshakovo, the property of Leonid Ivanovich Goryainov]. Fund no. 455, op. 2 RB-3, d. 1475.

Ivanov I. G., Tuzharov G. M. *Slovar' severo-zapadnogo narechiya mariyskogo yazyka* [Dictionary of the north-western dialect of the Mari language]. Yoshkar-Ola, Mari Research Institute, 1971, 304 p.

Isanbaev N. I. *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya dorevolyutsionnogo perioda v mariyskom yazyke: Slovar'-spravochnik* [Russian lexical borrowings of the pre-revolutionary period in the Mari language: Dictionary-reference book]. Yoshkar-Ola, MarSU, 2014, 97 p.

Materialy fol'klornykh ekspeditsiy. Tetrad' No 20 [Materials of folklore expeditions. Notebook no. 20]. Archive of Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev. (Yoshkar-Ola). Records of V. A. Aktsorin in June 1961 in the Yurinsk district of the Mari ASSR.

Mifologicheskie rasskazy i pover'ya Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Mythological tales and beliefs of the Nizhny Novgorod Volga region]. K. E. Korepova, N. B. Khramova, Yu. M. Shevarenkova (Comps.). St. Petersburg, Tropa Troyanova, 2007, 494 p.

Mikhaylova L. P. *Slovar' ekstentsial'nykh leksicheskikh edinit v russkikh govorakh* [Dictionary of extensional lexical units in Russian subdialects]. Petrozavodsk, Moscow, KSPA, 2013, 352 p.

Moisio A., Saarinen S. *Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Suomalais-ugrilainen seura. In: Lexica Sodelatis Fenno-Ugricae XXXII. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu 151.* Helsinki, 2008, 925 p.

Opisanie dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom archive Ministerstva yustitsii [Inventory of documents and papers kept in the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Moscow, Tip.-litogr. I. N. Kushnarev i Ko, 1891, bk. 8, 756 p.

Opyt oblastnogo velikorusskogo slovary, izdannogo Vtorym otdeleniem Akademii nauk [Experience of the regional Great Russian dictionary, published by the Second Department of the Academy of Sciences]. A. Kh. Vostokov (Ed.). St. Petersburg, Tip. Imp. Akad. nauk, 1852, XII, 275 p.

Ramstedt G. J. *Bergtscheremissische Sprachstudien.* Suomalais-ugrilainen seura (MSFOu). Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1902, vol. 17, 219 p.

Räsänen M. *Die Tschuvassischen Lehnwörter im Tscheremissischen.* Suomalaisugrilainen Seura. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapainon Osakeyhtiö, 1920, vol. 48, XVI, 276 p.

Räsänen M. *Versuch eines Etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen.* Suomalais-ugrilainen Seura. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Kirjapaino Oy, 1969, vol. 48, XVI, 533 p.

Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch.* Budapest, Académiai Kiadó, 1988, vol. 1, 1905 p.

Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, Otdel rukopisey, Ermitazhnoe sobranie No 218. Slovar' cheremisskogo yazyka s rossiyskim perevodom, 1785 ("Slovar' Damaskina") [Russian National Library, Manuscripts Department, Hermitage Collection no. 218. Dictionary of the Cheremiss language with Russian translation, 1785 ("Dictionary of Damaskin")].

Savatkova A. A. *Slovar' gornogo narechiya mariyskogo yazyka* [Dictionary of the mountain dialect of the Mari language]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd., 1981, 235 p.

Savatkova A. A. *Slovar' gornomariyskogo yazyka* [Dictionary of the Mountain Mari language]. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd., 2008, 404 p.

Sebeok T. A., Ingemann F. J. *Studies in Cheremis: The supernatural.* N. Y., Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 1956, 360 p.

Shorin V. S. *Mariyskiy slovar' gornogo narechiya* [Mari dictionary of the mountain dialect]. Kazan, Tret'ya gos. tip., 1920, 176 p.

Sitnikov K. I. *Slovar' mariyskoy mifologii* [Dictionary of Mari mythology]. Yoshkar-Ola, Mar. poligraf.-izd. kombinat, 2006, vol. 1, Bogi, dukhi, geroi [Gods, spirits, heroes], 160 p.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995–2012.

Slovar' mariyskogo jazyka: V 10 t. [Dictionary of the Mari language: in 10 vols.]. I. S. Galkin (Ed.). Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd., 1990–2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian vernaculars]. F. P. Filin (Ed. of vols. 1–23), F. P. Sorokoletov (Ed. of vols. 24–46), S. A. Myznikov (Ed. of vols. 47–52). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–2021, vols. 1–52. (In progress)

Troitskiy V. P. *Cheremisko-russkij slovar'* [Cheremiss-Russian dictionary]. Kazan, Tip.-litogr. Imp. Univ., 1894, XIV, 87 ps.

Vasil'ev V. M. *Mariyskij slovar* [Mari dictionary]. Moscow, Tsentral'noe izd. narodov SSSR, 1926, 345 p.

Vershinin V. I. *Proiskhozhdenie slov mariyskogo jazyka (etimologičeskij slovar')*: V 2 t. [Origin of words of the Mari language (etymological dictionary): In 2 vols.]. Yoshkar-Ola, String, 2017–2018, 741 p.

Vershinin V. I. *Slovar' mariyskikh govorov Tatarstana i Udmurtii* [Dictionary of Mari subdialects of Tatarstan and Udmurtia]. Yoshkar-Ola, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev, 2011, 794 p.

Информация об авторе

Мария Аркадьевна Ключева, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола, Россия), Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия)

Information about the author

Maria A. Klyucheva, Candidate of Arts History, Senior Researcher, Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 04.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 25.04.2023
The article was submitted on 04.04.2023;
approved after reviewing on 25.04.2023; accepted for publication on 25.04.2023*

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161'01'(470)"15"

DOI 10.17223/18137083/89/4

Дискурс Максима Грека «начальствующим правоверно»: вопросы атрибуции текстов

Людмила Ивановна Журова

Институт истории
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>

Аннотация

Поставлена задача атрибуции двух сочинений, сохранившихся только в письменной традиции XVII–XVIII вв., и определения их роли в становлении дискурса «начальствующим правоверно»: «Инока Максима Грека. Послание к начальствующим правоверно о исправлении...» и «Максима инока Грека Святогорца. О правде и милости». Имя автора в заголовке не может служить безусловным референтом подлинности средневекового текста. Содержание, стилистика повествования памятников рассмотрены в контексте двух трактатов авторского кодекса писателя – 24-й и 25-й глав Иоасафовского собрания сочинений Максима Грека. Пафос наставлений «начальствующим правоверно» и способы их презентации объединяют все четыре произведения, что дает основание для выделения специального дискурса в творчестве Святогорца и верификации текстов, сохранившихся в поздних сводах. Установлен адресат «Послания об исправлении» – Василий Михайлович Захарьин-Юрьев, воевода, тверской дворецкий.

Ключевые слова

Максим Грек, собрание сочинений, атрибуция, верификация, дискурс, топос, начальствующий правоверно, правда и милость

Благодарности

Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006)

Для цитирования

Журова Л. И. Дискурс Максима Грека «начальствующим правоверно»: вопросы атрибуции текстов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 47–59. DOI 10.17223/18137083/89/4

© Журова Л. И., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 47–59
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 47–59

The discourse of Maximus the Greek appealing to “those ruling properly”: the issues of text attribution

Ludmila I. Zhurova

Institute of History
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>

Abstract

The manuscript heritage of Maximus the Greek was especially popular from the late 16th to the first third of the 17th centuries. New collections of his works compiled in Russia at that time significantly enlarged the whole corpus compared to the lifetime compilations. However, nowadays, scholars encounter the verification issue since the editors of the volumes would attribute the name of the scholarly monk to texts that he did not actually produce. Therefore, the author's name on the title page of a medieval text cannot be considered an ultimate reference for its attribution. This study aims at establishing the authenticity of two writings preserved only in the written tradition of the 17th–18th centuries: “By Monk Maximus the Greek. An Epistle to Those Ruling Properly on Guiding...” and “By Monk Maximus the Hagiorite. On Truth and Grace.” Their content and narrative style are scrutinized in the context of two treatises of the author's corpus, Chapters 24 and 25 of the Iosaf's Collection. The common theme among all four texts is the admonitions directed towards “Those Ruling Properly” and the way in which they are presented. This similarity allows for the identification of a distinct discourse in the writings of Maximus the Hagiorite. The stages of this discourse generation are revealed, with a version regarding the addressee of the “Epistle to Those Ruling Properly on Guiding...” proposed. It is Boyar Vassily Mikhailovich Zakharyin-Yuryev, a voivode, a prominent courtier from Tver, and the cousin of the wife of Ivan IV.

Keywords

Maximus the Greek, collection of works, attribution, verification, discourse, “those ruling properly”, topos, truth and grace

Acknowledgments

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006)

For citation

Zhurova L. I. The discourse of Maximus the Greek appealing to “those ruling properly”: the issues of text attribution. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 47–59. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/4

Рукописное наследие Максима Грека стало особенно востребованным в конце XVI – первой трети XVII в. Русскими книжниками составлялись новые своды его сочинений, существенно пополнявшие по сравнению с прижизненными кодексами писателя коллекцию его трудов. Но перед наукой встала проблема их верификации, поскольку редакторы сборников иногда надписывали именем ученого монаха тексты, ему не принадлежавшие [ПМГ, 2008, с. 373–404], поэтому имя автора в названии средневекового текста не является безусловным референтом его атрибуции. Послания, включенные русскими книжниками в поздние собрания сочинений Максима Грека (Троицкое, Полное, Поморское), требуют дополнительных доказательств подлинности.

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

К таким сочинениям относится «Инока Максима Грека. Послание к начальствующим правоверно о исправлении. Разсужайте богоугодно, вкупѣ же и челоуѣколюбно» (далее – «Послание об исправлении») [Сочинения..., 1860, с. 338–346]; (Иванов, № 218 ¹) и один небольшой текст – «Максима инока Грека Святогорца. О правдѣ и милости» [Сочинения..., 1862, с. 236–237]; (Иванов, № 219).

«Послание об исправлении» сохранилось в сборнике начала XVII в. из фондов РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1622. Л. 264–272 (Архивный список) и в составе Поморского кодекса (РГБ. Ф. 209. Собр. Овчинникова. № 131. Первая четверть XVIII в. Л. 505–509; РНБ. Ф.1.425. Конец XVIII – начало XIX в. Л. 529 – 532 об.; РГБ. Ф. 247. Собр. Рогожской общины. № 341. Первая четверть XIX в. Л. 509–512, ГПНТБ СО РАН. ОРКиР. Тихомировское собр. № 271. 1860 г. Л. 658–662 и др.).

Необходимо заметить, что оно отсутствует в собраниях, составленных в Свято-Троицком монастыре на основе архивов Максима Грека: Троицком (РГБ. Ф. 304. Троицкое собр. № 200. 20-е гг. XVII в.) и Полном (РГБ. Ф. 304. Троицкое собр. № 201. 30-е гг. XVII в.). Но именно в этих сводах находится статья «О правде и милости»: Троицк. 200, л. 346 и Троицк. 201, л. 590 об. – 591, а также в Поморском кодексе (ГПНТБ. ОРКиР, Тихомировское собр. № 271, л. 575 – 575 об.). Кроме того, она сохранилась в уникальном сборнике-конволюте XVI в. и XVII в. РНБ. Q.I.219. Л. 382 об. – 383, именно в части, датируемой XVI в. [Буланин, 1984, с. 40–41]. Тексты имеют устойчивую рукописную традицию, принципиальных разночтений нет ².

Название состоит из двух частей. «Послание к начальствующим правоверно о исправлении. Разсужайте богоугодно, вкупѣ же и челоуѣколюбно». Первая близка к заголовкам 24-й главы – «Слово к начальствующему на земли» ³ [ПМГ, 2014, с. 247–252] и 25-й главы Иоасафовского собрания – «Главы поучительны к начальствующим правоверно» [ПМГ, 2014, с. 253–263]. Вторая – к приписке названия 11-й главы Иоасафовского кодекса (подчеркнуто): «Слово отвѣщательно о исправлении книгъ русских, в нем же и на глаголющих, яко плоть Господня по Въскресении из мертвых неописана бысть. Чтущен, внимаите прилѣжно и разсуждайте богоугодно, вкупѣ же и челоуѣколюбно» [ПМГ, 2014, с. 136]. Апелляция к «чтущему» в «Слове отвѣщательном о исправлении книгъ русских» передает авторскую интенцию об организации восприятия своего высказывания. Утрата обращения к читателю в «Послании об исправлении» переадресовывает наставление к «начальствующему правоверно», что меняет (или даже искажает) намерение автора. Это наблюдение доказывает, что заголовок, скорее всего, составлен книжником, который стилизовал его под авторский вариант.

¹ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуция, библиография. Л.: Наука, 1969. Номер указывается по справочнику А. И. Иванова (далее – Иванов, №...)

² Вариант заглавия в Архивном списке – «Послание о начальствующихъ правоѣрно о исправлении. Разсужайте богоугодно, вкупѣ же и челоуѣколюбно. Максимъ Грекъ» – можно расценить как ошибку писца.

³ В ряде списков сочинение вместо заголовка содержит прескрипт: «Благоуѣрнеишему и боголюбивому царю и самодръжцу государю великому князю Ивану Васильевичу нищии твои государевъ богомолецъ Максимъ, инокъ изъ Святыя Горы, смѣя не смѣя низко челоуѣкомъ бить» [Ржига, 1934, с. 72–73, примеч. 4; ПМГ, 2014, с. 247].

Наибольший вклад в изучение глав прижизненного кодекса сделан В. Ф. Ржигой. Исследователем определена позиция Максима Грека в «Слове» как «координация политических сил», предложена датировка – 1548–1551 гг. [Ржига, 1934, с. 72]. Замысел «Глав» рассмотрен как изложение «идейных основ для первых лет царствования Ивана IV», их составление отнесено к 1548 г. [Там же]. Н. В. Синицыной датировка принята, основным моментом в этих сочинениях историк считала «отношение Максима Грека к внутренней политике русского правительства и, в частности, к реформам середины века» и сосредоточилась на характеристике нестяжательских взглядов ученого монаха, изложенных в «Главах» [Синицына, 1977, с. 211–216].

Понятие «исправление» в значении «укрепление, приведение в порядок, благоустройство» [ПЦСС, 1993, с. 229] активно используется в «Главах поучительных»: «царя вѣистину благовѣрнаго своиствено ему есть дарование и исправление» [ПМГ, 2014, с. 257], «Многымъ сущимъ и предивнымъ правды исправлениемъ, ими же же предобрѣукрашается... боговидная душа благовѣрнаго царя...» [Там же, с. 262] и др. Оно довольно частотно в «Стоглаве». Но его нет в «Слове к начальствующему», что позволяет связывать историю названия «Послания об исправлении» именно с «Главами поучительными». Заметим, что в «Послании» лексема «исправление» употреблена только в упоминаниях ветхозаветных сюжетов: об иудейском царе Езекии, об иудейском судье и военачальнике Гидеоне, победившим мадианитян и сокрушившим жертвенник Ваалу. И Максим Грек заключает: «Сицевыми преславными воздаровании и приснопамятными исправлении вѣсть единъ Веледарный воспрославляти славящихъ Его на земли благочестиемъ еже в Него». Можно полагать, что замысел «Послания об исправлении» предшествует составлению «Глав поучительных», поскольку в них ареал бытования выделенного слова более широкий.

Несомненным доказательством авторства Максима Грека служит сходство начала «Послания об исправлении» и «О правде и милости» с «Посланием митр. Макарию» [Сочинения..., 1862, с. 357–367], (Иванов, № 243), подлинность которого не вызывает сомнения:

Послание Макарию	Послание об исправлении	О правде и милости
Небо в день убо украшает солнечныи свѣтъ пресветлыи, в нощи же – полонъ сыи нощныи свѣщникъ и различная благодать безчисленыхъ звѣздъ. Честную же Содѣтеля и Владыки всѣхъ, Иисуса Христа, Иже надо всѣми Бога Апостольскую Церковь красить и осияваетъ и на лучше възвышаетъ выну, иже по всеи вселенней православныхъ архиереевъ Богомъ украшении собор	Небо и вся, яже подъ нимъ: во дне убо солнце, въ нощи же луна и звѣздная сотворения – украшаютъ же и осияваютъ. Солнце бо, явльшеся на востоцѣ и нощную тму разоривше, словесное естество на славословие всѣхъ Содѣтеля и Владыки и къ дѣланию всякому нужныхъ потребъ житию возставляетъ; къ западомъ же, бывше трудомъ освободивше челоѳический родъ, покоя, иже нощию прияти дарова. Державу же	Украшение небу благолѣпно въ день убо – самое то свѣтлѣише солнце, претеча есть по вся дни и освѣщающая всю поднебесную. Въ нощи же украшение ему луна, плъна сущи. Царю же благовѣрному украшение боголѣпно и вѣнецъ пресвѣтель главѣ его царстеи – самое то незаходимое Солнце Правды – Иисусъ Христос, Просвѣщающая и Святая выну царьскыи

	земскую достохвальну и богочестиву царя благовѣрнаго премудрость богодарованна, срастворена правдою всякою и кротостию, и еже о подручныхъ прилежаниемъ и доброхотиемъ и преукрашаетъ, и на лучшее всегда снѣжати творить.	умъ его и душу лучами милости и всяческиа правды и кротости
--	--	---

Величание адресатов, коими являются церковный собор и государь, построено на эллиптическом сравнении космических светил, солнца в первую очередь, и властителя. Этот топос, занимающий сильную позицию начала текста, следует расценивать как один из референтов поэтического стиля Максима Грека. В «Главах поучительных» он составляет содержание 11 главки: «Свѣтлѣишу солнца звѣзду нѣсть смотрити въ тверди небеснѣи, едино бо то своими лучами осияваетъ всю вселенную; сице и душа благовидна благовѣрнаго царя правдою и кротостию, и чистотою, и щедротами украшаема же и веселяшеся» [ПМГ, 2014, с. 156]. Текстуальные совпадения «Послания об исправлении» и «О правде и милости» с авторским текстом Максима Грека, а именно с «Посланием митр. Макарию», безусловно, свидетельствуют о принадлежности этих двух сочинений Святогорцу. Отметим, что в «Главах поучительных» смена положения топоса в композиции текста, скорее всего, указывает на последовательность создания сочинений: его нахождение в начале речи отражает первый этап формирования дискурса «начальствующим правоверно», смещение поэтической формулы в глубь текста обусловлено расширением содержания поучительного трактата, отражающим развитие авторской интенции. В «Слове к начальствующим на земле» (24-я глава) топоса «царь-солнце» вовсе нет, и само сочинение, приобретшее все черты трактата, завершает творческую историю складывания дискурса. «В этом послании, – писал В. Ф. Ржига, – Максим идет дальше, чем в “Главах”: говоря об идеале царя, к которому должен приближаться Иван, он дает ему определенные советы, как следует править, которые не только вытекают из этого идеала, но мотивируются уроками истории» [Ржига, 1934, с. 73]. Можно с уверенностью полагать, что «Послание об исправлении» и «О правде и милости» предшествовали созданию глав Иоасафовского собрания, и время их появления должно быть близко к датировке «Послания Макарию»: 1545–1546 гг. [Синицына, 1977, с. 156, примеч. 47].

Сравнение царя с солнцем, представляющее хрестоматийный образ византийской политической риторики, известно, например, по «Главам увещательным» диакона Агапита императору Юстиниану (VI в.) (или: «Изложение совѣщательных глав ко царю Иустиниану, сложено Агапитом диаконом»): «Дело солнца освещать тварь лучами; доблесть государя – быть милостиву к бедным. Благочестивый государь светлее и солнца: сие уступает ночи, а того не побеждает сила зла. Светом истины он обличает тайны неправды»⁴. Вариант топоса «царя-солнца» в поэтике ученого Святогорца отличается изящной риторикой и развернутым визуальным рядом: небо, солнце, луна, звёзды.

⁴ <https://predanie.ru/book/220139-uveschatelnye-glavy-k-imperatoru-yustinianu>.

Традиция «наставлений и поучений правителю» была развита в византийской культуре [Чичуров, 1991] и активно прививалась в Московской Руси в середине XVI в. [Синицына, 1977, с. 212]. Поучение Агапита, «самый выдающийся представитель жанра “княжеских зеркал”» [Буланин, 2021, с. 100], нередко сопровождает сочинения Максима Грека, написанные в первый период его творчества, до 1525 г.⁵ Важно подчеркнуть, что в нравоучениях константинопольского диакона акцент поставлен на таких достоинствах правителя, как милость и правда. В дискурсе Максима Грека эта тема приобретет особое звучание, окрашенное личностными мотивами: главы Иоасафовского кодекса заканчиваются наставлением об «отпущении приходящих странных» и просьбой о возвращении в Ватопед. И книжник, надписавший текст – «О правде и милости», вычитал в трудах Святогорца его сокровенные мысли.

Кроме топоса «царя-солнца» и сходства заголовков, в «Послании об исправлении» и «О правде и милости» обнаруживается ряд общих мотивов и идей с двумя главами Иоасафовского собрания, что позволяет эти четыре сочинения, обращенные к «начальствующим правоверно», представить как динамичный авторский дискурс о благоустройстве («исправлении») государства. Содержание статей составляют наставления царю о справедливом управлении державой и подданными. Максим Грек, конечно, опирался на сложившиеся теории идеала царя: самодержец в проведении своей политики должен уподобляться Богу «правдою, человеколюбием и кротостию» и милостью к подданным. Развитие замысла «княжеского зеркала» в творчестве Максима Грека описаны Д. М. Буланиным. Петербургским ученым выделены три опыта афонского инока в истории становления этого жанра: участие Святогорца в формировании 34-й главы Кормчей Вассиана Патрикеева, в переделке «Почучения» валахского господара Нягое Басараба и создание собственных 27 поучительных «Глав к начальствующим правоверно» [Буланин, 2021, с. 101–109]. Самое любопытное – это предложение исследователя о включении в состав «Глав поучительных» еще пяти статей, которые в уникальной рукописи РНБ. Q.I.219 следуют за трактатом, среди них: «О правде и милости», «Мудрость Менадра философа», «Сказание о веледушии и совете», «Об Александре Македонском». Исследователь считает, что этими «яркими дополнениями составитель [Глав] удачно приблизил свой опус к византийским аналогам... и ими заканчиваются... опыты Максима Грека в разработке жанра “княжеского зеркала”» [Там же, с. 109]. Но, скорее всего, эти статьи нельзя рассматривать как составные части «Глав», число которых – 27 – обнародовано самим автором в письме к казначею Алексею: «А тетратка, к ней же главы 27, та мною списана мудро доброту к самому великому властелю» [Сочинения..., 1862, с. 383], (Иванов, № 247). Присоединение к «Главам» «дополнительных статей» нужно расценивать как творчество составителя сборника Q.I.219. Тексты же самостоятельны. Во-первых, у каждого из них своя рукописная история. Во-вторых, они самодостаточны в своей сюжетологии, на что указывает и переводной характер (пересказ) некоторых из них. В-третьих, статья «О правде и милости» с топосом «царя-солнца», как уже было показано, может быть только началом сочинения, а в «Главах» сам этот топос представлен в ином варианте. Д. М. Буланин, безусловно, прав в том, что «собирать мелкие выписки из разных источников, а потом вставлять их в свои

⁵ РНБ. Софийское собр. № 1498, сборник-конволют, до 1526 г. Л. 172 – 179 об.; РГБ. Ф 113. Волоколамское собр. № 522. Сер. XVI в. Л. 305–323; РГИА. Ф 834. Оп. 3. № 4025. Конец XVI в. Л. 253 – 263 об.

оригинальные сочинения – обычная манипуляция в творческой лаборатории Максима Грека» [Буланин, 1983, с. 6; 2021, с. 109, примеч.]. Но всё-таки выделенные им «дополнительные» пять статей не стали составными частями каких-либо сочинений, в том числе и «Глав поучительных».

Важно определить место и роль «Послания об исправлении» и «О правде и милости» в дискурсе «начальствующим правоверно».

«Послание об исправлении» открывается похвалой царю и его достохвальной державе, украшаемой богодарованной премудростью, правдою и кротостью властителя, его попечением о «подручных». «Вси бо окрестнии сосѣди такову державу и любятъ, и почитаютъ ея за многу яже въ ней правду и правость сопрягающихъ царю ея православныхъ князехъ и боярехъ», – заключает публицист. Особым моментом «Послания об исправлении» следует признать указание на соучастников государственного правления – «сопрягающихъ царю» князей и бояр.

Начало «Послания об исправлении» выдержано в панегирической тональности, заданной славословием царю. В основной части памятника изложена одна тема – согласие бояр и воевод должно стать устрашением противникам: «единомыслие и друголюбие, еже посреде боярехъ и воеводахъ, ихже ничто же крепчайшее есть и страшнѣйше супостатомъ»; «ничтоже крепчае, ниже страшнѣе быти к супостатомъ единомыслие бояромъ, еже другъ къ другу». И божественная помощь, напоминает автор, приходит к тому, кто соблюдает согласие. Этот пассаж может быть соотнесен с исторической ситуацией раннего этапа правления Ивана IV. Повествовательная интонация имеет, скорее всего, характер дружеского совета, а не нравоучения и передает настроение надежды на его исполнение.

В «Слове к начальствующему на земле» Максим Грек состав политических сил, отмечал Ржигу, не «ограничивает духовенством и боярством, но вводит сюда и молодую силу, только что начавшую заявлять о себе, – воинство (т. е. дворянство, военно-служилых людей)» [Ржига, 1934, с. 75]. «Такожде и сущаа о тебѣ пресвѣтлыя князи и бояры и воеводы преславныа о доблиа воины и почитаи, и брегы, и обилно даруи; их бо обогащаа, твою дръжаву отвсюду крепипишь и огражаешь» [ПМГ, 2014, с. 249]. О воеводах речь идет в «Послании об исправлении», но доблестные воины стали персонажами сюжета только в «Слове к начальствующему». Расширение «состава», скорее всего, говорит о новом этапе формирования сословно-социальных отношений в Московской Руси эпохи Ивана IV и развитии авторского замысла в истории складывания дискурса.

Можно с уверенностью полагать, что монотемное «Послание об исправлении» составлено ранее «Слова к начальствующему» и «Глав поучительных» и представляет один из ранних эпизодов работы Святогорца над вопросами политической этики.

В «Главах поучительных» тема боярства и дворянства практически не затронута, и здесь предложено другое решение проблемы мирного сосуществования с соседями: «Дивна съвѣтника и доброхотна твоему царствию оного возми, не иже чрез правду на рати и воевания въоружаетъ тя, но иже съвѣтуетъ тебѣ миръ и примирение любити всегда съ всеми окрестными съсѣды богохранимыа ти дръжавы» [Там же, с. 255]. Вместо устрашения во внешней политике, изложенного в «Послании об исправлении», Максим Грек в «Главах поучительных» советует дипломатическим путем (с помощью советника) добиваться примирения с окрестными странами. И в то же время в борьбе с врагами держаться крепкого и непобедимого «жезла силы» (Пс 109:2), т. е. «Честного и Животворящаго Кре-

ста», и сокрушать «губительные главы видимых и невидимых супостат» [ПМГ, 2014, с. 257]. Как видим, дистанция между позициями автора, изложенными в «Послании об исправлении» и «Главах поучительных», довольно большая. Если на начальном ее этапе он советовал рассчитывать на бояр и воевод и вести жесткую международную политику, то в дальнейшем Максим Грек в своем учении об управлении на первое место выдвигает идею христианской морали («жест силы»).

Из трех добродетелей «православного царства земского», сформулированных Максимом Греком в «Сказании Менандра философа» [Буланин, 1984, с. 27, примеч. 66; 2021, с. 110] – правда (правый суд), целомудрие и кротость к «подручникам», т. е. милость, сквозным мотивом дискурса «начальствующим правоверно» стали правда и кротость / милость.

В начале «Послания об исправлении» автором провозглашено, что премудрость благоверного царя, украшающая его державу, напитана правдой, кротостью и попечением о подданных. И соседи такую землю уважают за правду и справедливость «соправящих царю». Среди повелений о сохранении правой и благочестивой веры, совершенной любви, сопряженной с божественным страхом, напоминает Максим Грек, нельзя забывать о правде и милости ко всем нуждающимся. Этот традиционный мотив «княжеских зеркал» становится одним из ведущих в дискурсе.

Классические нарративы из ветхозаветной истории, приведенные в «Послании об исправлении», должны служить, по замыслу автора, примерами «земскому царю»: подвиг Моисея и Аарона, потопивших в Черном море страшного мучителя, молитвы царя Езекии, смилившие гордого ассирийского царя Сеннахирима, история ниневитян и др. Этими «воздаяниями и исправлениями», пишет ученый инок, прославляет Господь тех, кто служит Ему благочестием, «правдою же всякою и щедротами к нищим, и заступлением вдовиц и сирот».

Заканчивается «Послание об исправлении» обращением к некоему Василию: «Малыми писахъ къ тебѣ, о добръѣиши Василие, благороднаго корене благородно прозябение. Вѣмъ бо, яко многими ученъ еси и разумиченъ зѣло, и немногихъ требуеши къ воспоминанию словесъ, могущихъ привести на совершение всякия правды рачителя ея и теплаго ревнителя, яковъ еси ты. Здравъ буди о Господѣ!». Можно полагать, что речь идет о воеводе, боярине Василии Михайловиче Захарьине-Юрьеве. В 1546–1552 г.г. он был тверским дворецким, и Максим Грек, находясь до 1548 г. в Тверском Отроче монастыре, мог быть с ним знаком, поскольку письма, документы, связанные с судьбой Святогорца, скорее всего, проходили через тверскую канцелярию. Характеристика – «благороднаго корене благородно прозябение» – соответствует биографии Василия Михайловича: он был сыном воеводы и боярина Михаила Юрьевича Захарьина-Юрьева и двоюродным братом Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой, жены Ивана IV. «Рачителем и ревнителем правды» Максим Грек мог назвать дворецкого, поскольку в его обязанности в первую очередь входил надзор над судебной-административной властью наместников. И лейтмотив сочинения – согласие воевод и бояр – соответствует статусу адресата. Василий Михайлович был близок к царю, и Максим Грек мог надеяться, что «добрейший Василий», «подручный» царя, донесет до него идею Послания: нет ничего крепче и тверже для земных царей, чем вера в Бога и в Его слово, правда и милость, попечение о подвластных. К истинному и нелицемерному упованию на Бога призывает царя автор.

Обращение к Василию в конце сочинения имеет вид приписки, поэтому нельзя считать его адресатом «Послания». Вероятно, текст был направлен Василию Михайловичу для ознакомления. Приписку содержит и «Слово к начальствующему на земли» [ПМГ, 2014, с. 252], В. Ф. Ржига полагал, что она направлена митрополитскому казначею Алексею. Такой «затекст» может стать специфическим моментом выделенного дискурса, свидетельствующим об участии автора в распространении своих трудов.

Небольшое сочинение «О правде и милости» представляет собой энкомий благоверному царю и начинается с того же топоса солнца, украшающего небо, и уподобления царя солнцу – Солнцу Правды. Библейский образ Солнца Правды (Мал. 4:2) довольно частотен в трудах Максима Грека («Сказание отчасти на 18 псалом» (Иванов, № 257), «Послание Ивану IV» (Иванов, № 223), «Слово против Лютера» (Иванов, № 148). Находим его в Шестом Слове «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого, «Послании Люторским учителям» и «Послании Ивану Зарецкому» старца Артемия. Но его, заметим, нет в трудах Московского митрополита Даниила.

Основная мысль сочинения «О правде и милости»: символ божественной истины – Солнце Правды, Иисус Христос – просвещает и освящает «выну царьским умъ его и душу лучами милости и всяческа правды, и кротости». Автор создает венец к портрету государя, в который вплетены любовь «подручников», прославление его подданными. Они воссылают молитвы о правителе, и потому его замышления, уверяет Максим Грек, будут поддержаны Богом, и получит он всё желаемое, и проживет в нерушимом мире до самой своей «старости и матерства». «И что сих лутчѣе и потребнѣе, и нужнѣе благовѣрнымъ царемъ и государемъ!» – восклицает Святогорец. Такого спасительного венца он желает всем сущим, «въ властехъ преимѣющихъ и в царьскихъ высотахъ». Пожелания царю нерушимого мира в зрелом возрасте позволяет полагать, что текст написан во времена молодости Ивана IV. Заголовок, скорее всего, составлен книжником и отражает его рецепцию трудов Максима Грека, направленных «начальствующим правоверно».

Концепт правды, сформулированный в «Главах поучительныхъ»: «Ничто же убо потребнѣише и нужнѣише правды благовѣрно царствующему на земли» [ПМГ, 2014, с. 254] – интерпретирован автором в разных контекстах, например: «Доброта душевная... боговидными добродѣтелми украшена есть, сирѣчь правдою и цѣломудриемъ, смыслом же и мужеством, кротостию же и щедротами, благию и челоуѣколюбиемъ...» [Там же, с. 255]; «Сие бо суще свойственно есть благовѣрному царю... всякою правдою и страхом Божиимъ... полагати на небесѣхъ съкровища неистоима и милостыня, и всякия кротости, и благию яже къ подручникомъ» [Там же, с. 259] и др.

Из всех качеств царя, каковы кротость, долготерпение, забота о подданных, благоволение к боярам, в «Слове к начальствующему» самыми важными добродетелями царя определены правда и милость: «изряднѣ же правда и милость» [Там же, с. 247]. В таком акценте слышится скрытая просьба Максима Грека о себе, и «Слово» заканчивается мольбой о «воздоровании» ему возвращения во Святую Гору.

В «Слове к начальствующему» ученый монах представил молодому Ивану IV морально-политическую концепцию правителя [Ржига, 1934, с. 75]. Главным ее положением стала идея о том, что благоугодить Богу и привлечь милосердие к своей державе царь может только «правдою и правым судом к подручником,

и щедротами, и кротостью къ всѣмъ вкупѣ нищетствующимъ» [ПМГ, 2014, с. 248]. Не раз повторяет церковный публицист наставление: «устройства потребная и полезная подручникомъ всякою правдою и благостью, и царскимъ разумомъ» [Там же, с. 249].

Этой же теме посвящена 20-я главка «Главъ поучительныхъ»: «въ истину веселится боголюбивая душа, егда видитъ подручныхъ людѣхъ своихъ, тихо и мирно житие имущихъ. Въ истину блажени и треблажени... царие, елма тщатся уподобитися Вышнему Царю всякою правдою, человеколюбиемъ же и кротостию яже к подручникамъ» [Там же, с. 258].

Образцы божественного благотворения царей за служение подданнымъ Максим Грек находитъ в ветхозаветной и новозаветной истории и приводит в «Слове к начальствующему» сюжеты о царе и пророке Давиде, первомъ христианскомъ царе Константине Великомъ, благочестивомъ Феодосии, о возвышении царя-идолопоклонника Кира за «превеликую правду и кротость и милосердие к подручникомъ своимъ» [Там же, с. 250]. Выбор библейскихъ свидетельствъ позволяетъ видеть динамику развития концепции автора: если в «Послании об исправлении» представлены только ветхозаветные нарративы, то в «Слове к начальствующему» появились новозаветные герои.

Концептомъ правды открывается «Послание Ивану IV» (1551 г. [Ржиги, 1934, с. 76–78]), сохранившееся в двухъ спискахъ в одной рукописи середины XVI в.: РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 292–294, 302–304⁶. «Правдолюбивомъ и истиной, пишетъ Максим Грек, наряду с кроткимъ нравомъ «изрядно украшается» человек, созданный по образу и подобию Божию. Смещение фокуса зрения с «венца» царя на украшение всякого человека свидетельствуетъ о повышении горизонта зрения писателя, включившего в орбиту своихъ построений главное творение природы – человека. «Послание» не входитъ в дискурсъ «начальствующимъ правоверно», поскольку его содержание – это не советы и наставления, а хвала царю за совершенные дела: «...правишь е всякою правдою и правосудиемъ, очищая премудрѣишими умышлениями и строении отъ всякого неправдования, разбоинничества же и кровопролития, и судии неправеднѣишихъ, и клеветникъ бездушнѣишихъ, и вѣшебныхъ прелести, и всячскихъ сатанинскихъ игрании, и чювственныхъ бѣсовъ, слуговъ антихристовыхъ, плѣнящихъ душа вѣрныхъ въ всякихъ богомръзкихъ блужении». Плодотворная деятельность Ивана IV вызываетъ у Максима Грека радость, и мотив «исправлений» в Послании звучитъ в похвальной тональности: «а слышаниемъ твоихъ всехвалныхъ исправлений и строении радости духовныя благовѣрнаго царствия исполнихся»⁷.

Такимъ образомъ, в истории дискурса «начальствующимъ правоверно» можно видеть закономерности его складывания и наблюдать развитие авторской интенции. Ее сквознымъ мотивомъ стали суждения о правде и милости. Ранние опыты работы над темой представлены в «Послании об исправлении» и в статье «О правде и милости». Главы Иоасафовскаго кодекса, являющие собою публицистические трактаты разныхъ видовъ, зафиксировали заключительный этапъ формирования концепции Максима Грека. Межтекстовые и смысловые связи «Послания об исправлении» и статьи «О правде и милости» с оригинальными текстами Святогорца доказываютъ авторство ученаго монаха. Переходъ от обращения к «начальствующему»

⁶ В. Ф. Ржиги, Н. В. Синицына учитывали одинъ список – л. 302–304.

⁷ Текст Послания не имеетъ окончания, чтение приведено по списку РГБ. Ф. 256. № 264. Л. 294 об., предикатъ «исполнихся» предложенъ В. Ф. Ржигой.

щим» («Послание об исправлении», «Главы») к «начальствующему» («Слово») свидетельствует о фокусировании внимания публициста на личности Ивана IV.

Список литературы

- Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3–13.
- Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л.: Наука, 1984. 278 с.
- Буланин Д. М. Первые московские опыты в жанре «княжеского зеркала» // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 94–112.
- ПМГ, 2008 – Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Индрик, 2008. Т. 1. 568 с.
- ПМГ, 2014 – Преподобный Максим Грек. Сочинения. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. Т. 2. 432 с.
- ПЦСС – Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. М.: Изд. отд. Московского патриархата, 1993. 1120 с.
- Ржигза В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 1. С. 5–120.
- Синицына Н. В. Максима Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.
- Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. Казань: Тип. губернского правления, 1860. 364 с.
- Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 3. Казань: Тип. губернского правления, 1862. 296 с.
- Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука, 1991. 176 с.
- Увещательные главы диакона Агапита императору Юстиниану. URL: <https://predanie.ru/book/220139-uveschatelnye-glavy-k-imperatoru-yustinianu> (дата обращения 02.08.2023).

Список источников

- РГБ. Ф. 256. Собрание Румянцева. № 264. Середина XVI в. 322 л.
- РГБ. Ф. 304. Троицкое собрание. № 200. 20-е гг. XVII в. 480 л.
- РГБ. Ф. 304. Троицкое собрание. № 201. 30-е гг. XVII в. 602 л.
- РГБ. Ф. 209. Собрание Овчинникова. № 131. Первая четверть XVIII в. 774 л.
- РГБ. Ф. 247. Собрание Рогожской общины. № 341. Первая четверть XIX в. 573 л.
- РГБ. Ф. 113. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря. № 522. Середина XVI в. 596 л.
- РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 4025. Конец XVI в. 506 л.
- РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1622. Первая четверть XVII в. 341 л.
- РНБ. ОР. Q.I.219. Сборник-конволют XVI в. и XVII в. 568 л.
- РНБ. ОР. Софийское собрание. № 1498. Сборник-конволют. Первая четверть XVI в. 304 л.
- ГПНТБ СО РАН. ОРКиР. Собрание Тихомирова. № 271. 1860-е гг. 730 л.

References

- Bulanin D. M. O nekotorykh printsipakh raboty drevnerusskikh pisateley [On some principles of the work of Old Russian writers]. In: *TODRL* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, 1983, vol. 37, pp. 3–13.
- Bulanin D. M. Pervye moskovskie opyty v zhanre “knyazheskogo zertsala” [The first Moscow experiments in the genre of the “mirror for princes”]. *Paleorussia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas*. 2021, no. 3 (15), pp. 94–112.
- Bulanin D. M. *Perevody i poslaniya Maksima Greka. Neizdannye teksty* [Translations and epistles by Maximus the Greek. Unpublished texts]. Leningrad, Nauka, 1984, 278 p.
- Chichurov I. S. *Politicheskaya ideologiya srednevekov'ya (Vizantiya i Rus')* [Political ideology of the Middle Ages (Byzantine Empire and Rus)]. Moscow, Nauka, 1991, 176 p.
- Polny Tserkovno-slavyansky Slovar [Complete Church Slavonic Dictionary]. G. D'yachenko (Comp.). Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 1993, 1120 p.
- Prepodobny Maksim Grek. Sochineniya* [Reverend Maximus the Greek. Writings]. Moscow, Indrik, 2008, vol. 1, 568 p.
- Prepodobny Maksim Grek. Sochineniya* [Reverend Maximus the Greek. Writings]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, vol. 2, 432 p.
- Rzhiga V. F. Opyty po istorii russkoy publitsistiki 16 veka. Maksim Grek kak publitsist [Essays on the history of the Russian publicist writing of the 16th century. Maximus the Greek as a publicist]. In: *TODRL* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1934, vol. 1, pp. 5–120.
- Sinitsyna N. V. *Maksim Grek v Rossii* [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, Nauka, 1977, 332 p.
- Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka* [Writings by Reverend Maximus the Greek]. Kazan, Tip. gubernskogo pravleniya, 1860, pt. 2, 364 p.
- Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka* [Writings by Reverend Maximus the Greek]. Kazan, Tip. gubernskogo pravleniya, 1862, pt. 3, 296 p.
- Uveshchatel'nye glavy diakona Agapita imperatoru Yustinianu* [The exhortations by Deacon Agapetus to Emperor Justinian]. URL: <https://predanie.ru/book/220139-uveshchatelnye-glavy-k-imperatoru-yustinianu> (accessed 02.08.2023).

List of sources

- Russian State Library, fund 256. Rumyantsev's collection. No. 264. The middle of the 16th century. 322 pp.
- Russian State Library, fund 304. Trinity monastery collection. No. 200. The 1620s. 480 sheets.
- Russian State Library, fund 304. Trinity monastery collection. No. 201. The 1630s. 602 sheets.
- Russian State Library, fund 209. Ovchinnikov collection. No. 131. The first quarter of the 18th century. 774 sheets.
- Russian State Library, fund 247. Collection of the Rogozhskaya community. No. 341. The first quarter of the 19th century. 573 sheets.
- Russian State Library, fund 113. Collection of the Joseph-Volokolamsky monastery. No. 522. The middle of the 16th century. 596 sheets.

Russian State History Archives, fund 834. List 3. No. 4025. The end of the 16th century. 506 sheets.

Russian State History Archives, fund 834. List 4. No. 1622. The first quarter of the 17th century. 341 sheets.

Russian National Library. Manuscript dept. Q.I.219. A convolute collection of the 16th century and the 17th century. 568 sheets.

Russian National Library. Manuscript dept. Sofia collection. No. 1498. A convolute collection. The first quarter of the 16th century. 304 sheets.

State Public Scientific Technological Library (SPSTL), the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Rare books and manuscripts dept. Tikhomirov collection. No. 271. 1860s. 730 sheets.

Информация об авторе

Людмила Ивановна Журова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Principal Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 18.08.2023;

одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 02.11.2023

The article was submitted on 18.08.2023;

approved after reviewing on 02.11.2023; accepted for publication on 02.11.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/5

Прозрачное мышление и крестьянская субъективность в повести И. С. Тургенева «Постоялый двор»

Алексей Владимирович Вдовин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Москва, Россия

avdovin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0800-0577>

Аннотация

С помощью нарратологических методов анализируется изображение мышления и сознания персонажей в повести И. С. Тургенева «Постоялый двор» (1852, опубл. 1855). Опираясь на теорию «прозрачного мышления» Д. Кон и ее последователей, автор выдвигает гипотезу о том, что путь писателя к овладению романной формой лежал через практику аукториальных повествований (с гетеродиегетическим нарратором). При этом крестьянский быт и крестьянское мышление, которые в ту эпоху считались слабо доступными для понимания другими сословиями, оказались для Тургенева в «Муму» и «Постоялом дворе» удобным полем для освоения аукториального типа повествования и техники прозрачного мышления. В повести впервые в творчестве Тургенева субъективность протагониста-крестьянина конструируется через проникновение в его сознание с помощью приемов прямой мысли, несобственно-прямой речи и мысли, пересказа мыслительных актов.

Ключевые слова

нарратология, прозрачное мышление, И. С. Тургенев, «Постоялый двор», «Муму», субъективность персонажа, крестьяне в литературе

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Для цитирования

Вдовин А. В. Прозрачное мышление и крестьянская субъективность в повести И. С. Тургенева «Постоялый двор» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 60–72. DOI 10.17223/18137083/89/5

© Вдовин А. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 60–72

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 60–72

Transparent minds and peasant subjectivity in the novella “The Inn” by Ivan Turgenev

Alexey V. Vdovin

HSE University
Moscow, Russian Federation

avdovin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0800-0577>

Abstract

The representation of characters' minds and consciousness in Ivan Turgenev's novella “The Inn” (1852), published in 1856, is explored through narratological methods. The author puts forth a hypothesis that Turgenev mastered the novelistic form by practicing auctorial narratives with a heterodiegetic narrator. This hypothesis is based on the theory of “transparent minds” formulated by Dorrit Cohn and her followers. In this respect, the lifestyle and consciousness of peasants, not deemed understandable by other educated social groups at the time, serves as a convenient tool for Turgenev to employ the auctorial narrative style and the technique of lucid thinking in “Mumu” and “The Inn.” The latter work introduces a groundbreaking portrayal of the peasant's subjectivity, achieved through the exploration of direct thought, indirect speech and thought, and the narrative of thought acts. In the finale of the novella, the narrator dedicates significant attention to the protagonist, Akim, carefully observing his outer and inner speech, its subsequent loss, and eventual recovery. The meta-physical and profound significance of “The Inn” lies in Akim's transformative journey following a material and moral catastrophe. Overnight, he loses both his modestly acquired wealth and his spouse, leading him to undergo a process of repentance and enlightenment. Their influence leads him to spiritual renewal, reestablishing the profound significance of existence and embarking on a devout journey through holy sites. Consequently, the return of speech and the inner rebirth can be interpreted as a manifestation of subjectivity and even agency of the hero.

Keywords

narratology, transparent minds, Ivan Turgenev, “The Inn”, “Mumu”, character's subjectivity, peasants in fiction

Acknowledgments

The research was performed within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics in 2023

For citation

Vdovin A. V. Transparent minds and peasant subjectivity in the novella “The Inn” by Ivan Turgenev. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 60–72. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/5

В отечественном и зарубежном тургеневедении сложился консенсус, что повести И. С. Тургенева первой половины 1850-х гг. («Муму», «Постоялый двор», «Затишье», «Яков Пасынков») сыграли ключевую роль в формировании новой повествовательной манеры писателя, прокладывая путь к первому опубликованному роману «Рудин» [Истомин, 1913; Клочихина, 1957, с. 320–324; Шаталов, 1979, с. 199; Дубовиков, 1980, с. 545–546; Макеев, 2014; Somoff, 2015, p. 111–138]. В этом ряду меньше всего внимания привлекал «Постоялый двор». Исследователей интересовали в первую очередь творческая история [Назарова, 1960], социальная проблематика [Клочихина, 1957], философское содержание [Jackson, 1984], исторические реалии повести [Меркулов, 2004]. В перспективе нарратологии «Постоялый двор» не рассматривался, а такой подход напрашивается хотя бы

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

для демонстрации упомянутого консенсуса. Кроме этого, недавнее исследование В. Сомофф, на материале «Муму» и «Конца Чертопханова» показавшей, как через изображение «прозрачного мышления» (или его проблематизацию) у Тургенева возникает романная темпоральность [Somoff, 2015, p. 111–138], заставляет обратиться с такой методологией и к другим текстам. В классических и современных нарратологических трудах давно разрабатывается тесная и исторически обусловленная связь между повествовательной техникой «прозрачного мышления» (transparent minds) и формой реалистического романа XIX в. [Cohn, 1978; Fludernik, 1993; Palmer, 2004, p. 5–12; 2010].

Сразу следует отметить, что Тургенев разрабатывал новый для себя тип повествования на материале в том числе крестьянского быта: тематически это продолжало линию «Записок охотника», а с формальной точки зрения требовало нестандартных и экспериментальных решений, поскольку манеру первой книги автор считал исчерпанной. В отличие от «Муму», в которой протагонистом выступал глухонемой дворник Герасим, в «Постоялом дворе» эту роль играет предприимчивый и разговорчивый формально крепостной Аким – владелец прибыльного постоялого двора. Контраст с «Муму» побуждает заново рассмотреть вопрос о том, почему Тургенев не довольствовался апробацией аукториальной формы с глухонемым протагонистом и обратился к другому сюжету из крестьянской жизни в тот момент, когда работал над первым (уничтоженным) романом «Два поколения». Мы ставим целью показать, что «Постоялый двор» стал существенным шагом вперед в сравнении с предшествующей прозой Тургенева в плане изображения мышления персонажа, его внутренней речи и мира. Писатель в гораздо большей пропорции, чем ранее в «Бретере» и «Муму», использовал технику изображения прозрачного мышления протагониста и интроспекции в работу его сознания. Эти новации, очевидно, позволили Тургеневу продвинуться дальше, чем в «Муму», в освоении аукториального (гетеродиегетического) типа повествования и репрезентации сознания героев – двух определяющих свойств романного жанра в эпоху реализма. Наконец, за счет этого «Постоялый двор» оказался ярким образцом создания крестьянской субъективности в прозе о простонародье 1850-х гг.

Прозрачное мышление: «Бретер»

После книг Кэти Хамбургер и Доррит Кон одним из ключевых признаков реализма как большого стиля и реалистического романа XIX в. считается мимесис мышления (и, в частности, сознания) – парадокс тотальной прозрачности изображаемого разума и сознания героев. Прозрачность достигается за счет нарративного изображения психологических процессов из строго определенной повествовательной позиции «внутреннего наблюдения» за чужим сознанием с помощью несобственно-прямой речи (а чаще мысли), а также цитируемого внутреннего монолога и наиболее ярко представлена в жанре романа [Cohn, 1978, p. 8–9]. В 1990-е гг. Моника Флудерник предприняла историческое и новое теоретическое исследование развития форм прозрачного мышления в европейских литературах Нового времени [Fludernik, 1993] и существенно конкретизировала наблюдения Кон, поместив их в контекст так называемой «постклассической» нарратологии. В 2000–2010-е гг. концепция Кон и отчасти Флудерник подверглась критике со стороны когнитивных нарратологов (А. Палмер, Д. Херман), которые полагают, что прозрачность мышления людей в художественной прозе и его непрозрач-

ность в реальной жизни – исследовательские конструкты, верные лишь отчасти и в свете недавних открытий в нейронауках нуждающиеся в коррекции [Palmer, 2004; Herman, 2011, р. 8–12]. Несмотря на оспаривание, аналитическая модель Кон и Флудерник сохраняет свой эвристический потенциал и с учетом дополнений «когнитивистов» может быть использована для анализа эволюции и форм изображения мышления и сознания в русской прозе, в частности у Тургенева¹. Так, если мы вслед за А. Палмером признаем, что события вымышленного мира важны в первую очередь в той мере, в какой они становятся переживанием и опытом персонажа, отчего нарратор и читатели реалистической литературы XIX–XX вв. сосредоточивают внимание не столько на событиях *per se*, сколько на реакции на них героев² [Palmer, 2010, р. 9], то логично допустить наличие неразрывной и формообразующей связи между изображением мышления персонажа, его субъективностью и его ролью протагониста. Отсюда следует, что чем больше в аукториальном повествовании XIX в. прозрачного мышления / сознания героев, тем больше вероятность, что этот текст будет восприниматься как психологически убедительное романное повествование (разумеется, в рамках конвенций той эпохи). Соответственно, в такой перспективе путь Тургенева от первоначальных повествований «Записок охотника» к аукториальной прозе середины 1850-х получает более глубокое объяснение. По его известным высказываниям начала 1850-х гг. о том, что «психолог должен исчезнуть в художнике» (Тургенев, 1980, с. 495)³, мы можем с большой долей вероятности утверждать, что Тургенев в этот период остро осознавал эпистемологическую проблему не только объективности формы, но и границ репрезентации психологических процессов в сознании человека. Для того чтобы прийти к своему зрелому стилю так называемого «косвенного» психологизма, о котором так много написано на материале его романов и который не исчерпывается этим определением, Тургенев, по-видимому, должен был сначала научиться полноценно изображать мышление и сознание героев, а затем уже овладеть техникой полутонков, намеков, создающих большее психологическое напряжение в восприятии читателя (см. об этом: [Шаталов, 1979, с. 182–183, 225–232]). Мы предполагаем, что набить руку в этом ему и помогло изображение крестьянского мышления в «Муму» и «Постоялом дворе». Важно и то, что ближайшие советчики Тургенева направляли его внимание в сторону аукториального повествования. Так, Анненков писал ему 12 (24) октября 1852 г.: «Я решительно жду от вас романа с полной властью над всеми лицами и над событиями и без наслаждения самим собой (т. е. своим авторством), без внезапного появления оригиналов, которых вы уже чересчур любите... И такой роман вы напишете непременно...» (Анненков, 2005, с. 7). Соблазнительно предполагать, что под фразой о «полной власти над всеми лицами» критик мог подразумевать, пусть и не используя современного нам термина, то самое прозрачное мышление и интервенции нарратора в сознание персонажей.

Овладение новой манерой заняло у Тургенева около 9 лет – от первого рассказа, написанного от лица гетеродиегетического повествователя («Бретер», конец 1846 г.) до 1855 г., когда создавался «Рудин». Кратко рассмотрим основные вехи.

¹ В свою очередь, сторонники классической нарратологии критикуют когнитивистов. См. рецензию В. Шмида на книги А. Палмера [Шмид, 2014].

² На самом деле похожие идеи задолго до Палмера высказывала и М. Флудерник, используя понятие «переживаемости» героев (*experientiality*) [Fludernik, 2002, р. 21–22].

³ Далее все цитаты даются по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

Первой попыткой Тургенева освоить гетеродиегетический тип повествования с проникновением во внутренний мир героев был рассказ «Бретер» (1846, опубл. в 1847; см. об этом: [Шаталов, 1979, с. 198–199, 218; Чудаков, 1987, с. 240–243]). Эта явно опирающаяся на пушкинскую традицию новелла, многим обязанная «Выстрелу» (см. [Киселева, Фомина, 2011]), целиком выдержана от лица аукториального гетеродиегетического нарратора. При этом он постоянно меняет фокализацию и чередует показ ключевых для сюжета сцен с точки зрения Маши Перекатовой (с. 51) и Кистера (с. 61). Сознание Лучкова остается наиболее закрытым, что полностью соответствует замыслу рассказа показать «странную», «необыкновенную» личность, поведение которой непредсказуемо и не поддается исчерпывающей трактовке ни героями, ни читателями. Тургенев преднамеренно дает ключ к характеру Лучкова в начале рассказа, когда пишет, что «он не должен был быть разоблачен; может быть, ожесточение в нем происходило именно от сознания недостатков своего воспитания, от желанья скрыть себя всего под одну неизменную личину» (с. 37). В дальнейшем мотив соотношения внутреннего «я», более богатого и тонкого, чем внешние его проявления, обедняемые плохим самообладанием и неумением складно выразиться, становится ведущим. На нем построена кульминационная сцена объяснения Лучкова и Маши, когда она порывает с ним именно из-за того, что он кажется ей грубым, неделикатным, в то время как на следующий день на свидании с Кистером она приписывает последнему прямо противоположные качества и потому выбирает именно его.

Далее в рассказе этот мотив осложняется и подкрепляется мотивом «темной, непрозрачной души», которая «бродит» в Маше (с. 52), а в Лучкове так же непрозрачна для окружающих:

В Лучкове было что-то загадочное для молодой девушки; она чувствовала, что душа его темна, «как лес», и силилась проникнуть в этот таинственный мрак... Так точно дети долго смотрят в глубокий колодезь, пока разглядают, наконец, на самом дне неподвижную черную воду (с. 53);

[Лучков – Кистеру] «Я вас знаю?.. кто вас знает? Чужая душа – темный лес, а товар лицом показывается» (с. 74).

В итоге «Бретер» может быть истолкован как история о непредсказуемом поведении Лучкова, которое объясняется его непрозрачной душой; желчного, нелюдимого и самолюбивого человека с психологической травмой. Сложность, непостижимость и опасность Лучкова недооценивается ни Машей, ни Кистером, и это становится фатальным для их судеб. Лучков мстит самым близким для него существам – влюбленной в него Маше и искренне привязанному к нему Кистеру, убивая его на дуэли и оставляя Машу, судя по всему, незамужней.

Таким образом, Лучков предстает как один из ранних «странных» героев Тургенева, для которых писатель использует принцип «чем меньше интроспекций, тем психологичнее». Чтобы он в полной мере реализовался, в тандеме с таким героем должен фигурировать более «прозрачный» персонаж. В «Бретере» это Кистер, мышление и сознание которого наиболее открыто для нарратора (неудивительно, что большая часть интроспекций в рассказе приходится на его долю). Можно поэтому утверждать, что субъективность Кистера становится в рассказе наиболее полноценной и воплощенной: читатель получает возможность следить за мельчайшими движениями его души за счет двух типов передачи прозрачного мышления – несобственно-прямой мысли, цитируемого внутреннего монолога или пересказов мыслительного акта.

От дворянской субъективности – к крестьянской: «Муму» и «Постоялый двор»

В 1852 г., после выхода «Записок охотника» отдельной книгой, Тургенев возвращается к аукториальному повествованию в двух повестях – теперь уже о крестьянах: «Муму» (написана в 1852, опубл. в 1854) и «Постоялом дворе» (написана в конце 1852, опубл. в 1855). В отличие от «Муму», вторая повесть не анализировалась с помощью нарратологического инструментария. С точки зрения целей нашего исследования оба текста составляют диптих – эксперимент Тургенева, направленный на дальнейшее совершенствование техники прозрачного мышления. Как известно, в «Муму» Тургенев тестирует эту технику, казалось бы, на самом неподходящем для этого примере – сознании глухонемого крестьянина, которое, скорее всего, не оперирует языком (за исключением клички собаки [Somoff, 2015, p. 122–123]). Согласно представлениям той эпохи, это означало крайнюю степень непознаваемости. Тем не менее, мышление Герасима, не владеющего речью, на самом деле оказалось для Тургенева идеальным пространством для осмысления проблемы закрытости человеческого сознания. В случае Герасима оно непрозрачно вдвойне – и потому, что он глухонемой, и потому, что он крепостной крестьянин. Нарратор играет на этих обстоятельствах, и многие загадки «Муму» обусловлены, как показывают последние исследования, как раз этой ситуацией [Фомина, 2014, с. 41–49].

Поскольку эксперимент с мышлением глухонемого человека можно было поставить только единожды, в «Постоялом дворе» Тургенев обратился к противоположному типу крестьянского сознания в его весьма развитой и интеллектуализированной форме, свойственной состоятельному владельцу постоялого двора Акиму. Несмотря на элементы непознаваемости и обозначенный предел репрезентации, которые я рассмотрю далее, повествователь позволяет себе интроспекции в сознание главных героев Акима и Наума, глубина и частотность которых значительно превышают аналогичные интервенции в «Бретере» и «Муму». Наряду с традиционными приемами прямой мысли и пересказа мыслительного акта⁴, использование несобственно-прямой речи и мысли главных и даже второстепенных героев происходит в «Постоялом дворе» постоянно и значительно обогащает нарратацию и стиль произведения, создавая более психологизированный и, как следствие, реалистически правдоподобный, тип субъективности персонажей.

Наконец, если повесть «Муму» была тестированием возможностей, так сказать, «нулевой» репрезентации крестьянского сознания, то «Постоялый двор», наоборот, – воплощение другой манеры повествования о крестьянах, которая открывает читателю доступ в богатую психику и мышление героя и тем самым конструирует его субъективность, абсолютно уравнив по своей ценности и развитию с субъективностью героев из других сословий. Это оказывается возможным в тексте сначала за счет высвобождения в Акиме его внутренней речи, а затем восстановления способности владеть словом. Метафизический, глубинный смысл «Постоялого двора» заключается в том, что Аким, потерпевший материальную и моральную катастрофу, в одночасье потеряв и небольшой, но честно

⁴ Как убедительно показывает А. Палмер, пересказ мыслительного акта (thought report) является недооцененным в нарратологии и наиболее распространенным в реалистической прозе типом передачи мышления и сознания героев. Мыслительные акты включают широкий спектр состояний сознания – мысли, чувства, эмоции, ощущения, переживания, телесные аффекты и т. д. [Palmer, 2004, p. 54–84].

заработанный капитал, и жену, переживает своего рода покаяние и прозрение. Благодаря им в финале он обретает духовное просветление и восстановление утраченного смысла жизни, превращаясь в странствующего по святым местам богомольца. Как следствие, возвращение речи к герою и внутреннее перерождение могут быть истолкованы как проявление субъективности и даже субъектности (в смысле агентности) героя, которые предвосхищают романский потенциал. Теперь посмотрим, как это происходит в тексте.

Речь, мышление и субъективность персонажей

Прежде всего, следует отметить, что духовное перерождение протагониста происходит в повести на фоне плотной сетки мотивов, связанных с путем и большой дорогой. Название «Постоялый двор» намекает на романский хронотоп «большой дороги», актуализируемый в первых строках: «На большой Б...й дороге, в одинаковом почти расстоянии от двух уездных городов, чрез которые она проходит...» (с. 273). В прошлом протагонист Аким Семенов, крепостной крестьянин помещицы Кунце и основатель постоялого двора, успешно занимался извозом и «почти всю жизнь пространствовал по большим дорогам, ходил в Казань и Одессу, в Оренбург и в Варшаву, и за границу, в “Липецк” <Лейпциг. – N. N.>» (с. 276). Однако «бездомное, скитальческое житье» Акиму надоело, и он обзавелся постоянным двором и взял в жены Авдотью. Расширенная топография разъездов указывает на необычность Акима, его неординарность, а эпитет «скитальческое» подготавливает его финальный уход в богомольцы, также предполагающий скитания, но уже иного типа. При первом описании Наума, второго хозяина двора, также задаются пространственно-временные координаты: до своего блестящего положения он «дошел не прямым путем» (с. 276). Так в повествование вплетается тема жизненного пути и его праведности, которая и станет центральной для повести. В финале хождения богомольца Акима географически столь же разнообразны, как и его извозчицьи разъезды: он ежегодно совершал паломничества в Москву, в Троицу-Сергиеву Лавру, к «Белым берегам», в Оптину пустынь, на Валаам и даже в Иерусалим (с. 319).

Протагонист «Постоялого двора» Аким переживает драму, которая лучше всего может быть описана как утрата и последующее восстановление внутренней речи и голоса, что на символическом уровне означает возвращение себе достоинства и самосознания, т. е. субъективности. Обращаясь к мотивам голоса, речи и молчания в «Постоялом дворе», Тургенев продолжает исследовать ту же проблематику, что и в «Муму», но в другом аспекте. В отличие от Герасима протагонист и антагонист рассказа – крестьянин и «дворник» Аким Семенов и мещанин Наум Иванов – люди с ярко выраженной речевой манерой, что с самого начала маркировано в тексте. Наум в своем сорокалетнем возрасте изображается как человек, не любивший «тратить попусту слова» (с. 276), в то время как Аким, напротив, в зените славы своего благополучия предстает как болтун и любитель потравить байки о своих дальних поездках (с. 277). Но в начале фабулы, когда Науму всего около 20, а Акиму слегка за 50, Наум, напротив, предстает как красноречивый, прекрасный рассказчик, голос и балагурство которого очаровывают Авдотью тем, что «выражался он по-купчески, но очень свободно и с какой-то небрежной самоуверенностью» (с. 284). Более того, в отличие от Акима, утратившего в продолжительных поездках на открытом воздухе певческий голос, хотя

ранее «отлично певал» (с. 278), Наум красиво поет, и звук его голоса чарует Авдотью, потерявшую от него голову (с. 279).

По мере развития страсти Авдотьи к Науму Аким изображается как человек, постепенно утрачивающий способность к красноречию. Именно с этого момента повествователь начинает всё чаще вторгаться в его мышление, делая его прозрачным для читателя, и передавать его мысли и чувства, в том числе при помощи несобственно-прямой мысли и речи. Если первый случай длиной всего в одно короткое предложение располагается в начале рассказа (история женитьбы Акима: «Так-то она его к себе “присушила”!», с. 280), то следующая более развернутая несобственно-прямая речь используется, когда читатель уже знает об измене Авдотьи:

Мы сказали выше, что он не подозревал расположения своей жены к Науму, хотя добрые люди не раз ему намекали, что пора, мол, тебе за ум взяться; конечно, он сам иногда мог заметить, **что хозяйка его с некоторого времени как будто норовистой стала, да ведь известно: женский пол ломлив и прихотлив**⁵ (с. 289–290).

В маркированном предложении явно проступает идиолект Акима, фрагменты его простонародной речи. Накануне внезапного выселения из своего же дома Аким пытается разговорить жену, но выясняется, что она никогда не ценила его «красноречия». Крестьянин впервые осознает, что молчание и дефицит разговора оказались одной из причин неверности жены: «Как начнешь разговаривать, – повторил он вполголоса... – то-то и есть, что я мало разговаривал с тобой...» (с. 291). Характерно, что Аким повторяет последнюю сказанную женой фразу. Тургенев будет еще несколько раз использовать этот прием подхвата (повтора последних слов другого персонажа), чтобы подчеркнуть растерянность и страдания героя, утрату им самообладания и достоинства. Так, уже в следующей сцене – появления Наума для выселения Акима – диалог строится на том же приеме фразового повтора:

– Здорово, – промолвил он и снял шапку.
– **Здорово, – повторил** сквозь зубы Аким. – Откуда бог принес?
– По соседству, – возразил тот и сел на лавку. – **Я от барыни.**
– **От барыни, – проговорил** Аким, всё не поднимаясь с места. – По делам, что ль? (с. 292)

Повтор чужих фраз призван подчеркнуть не только растерянность и слабость Акима, его природную доброту, но и утрату внутренней опоры, а в конечном счете собственной идентичности. Если в разговоре с Наумом он еще пытается отбиваться и защищать свое имущество, то в разговоре с Кирилловной герой и вовсе лишается дара речи: «Войдя в комнату, он тотчас же остановился и прислонился подле двери к стене, хотел бы заговорить... и не мог» (с. 296). В этой сцене Аким также мычит, молчит и лишь повторяет за Кирилловной ее последние фразы. Далее, в сцене встречи с Авдотьей Аким переживает тяжелейший удар, когда узнает от нее о том, что это она передала скопленные им деньги любовнику Науму. После рокового известия Аким впадает в мрачное и долгое молчание, запойно и молча пьет у своего приятеля Ефрема (с. 301). Только после беспамятного питья

⁵ Здесь и далее все изменения шрифта принадлежат автору статьи.

и тяжелого сна Аким предстает полным решимости отомстить и поджечь перешедший Науму дом.

Именно в этот момент нарратор приоткрывает читателю сознание героя, но не Акима, а Наума. Аким показан лишь протрезевшим и полным решимости на нечто, что пока читателю неизвестно. Тем временем нарратор передает внутренний монолог Наума, который радуется прекрасному началу «дельца» (с. 306), однако герою не спится: ему слышится движение за окном. Далее следует одна из самых динамичных сцен повести – схватка Наума с Акимом, в которой нет места интроспекциям. Их час наступает, лишь когда Аким произносит выстраданную речь о божеском суде, просит у Наума прощения, и они заключают мировую.

Только во время ухода Акима прочь от своего бывшего двора нарратор прибегает к непропорционально большой с точки зрения объема всего текста интроспекции в сознание Акима, технически поданной с помощью прямой мысли (ПМ) и пересказа мыслительного акта (сокращенно ПМА). Приведем развернутую цитату с указанием в квадратных скобках приемов:

...вся **внутренность** в нем дрожала, как у человека, который только что избежал явной смерти. Он словно **не верил своей свободе** [ПМА]. С тупым изумлением глядел он на поля, на небо, на жаворонков, трепетавших в теплом воздухе. Накануне, у Ефрема, он с самого обеда не спал, хоть и лежал неподвижно на печи; сперва он хотел вином заглушить в себе нестерпимую боль обиды, тоску досады, бешеной и бессильной... но вино не могло одолеть его до конца; сердце в нем расходилось, и он начал **придумывать, как бы отплатить своему злодею...** [ПМА] <...>. К вечеру жажда мести разгорелась в нем до иступления, и он, добродушный и слабый человек, с лихорадочным нетерпением дождался ночи и, как волк на добычу, с огнем в руках побежал истреблять свой бывший дом... Но вот его схватили... заперли... Настала ночь. **Чего он не передумал в эту жестокую ночь! Трудно передать словами всё, что происходит в человеке в подобные мгновения, все терзанья, которые он испытывает; оно тем более трудно, что эти терзанья и в самом-то человеке бессловесны и немые...** [ПМА] К утру, перед приходом Наума с Ефремом, Акиму стало как будто легко... **«Всё пропало! – подумал он, – всё на ветер пошло!» и махнул рукой на всё...** [ПМ] Если б он был рожден с душой недоброй, в это мгновение он мог бы сделаться злодеем; но зло не было свойственным Акиму. **Под ударом неожиданного и незаслуженного несчастья, в чаду отчаянья решился он на преступное дело; оно потрясло его до основания и, не удавшись, оставило в нем одну глубокую усталость...** **Чувствуя свою вину, оторвался он сердцем от всего житейского и начал горько, но усердно молиться** [ПМА]. Сперва молился шёпотом, наконец он, может быть случайно, громко произнес: **«Господи!»** – и слезы брызнули из его глаз... Долго плакал он и утих, наконец... **Мысли его, вероятно бы, изменились, если б ему пришлось поплатиться за свою вчерашнюю попытку... Но вот он вдруг получил свободу... и он шел на свидание с женою полуживой, весь разбитый, но спокойный** [ПМА] (с. 313–314).

Ретроспекция в переживание подвального заточения Акима позволяет задействовать его память, которая, очевидно заменяя ему рефлексию, проделывает

огромную работу в его сознании. Основное изложение происходящего в душе Акима формально, лексически и синтаксически принадлежит нарратору, но с помощью прямой мысли («Всё пропало! Всё на ветер пошло») он передает интонацию и голос самого героя. Обратим при этом внимание на характерный в будущем для зрелого Тургенева прием паралепсиса (известного в классической риторике как умолчание о том, о чем тем не менее сообщается): нарратор подчеркивает, что доступ в сознание Акима остается для него ограниченным («Трудно передать словами всё, что происходит в человеке в подобные мгновенья»). Логично предположить, что мотив бессловесности и немоты – прямая отсылка к фигуре немом Герасима. Однако здесь, в «Постоялом дворе», нарратор Тургенева не столько объявляет крестьянское сознание непредставимым, сколько заявляет о бессловесности, невербализуемости любых сложных и сильных человеческих переживаний вообще, безотносительно к сословию, уровню интеллекта или культурного багажа.

Перерождение Акима происходит только после молитвы и покаяния, осознания своего греха, о чем он после сам говорит Авдоть: «Я пойду грехи свои отмаливать, Арефьевна, вот куда я пойду» (с. 317). Речь Акима в финальных сценах ясна, проста, спокойна и мудра. К нему снова возвращается былая речевая манера, но уже не краснбайство, а взвешенное слово, соответствующее его возрасту и опыту. В речи Акима появляются присказки («люби кататься, люби и саночки возить», с. 318). Последний монолог героя через окрашенность речи демонстрирует его стремительное старение, превращение в богомольного старца, заботящегося уже не о прибыли и сладострастии (в начале рассказа, напомним, подчеркивается, что Аким был крайне падок на женщин). Преображение героя и его странничество вызывают в памяти фигуры мучеников или страдальцев, так что темпоральность рассказа в финале из линейного движения по пути накопления денег и личного счастья трансформируется в цикличное (христианское) время духовного поиска и вечных истин. Именно этот катарсический эффект развязки (падение героя, его крах и воскрешение к жизни), судя по всему, побудил первых читателей «Постоялого двора» П. В. Анненкова и С. Т. Аксакова усмотреть в рассказе мощное драматическое начало ⁶.

Таким образом, путь от «Бретера» через «Муму» к «Постоялому двору» для тургеневского гетеродиегетического нарратора лежал через разработку техники передачи прозрачного мышления в первую очередь для персонажей из крестьянского мира. Вряд ли такой выбор был случаен. Как мы пытались доказать, Тургенев сознательно избрал материал из простонародной жизни для овладения новой повествовательной манерой, поскольку она открывала более широкий простор, с одной стороны, для повествовательных экспериментов (как можно понять и выразить, что в голове у глухонемого?), а с другой – позволяла закрепить статус Тургенева как главного знатока народной жизни (по мнению многих критиков). При этом даже при таких глубоких интроспекциях в мышление и сознание героя, как в «Постоялом дворе», хорошо известные убеждения Тургенева о том, что глубинные психические процессы носят невербальный характер, ограничивали дие-

⁶ Ср. отзыв С. Т. Аксакова: «Это – русские люди, русская драма жизни, некрасивая по внешности, но потрясающая душу, изображенная русским талантом» (Переписка Тургенева, 1986, с. 313). Мнение Анненкова: «Еще ни в одном из них (т. е. рассказов. – А. В.) не было столько драмы; там только было усилие, стремление, желание драмы – здесь она есть» (Анненков, 2005, с. 10).

гезис прозрачного сознания и закладывали фундамент поэтики будущих романов писателя.

Список литературы

Дубовиков А. Н. Вступительная статья к «Повестям и рассказам» // Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12 т. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 537–553.

Истомин К. К. Старая манера Тургенева. СПб., 1913. 128 с.

Киселева Л. Н., Фомина Е. Роль И. С. Тургенева в формировании канона (на материале прозы 1840-х гг.) // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт: В 2 ч. Tartu: Uni. of Tartu Press, 2011. Ч. 1. С. 224–249. (Humaniora: Litterae Russicae)

Клочихина М. М. Повесть Тургенева «Постоялый двор» (Проблематика, образы, художественное своеобразие) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. Ленина. 1957. Т. 98. С. 299–337.

Макеев М. С. «Большая повесть» вместо романа: еще раз о системе жанров тургеневской прозы 1850-х годов // Спасский вестник. 2014. Т. 22. С. 99–105.

Меркулов А. Г. Некоторые аспекты работы И. С. Тургенева над повестью «Постоялый двор» // Спасский вестник. 2004. Вып. 10. С. 152–158.

Назарова Л. Н. К истории творчества И. С. Тургенева 1850–60-х годов. I. И. С. Тургенев в работе над повестью «Постоялый двор» // Тургенев (1818–1883 – 1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. С. 132–146.

Фомина Е. Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Tartu: Uni. of Tartu Press, 2014. 149 с.

Чудаков А. П. О поэтике Тургенева-прозаика (Повествование, предметный мир, сюжет) // И. С. Тургенев в современном мире / Отв. ред. С. Е. Шаталов. М.: Наука, 1987. С. 240–266.

Шаталов С. Е. Художественный мир Тургенева. М.: Наука, 1979. 312 с.

Шмид В. Перспективы и границы когнитивной нарратологии (По поводу работ Алана Пальмера о «fictional mind» и «social mind») // Narratorium. 2014. № 1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633109> (дата обращения 10.08.2023).

Cohn D. Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton Uni. Press, 1978. 344 p.

Fludernik M. The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness. L.; N. Y.: Routledge, 1993. 556 p.

Fludernik M. Towards a “Natural” Narratology. 2nd ed. L.; N. Y.: Routledge, 2002. 470 p.

Herman D. Introduction // The Emergence of Mind: Representation of Consciousness in Narrative Discourse in English / Ed. by D. Herman. Lincoln, NE: Uni. of Nebraska Press, 2011. P. 1–40.

Jackson R. L. Turgenev’s “The Inn”: A Philosophical Novella // Russian Literature. 1984. No. 16. P. 411–420.

Palmer A. Fictional Minds. Lincoln, NE: Uni. of Nebraska, 2004. 276 p.

Palmer A. Social Minds in the Novel. Columbus: Ohio State Uni. Press, 2010. 220 p.

Somoff V. The Imperative of Reliability: Russian Prose on the Eve of the Novel, 1820s – 1850s. Evanston: Northwestern Uni. Press, 2015. 248 p.

Список источников

- Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. СПб.: Наука, 2005. Кн. 1. 532 с.
Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. 542 с.
Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12 т. Л.: Наука, 1980. Т. 4. 688 с.

References

- Chudakov A. P. O poetike Turgeneva-prozaika (Povestvovanie, predmetnyy mir, syuzhet) [On Turgenev's Fiction Poetics (Narrative, Objects, Plot)]. In: *I. S. Turgenev v sovremennom mire* [Ivan Turgenev in modern world]. S. E. Shatalov (Ed.). Moscow, Nauka, 1987, pp. 240–266.
- Cohn D. *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*. Princeton Uni. Press, 1978, 344 p.
- Dubovikov A. N. Vstupitel'naya stat'ya k "Povestiyam i rasskazam" [Introduction to "Tales and Stories"]. In: Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. 2-e izd., ispr. i dop. Soch.: V 12 t.* [Complete collected works: In 30 vols. 2nd ed., rev. and suppl. Works: In 12 vols.]. Leningrad, Nauka, 1980, vol. 4, pp. 537–553.
- Fludernik M. *The Fictions of Language and the Languages of Fiction: The Linguistic Representation of Speech and Consciousness*. Leningrad, N. Y., Routledge, 1993, 556 p.
- Fludernik M. *Towards a "Natural" Narratology*. 2nd ed. Leningrad, N. Y., Routledge, 2002, 470 p.
- Fomina E. *Natsional'naya kharakterologiya v proze I. S. Turgeneva* [National Characterology in Ivan Turgenev's Fiction]. Tartu, Univ. of Tartu Press, 2014, 149 p.
- Herman D. Introduction. In: *The Emergence of Mind: Representation of Consciousness in Narrative Discourse in English*. D. Herman (Ed.). Lincoln, NE, Uni. of Nebraska Press, 2011, pp. 1–40.
- Istomin K. K. *Staraya manera Turgeneva* [The old manner of Turgenev]. St. Petersburg, 1913, 128 p.
- Jackson R. L. Turgenev's "The Inn": A Philosophical Novella. *Russian Literature*. 1984, no. 16, pp. 411–420.
- Kiseleva L. N., Fomina E. Rol' I. S. Turgeneva v formirovanii kanona (na materiale prozy 1840-kh gg.) [Ivan Turgenev's Role in Canon Formation (based on his fiction of 1840s)]. In: *Pushkinskie chteniya v Tartu 5: Pushkinskaya epokha i russkiy literaturnyy kanon: K 85-letiyu L. I. Vol'pert: V 2 ch.* [The Epoch of Pushkin and Russian Literary Canon: In Honor of Larissa Volpert's 85 Jubilee: in 2 pts.]. Tartu, Univ. of Tartu Press, 2011, pt. 1, pp. 224–249. (*Humaniora: Litterae Russicae*)
- Klochikhina M. M. Povest' Turgeneva "Postoyalyy dvor" Problematika, obrazy, khudozhestvennoe svoeobrazie) [Turgenev's Tale "The Inn" (Problems, Characters, Artistic Peculiarity)]. *Uchen. zap. Mosk. gos. ped. in-ta im. Lenina*. 1957, vol. 98, pp. 299–337.
- Makeev M. S. "Bol'shaya povest'" vmesto romana: eshche raz o sisteme zhanrov turgenevskoy prozy 1850-kh godov ["A Big Tale' instead of a Novel: Once Again on the System of Genres in Turgenev's Fiction of 1850s]. *Spasskiy vestnik*. 2014, vol. 22, pp. 99–105.

Merkulov A. G. Nekotorye aspekty raboty I. S. Turgeneva nad povest'yu "Postoyalyy dvor" [Some Aspects of Ivan Turgenev's Work on "The Inn"]. *Spasskiy vestnik*. 2004, iss. 10, pp. 152–158.

Nazarova L. N. K istorii tvorchestva I. S. Turgeneva 1850–60-kh godov. I. I. S. Turgenev v rabote nad povest'yu "Postoyalyy dvor" [Towards Turgenev's Creative Work in 1850–60s. I. Turgenev Writing his Tale "The Inn"]. In: *Turgenev (1818–1883 – 1958). Stat'i i materialy* [Turgenev (1818–1883–1958): Articles and materials]. Orel, 1960, pp. 132–146.

Palmer A. *Fictional Minds*. Lincoln, NE, Uni. of Nebraska, 2004, 276 p.

Palmer A. *Social Minds in the Novel*. Columbus, Ohio State Uni. Press, 2010, 220 p.

Shatalov S. E. *Khudozhestvennyy mir Turgeneva* [The artistic world of Turgenev]. Moscow, Nauka, 1979, 312 p.

Shmid V. Perspektivy i granitsy kognitivnoy narratologii (Po povodu rabot Alana Pal'mera o "fictional mind" i "social mind") [Perspectives and Constraints of Cognitive Narratology (Concerning Alain Palmer's Works on Fictional and Social Minds)]. *Narratorium*. 2014, no. 1 (7). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2633109> (accessed 10.08.2023)

Somoff V. *The Imperative of Reliability: Russian Prose on the Eve of the Novel, 1820s – 1850s*. Evanston, Northwestern Uni. Press, 2015, 248 p.

List of sources

Annenkov P. V. *Pis'ma k I. S. Turgenevu* [Letters to Ivan Turgenev]. St. Petersburg, Nauka, 2005, bk. 1, 532 p.

Perepiska I. S. Turgeneva: V 2 t. [Turgenev's correspondence: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1986, 542 p.

Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. 2-e izd., ispr. i dop. Soch.: V 12 t.* [Complete collected works: In 30 vols. 2nd ed., rev. and suppl. Works: In 12 vols.]. Lenin-grad, Nauka, 1980, vol. 4, 688 p.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Вдовин, доктор филологических наук, профессор, Школа филологических наук, факультет гуманитарных наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
WoS Researcher ID M-4079-2014

Information about the author

Alexey V. Vdovin, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Humanities, School of Philological Studies, HSE University (Moscow, Russian Federation)
WoS Researcher ID M-4079-2014

Статья поступила в редакцию 11.03.2023;

одобрена после рецензирования 04.05.2023; принята к публикации 04.05.2023

The article was submitted on 11.03.2023;

approved after reviewing on 04.05.2023; accepted for publication on 04.05.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/6

**Традиции сатирической журналистики 1860-х годов
в фельетонном творчестве Ф. В. Волховского
в «Сибирской газете» (1882–1888)**

Александр Евгеньевич Мазуров

Томский государственный университет
Томск, Россия

rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Аннотация

Сатирические журналы 1860-х гг. оказали значительное влияние на систему периодической печати. Публицисты Сибири с ее культурным и экономическим отставанием от центра в 1880-е гг. во многом оказались в схожих с демократической прессой условиях. В статье рассматривается отражение сатирических традиций «Свистка» (1859–1863) и «Искры» (1859–1873) в фельетонном творчестве Ф. В. Волховского, «негласного редактора» первого крупного частного издания Западной Сибири, «Сибирской газеты» (1881–1888). В исследовании анализируются идеологические и методологические особенности сатиры 1860-х гг., а также их влияние на создание Волховским «сатирической летописи» Сибири.

Ключевые слова

Ф. В. Волховский, фельетоны, «Сибирская газета», сатира

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Томского государственного университета «Сибирика. Актуализация локального сибирского текста и творческого наследия дореволюционных писателей Сибири» по гранту Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования

Мазуров А. Е. Традиции сатирической журналистики 1860-х годов в фельетонном творчестве Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 73–85. DOI 10.17223/18137083/89/6

© Мазуров А. Е., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 73–85
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 73–85

Traditions of satirical journalism of the 1860s in the feuilleton work of F. V. Volkhovsky in the “Sibirskaya gazeta” (1882–1888)

Alexandr E. Mazurov

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Abstract

The satirical magazines of the 1860s had a significant impact on the periodical press system. Given the cultural and economic disparities between Siberia and the center in the 1880s, Siberian publicists found themselves in conditions resembling those of the democratic press. This paper examines the satirical traditions of the key representatives of the democratic press, namely “Svistok” (1859–1863) and “Iskra” (1859–1873). The analysis focuses on the feuilleton works of F. V. Volkhovsky, the “tacit editor” of the first major private publication in Western Siberia, “Sibirskaya gazeta” (1881–1888). The publicist’s ideology was centered on combating the pre-reform order in Siberia before the reforms. The populist brought his theses on social and economic contradictions published in the “Svistok” and “Iskra” into a single ideological harmony within the framework of two concepts: regional and socialist. It was also crucial for Volkhovsky to address the persisting problem of publicity, the attitude to the printed word, and the understanding of its goals. He wrote feuilletons in the Aesopian manner due both to pre-censorship and directly to satirical objects similar to their predecessors. Additionally, Volkhovsky employed irony as a central technique to achieve a comedic effect, thereby eliminating the option of employing satirical methods. Furthermore, the publicist brought many of the methods of his literary predecessors to a new level.

Keywords

F. V. Volkhovsky, feuilletons, “Sibirskaya gazeta”, “Iskra”, “Svistok”, satire

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the Tomsk State University project “Siberia. Actualization of the local Siberian text and the creative heritage of pre-revolutionary writers of Siberia” with a grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation

Mazurov A. E. Traditions of satirical journalism of the 1860s in the feuilleton work of F. V. Volkhovsky in the “Sibirskaya gazeta” (1882–1888). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 73–85. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/6

Сатирическая журналистика 1860-х гг. была одним из ключевых явлений отечественной литературы и публицистики второй половины XIX в., послужив формированию системы периодической печати и становлению ее жанровой палитры. Феномен демократической прессы во многом вдохновлялся подготовкой и противоречивой реализацией крестьянской реформы, ослаблением цензурного режима и активным установлением в повестке идеи гласности. Флагманами журналистики в 1860-е гг. выступали сатирические журналы: «Свисток» (приложение к «Современнику», издавался в 1859–1863 гг.), «Искра» (1859–1873), «Гудок» (1862–1863) и «Будильник» (1865–1871) (см.: [Очерки..., 1965, с. 9–30]). Среди журнальных и газетных публикаций преобладали публицистические и художественные

но-публицистические жанры, важное место среди которых занимал фельетон [Мазуров, 2022а, с. 58–77].

Изменения, перевернувшие столичную прессу в 1860-е гг., находили отражение в провинции лишь в конце XIX в. Такая «задержка» сказывалась и на развитии жанров: провинциальные фельетоны были типологически ближе к выступлениям В. С. Курочкина, М. М. Стопановского, Н. А. Добролюбова, нежели к публицистике А. В. Амфитеатрова и А. С. Суворина (см.: [Старых, 2010]). Редакции обращались к эзопову языку, иронии, используя уже отработанные в общероссийской прессе методы и паттерны [Мазуров, 2022а, с. 73–74]. Становление сибирского фельетона, начавшееся с публикаций Н. М. Ядринцева в «Томских губернских ведомостях», а затем в «Восточном обозрении» (см.: [Крутовский, 1912; Гольдфарб, 1997; Чуркин, 2017]), было продолжено на страницах «Сибири», «Сибирской газеты», «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» (см.: [Жилякова, 2012]).

Важную роль в формировании региональной сатирической традиции сыграло первое крупное частное издание Западной Сибири – «Сибирская газета» (1881–1888). В областнически ориентированном издании работали как местные публицисты П. М. Головачев, Ф. Ф. Филимонов, А. В. Адрианов, так и сосланные в Сибирь народники: Ф. В. Волховский, С. Л. Чудновский, Д. А. Клеменц [Жилякова, 2002, с. 30–49]. Одной из особенностей газеты была ее «литературоцентричность»: стихотворения, рассказы, очерки публиковались почти в каждом номере [Жилякова, 2002]. «Литературоцентричность» была связана как с ориентацией на просвещение сибиряков, так и с напряженными отношениями с цензорами, потребностью в разработке собственного «шифра».

В «Сибирской газете» было опубликовано более 350 художественных и художественно-публицистических текстов, большая часть из которых, в том числе 80 фельетонов, написано сосланным в Сибирь в 1878 г. поэтом-народником Ф. В. Волховским [Мазуров, 2022а,]. «Негласный редактор» газеты (см.: [Доманский, 1996]) уделял значительное внимание борьбе за равноправие и социальной повестке. Волховский был во многом наследником традиций демократического русского фельетона, развивавшегося в рамках принципов «натуральной школы»: в его произведениях можно обнаружить ориентацию на творчество Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина, увидеть следование принципам гласности и адресности.

Цель настоящего исследования – выявление преемственности фельетонов Ф. В. Волховского по отношению к сатирическим журналам 1860-х гг. как с точки зрения содержания, так и с точки зрения используемых публицистом сатирических методов и приемов. Цель реализуется за счет анализа и сопоставления номеров «Искры», «Свистка» и материалов публициста. Основными методами в рамках исследования являются описание, содержательный и сравнительный анализ, метод описательной поэтики.

Преемственность фельетонов Волховского по отношению к творчеству писателей «натуральной школы» (Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина) уже неоднократно становилась объектом исследований (см.: [Жилякова, 2008; Мазуров, 2022б]). При этом особенности демократической журналистики 1860-х гг. и их отражение в фельетонах публициста обозначались только в рамках характеристики творчества поэта-народника в целом (см.: [Жилякова, 2020; Мазуров, 2022а; Ямпольский, 1971]).

Одним из ключевых сатирических изданий 1860-х гг. был «Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» [1981]. Он был основан как приложение к «Современнику» в 1859 г. Несмотря на малый объем (всего девять номеров), «Свисток» во многом повлиял на существующую в России систему периодических изданий, а также на восприятие жизни страны [Рыбас, 2011, с. 29]. Особенностью «Свистка» была новая форма «разбора репутаций и авторитетов», отличающаяся «веселостью и большим остроумием», стремлением ко «всеобщему свисту» [Анненков, 1960, с. 510].

Идейным вдохновителем «Свистка» был Н. А. Добролюбов. В программе иллюстрированной сатирической газеты «Свисток», в выпуске которой было отказано в 1859 г. (таким видели продолжение журнала), критик писал: «Обязанность его будет: открывать и осмеивать дурное и забавное везде и во всем, нисколько не опасаясь скомпрометировать чрез то хорошую сторону предмета. Такого простора для сатиры необходимо требует переходное состояние, в каком находится теперь наше общество» [«Свисток»..., 1981, с. 330]. Первые номера «Свистка» были полностью посвящены борьбе с популярной на тот момент «обличительной литературой»: авторы выступали не против гласности, как указывали литературные оппоненты, а против ее мелочности. Например, в фельетоне «Письмо из провинции» (Свисток. 1859. № 2) Добролюбов иллюстрировал современную «искаленную гласность» заметкой, обличающей работу сапожника. От лица провинциального читателя публицист намекал на бессмысленность критики социальных явлений без выводов.

Для сатиры «Свистка» были характерны критика общественно-политического строя, обсуждение подготовки и реализации крестьянской реформы, рассуждения о бедственном положении народа [«Свисток»..., 1981, с. 407–432]. Одним из примеров демократической направленности издания является фельетон Добролюбова «Отучение людей от пищи» (Свисток. 1860. № 5), где обличались учредитель Волго-Донской железной дороги В. А. Кокарев и подрядчик, по вине которых гибли рабочие.

Значительная часть материалов «Свистка» представляла собой полемику с либеральными и консервативными изданиями, а также литературными оппонентами. Именно в диалоге с «Русским словом», «Петербургскими ведомостями» раскрывались идеологические установки. В фельетоне «Секретное занятие» (Свисток. 1863. № 9) М. Е. Салтыков-Щедрин иронично описывал, как редакторы «Московских ведомостей» (М. Н. Катков) и «Русского вестника» (П. М. Леонтьева) пытаются скрыть от посторонних глаз чтение «Современника» и «Колокола». Последний номер «Свистка», где опубликован фельетон, почти полностью посвящен описанию привычек «будничества» и «полицейского» элемента в прессе.

«Свисток» был площадкой для экспериментов с сатирическими жанровыми формами. Прочное место на его страницах занял фельетон, важной составляющей журнала было использование в прозе стихотворных вставок, правительственных документов и пародий [«Свисток»..., 1981, с. 407–432]. Несмотря на борьбу с существующей мелочной гласностью, для самого издания было важным обличительное направление – фельетонисты вступали в полемику с «хищниками», создавая сатирические портреты деятелей науки, искусства, чиновников.

Иронией были пронизаны как отдельные произведения, так и целые номера. Тон мнимого утверждения позволял, с одной стороны, сбить с толку цензоров, с другой – дать правильную оценку привычных «благонамеренных формул»

[«Свисток»..., 1981, с. 425]. Например, в фельетоне Н. Г. Чернышевского описывалось, как «ковенские мужики» перестали пить водку, что, судя по разговорам чиновников, могло привести к «беспорядкам» (Свисток. 1859. № 1). Для сатирического издания были важны контекстуальные средства выразительности, в частности оксюморон и антитеза, позволяющие открыто демонстрировать конфликт.

«Свисток» оказал значительное влияние на формирование традиции «маскарада». Одна из наиболее известных литературных масок – «Козьма Прутков» (А. К. Толстой, А. М. Жемчужников, В. М. Жемчужников) – высмеивала в первую очередь самого «автора» басен, пьес и заметок. В масках Добролюбова («Яков Хам»), «Конрад Лилиеншвагер», «Аполлон Капелькин») нашла отражение борьба с поэтами чистого искусства. Литературные маски наделялись биографическими чертами, что позволяло создавать полноценные портреты [«Свисток»..., 1981, с. 426–427].

Последний номер «Свистка» (№ 9) вышел в 1863 г. после годового перерыва. Выходу предшествовало ужесточение реакции, приостановка на 8 месяцев «Современника» и «Русского слова», «падение литературы» с финансированием многочисленных провластных изданий [Там же, с. 539–541]. Номер затронул почти все эти проблемы, отстаивая необходимость мятежа в Польше и защищая обличаемых либеральной прессой нигилистов.

Еще одним популярным сатирическим журналом 1860-х гг. была «Искра» (1859–1873). Фельетон Стопановского «Сказки современной Шехерезады» отразил суть сатиры в издании, понимание ее значения и роли: «А на самом деле, добрая наша болтуня разве имеет в виду раздражать чей-нибудь гнев? Разве лично против кого-нибудь она ополчается? Совсем нет. Еще менее думает она исправлять “закоснелых” <...> Она следует учению божественного Платона: берет в руки зеркало и водит им вокруг: уже сами собой и люди, и вещи отражаются в волшебном стекле» (Искра. 1866. № 4).

Издание неоднократно призывало читателей снабжать редакцию материалами [Очерки..., 1965, с. 152–172]. Многочисленная сеть провинциальных корреспондентов была основным «редакционным ядром». Часто корреспонденции снабжались карикатурами и комментариями, позже М. М. Стопановский стал публиковать обзоры под заголовком «Между прочим (выдержки из корреспонденции “Искры”»». Благодаря многочисленным письмам редакция откликалась даже на мелкие факты социальной несправедливости. Участвуя в так называемой литературной игре в деперсонализацию, сотрудники «Искры» втягивали в нее читателей, создавая «коллективную сопричастность» [Козлов, 2021, с. 25–34]. Фиксация отклонений от нормы в разных уголках страны позволяла создать «сатирическую летопись русской жизни» [Очерки..., 1965, с. 152–172].

Вслед за «Свистком» «Искра» обращалась к эзопову языку, расширяя его возможности. Для обхода цензуры редакция прибегала к «шифру», которому подвергались практически все упомянутые имена и топонимы. Например, псковский губернатор В. Н. Муравьев был «Муму», Томск – «Златогорском» или «Чертогорском» [Быховский, 1936]. Также для обхода цензуры действия в материалах «Искры» переносились в абстрактные «давние времена» и зарубежные страны. Таким образом, публикации содержали в себе два плана: поверхностный (фабульный) и глубокий (непосредственно содержательный, фокусирующий внимание на острых вопросах действительности) [Ямпольский, 1962, с. 810–818].

«Расшифровка» номеров «Искры» не представляла сложности для читателей и подписчиков: «герои» и населенные пункты наделялись постоянными характеристиками. Понимали это, несмотря на «шифр» и невозможность привлечения за диффамацию, и цензоры: сотрудники жаловались на преследования, отмечая, что в цензурном архиве погибает половина трудов [Лемке, 1904]. «Изъятые» фрагменты отмечались многоточиями: примером может выступить стихотворение В. С. Курочкина «Куклы, ждущие мужей!», где удалена основная часть, и сохранены только опоясывающие четверостишия (Искра. 1859. № 8).

Для «Искры» во многом было характерно обращение к полному спектру «безобразий жизни»: проблемы существующего политического режима, цензурное преследование, бесправие крестьян и рабочих, разоблачение «хищников». В материалах «Искры» прослеживаются тенденции народнических изданий, социалистическое понимание и трактовка капитализма. В «Искре» находили отражение образы «хищников», обирающих народ до нитки; сытых и бедных.

Именно ирония была ключевым орудием «Искры»: она проявлялась в заглавиях и подзаголовках, определении жанровой принадлежности произведений, использовании цитат [Ямпольский, 1962, с. 63–66]. При этом сатирический журнал звучал значительно острее «Свистка» – авторы обращались к сарказму, гротескным образам. Наряду с иронией в «Искре» была представлена и пародия: в текстах и стихотворениях «передергивались» чиновничья речь, лексика либеральных изданий, жанровые формы и конкретные произведения [Очерки..., 1965, с. 169]. Характерным приемом для «Искры» также была аллегория. Рассказывая о женском пансионе в «Очерках прогресса» («Искра». 1863. № 27), П. А. Гайдебуров создавал образ всей России с намеком на реформы и последующую реакцию.

Важной категорией для «Искры», как и для «Свистка», был диалог. Кроме дискуссии с либеральными изданиями, диалогичность проявлялась в многочисленных обращениях к читателям, пересечениях между циклами и персонажами. Номера и подшивки формировали полноценные ансамбли, объединенные тематикой и сатирическими методами.

Цензурные преследования усиливались на протяжении 1860-х гг. и в итоге привели к закрытию «Искры». В 1873 г. после трех предупреждений издание было приостановлено и больше не возобновилось [Ямпольский, 1962, с. 637–810].

Фельетоны Волховского в «Сибирской газете» затрагивали различные темы: бесправное положение рабочих и крестьян, уездное хищничество, необходимость просвещения, роль печати и бездействие власти. Выбор тем в материалах был напрямую связан с обличительной повесткой. Как и в сатирических изданиях 1860-х гг., в фельетонах публициста находили место как крупные, так и незначительные факты злоупотреблений. Например, в материале под псевдонимом «В тиши расцветший василек» Волховский обращался к бийскому купцу Василию Гилеву, укравшему известку (СГ. 1882. № 43); в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» – к «педагогическому мертвецу», «пожирающему свеже, хорошие силы юношества», учителю Василию Петровичу (СГ. 1883. № 37).

Народнические и областнические тезисы, пересекающиеся в творчестве публициста, во многом основывались на идеях революционеров-демократов 1860-х гг. Такая созвучность была связана с социальным и экономическим отставанием Сибири. Публицист обращался к крестьянскому вопросу, мнимости его реализации на примере пришедших на смену уездным присутствиям новых чиновников по крестьянским делам: «Если институт новых чиновников по крестьянским де-

лам, в некоторых своих представителях, не оправдал ожидания населения, если некоторая часть гг. чиновников слилась душою с администрацией дореформенной формации <...> не может же газета с пафосом провозглашать: Наконец, давно ожидаемая крестьянская реформа осуществилась!» (СГ. 1885. № 1).

Для Волховского была характерна социалистическая позиция, опора на вскрытие существующих противоречий. В обличениях Волховский видел один из способов искоренения в Сибири дореформенных порядков. Именно всеобщее «движение к свисту» публицист рассматривал как возможность изменений: «Самое негодование гг. Колупаевых и Разуваевых доказывает, что обличения на них действуют; они отбиваются от них, пускают в ход весь арсенал лжи и инсинуаций, чтобы заставить молчать противника» (СГ. 1884. № 19). Как и публицисты сатирических изданий 1860-х гг., Волховский трактовал обличения не как путь к искоренению пороков в конкретных людях, а как возможность для обобщений, способствующих развитию: «Да не подумает читатель, что в обличениях мы видим панацею от всех зол и бедствий, целебное средство против “несовершенств нашей жизни”, нет, нам известно, что благодаря обличениям *иногда* меняются только обличаемые лица, вместо Петрова общественным захребетником делается Иванов и пока только» (СГ. 1885. № 1).

Обращаясь к критике социальных явлений, публицист ориентировался на эзопов язык и систему шифрования сатирических изданий 1860-х гг. Кроме деперсонализации текстов – публицист активно использовал литературные маски, каждая со своей биографией и характерными особенностями повествования («Иван Брут», «Я. Ачинский», «В тиши расцветший василек», «Простой смертный», «Фома», «Дядя Федул», «Консерватор», «Иван Прохожий») – Волховскому приходилось скрывать подлинные имена людей и названия населенных пунктов. Топонимы и имена «шифровались» преимущественно за счет сокращений: Б-ск – вместо Бийска, К-к – вместо Каинска. Также в материалах можно проследить и «искринские» традиции создания собственных имен: Мариинск в фельетонах становился Кийском (название города в 1857 г.), Ачинск – Мирным городком.

Несмотря на «шифрование», фельетоны публициста неоднократно привлекали внимание цензоров. Многие вычеркнутые фрагменты были обозначены многоточиями. В примечании к материалу цикла «В толпе», посвященному аппетитам сибирских «Кондратов», которые могут «проглотить целого мужика», автор указывал, что «вторая половина фельетона... напечатана быть не могла» по независящим от редакции обстоятельствам (СГ. 1886. № 33). Интересным представляется и первый фельетон под псевдонимом «Иван Брут» – в примечании раскрывалось, что произошло с предыдущим рассказчиком («В тиши расцветший василек»): «Всю зиму морозы вредили полному ему цветку, обивая подчас довольно много отдельных листочков и лепестков; все же он мог хоть как-нибудь цвести, но в декабре прошлого года холода усилились до того, что однажды заморозили “василек” до самого корня» (СГ. 1883. № 1).

Важной частью фельетонов Волховского были многочисленные корреспонденции. Публицист вел активную переписку с сосланными в города Сибири народниками: в редакцию писали из Ишима, Ялуторовска, Тюмени, Сургута, Семипалатинска, Минусинска, Иркутска, Тобольска, Барнаула, Каинска, Бийска, Петропавловска. Публицист отбирал наиболее интересные сообщения, привлекая их для иллюстрации тезисов. Примером может выступить фельетон цикла «Сибирский музей», где приводится «рассказ К-ского обывателя» о Дмитрие Сомыче

Дегтяреве, скупающем в голодный год крупчатку для дальнейшей продажи по выгодной цене (СГ. 1884. № 12).

Сам цикл, который ставил себе одной из целей сбор коллекции из «героев грабежа», представлен обличительными материалами. Автор напрямую обращался к читателям с просьбой пополнять музей новыми экспонатами: «Надеемся, что наши друзья помогут нам в собирании для сибирского музея наиболее редких экземпляров, охарактеризованных выше; напомним только, что для этого требуется полное беспристрастие и справедливость, без которых немыслимо никакое честное дело» (СГ. 1884. № 12). Таким образом Волховский создавал диалог с читателем, втягивая его в работу издания и позволяя поучаствовать в общем деле.

Для публициста было важным отразить образ корреспондента в Сибири со всеми преследующими его притеснениями и тем самым проиллюстрировать положение печати и отношение к гласности:

«– Господа, – сказал я, стараясь казаться спокойным, – я не понимаю, почему слово “корреспондент” внушает вам такие враждебные чувства; ведь корреспондент есть посредник между каждой отдельной местностью и всей нашей родиной; корреспондент способствует распространению света...

– Да, клыку строчить! Сор из избы выносить! Покою от вас нету! – закричали мне со всех сторон яростные голоса» (СГ. 1882. № 43).

Для творчества Волховского была характерна диалогичность: литературная игра с читателем, многочисленные риторические вопросы, отсылки к произведениям Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Например, в фельетоне цикла «Сибирский музей» публицист следующим образом описывал приезд в Мирный городок (Ачинск) ревизора: «Наконец, в один прекрасный день раздался крик местного Добчинского: “Приехал! Ревизор приехал! Собственными глазами видел! Остановился на почтовой станции и потребовал самовар!” Тут произошло невообразимое смятение, напомнившее живо переполох, произведенный Хлестаковым в уездном городе» (СГ. 1884. № 28). Небольшой фрагмент из стихотворения Некрасова «Забывшая деревня» в другом фельетоне цикла подчеркивал тщетность надежд на избавление от «триумvirата» Чернышевского (Красноярска), несмотря на новое назначение (вместо Д. Г. Анучина Восточно-Сибирским генерал-губернатором в 1885 г. был назначен А. П. Игнатьев) (СГ. 1885. № 9).

Также для Волховского была важна полемика с изданиями. Публицист нападал на консервативную прессу преимущественно в форме отсылок, обозначая негативное отношение: например, указывая, что корреспондент «Нового времени» может одновременно писать из Парижа и Чухломы (СГ. 1885 № 1), или «оставляя» описание обеденного стола у «бийского гуся» «Руси» и «Московским ведомостям» (СГ. 1882. № 43). В условиях предварительной цензуры полемика с литературными оппонентами была одной из возможностей раскрыть собственную позицию. Критикуя обращение автора книги «Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири» к цензурному уставу, Волховский приходил к выводам: «Всякое насилие над человеком обидно, оскорбительно; насилие же над его мыслью, над его словом едва ли не оскорбительнее всякого другого» (СГ. 1883. № 23).

Циклы, создаваемые публицистом на различных основаниях, играли не только роль обрамления, но и формировали своеобразное многоголосие, полифонию. Так, стержнем «Скромных заметок о не всегда скромных предметах» выступала литературная маска «Иван Брут» с подробной биографией (произошел от Ничи-

пора Брута, внука Тараса Брута, который был братом Хомя Брута – героя гоголевского «Вия»; «Сибирского музея» – обличительное направление и концепция коллекционирования «героев грабежа». Циклы постоянно пересекались: в качестве примера можно привести предсказание «появления» «Консерватора» (цикл «Сибирский музей»), связанное с описанием «педагогического мертвеца» (фельетон «Иван Брут» резко выделялся среди других материалов под псевдонимом обличительной интонацией): «Что могу я сделать? Будь я консерватором зоологических коллекций Сибирского университета, я увековечил бы его, заспиртовав в банке, как редчайший экземпляр вида “Номо lupus” и поставив на соответственную полку» (СГ. 1883. № 37).

Диалог между циклами был связан и с постоянными образами (корреспондентов, кондратов, помпадуров), персонажами и местом действия. Например, Касьян Пафнутьевич неоднократно упоминается в цикле «Летописи Мирного городка», при этом являясь главным резонером «Сибирского музея». Опираясь на традицию ансамблей и концептуальность сатирических изданий 1860-х гг., публицист создавал полноценный диалог сразу на нескольких уровнях: текст – текст, персонаж – персонаж, автор – читатель, цикл – цикл.

Одним из ключевых методов в фельетонном творчестве Волховского выступала ирония, часто в традициях «Искры» перетекающая в сарказм. Примером может выступить описание переплавки оставшихся в ходе учебной стрельбы патронов в свинец для его дальнейшей продажи: «Одно несколько умеряет мою грусть: убеждение, что если тактические наши способности в предстоящих, м.б., переделках окажутся и не самого первого сорта, зато изобретательность, находчивость, а также научная и практическая подготовка наших военных людей (тех самых, которые не служат двум господам) стоит высоко» (СГ. 1886. № 4).

Ирония в фельетонах Волховского находила отражение не только в текстах, но и в заголовочных комплексах; кратком содержании, сопровождающем большинство материалов; выборе эпиграфов. Так, цикл, описывающий различные проблемы и призывающий к борьбе с дореформенными порядками, назван «Скромные заметки о не всегда скромных предметах». Цикл «Летопись мирного городка», в свою очередь, отражал жизнь в Ачинске со склоками, казнокрадством и «военным положением», в котором находились местные жители.

Для сатирического метода Волховского было характерно преувеличение негативных сторон общественной жизни. В качестве примера гротеска может выступить фельетон цикла «В толпе», где приводится описание одного «всеядного двуногого из отряда хищных»: «Прожорливость его необычайна. Не довольствуясь проглатываемыми целиком кадочками с маслом, медом, мешками с мукою, птицею вместе с перьями, оно еще командует для сборов свою дочь, а по Уб-му, с тою же целью, бегают, высуня язык, один из сотников» (СГ. 1885. № 47). Гротескные образы в фельетонах публициста противопоставлялись образам народа, страдающего от «героев грабежа» и просящего «прописать» все злоключения.

Склонность к гротеску и антитезе была связана с беллетризацией текстов, их сказочностью и стремлением к формированию особого сибирского мифа. Реальность в фельетонах публициста раскалывалась, как и в материалах «Искры», на поверхностный и содержательный планы, а также на сказочный и реальный (см.: [Мазуров, 2022a]). Так, в фельетоне «Мой тост» рассказчик предложил выпить за «мужичью» Сибирь и в дальнейшем во сне увидел младенца, в которого впиваются «мириады чего-то отвратительного» (СГ. 1883. № 6). В беллетризации публицист во многом следовал традициями предшественников. Постоянная экс-

плуатация образа Нового года как переходного времени и возможности обратиться к вечным проблемам берет начало в фельетонном творчестве «Искры» и «Свистка» (см.: «На рубеже старого и нового года» И. И. Панаева (Свисток. 1861. № 7); «Коллекция картин, завещанных покойным 1863 годом, сыну, 1864 году (Искра. 1864. № 1)).

Основным способом достижения образности в творчестве публициста выступали контекстуальные сатирические приемы (оксюморон, аллюзии, антитезы). Примером аллюзии в творчестве публициста является демонстрация борьбы стремящейся к демократическим началам интеллигенции – защитников Сибири – с нечистой, которая пытается урвать свой кусок и «перейти в Новый год в полном составе» (СГ. 1883. № 1). Сибирь в фельетоне-сказке предстает в виде красавицы, руки которой опираются на щит, где выгравированы фразы из Библии и трудов К. Маркса и Ф. Энгельса.

Следуя традициям сатирических издания 1860-х гг., Волховский обращался в текстах и к многочисленным «инородным» вкраплениям, преимущественно поэтическим. Поэзия в фельетонах публициста служила средством достижения сатирического эффекта, а также смысловым акцентом для усиления тезиса. Рассуждения об уважении «к человеку вообще, к человеческой личности» в фельетоне «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» завершаются строками из стихотворения воронежского поэта И. С. Никитина «Нищий»:

Жаль разумное Божье создание,
Человека – в грязи и с сумой!
(СГ. 1883. № 19).

Таким образом, фельетоны Волховского типологически восходят к материалам сатирических изданий 1860-х гг. как в содержательном, концептуальном плане, так и в рамках используемых сатирических приемов и методов. Идеология публициста выстраивалась вокруг необходимости борьбы с дореформенными порядками в Сибири. Также для Волховского было важным обращение к сохраняющейся проблеме гласности, демонстрация отношения к печатному слову, понимание его целей: публицист, как и революционеры-демократы 1860-х гг., видел смысл печати в возможности обобщений, обличения подлинного общественного зла.

Публицист критиковал существующий политический строй с его экономическими противоречиями. При этом значительное место уделялось непосредственно фактам, а не публицистическим тезисам: демократическая пресса 1860-х гг. формировала сатирическую летопись страны, а фельетоны Волховского были призваны создать сибирский миф, полный иронических вкраплений, обусловленных документальными фактами. Как и сатирическим изданиям 1860-х гг., высказать определенные тезисы публицисту позволяла многочисленная сеть корреспондентов, обращение к полемике с либеральными и централистскими изданиями.

Фельетоны публициста следовали и традициям эзоповой манеры, что было связано с предварительной цензурой и непосредственно со схожими с предшественниками объектами сатиры: Сибирь отставала от центральных регионов, для нее все еще актуальным были вопросы развития местного самоуправления, реализации крестьянской реформы. Это корректировало и возможности использования сатирических методов: Волховский обращался к иронии как ключевому средству достижения комического эффекта. При этом публицист выводил многие методы на новый уровень: циклизацию, диалог с читателем, использование авторских (литературных) масок. Волховский, опираясь на открытия 1860-х гг., формировал

полноценный редакционный шифр, легко воспринимавшийся постоянными читателями. Во многом за счет этого содержание в фельетонах раскалывалось, принимало как прямое значение, так и скрытое, но при этом подлинное, также доступное читателю. Беллетризация, циклизация фельетонов, интертекстуальные связи позволяли Волховскому расширить полемичность – создавать диалоги с читателем / между персонажами и текстами, а также непосредственно между ансамблями (циклами).

Список литературы

- Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. 698 с.
- Быховский Н. Из архива курочкинской «Искры» // Литературное наследство. М., 1936. Т. 25. С. 606–617.
- Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 216 с.
- Доманский В. А. Ф. В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
- Жилякова Н. В. Журналистика Томской губернии второй половины XIX – начала XX века: идея областничества: Дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2012. 439 с.
- Жилякова Н. В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
- Жилякова Н. В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
- Жилякова Н. В. «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 386 с.
- Козлов А. Е. Сатирический еженедельник «Искра»: опыт реинтерпретации // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 19–34. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-6-19-34
- Крутовский В. М. Периодическая печать в Томске. Томск, 1912. 31 с.
- Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. URL: http://az.lib.ru/l/lemke_m_k/text_0020oldorfo.shtml
- Мазуров А. Е. Фельетонное творчество Ф. В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022а. 252 с.
- Мазуров А. Е. Рецепция творчества Н. В. Гоголя в фельетонах Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Медиаскоп. 2022б. URL: <http://www.mediascope.ru/2764>
- Очерки по истории русской журналистики и критики / Ред. В. Г. Березина и др. Л.: ЛГУ, 1965. Т. 2: Вторая половина XIX века. 516 с.
- Рыбас А. Е. О смехе «Свистка» // Studia Culturae. 2011. № 12. С. 29–38.
- «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике 1860-х годов / Изд. подгот. А. А. Жук, Е. И. Покусаев. М.: Наука, 1981. 591 с.
- Старых А. В. Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876–1879 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 168 с.
- Чуркин М. К. Сибирский колониальный дискурс в фельетонах Н. М. Ядринцева // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 3. С. 122–125.

Ямпольский И. Г. К библиографии Ф. В. Волховского // Учен. зап. Ленинград. ун-та, № 349. Серия филологических наук, вып. 74. Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.

Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1962. 1043 с.

References

“Svistok” i ego mesto v russkoy satiricheskoy zhurnalistike 1860-kh godov [“Svistok” and its place in Russian satirical journalism of the 1860s]. A. Zhuk, E. I. Pokusaev (Comps.). Moscow, Nauka, 1981, 591 p.

Annenkov P. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories]. Moscow, Khudozh. lit., 1960, 698 p.

Bykhovskiy N. Iz arkhiva kurochkinskoy “Iskra” [From the archive of Kurochkin’s “Iskra”]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary legacy]. Moscow, 1936, vol. 25, pp. 606–617.

Churkin M. K. Sibirskiy kolonial’nyy diskurs v fel’etonakh N. M. Yadrintseva [Siberian colonial discourse of feuilletons by N. M. Yadrintseva]. *Humanitarian sciences in Siberia*. Novosibirsk, 2017, no. 3, pp. 122–125.

Domanskiy V. A. F. V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor “Sibirskoy gazety” [F. V. Volkhovsky – the secret editor of “Sibirskaya Gazeta”]. In: *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk, 1996, pp. 147–167.

Gol’dfarb S. I. *Gazeta “Vostochnoe obozrenie” (1882–1906)* [Newspaper “Vostochnoe obozrenie” (1882–1906)]. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ., 1997, 216 p.

Kozlov A. E. Satiricheskii ezhenedel’nik “Iskra”: opyt reinterpretatsii [Satirical weekly “Iskra”: the experience of reinterpretation]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, no. 6: Journalism, pp. 13–34.

Krutovskiy V. M. *Periodicheskaya pechat’ v Tomske* [Periodical press in Tomsk]. Tomsk, 1912, 31 p.

Lemke M. K. *Ocherki po istorii russkoy tsenzury i zhurnalistiki 19 stoletiya* [Essays on the history of Russian censorship and journalism of the 19th century]. St. Petersburg, 1904. URL: http://az.lib.ru/l/lemke_m_k/text_0020oldorfo.shtml

Mazurov A. E. *Fel’etonnoe tvorchestvo F. V. Volkhovskogo v kontekste razvitiya regional’noy sibirskoy periodiki* [Feuilleton creativity of F. V. Volkhovsky in the context of the development of regional Siberian periodicals]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2022a, 252 p.

Mazurov A. E. Retseptsiya tvorchestva N. V. Gogolya v fel’etonakh F. V. Volkhovskogo v “Sibirskoy gazete” [Reception of the creativity of N. V. Gogol in feuilletons by F. V. Volkhovsky in “Sibirskaya gazeta”]. *Mediascope*. 2022b. URL: <http://www.mediascope.ru/2764>

Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki [Essays on the history of Russian journalism and criticism]. V. G. Berezina et. al. (Eds.). Leningrad, LSU, 1965, vol. 2: The second half of the 19th century. 516 p.

Rybas A. E. O smekhe “Svistka” [About the laughter of “Svistok”]. *Studia Culturae*. 2011, no. 12, pp. 29–38.

Sarykh A. V. *Stanovlenie fel’etona v russkoy provintsial’noy chastnoy gazete: gazeta “Orenburgskiy Listok” 1876–1879 gg.* [The formation of the feuilleton in the Russian provincial private newspaper: the newspaper “Orenburgskiy Listok” 1876–1879]. Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 2010, 168 p.

Yampol'skiy I. G. K bibliografii F. V. Volkhovskogo [To the bibliography of F. V. Volkhovsky]. In: *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*, No. 349. *Seriya filologicheskikh nauk*, vyp. 74. *Russkaya literatura i narodnichestvo* [Scientific notes of Leningrad University, No. 349. Series of Philological Sciences, vol. 74. Russian literature and populism]. Leningrad, 1971, pp. 184–190.

Yampol'skiy I. G. *Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov* [Satirical journalism of the 1860s]. Dr. philol. sci. diss. Leningrad, 1962, 1043 p.

Zhilyakova N. V. “*Oblichat', kolot' i zhalit*”: *Satiricheskaya zhurnalistika Tomskskoy kontsa 19 – nachala 20 veka* [“Reveal, stab and sting”: Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk, 2020, 386 p.

Zhilyakova N. V. “*Sibirskaya gazeta*”, g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“Sibirskaya gazeta” (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2002, 237 p.

Zhilyakova N. V. Mezhdunarodnyy literaturny i zhurnalisticheskyy fel'yeton F. V. Volkhovskogo v “Sibirskoy gazete” [Between Literature and Journalism: Feuilletons by F. V. Volkhovsky in “Sibirskaya gazeta”]. In: *Amerikanskaya issledovaniya v Sibiri: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. “Amerikanskaya ideya i kontseptsii v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole*” [American studies in Siberia: materials of the All-Russian scientific and practical conference “American ideas and concepts in the humanities research of Siberian scientists and teaching in secondary and higher schools”]. Tomsk, 2008, pp. 333–345.

Zhilyakova N. V. *Zhurnalistika Tomskskoy gubernii vtoroy poloviny 19 – nachala 20 veka: ideya oblastnichestva* [Journalism of the Tomsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries: the idea of regionalism]. Dr. philol. sci. diss. Tomsk, 2012, 439 p.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Мазуров, лаборант учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Alexandr E. Mazurov, Laboratory assistant of the educational laboratory of the editorial and publishing business of the Faculty of Journalism of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

Статья поступила в редакцию 18.12.2023;

одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted on 18.12.2023;

approved after reviewing on 01.04.2024; accepted for publication on 01.04.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/7

Толстовский текст в творчестве А. Белого

Валерия Викторовна Курьянова

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

kuryanova_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7570-1926>

Аннотация

На материале творчества Андрея Белого рассматриваются элементы толстовского текста как именного сверхтекста литературы. Утверждается, что основой этого текста является миф о Л. Н. Толстом, который активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX в. в период популяризации духовного наследия писателя и осмысления его трагического ухода из собственного дома. Анализируется структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (опрощение, непротивление злу насилием, величие, музыкальность, восточная философия), созданные или воспроизведенные писателем Серебряного века в соответствии с собственным художественным мировидением. В свете поставленной проблемы рассматриваются статьи, воспоминания, проза и лирика А. Белого. Биографический миф Л. Н. Толстого осмыслен в творчестве автора в контексте разлома культурологических эпох и смены художественных парадигм.

Ключевые слова

сверхтекст, именной текст, толстовский текст, биографический миф, миф о Л. Н. Толстом, А. Белый, «Иог», «Котик Летаев»

Для цитирования

Курьянова В. В. Толстовский текст в творчестве А. Белого // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 86–98. DOI 10.17223/18137083/89/7

Tolstoyan text in the work of Andrei Bely

Valeria V. Kurianova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

kuryanova_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7570-1926>

Abstract

The paper explores the creative heritage of Andrei Bely, with a focus on the elements of the text created by Leo Tolstoy as a personal literary supertext. This text is argued to be founded on a myth about Leo Tolstoy that has evolved for a century and a half, gaining significance

© Курьянова В. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 86–98

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 86–98

in the early 20th century as Tolstoy's spiritual influence becomes more recognized and his tragic exile is comprehended. The analysis examines the structure of the myth, identifying typical mythologemes created and reproduced by Bely and reflecting his poetic worldview and personal attitude to the works and personality of Leo Tolstoy. The analysis covers the lyrics, articles, and memoirs of Bely in the context of the problem under study. Emphasis is placed on the uniqueness of the representation of Tolstoy's text in the creative heritage of Bely, which stems from the similarity of worldviews, sacralization of the great image of the writer, and rejection of criticism and profanation of this image in fiction, publicism, and memoirs of his contemporaries. Unlike other modernist movements, the Symbolists did not aim to overthrow the idols of the past. On the contrary, they defended a certain continuity of tradition, especially concerning such a distinctive author as Bely. However, their desire to protect Tolstoy's authority also contributed to the creation of a biographical myth about the writer. The paper also explores the peculiarities of the perception of this myth in the culture and literature of the first third of the twentieth century.

Keywords

supertext, Tolstoyan text, nominal text, biographical myth, myth about Leo Tolstoy, A. Bely, Yogi, Kitty Letaev

For citation

Kurianova V. V. Tolstoyan text in the work of Andrei Bely. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 86–98. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/7

Современное литературоведение активно исследует большие текстовые структуры, относя определенный тип текстов по общности референта к топосным, событийным или именным [Лошаков, Шушарин, 2016]. Толстовский текст как именной свертхтекст проявляется в творчестве писателей и поэтов по-разному. Зависит это прежде всего от восприятия автором толстовского мифа, закреплённого в коллективном сознании, и от собственного мифа о Льве Толстом, созданного каждым отдельным художником.

В основу именного свертхтекста положен биографический миф, который, как правило, «работает» двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование. При этом выбор одного из двух возможных направлений связан с мироощущением автора, особенностями его биографии, отношением к конкретной исторической фигуре в семье создателя мифа (очень важны здесь воспоминания детства, поскольку именно в детстве, отрочестве человек ищет значимые фигуры, определяющие его взросление, и такими фигурами становятся люди известные, выдающиеся), мнение его окружения, а также специфические особенности литературного течения, в рамках которого существует интерпретатор (см., например: [Курьянова, 2019]).

Общественно-литературная ситуация начала XX в. – радикальность настроений и желание обновления, формировавшееся в писательской среде, – требовала новых «идолов» и поэтому не могла обойтись без свержения устоявшихся авторитетов. Под перо ниспровергателей попадали прежде всего представители творческой интеллигенции и их произведения. И, конечно, первым в этой череде писателей-классиков был Лев Толстой как авторитет несомненный и всеми признанный.

Однако фигура писателя была столь грандиозна, что именно Толстой в ситуации социально-литературного нигилизма сумел выстоять, несмотря на многочисленные попытки профанирования его образа (см., например: [Курьянова, 2018]). И тому, как видится, было несколько причин, но главная заключалась в том, что

«великий Лев русской литературы» сам был своеобразным оппозиционером существующему общественному строю. Всевозможная критика могла касаться его спорной идеологической позиции, но никак не его безусловно высокой писательской и человеческой репутации. Поэтому представители русского символизма, не видя в нем своего непосредственного учителя, тем не менее испытывали перед Толстым несомненный пиетет.

Андрей Белый (что всегда отмечается при обращении к генезису его творчества) родился семье профессора, декана физико-математического факультета Московского университета Николая Васильевича Бугаева, проживавшего с семьей в центре города, на Арбате. Таким образом, с юных лет будущий поэт оказался в исключительно образованном, просвещенном, демократичном кругу. В дом профессора приходили многие известные ученые, музыканты, художники и писатели, бывал в доме и Лев Толстой, впечатления об этих встречах Белый описал в воспоминаниях, статьях, художественных произведениях.

Автобиография и воспоминание вызвали постоянный интерес поэта с раннего периода его жизни. Близость уже и в этом он находил с Л. Н. Толстым, выбрав эпиграфом к повести «Котик Летаев» (1918) размышления Наташи Ростовской в диванной: «...когда вспоминаешь, вспоминаешь, всё вспоминаешь, до того до-вспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете» (Белый, 1989а, с. 428). Также ретроспектива сформулирована им как один из приемов йогической практики (см. рассказ «Йог», где главный герой вечером «пропускал все события дня перед собою в обратном порядке: от последнего мига до мига своего пробуждения» (Белый, 1995, с. 304)). О чем в общем-то уже и отвечает Наташе в том разговоре «Войны и мира» грамотная Соня: «это метампсихоза» (Толстой, 1938, с. 279), т. е. переселение душ. Андрей Белый наметил точки пересечения своей мистической практики и мировоззрения Л. Н. Толстого, что также параллельно и позже подробно проанализировал в статьях о писателе.

Первое воспоминание о Толстом пришлось на юный возраст Белого, до четырех лет: «сырые колени, на которых сидел и детской рукой снимал пылинки» (Белый, 1988, с. 639). В повести «Котик Летаев» в безусловно соотнесенной с реальной ситуацией сцене подчеркивается, что имя великого русского писателя в доме отца произносилось настолько часто, что в детском восприятии рассказчика существовало как нарицательное: «не знал, что такое – т_о_л_с_т_о_е (или, что ли, – т_о_л_с_т_о_в_с_т_в_о): ну, там, – звание, как звание архиерея, попа, математика; и где водятся архиереи, там есть и т_о_л_с_т_ы_е; так бы я ответил тогда на неуместнейший вопрос о Толстом; если бы в это время я знал, что университетские города существуют повсюду, то я бы ответил, что на город приходится: по математику, губернатору, архиерею и... Льву Толстому» (Белый, 1922, с. 137). Частота упоминаний писателя свидетельствовала о его колоссальной популярности, но привела к отсутствию особого интереса у подрастающего героя, однако сама история в духе «я у Толстого на коленях сидел» была значима для зрелого поэта, упоминалась им многократно.

Облик писателя вполне традиционен: серая грубая одежда, огромная борода. Взгляд ребенка, не отражающий полный образ человека, а лишь части, поэтому так важны оказываются «пылинки на серых толстовских коленях» и борода, щеко-тавшая лобик. Этих деталей достаточно, чтобы в воображении мальчика возникла целая волна ассоциаций, вызванных не до конца понятными еще ему вещами, обсуждаемыми в доме, прежде всего отцом: о львиных гривах «Толстых», о пророке Магди, о простом мужике и пр. Миф о Толстом «работает» на общую

концепцию романа «Котик Летаев»: показать пробуждающееся сознание ребенка, постепенно осознающего и познающего мир. Поэтому так важен фон происходящего вокруг героя. «Белый воссоздает зарождение “духа” самосознания (пресуществление “Я” из монады души) также через передачу ощущений “окрыленного трепещущего роста” индивидуальности: “Мои детские первые трепеты: трепеты ощущаемых мысле-чувствий сознания”» [Обатнина, 2008, с. 50].

В главе «Дом Косякова» автор при помощи ритмизованной прозы создает колорит Москвы конца XIX в., в который включен и Л. Н. Толстой:

Впечатления – записи Вечности.

Если б я мог связать воедино в то время мои представления о мире, то получилась бы космогония.

Вот она: –

– Дом Косякова, мой папа и всё что есть, Львы Толстые – мне кажутся вечными: –

– всё, крутятся, пролетает во мгле, но не дом Косякова <...>

А по Арбату же: –

– в серой войлочной шляпе и в валенках пробегает в Хамовники...

Лев Толстой; и там раздробляется он в «толстовство» законами пучинного пульса; и о толстовцах мы слышим; «толстовцы» бывают у нас; а смысл – колобродит... (Белый, 1922, с. 142–144).

Толстой оказывается частью мира героя, частью Москвы, великого русского писателя тогда можно было встретить просто на улице, что служило поводом для рождения всяческих легенд.

Также частью этого мира становится миф о толстовстве (при условной соотносительности самого великого писателя с этим движением). Миф о толстовстве Белый интерпретирует традиционно: большое количество людей, воспринявших идеи писателя и стремившихся опроститься, общались с Толстым, поощрялись им, но он всячески отказывался официально оформлять это движение и тем более возглавлять его, боясь превращения его в секту. Поэтому «пучинный пульс» и «раздробляет» образ Толстого в толстовство, идеи живут в этих людях, но прямой связи с жизнью писателя нет. Младенец Котик в своем становлении отражает образ воссозданного его воображением реального мира.

Одним из важных образов в «Котике Летаеве» становится Рупрехт – рождественский спутник святого Николая, бытующий в немецком фольклоре. Он для рассказчика и символ Рождества, и абсолютно иного мира, который вдруг оживает в этом образе, видится герою повсюду, оживает в людях, в отце на Арбате. В «Воспоминаниях о Л. Н. Толстом» описана эта же сцена в том же месте, но воплощением Рупрехта становится уже не отец Котика, а Толстой: «...день был теплый, зимний, надвигалось Рождество, на Арбатской площади стояли зеленые елки, в окнах блистали звезды и бусы, и посыпанные серебряной солью Рупрехты» (Белый, 1988, с. 641). Московская погода, по воспоминаниям Белого, была по-настоящему сказочной, снежной. Переходя Арбатскую площадь, мать юного героя указала ему на «снежного старика с серыми глазами», рассказчик увидел «только сутулую спину, сырую круглую шапку да валенки». Результатом этой мимолетной встречи для Бориса стало то, что «образ Толстого слился для меня с образом снежного, елочного деда, приносящего детям подарки, что-то было сказочное для меня в этой встрече» (Белый, 1988, с. 641–642).

Согласно европейскому фольклору, в длинные темные ночи рождественского периода в мире бродит множество таинственных пугающих фигур. Фольклористы интерпретируют этих персонажей как приметы языческих духов, которые соединились с возникшей христианской традицией. Таким примером является и история Святого Николая. Епископ IV в. превратился в волшебника, который дарит подарки на Рождество в большей части Северной и Центральной Европы. Однако, согласно фольклору, эта явно христианская фигура путешествует в сопровождении различных, несколько зловещих спутников. В Чехии доброго Николая сопровождает кто-то вроде черта, в Голландии – дьявольский Черный Петр, а в немецкоязычных странах за Святым Николаем следует чумазный Кнехт Рупрехт, который наказывает непослушных детей.

По преданию Рупрехт поражает окружающих своим грозным поведением и неопрятным видом. Он носит одежду из лохмотьев, соломы или меха, его лицо с бородой почернело от копоти. Кроме того, он носит с собой один или несколько инструментов своего ремесла: кнут, палку, колокольчик или мешок. Колокольчик предупреждает о его приближении. Он обучает всех детей хорошему поведению и наказывает плохих детей кнутом или палкой. Святой Николай и его спутник посещают дома в канун дня Святого Николая, попадая в жилища через дымоход. В большинстве случаев Кнехт Рупрехт следует за Святым Николаем, служа постоянным напоминанием о судьбе, ожидающей непослушных детей [Gulevich, 2010, p. 409–412].

Миф о Рупрехте и миф о Толстом соединяются в восприятии рассказчика по своей внешней схожести. Маленький Боря видит в окнах «посыпанных серебряной солью Рупрехтов», т. е. игрушек новогоднего персонажа, постепенно вырастающего к XX в. в самобытного русского рождественского героя – Деда Мороза. Толстой, столкнувшийся с гуляющими матерью и сыном Бугаевыми, был также весь в снегу с «осеребренной хлопьями бородой». И образы Рупрехта (Деда Мороза) и Льва Толстого в сознании маленького мальчика сливаются в своем сказочном волшебстве. В мифе о Толстом-Рупрехте зловещего нет, но холодность и загадка присутствуют в полной мере. Благодаря увлечениям матери Андрей Белый с раннего детства серьезно занимался музыкой, музыкальное образование сказалось и на его поэтическом творчестве. Конечно же, ему была знакома пьеса «Knecht Ruprecht» (в русском переводе «Дед Мороз») Р. Шумана из «Альбома для юношества» (1848). Поэтому можно предположить, что миф о «снежном дедушке Рупрехте» был воспринят рассказчиком в детстве не только визуально, но и аудиально – в романтическом музыкальном исполнении. Цикл произведений Шумана был очень популярен и даже подтолкнул П. И. Чайковского к созданию своего «Детского альбома» (1878).

Воспоминания рассказчика о Толстом отрывочны, мимолетны, «след события, момент, картина, иногда переплетаемая с фантазией» (Белый, 1988, с. 639), как это и случается в детстве, но вполне соответствуют семантике традиционного толстовского мифа: простая сырая серая одежда, борода – приметы мифологемы об опрошении писателя. К этой же части мифа относится и комментарий домашней прислуги: «не разберешь – мужик или барин» (Белый, 1988, с. 641), потому как простая одежда Толстого часто могла ввести в заблуждение о его происхождении (ср. другой вариант из книги воспоминаний «На рубеже двух столетий»: «да так какой-то, седой, из простых» (Белый, 1989б, с. 132)). Общение с Толстым, его мягкость в разговоре с матерью рассказчика о сущности смерти (при этом ге-

рой отмечает «счастлирое лицо матери» после встречи (Белый, 1988, с. 641)) совершенно в духе мифологемы о «писателе-проповеднике».

Воспоминания более позднего времени уже вполне сюжетны и полны. На удивление, тот сказочный Дед Мороз в следующей части мемуаров А. Белого в большей степени оказывается традиционным немецким Рупрехтом, принявшим облик строгого Льва Николаевича Толстого.

Во время учебы в Поливановской гимназии (одном из самых популярных учебных заведений того времени, которым руководил известный педагог и литературовед Л. И. Поливанов) герой на протяжении года много времени проводил в хамовническом доме Толстых, поскольку сдружился со своим однокашником Михаилом Львовичем Толстым. Рассказчик в описании атмосферы жилища противопоставляет смех, игры, беготню детей, гостеприимство Софьи Андреевны одиночеству, отчужденности главы дома. Автор воспоминаний рисует «на фоне веселой молодежи» «сосредоточенную», «большую-большую седую» голову Толстого, которая «на широких плечах сидела упорно, и улыбка редко показывалась на устах» (Белый, 1988, с. 642–643). Всё в том же опрошенном облике, т. е. простой одежде, синей блузе, великий писатель чувствует себя далеким от всего происходящего в доме, но при этом он не хочет казаться невнимательным, поэтому иногда выходит к гостям, задает детям вопросы, неожиданные и не к месту. Тогда у десятилетнего Бориса пропадает всяческий интерес к Толстому, поскольку было неловко находиться рядом с ним. Закономерный вывод об этом периоде своей жизни делает рассказчик: «Толстой не живет у себя в Хамовниках, а только проходит мимо: мимо стен, мимо нас, мимо лакеев, дам: выходит и входит. Лев Николаевич так и остался для меня прохожим на толстовских субботах» (Белый, 1988, с. 643). Жизнь Толстого для автора воспоминаний не соотносима с жизнью простого человека, он только прохожий, если судить в рамках реальности простого человека, ничто по-настоящему не может его привлечь в жизни обыденной, так как создан он совсем для другого. «Это хождение Толстого по дому стало теперь для меня хождением символическим, ходил в Москве среди нас, ходил у себя в Хамовниках, присел в Ясной Поляне и, наконец, – ушел» (Белый, 1988, с. 643). Здесь Андрей Белый соединяет мифологему ухода Толстого в мифологему о великом писателе и мыслителе Толстом. Впоследствии значение ухода из Ясной Поляны он разовьет в своих культурологических статьях.

Величие Толстого подчеркнуто особо: «комнаты казались меньше в его присутствии, речи казались пошлее, телодвижения – скованными» (Белый, 1988, с. 644), поэтому и смотрел «полевой великан», по мнению рассказчика, не на людей, а сквозь них, мимо, дальше, дольше в поля и просторы, дальше от городов и обществ, от простых, пошлых, средних людей, к коим причисляет себя и Белый в ту пору. Истинное влияние Толстого писатель почувствует только с 1910 г., о чем совершенно определенно напишет в поздних воспоминаниях: «Впечатление от Толстых, – впечатление от полустанка, у которого постоял поезд жизни моей лишь несколько секунд; как не соответствовало оно оглушающему влиянию на меня Льва Толстого с 1910 года» (Белый, 1989б, с. 333).

В «Воспоминаниях» автор использует также мифологему о музыкальности Льва Николаевича. Классическую музыку писатель воспринимал очень серьезно, слушал всегда очень внимательно, а после зачастую даже не мог говорить, а только «долго сидел у рояля с опущенной головой. Надолго запомнилась большая, серебряная голова великого старца, склоненная в звуки» (Белый, 1988, с. 644). Белый передает этот образ в новой форме. Голова может быть склоненная, на-

пример, в раздумье или в мольбе, Толстой же преклоняется перед великой музыкой, вливаясь в нее.

Другое впечатление производит на писателя цыганская песня: «пленительная улыбка осветила строгое его лицо, глядящее мимо – мимо всего» (Белый, 1988, с. 644]. Народная музыка отдает свежестью, молодостью, поэтому веселит, а не вселяет раздумье.

Образ сурового Рупрехта-Толстого не оставляет Андрея Белого и в поэтических произведениях. В 1909 г. поэт составляет сборник ямбических стихотворений «Урна», частью которого является раздел «Посвящения», состоящий из трех произведений: «Льву Толстому», «Сергею Соловьеву», «Э. К. Метнеру. (Письмо)».

Посвящение Л. Н. Толстому, созданное в 1908 г., в год восьмидесятилетнего юбилея писателя, подытоживает уже вполне наметившийся в обществе разрыв поколений, а во многом и разрыв эпох. От облика Рупрехта («кого когда-то зрел и я») в этом образе остается «великан, годами смятый», «мороз косматый», «клюка», «старик пурговый» (Белый, 2006, с. 353), но в данном случае перед читателем уже философское размышление, здесь нет того рождественского снежного детского волшебства, хотя ни в словах «косматый», ни «пурговый» у Белого нет отрицательной коннотации (ср., например: «сквозь нежный ветер пурговой» (Белый, 2006, с. 34)). В стихотворении противопоставлены Лев Толстой с приметами мифологемы об опрошении («бредешь от курной хаты», «клюка», «поля», «грозных косм») и юные современники Андрея Белого с «мыслями зелены», «легкомысленным позором», «мимолетным жизни сном». Великий Лев принадлежит вечности («молнией лязгнувшее Время»), поэтому явился как приговор для праздного живущего, далекого от бессмертия поколения.

Раздел «Посвящения» в сборнике Белого предваряет раздел «Думы», в котором часть стихотворений напрямую перекликается с размышлением о роли Толстого в настоящем (например, произведения «Рок» (1907) и «Время» (1908); последнее в других изданиях несколько раз разделялось на два отдельных текста «Дед» и «Время» – Берлин, 1923). Великий простой мудрец («великан, годами смятый», «старик лихой, старик пурговый из грозных косм подымлет взор» – «Льву Толстому») – «косматые склонил седины» («Время») – «копиеносец седовласый» («Рок») по-прометеевски рассекает временные потоки («молнией лязгнувшее Время» – «Льву Толстому») – «лениво лязгающий плуг» («Время») – «изрезая молнии жгучей» («Рок»), выступает в качестве необратимой судьбы, рока («упорно ком бремени свинцовый рукою ветхою простер» – «Льву Толстому») – «давит каменное бремя» («Время») – «так лет мимотекущих бремя несем безропотные мы» – «за жизнь, покрытую обманом» («Рок»). Для молодых людей, бездумно проживающих эти дни, жизнь кажется привлекательной: «златистый, чистый неба склон» («Льву Толстому») – «ты скажешь день» («Время») – «прошлые години куполами облаков» («Рок»), но вечность всегда побеждает мгновения счастья («во тьму иных, глухих времен» («Льву Толстому») – «когда железным зубом время», «нам взрежет бархат вечной тьмы» («Время») – «мертвые стремнины в ночь утопающих веков» («Рок»), и легковесность молодости не выдержит истинной морали: «падешь ты, как мороз косматый, на мыслей наших зелены» («Льву Толстому») – «над бархатами свежих борозд да всходит свежесть зеленей» («Время»). Несмотря на призывы к довлеющему роком Льву Толстому «обрушь его в иное племя, во тьму иных, глухих времен» (Белый, 2006, с. 353, 351, 349), лирический субъект осознает, что бремя принадлежит только нам и от него нику-

да не деться. В предисловии к сборнику автор написал: «лейтмотив этой книги – раздумье о бренности человеческого естества с его страстями и порывами» (Белый, 2006, с. 297), поэтому в «Посвящении» личность Льва Толстого противопоставлена «бренности человеческого естества»: он не бренность, а вечность, не человек, а сверхчеловек (монада, йог, брахма и т. д.), не животное естество, а перешагнувший в области духовного. Значимость толстовского мифа в культурной парадигме начала XX в. для Белого безусловна. Мифологема величия эпохи, связанной с именем Толстого, видится в этом тексте.

В статье «Лев Толстой и культура сознания» Белый развернет свои поэтические метафоры в прозе: «Уже близятся говоры нового имени в треснувших громко камнях; камень, “Ich”, уже треснул в два имени. Гром уже грянул; Толстой – это туча, откуда гремит; и культура, в которую верили мы, перед нами, как труп; как восстанет она? В туче – белая молния; это – младенец, рождённый огромными массах пара; и этот младенец, агукнувший в туче, – Толстой же; он в туче – “титан”; и он в молнье – младенец: агукает по-мужицки нам вещие истины» (Белый, 2016, с. 106). Здесь и молнии, и гром, и туча, как и в «Посвящении»; нет в стихотворении только младенца Толстого – провозвестника новой культуры.

В дальнейшем образ Толстого будет возникать у Белого лишь в публицистических статьях, свидетельствующих о постоянном поиске своей культурологической теории, хотя, естественно, идеи толстовства и мотивы его художественных произведений найдут отклики и в романе «Петербург», и в других художественных произведениях. С первой женой Асей Тургеневой поэт переезжает в Швейцарию и вливается в коммуну учеников Р. Штейнера. В антропософской доктрине австрийского эзотерика Андрей Белый находит множество элементов, объединяющих ее с толстовством, и начинает создавать сложный синтез толстовства, антропософии, христианства, буддизма и других религиозно-мистических учений. Особенно потрясли поэта (как и многих его современников) уход и смерть Л. Н. Толстого, которые подтолкнули к еще более глубоким метафизическим размышлениям и отразились в многочисленных лекциях, набросках, статьях А. Белого (см.: «Материалы к биографии», «Ракурс к дневнику» (Андрей Белый, 2016)).

Первой такой полностью оформленной попыткой станет статья А. Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1911). Трагедию Толстого поэт отсчитывает тридцатью годами (от первых кризисных проявлений («арзамасского ужаса») до смерти писателя): «Как неподвижная глыба многие годы над Европой занесенный Толстой каменел вопросом» (Белый, 1911, с. 7), т. е. с самого начала Белый обозначает не только толстовский кризис, но и кризис всей Европы. И кризис этот лишь нарастает на рубеже веков: «камень, срываясь и скатываясь обрасстает снегом; лавина растёт» (Белый, 1911, с. 7). И в определенный момент лавина уже не могла сдерживать себя, набрав чрезмерный вес, – Толстой встал и пошел. В походе этом, заставившем содрогнуться весь мир, поэт видит «богатырское начало нашей литературы» (Белый, 1911, с. 9). Только единственному великому Льву удалось преодолеть порог гениальности, добраться до вершины, в то время как у подножия своих вершин «погиб Ницше, мучился Гоголь, изнемогал в эпилепсии Достоевский» (Белый, 1911, с. 41).

Это величие Толстого, по мнению Белого, смогло быть достигнуто благодаря соединению гения творческого и гения жизненного, гений жизни смог замолчать в период художнического величия писателя, а гений литературного творчества смог умолкнуть в период проповедничества. Важным оказывается и толстовский *genius loci*, до сих пор притягивающий, как магнит, людей со всего мира: «Ясная

Поляна действительно стала “ясной”, как бы озаренной молнией последнего соединения» (Белый, 1911, с. 45). И именно этот луч восходящего солнца должен стать предвестником новой жизни России. Мифологема величия Толстого здесь обретает мессианские рамки, свет надежды исходит не из столиц, не из великого реализма Достоевского, не символизма Ф. Сологуба, не нового реализма М. Горького, да и к самому себе Белый таких иллюзий не питал: «Не Петербург, не Москва – Россия; Россия и не Скотопригоньевск, не городок Передонова, Россия – не городок Окуров, не Лихов. Россия – это А с т а п о в о, окруженное пространствами; и эти пространства – не лихие пространства: это я с н ы е, как день Божий, лучезарные поляны» (Белый, 1911, с. 46).

В статье Белого «Лев Толстой и культура» (1912) утверждается еще одна интересная мысль, характеризующая Толстого: попытка отказа писателя от чего бы то ни было только возвышает его в этой конкретной отрицаемой им сфере: «Личность же эта как будто всякий раз вырастала по мере того, как от личности отказывался Лев Толстой. Проклиная культуру, он остался в культуре; отрицая государство, не ушел из него – да и куда бы мог он уйти» (Белый, 1994, с. 56). Такая трактовка семантически близка мифологеме непротивления злу насилем, как она понимается в статье М. Волошина «Судьба Толстого» (1910): герой вновь и вновь испытывает себя, а только лишь находит удовольствие и в физическом труде, и в отказе от материального, опекаемый домашними, не может вырваться из им самим созданного круга добродетели (см. подробнее об этом: [Курьянова, 2021, с. 70–71]). Андрей Белый и Максимилиан Волошин с женами окажутся вместе на строительстве Гётеаниума в антропософском центре Р. Штейнера, поэтому близость взглядов поэтов вполне объяснима.

В статье Андрей Белый развил и утвердил мифологему величия Толстого, прошедшего через смерть и достигшего бессмертия. Поэт подчеркнул грандиозность идеи опрощения, черты которого можно наблюдать уже в толстовском народном герое Кутузове; правда Толстого противопоставлена земному шару, покрытому «плесенью цивилизации». Утверждается также значение Ясной Поляны, той «сохи», к которой сам проповедник казался лишь приложением, «олеографией» (Белый, 1994, с. 58). В статье «Толстой и мы» писатель предстает в образе «вещного старика, с глубокими, внутрь глядящими глазами» (Литераторы о Льве Толстом..., 1992, с. 84) – подчеркнутое мессианство Толстого коррелирует с мифологемой Толстого-пахаря, ярко проявленной на одноименной картине И. Е. Репина, а затем подхваченной уже в литературных текстах. Белый не просто транслировал мифологему опрощения, а представил своего героя единственным пахарем всей земли русской, нет у него соратников, никто не поднимется на его уровень. Никто, кроме него, не сможет привести перемены.

В статье «Лев Толстой и культура сознания» (см. подробнее: [Лавров, 2016]) «круг чтения» писателя в силу своей замкнутости и повторяемости обозначен как мантра, а близкий к восточным практикам вид иноческой активности – старчество – проявлен, по мнению Андрея Белого, и в Толстом. Мифологема «Толстой-старец, Толстой-отшельник» интерпретирована автором в духе индийской философии. Кроме того, он первый «Ману», т. е. прародитель человеческого рода, осознавший значимость Манаса, он лев с орлиной головой (Белый, 2016, с. 68–70). Белый отрицает трактуемое непротивление злу насилем как бездействие, аргументируя постоянным движением Толстого, желанием идти пешком, «выйти из бешеной скачки: из поезда» (Белый, 2016, с. 99). Но направление движения великий Лев может только указать, сам он вас не повезет, убежден Белый, уверен

ность в общем пути сбила с толку многих толстовцев, тут возникла мифологема о толстовстве: «Лев Толстой появляется в мир, как агент пароходной компании, всем указуя пути – лишь до гавани; гавань – наивное взятие мыслей Толстого, которые, действуя, перевозят сознание в Новый таинственный Свет, пока многие из толстовцев, наивно усевшись на пристани, думают, что они в Новом Свете» (Белый, 2016, с. 105).

В главе «Еще раз “Толстой” и еще раз Толстой» (1926) исследования «История становления самосознающей души», кроме уже использованных ранее мифологем Белый показал с негативной оценкой другую сторону активно живущего в народе, культуре и литературе профанного мифа о Толстом: «...мы поскорее состряпали – ложь об “учителе”: в карикатуру. Толстой стал учиться... у пахаря, у мужика, у сапожника: Боже мой, – сколько годов говорилось с ужимочкой, как он тачал сапоги в назидание нам!» (Андрей Белый, 1999, с. 290). Причем поэт напрямую говорил о «состряпанном мифе», не вполне отдавая себе отчет, что создал такой же миф, но охранительного содержания.

В этой статье Белый сформулировал идею давно задуманного текста «Толстой и йога», залив, что «“учение” Толстого есть популяризация йоги, пути, повествующего, как в работе сознания над миром астрала рождается мудрость и как из работы дальнейшей над телом эфирным рождается будхи» (Белый, 1999, с. 297). Поэт пришел сам к этому пути, пришел и своими героями (в том числе, например, Иваном Ивановичем Коробкиным в рассказе «Йог») и воспринял этот путь как «путь индивидуального посвящения, путь йоги, потом – путь испытаний, более социально значимый и более интересный ему в перспективе его раздумий о России будущего» [Спивак, 2020, с. 210].

Таким образом, значимость личности Л. Н. Толстого в работе творческого сознания Андрея Белого безусловна. В 1927 г., как известно, поэт создал уникальную автобиографию – нарисовал подробнейшую красочную схему своей жизни, где обозначил линии человеческого бытования и творческой биографии, конкретных людей, которые оказали на него духовное или человеческое влияние. Толстой обозначен на этой схеме 1919–1920 гг., периодом особенно глубокого размышления Белого над проблемами культуры, кризисом культуры и кризисами в целом. Но миф о Толстом создает поэт не только в статьях, а прежде всего в воспоминаниях, в романе «Котик Летаев» и стихотворном посвящении «Льву Толстому». Для Андрея Белого особенно значимыми оказываются традиционные для биографического мифа русского писателя мифологемы об опрощении Толстого, величии Толстого, непротивлении злу насилием, но важна оказывается также мистическая составляющая, реализованная поэтом в образе рока или в облике персонажа немецкого фольклора Рупрехта.

Список литературы

- Курьянова В. В. Толстовский миф в творчестве В. В. Маяковского // *Litera*. 2018. № 4. С. 152–167.
- Курьянова В. В. Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // *Научный диалог*. 2019. № 1. С. 179–194.
- Курьянова В. В. Толстовский миф в творческом сознании М. А. Волошина // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2021. № 3. С. 68–75.
- Лавров А. В. Андрей Белый на подступах к Толстому // *Русская литература*. 2016. № 3. С. 47–58.

Лошаков А. Г., Шушарин И. А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 117–127.

Обатнина Е. А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: НЛЮ, 2008. 296 с.

Спивак М. Андрей Белый – мистик и советский писатель. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2020. 610 с.

Gulevich Tanya. Encyclopedia of Christmas & New Year's Celebrations. 2nd ed. 2010. 1004 p.

Список источников

Андрей Белый. Душа самосознающая / Сост. и ст. Э. И. Чистяковой. М., 1999. С. 276–302.

Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев; науч. ред. М. Л. Спивак; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад, подгот. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т. В. Павловой, М. Л. Спивак; ст. и коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, М. Л. Спивак. М.: Наука, 2016. 1120 с. (Литературное наследство. Т. 105)

Белый А. Собр. соч. Серебряный голубь: Рассказы / Сост., предисл., коммент. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 335 с.

Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3 кн. / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Худож. лит., 1989б. Кн. 1. 543 с., ил., портр. (Литературные мемуары)

Белый Андрей. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М: Мусaget, 1911. 46 с.

Белый Андрей. Котик Летаев. Петербург.: Эпоха, 1922. 296 с.

Белый Андрей. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. 1. 478 с.

Белый Андрей. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. М.: Сов. писатель, 1988. С. 638–645.

Белый Андрей. Котик Летаев // Белый Андрей. Старый Арбат: Повести. М.: Моск. рабочий, 1989а. С. 428–578. (Литературная летопись Москвы)

Белый Андрей. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, состав., примеч. А. В. Лаврова, Джона Малмстада. СПб.; М.: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. Т. 1. 640 с. (Новая Библиотека поэта)

Белый Андрей. Лев Толстой и культура сознания // Русская литература. 2016. № 3. С. 59–119.

Литераторы о Льве Толстом (материалы из архива В. В. Водовозова) / Вступ. ст., коммент., подгот. текста Ф. Л. Федорова // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 83–86.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1938. Т. 10: Война и мир (1863–1869, 1873). Том второй. 436 с.

References

- Gulevich Tanya. *Encyclopedia of Christmas & New Year's Celebrations*. 2nd ed. 2010, 1004 p.
- Kur'yanova V. V. Tolstovskiy mif v tvorchestvom soznanii M. A. Voloshina [Tolstoy's myth in the creative mind of M. A. Voloshin]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2021, no. 3, pp. 68–75.
- Kur'yanova V. V. Tolstovskiy mif v tvorchestve V. V. Mayakovskogo [Tolstoy's myth in the works of Vladimir Mayakovsky]. *Litera*. 2018, no. 4, pp. 152–167.
- Kur'yanova V. V. Tolstovskiy tekst i mif o L. N. Tolstom v tvorchestve I. Il'fa i E. Petrova [Tolstoyan text and the myth of Leo Tolstoy in the works of I. Il'fa and E. Petrov]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2019, no. 1, pp. 179–194.
- Lavrov A. V. Andrey Belyy na podstupakh k Tolstomu [Andrei Bely on the approaches to Tolstoy]. *Russkaya literatura*. 2016, no. 3, pp. 47–58.
- Loshakov A. G., Shusharin I. A. *Prolegomeny k kontseptsii Pushkinskogo teksta russkoy literatury* [Prolegomena to the concept of the Pushkin text of Russian literature]. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2016, no. 5, pp. 117–127.
- Obatnina E. A. M. Remizov: *Lichnos' i tvorcheskie praktiki pisatelya* [Remizov: The personality and creative practices of the writer]. Moscow, NLO, 2008, 296 p.
- Spivak M. *Andrey Belyy – mistik i sovetskiy pisatel'* [Andrei Bely – mystic and Soviet writer]. 2nd ed. Moscow, RSHU, 2020, 610 p.

List of sources

- Andrey Belyy. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniky 1930-kh godov* [Autobiographical compilations: Material for biography. Foreshortening to the diary. Registration records. Diaries of the 1930s]. A. Yu. Galushkin, O. A. Korostelev, M. L. Spivak (Eds.); A. V. Lavrov, Dzh. Malmstad (Comps.); A. V. Lavrov, Dzh. Malmstad, T. V. Pavlova, M. L. Spivak (Prep. of the text); A. V. Lavrov, Dzh. Malmstad, M. L. Spivak (Comment.). Moscow, Nauka, 2016, 1120 p. (Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. vol. 105)
- Andrey Belyy. *Dusha samosoznayushchaya* [The self-conscious soul]. E. I. Chistyakova (Comp.). Moscow, 1999, pp. 276–302.
- Belyy A. *Na rubezhe dvukh stoletiy. Vospominaniya: V 3 kn.* [At the turn of two centuries. Memoirs: In 3 bks.]. V. Vatsuro, N. Gey, G. Elizavetina et al. (Eds.); A. Lavrov (Intr. art., comm., text prep.). Moscow, Khudozh. lit., 1989b, bk. 1, 543 p., il., portr. (Literaturnye memuary [Literary memoirs])
- Belyy Andrey. *Kotik Letaev*. Peterburg, Epokha, 1922, 296 p.
- Belyy Andrey. *Kotik Letaev*. In: Belyy Andrey. *Staryy Arbat: Povesti* [Old Arbat: Stories.]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1989a, pp. 428–578. (Literaturnaya letopis' Moskvy [Literary chronicle of Moscow])
- Belyy Andrey. *Kritika. Estetika. Teoriya simbolizma: V 2 t.* [Criticism. Aesthetics. Theory of symbolism: In 2 vols.]. Moscow, 1994, vol. 1, 478 p.
- Belyy Andrey. *Lev Tolstoy i kul'tura soznaniya* [Leo Tolstoy and the culture of consciousness]. *Russkaya literatura*. 2016, no. 3, pp. 59–119.
- Belyy Andrey. *Stikhotvoreniya i poemy: V 2 t.* [Verses and poems: In 2 vols.]. Vstup. st., podgot. teksta, sostav., primech. A. V. Lavrov, Dzhona Malmstad (Intr. art.,

text prep., comp., notes). St. Petersburg, Moscow, Akademicheskii proekt, Progress-Pleyada, 2006, vol. 1, 640 p. (Novaya Biblioteka poeta [New library of a poet])

Belyy Andrey. *Tragediya tvorchestva. Dostoevskiy i Tolstoy* [Tragedy of creativity. Dostoevsky and Tolstoy]. Moscow, Musaget, 1911, 46 p.

Belyy Andrey. Vospominaniya o L. N. Tolstom [Memories about Leo Tolstoy]. In: *Andrey Belyy: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniya, publikatsii. Sbornik* [Andrei Bely: Problems of creativity: Articles, memoirs, publications. Collection]. Moscow, Sov. pisatel', 1988, pp. 638–645.

Belyy A. *Sobr. soch. Serebryanny golub': Rasskazy* [Collected works. Silver dove: Stories]. V. M. Piskunov (Comp.). Moscow, Respublika, 1995, 335 p.

Literatory o L've Tolstom (materialy iz arkhiva V. V. Vodovozova) [Writers about Leo Tolstoy (materials from the archive of V. V. Vodovozov)]. F. L. Fedorov (Intr. art., comm., text prep.). *Otechestvennye arkhivy*. 1992, no. 4, pp. 83–86.

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: V 90 t.* [Complete collected works: In 90 vols.]. V. G. Chertkov (Ed.). Moscow, Khudozh. lit., 1938, vol. 10: *Voyna i mir* (1863–1869, 1873). Tom vtoroy [War and Peace (1863–1869, 1873). Volume two], 436 p.

Информация об авторе

Валерия Викторовна Курьянова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Information about the author

Valeria V. Kurianova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 07.07.2022;

одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 29.08.2022

The article was submitted on 07.07.2022;

approved after reviewing on 29.08.2022; accepted for publication on 29.08.2022

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/8

Лирическая поэтика романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Аннотация

Рассмотрены такие черты лирической поэтики романа «Жизнь Арсеньева», как насыщенность текста тематическими и мотивными повторами, фрагментарность, вариативность и неопределенность. Акцент сделан на способах описания пространств – усадебного и городского, а также на пунктирном лирическом сюжете Пятой книги романа. Пространственное и сюжетное устройство дублируют, дополняют и индуцируют друг друга: в тексте разнообразны вариации усадебного локуса, при том, что все изображенные усадьбы похожи. Похожи и города: в Пятой книге уездный город и губернский город регулярно подменяют друг друга. Умножение сходных мотивов и сюжетных ситуаций характерно и для сюжета Пятой книги, в ней к тому же несколько кульминаций. Всё это искусно запутывает читателя, привнося предметную неопределенность, которая лежит в основе лирической поэтики романа, имеющей много общего с классической русской элегией.

Ключевые слова

лирическая проза, роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», мотив, сюжет, тема, элегия, русская усадьба, пространство

Для цитирования

Капинос Е. В. Лирическая поэтика романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 99–111. DOI 10.17223/18137083/89/8

Lyrical poetics of the novel “The Life of Arseniev” by Ivan Bunin

Elena V. Kapinos

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Abstract

The paper examines such features of the lyrical poetics of the novel “The Life of Arseniev” in terms of its thematic and motivic repetitions, fragmentary and variegated style, and overall

© Капинос Е. В., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 99–111
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 99–111

sense of ambivalence and uncertainty. An emphasis is placed on how various settings are described, including manor and urban locales and on the punctuated lyrical narrative of the Fifth Book of the novel. Ivan Bunin depicts several manors near Arseniev's residence characterized by their similarities and significant historical connections to renowned Russian writers. The lyricism of the manor theme is enhanced by various variations, lending it a substantial semantic richness. The transitions between different spaces, the layered descriptions, and the concentration of similar plots within each chapter are all points of interest. The urban space is built under the same laws as the manor. The technique used to depict cities entails the repetition of similar characteristics, with the images of the provincial city of Orel gradually merging with those of an unnamed county town in Book Five. The lyrical plot of Book Five is structured around the multiplication of similar situations, with several climaxes. The spatial and plot structures exhibit duplication, complementarity, and induction elements. The multiplication of similar motifs and plot situations skillfully confuses the reader, introducing a subject ambiguity underlying the lyrical poetics of the novel. The lyrical poetics of the novel shares similarities with the classical Russian elegy, including specific details and a melancholic tone.

Keywords

lyrical prose, I. A. Bunin's novel "The Life of Arseniev", motif, plot, theme, elegy, Russian manor, space

For citation

Kapinos E. V. Lyrical poetics of the novel "The Life of Arseniev" by Ivan Bunin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 99–111. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/8

1. Усадебный локус: лирическая вариативность и множественность

Неопределенность, фрагментарность, вариативные повторы – главные черты лирической поэтики «Жизни Арсеньева». Они являют себя на разных уровнях этого текста, включая тематический и мотивный, которым и посвящена данная статья. И первая тема, позволяющая оценить высокую степень и характер этой неопределенности, – это тема дышащего стариной усадебного быта. Текст Бунина дает все основания исследователям размышлять о поэтизации и особой ценности для Бунина усадебных мотивов¹, но в данном случае хочется показать, какую роль эти мотивы играют в композиции романа.

Действие первых трех книг разворачивается в отцовской усадьбе, где рождается и взрослеет главный герой. Усадебный быт, отчий дом описываются Буниным в мельчайших и точнейших деталях: окна, освещение комнат, залы, кабинеты, библиотеки, книги, домашние занятия, сады, чердаки и задворки – всё это обозревается очень подробно. Однако в романе фигурирует не одна, а множество усадеб, и они столь похожи на родную усадьбу Арсеньева, что читатель может в них даже запутаться.

Рождается Арсеньев в одной усадьбе, и именно ее, Каменку, в младенчестве он переживает как родной дом. Но уже в первой книге семья Арсеньева его теряет и переселяется в другую усадьбу, Батурино. Еще живя в Каменке, Арсеньев знал дом бабушки, и переселение проходит как-то вполне естественно и для героя не драматично, тем более что всё это происходит, когда Арсеньев уже учится в первом классе гимназии и живет в городе. Но само удвоение темы дома – Каменка / Батурино в первой же книге подчеркивает лиризм этой темы. Вместе со смертью бабушки в роман входит элегический мотив смены поколений, обнов-

¹ О теме русской усадьбы у Бунина в разное время писали Н. В. Зайцева [1996], Н. А. Трубицина [2006], Т. М. Жаглова [2012] и др.

ления жизни чередой уходящего и нарождающегося (вспомним другой образцово-лирический текст Бунина «В некотором царстве», где счастье и любовь героев совершаются на фоне смерти). При этом две усадьбы, принадлежащие роду Арсеньевых, формируют переживание более широкого, чем одна конкретная усадьба, образа отечества: пространство, окружающее оба дома, в той или иной мере *свое* для Арсеньева, здесь живут его родственники и старинные соседи, а лирическое переживание этого пространства «подтверждается» литературными ассоциациями: «сады Лицея» (XV глава Второй книги), малорусская родина Гоголя и дедовские хоромы «пана Данилы» (XV глава Первой книги), усадебная жизнь Толстого – всё это отзывается в чувстве Арсеньева к своим родным местам.

Литературные и исторические герои тоже оказываются «своими»: вселять в неизвестные затерянные усадьбы литературных и исторических персонажей – характерная и уже хорошо отработанная ко времени работы над «Жизнью Арсеньева» техника Бунина: например, в заброшенной и затерянной усадьбе рассказа «Несрочная весна» царит образ Екатерины, в раздумьях о прошлом всплывают стихи Баратынского, Сумарокова, русская элегия. И не случайно, конечно, рядом с Батуриным в «Жизни Арсеньева» помещена лермонтовская «Кроптовка». В VIII главе Четвертой книги Арсеньев в своих скитаниях с ружьем уже не в первый раз заезжает в эту усадьбу и с душевным трепетом рассматривает небольшой дом и сад отца Лермонтова. А поскольку его семейство носит ту же фамилию, что и бабушка Лермонтова – Арсеньевы, то и Кроптовка оказывается как будто бы одной из родных усадеб героя, тем более что она, как и Батурино, разорена, обветшала и продается. Наконец в том же уезде охотятся «молодые Толстые» (IX глава Четвертой книги), что, конечно, не может не напомнить о толстовской Ясной Поляне, не названной в романе, но добавляющей детству Арсеньева ассоциаций из толстовского «Детства».

В главах о доме описываются не только Батурино и разного рода литературные усадьбы, но и множество других имений уезда. Арсеньев, как и другой бунинский автоперсонаж Ивлев (из несобранного цикла «ивлевских» рассказов²), постоянно прогуливается по родному уезду, «заглядывая» (чаще всего издали или вообще в воображении) к соседям, родственникам, а также в пустые заброшенные усадьбы.

Кроме Каменки и Батурина подробно обрисован дом, соседствующий с батуринской усадьбой, рядом с которым деревом убило приказчика, донесшего на Георгия, старшего брата Алексея Арсеньева (XIII глава Второй книги). Оказывается, этот дом принадлежал когда-то матери Арсеньева, и, таким образом, это тоже их родное в прошлом поместье, теперь отчужденное и даже враждебное из-за этого злого доноса. Но чувство родства преобладает, и опустевшее имение соседей присоединяется к родным домам, поэтически описанным в этой главе; как и в лермонтовскую Кроптовку, Арсеньев многократно заезжает в эту усадьбу полюбоваться ее красотой.

Читатель узнает и о других усадьбах Батурина: с другой стороны пруда от усадьбы Арсеньевых стоит дом Уварова – отца Глебочки, одноклассника Арсеньева, который учится в той же гимназии и живет в том же доме Ростовцевых³,

² См. об этом: [Капинос, 2014].

³ Фамилия Ростовцевых перекликается с фамилией семьи Ростовых в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, в обоих романах изображаются семьи с укорененными традициями русского быта.

где и Арсеньев. Гимназисты далеки друг от друга и не дружат, но знакомы близко. По-видимому, Арсеньев бывал и в доме Уваровых у Глебочки и, слегка влюбившись юношеской платонической любовью в Лизу Бибикову, родственницу Уваровых, гостившую летом в Батурине, легко воображает, как она живет в этом доме, когда он «выдумал совсем не спать по ночам, – ложиться только с восходом солнца, а ночь сидеть при свечах в своей комнате, читать и писать стихи, потом бродить по саду, глядеть на усадьбу Уваровых с плотины пруда» (Бунин, 1966, с. 129)⁴, «Глядя на дом с плотины, я точно представлял себе, где кто спит. Я знал, что Лиза спит в Глебочкиной комнате, в той, окна которой выходили тоже в сад, темный, густой, подступающий прямо к ним» (с. 131). К этому виду на усадьбу с плотины Бунин возвращается многократно, к примеру, чуть раньше, в VI главе Третьей книги, когда Лиза еще не приехала в Батурино и Арсеньев еще не знает о ней, он точно так же стоит на плотине и смотрит на соседскую усадьбу: «Я стоял, глядел – и луна стояла, глядела. Возле берега, подо мной, была зыбкая, темно-зеленая бездна подводного неба, на которой висели, чутким сном спали, спрятав под крыло голову и глубоко прижавшись к ней, утки; за прудом темнела вдали усадьба Уварова, того помещика, чьим незаконным сыном был Глебочка» (с. 121). Отметим попутно, что мотив «незаконного сына» отсылает к биографии В. А. Жуковского, а мотив луны – к его поэзии. Будучи незаконным сыном, Глебочка никогда, наверное, не станет хозяином этого дома, а на судьбу соседней с этим домом усадьбы заодно тоже ложится тень неопределенности.

Здесь же, в Батурино, расположено имение Алферова, где гостит еще одна героиня, у нее тургеневское имя Ася, и ее образ тревожит воображение юноши Арсеньева (об Асе рассказывается в той же, IX главе Третьей книги, что и о Лизе). Портрет этой девушки мелькает в романе парой кадров практически одновременно с мимолетной влюбленностью в Лизу Бибикову, тема первой любви концентрируется в этой главе с двумя гостями, приезжающими и уезжающими одна за другой и увлекающими Арсеньева почти одновременно. Усадьбы соседей, их портреты сделаны как наброски, как эскизные пятна, ни о ком не рассказывается подробно. К примеру, хозяин усадьбы помещик Уваров не попадает в кадр, о нем лишь кратко сообщается, что он пребывает в натянутых отношениях с Арсеньевыми из-за мелких деревенских ссор. Характерно то, что читатель почти не видит владельцев усадеб, говорится лишь об их предках, описываются только родственники, гости, управляющие. Опосредованные, не прямые связи героев с усадьбами способствуют созданию нечетких, призрачных образов⁵, которые в то же время очень близки Арсеньеву, усадьбы, кажется, населены тенями, как опустевший пушкинский дом в элегии Языкова, процитированной в IX главе Третьей книги. Гости соседей уезжают, исчезают из поля зрения Арсеньева, а вместе с ними затуманиваются образы самих усадеб, разрушающихся, разоряющихся, теряющих и меняющих владельцев. Лиза Бибикова и Ася, мелькнув, исчезают навсегда, а вскоре сообщается, что хозяин усадьбы, куда приезжала Ася, умер, и в его доме на время поселяется с женой средний брат Арсеньева, Николай («Умер наш сосед

⁴ Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

⁵ Таким же образом описывает Е. Р. Пономарев усадьбы, изображенные в рассказах «Несрочная весна» и «Митина любовь»: «Усадьба оказывается сонным царством, мотивы сна неоднократно подчеркнуты <...>. Описание усадьбы завершает церковь, где покоятся прежние владельцы – традиционная бунинская нота смерти <...> Точно так же растворены створы времени в “Митиной любви”, и Митя воочию увидит Катю хозяйкой своей усадьбы восемнадцатого века» [Пономарев, 2005, с. 125].

Алферов, живший совсем одинок. Брат Николай снял это опустевшее имение в аренду и жил в ту зиму уже не с нами, а в алферовской усадьбе» (с. 141)). В доме, где гостила Ася – предмет мимолетного и почти детского увлечения Арсеньева, теперь живут его родственники. Дом Алферова тоже становится как бы «своим», и именно там настигает Арсеньева первая взрослая трагическая любовь к горничной брата, молодке Тоньке.

Судьба владельца усадьбы, помещика Алферова, описывается в XII главе Второй книги. Необычайно интересно, что имя этого соседа – Федор Михайлович, и оно явно (и слегка пародийно, разумеется) корреспондирует с пушкинским именем отца Арсеньева: Александр Сергеевич. При этом биография Достоевского, в молодости оказавшегося в Петропавловской крепости и почти чудом избежавшего смертной казни, тоже отзывается в судьбе этого помещика. Его сын, петербургский студент, уличенный «в пропаганде», посажен в Петропавловскую крепость, а сосед Алферова, Александр Сергеевич Арсеньев, очень его жалеет, сокрушаясь: «Несчастный Федор Михайлович! <...> Вероятно, этого голубчика казнят» (с. 82). Отметим, что и фамилия Федора Михайловича – Алферов – несет в себе отсылку к биографии Достоевского, родовое имение которого Даровое (в Каширском уезде Тульской губернии) соседствовало со старинной деревней Алферьево. Так что отсылка оказывается очень явной, а в ней – и напоминание о страшных обстоятельствах, которые оставили болезненный след в душе Достоевского, а затем и в его творчестве: о характере отца, об отношениях с ним и о том, что его отец умер в этом своем имении Даровое не своей, вероятно, смертью. Бунин несколькими штрихами напомнил об этом в своем романе. А смерть старика Алферова, переживание возможной казни его сына, оставшаяся без хозяина усадьба служат фоном первой любви Арсеньева, даже двух любовных историй: светлой, в духе Тургенева, к Асе и трагической к молодке Тоньке – так в очередной раз разыгрывается излюбленный мотивный инвариант Бунина: юность и любовь под знаком смертей, трагедий и утрат.

Отошедшая в прошлое история близлежащих имений после смерти их владельцев, так или иначе трагической, – один из инвариантных сюжетов лирической прозы Бунина. Ощущение незримого присутствия в доме его, чаще всего разорившегося, владельца, сохранившихся примет его прошлой жизни, подтверждающих местные слухи и рассказы о нем, обеспечивают притягательную неопределенность описаний, подобную той, что так характерна для лирических жанров элегии, эпитафии, баллады. Один из самых ярких примеров такой поэтики – рассказ «Грамматика любви», в котором один из альтер эго Бунина, Ивлев, посещает имение Хвошинского, хозяин которого уже умер, но слухи о его странностях и о его любви тревожат воображение Ивлева, поэтому дом хозяина, его вещи и его книги рассказывают Ивлеву историю этой любви⁶.

Таким же образом описывается в романе дом его родственников Писаревых, получивших, как и Арсеньевы, усадьбу в наследство от предков. Писарев оставил потомкам дом, полный старинной роскоши. Алексея Арсеньева в этом доме особенно привлекает богатая библиотека, и там, в чтении книг, проходят лучшие дни ранней юности героя. О почившем старике Писареве едва упомянуто, так же как о бабушке Алексея, и описание этих двух домов незаметно накладывается одно на другое. Так в XVIII главе Второй книги с Батурино автор незаметно переключается на Васильевское, где Арсеньев часто гостит у Писаревых, и не только

⁶ См. об этом: [Анисимов, 2014].

у них. Средний брат Алексея Николай женился на дочке немца Виганда, который живет недалеко от Писарева, поскольку служит управляющим казённым имением в Васильевском. К Вигандам приезжает племянница Анхен из Ревеля, и Арсеньев влюбляется в эту гостью до самого ее отъезда. А немного позже она сменяется столь же легким увлечением другой гостьей, Лизой Бибиковой, а потом Асей, но уже не в Писарево, а в Батурино. Умножения похожих усадеб и сюжетных ситуаций делают текст романа подобным лирическому тексту с его множественностью ритмических, рифмических, мотивных параллелей и возвращениями к главной теме⁷. Юношеские влюбленности и разъезды по округе – это не события эпического сюжета, а скорее лирические вариации одних и тех же картин и эмоциональных состояний.

«Жизнь Арсеньева» наполнена таким количеством параллелей и вариаций, что все их трудно уловить с первого раза, а их установление и узнавание вместе с их вариативностью и отличиями обеспечивает напряжение, подобное тому, какое возникает при чтении лирического текста, чему способствует и фрагментарность романа. Многократно варьируются мотивы смертей владельцев поместий и оставленности домов своими хозяевами, которые поддерживаются и умножаются мотивами отъездов и расставаний, в том числе с возлюбленными. Таким образом, тема отчего дома локализуется в средней России, близ Орла, родного города Лескова и Тургенева, в южном направлении от Москвы, где находится и село Мишенское Билевского уезда, родина В. А. Жуковского, и лермонтовское Кропотово, и толстовская Ясная Поляна; вымышленная усадьба вымышленного Арсеньева, населенная его родственниками и соседями, становится лирическим средоточием романа и «точкой, распространяющейся на всё».

2. Город-палимпсест

Городское пространство выстраивается по тем же правилам, что и усадебное. Как многократно отмечалось, самый близкий к имени Арсеньевых город, где Арсеньев учится в гимназии, оставлен без имени, и это превращает его в «некоторое» сказочное «царство» детства и юности, при том, что именно из этого неназванного города и явилась Лика, главная героиня романа, незабвенная любовь Арсеньева⁸.

Второй город, губернский Орел, – тоже свой для жителей окрестных поместий. В нем, как и в уездном городе, множество церквей, городской сад, гостиница, вокзал и та же атмосфера тихой провинции. Всё это так похоже, что порой читатель не замечает переходов от описания губернского города к описанию уездного: например, в начале XII главы Пятой книги, когда Арсеньев идет на вокзал в Орле, он вдруг вспоминает свой уездный город, и один город превращается в другой так же незаметно, как во Второй книге батуринский дом в дом Писарева. В губерн-

⁷ «Многочисленность» разного рода форм параллелизма отмечает в тексте Бунина О. А. Астащенко, исследовательница ритмических особенностей романа «Жизнь Арсеньева»: «Гармонический, размеренный характер повествования в романе “Жизнь Арсеньева” достигается с помощью особого рода урегулированности ритма зачинов и окончаний, своеобразного синтаксического построения предложений и синтагм, многочисленных форм параллелизма» [Астащенко, 2004, с. 73].

⁸ Кроме Лики с уездным городом связано самое первое, гимназическое чувство влюбленности, оно возникло в городском саду, где пахло свежестью фонтана и цветами табака, когда Арсеньев увидел хорошенькую «уездную барышню», и «этот запах соединился у меня с чувством влюбленности, которой я впервые в жизни был болен несколько дней после того» (с. 69).

ском Орле Арсеньев видит сон об уездном городе (это XIV глава Пятой книги: «По дороге я вспомнил сон, который видел в эту ночь: я опять жил у Ростовцевых, сидел с отцом в цирке, глядел на арену» (с. 241), этот сон возвращает к VIII главе Второй книги, где гимназист Арсеньев живет у купца Ростовцева, а отец приезжает из Батурина проведать сына и ведет его в цирк). Сон о детстве в уездном городе, перемешиваясь с описанием губернского Орла, с описанием орловской Московской улицы, плавно перетекает из XIV главы Пятой книги в XV: «Я пошел в трактир на Московской. Там выпил несколько рюмок водки <...> Народу было немало <...> Всё это было как бы продолжением моего сна» (с. 244–245). Иногда Арсеньев, сидя в гостинице в Орле или направляясь в редакцию, вспоминает уездный город, и в галерею портретов орловцев вклиниваются жители уездного города: «Теперь мне хотелось что-то сказать уже о Костеньке (мальчике, сыне постоялицы орловской гостиницы, где живет Арсеньев. – Е. К.) и еще о чем-то в этом роде. Вот, например, на подворье Никулиной (подворье, где жил Арсеньев в уездном городе. – Е. К.) однажды с неделю жила, работала швея...» (с. 238). Кстати, и в уездном, и в губернском городе Арсеньев подолгу живет в гостиницах (на подворье Никулиной он переселяется после жизни в Дворянской), что тоже сближает оба города, делает их похожими для читателя. В отличие от Батурина и Писарева, где Арсеньева окружают родные и соседи (а круг их тесен и хорошо знаком), город наполнен незнакомыми людьми, и будущий писатель мысленно или в тетради постоянно рисует словесные портреты городских жителей, и они, подобно кадрам документальной ленты, образуют единое пространство.

В романе, по замечанию Е. Р. Пономарева, сделано несколько обходов уездного города, который мы видим в VI, VII, X, XIV главах Второй книги и в других частях романа. Исследуя образ уездного города, Г. П. Климова подсчитала, сколько раз описывается его главная улица, Долгая, и вся дорога, которая ведет в город и уводит из него: «Вряд ли можно считать случайным, что что восемь раз упоминает Бунин о дороге, идущей на закат и проходящей между монастырем и острогом» [Климова, 1995, с. 122] (в III главе Первой книги, II, VI, VII, VIII, XIV главах Второй книги и в V главе Пятой книги). В Орле же читатель видит многократно главную улицу этого, губернского, города – Болховскую (в I, II, X, XI, XIV главах Пятой книги), дважды упоминаются трактиры и извозчики чайные на соседствующей с Болховской Московской (в финале XI главы Пятой книги и в начале XV). Многократно изображены церковные службы, моления у икон в двух городах, уездном и губернском, суммируя впечатление от всех этих образов, Е. Р. Пономарев пишет: «Россия застывает в сознании Арсеньева в виде икон» [Пономарев, 2019, с. 118]. Церкви уездного города, где Арсеньев молится, будучи гимназистом, изображены во Второй книге: в VII главе упомянута старинная церковь над рекой с чудотворной древней иконой Богородицы, в IX главе – церковь Воздвиженья, куда водили гимназистов, в XIV главе – мужской монастырь, в Пятой книге орловских церквей немногим меньше, чем уездных, о них рассказывается в XI, XIV и XV главах (Великопостная служба в полупустой церкви, где звучит молитва Ефрема Сирина, небольшая церковь с испугавшим Арсеньева гробом ребенка и еще одна безымянная церковь, в которой поют: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»).

Городская тема, как и усадебная, варьируется и умножается многочисленностью похожих, но при этом разнообразных картин, разнящихся множеством мелких и точных подробностей. Пространственных наложений и удвоений много

и оттого, что герой трижды путешествует, и дважды по одному маршруту – на юг. В первый раз он едет один: к брату в Харьков и затем в Крым. Во второй, увозя Лику на юг, повторяет тот же путь: мелькают те же станции и города, что и во время первого путешествия. Только город, куда он увозит Лику и где живет старший брат, это уже не Харьков, как в первый раз, а какой-то другой город, оставшийся неназванным – в топонимику романа вклинивается еще один «сказочный» город (подразумевающий, по-видимому, Полтаву)⁹. По его окрестностям, а это места с реальными названиями, Арсеньев тоже непрерывно разъезжает.

Отдельные географические мотивы проходят через весь роман. Исследователи уже обращали внимание на описание Витебского костела в XVIII главе Пятой книги без упоминания его названия (имеется в виду костел Св. Варвары):

Темнело, я пришел на какую-то площадь, на которой возвышался желтый костел с двумя звонницами. Войдя в него, я увидал полумрак, ряды скамеек, впереди, на престоле, полукруг огоньков. И тотчас медлительно, задумчиво запел где-то надо мной орган, потек глухо и плавно, потом стал возвышаться, расти – резко, металлически... стал кругло дрожать, скрежестать, как бы вырываясь из-под чего-то глушившего его, потом вдруг вырвался и звонко разлился небесными песнопениями... Впереди, среди огоньков, то поднималось, то падало бормотание, гнусаво раздавались латинские возгласы. В сумраке, по обеим сторонам уходящих вперед толстых каменных колонн, терявшихся вверх в темноте, черными привидениями стояли на цоколях какие-то железные латники. В высоте над алтарем сумрачно умирало большое многоцветное окно... (с. 250).

Очень интересно, что, когда юноша Арсеньев в романе впервые всё это видит и слышит, читатель, как это уже подметил Е. Р. Пономарев, про это его впечатление уже знает: в Первой книге, когда Арсеньев читает рыцарские романы со своим учителем Баскаковым, рыцарские доблести вызывают в нем те же, как он позже это осознает, переживания, что и в костеле:

Как потряс меня орган, когда я впервые (в юношеские годы) вошел в костел, хотя это был всего-навсего костел в Витебске! Мне показалось тогда, что нет на земле более дивных звуков, чем эти грозные, скрежещущие раскаты, гул и громы, среди которых и наперекор которым вопиют и ликут в разверстых небесах ангельские гласы (с. 36).

В Первой книге – событие, в Пятой – воспоминание (рассказчика) из будущего, которое можно назвать и лирическим отступлением. «Мостиком в начало романа» называет этот повтор Пономарев [2019, с. 115]. Сам Бунин, вмещая юношеское воспоминание в детские годы Арсеньева, называет это заковыченным словом «вспомнил» («как я впервые “вспомнил” тридцать лет тому назад» (с. 37)), а заковыченное «вспомнил» Бунина восходит к мистической формуле «вспомнила тебя душа моя» из рассказа «В ночном море» со столь же причудливыми воспоминаниями из других жизней. Образ Витебского костела и других католических церквей возникает и еще раз, когда Арсеньев-гимназист стоит на Великопостной службе в церкви Воздвиженья: «Нет, это неправда – то, что говорил я о готических соборах, об органах; никогда не плакал я в этих соборах так, как в церковке Воздвиженья в эти темные и глухие вечера» (с. 76) (IX глава Второй книги).

⁹ См. об этом: [Юрченко, 1999; 2000].

И это даже не удвоение, а поэтическое умножение, проведенное через весь роман, которое отзывается всегда, когда заходит речь о католических храмах и башнях, о рыцарстве, в теме рыцарства русской дворянской эмиграции, в образе гётевского всадника-рыцаря, несколько раз появляющегося в романе. Можно сказать, что звучание витебского органа прокатывается через всю «Жизнь Арсеньева».

В результате создается текст, изображающий работу памяти, которая любит возвращаться к чему-то очень важному, а вариативность способствует созданию в прозаическом тексте элегического лиризма, поддержанного спутанным пространственным палимпсестом, где сквозь один город просвечивает другой, сквозь одну церковь видится множество других, где герой ходит по одним и тем же улицам или улицам, которые так похожи, что не только читатель не отличает одну от другой и путается в количестве совершенных Арсеньевым по городу обходов, но и сам Арсеньев, живя в Орле, всё время возвращает уездные картины в памяти и снах, отчего все города становятся сновидчески-неопределенными, сопряженными с лирическими эмоциями и состояниями.

3. Сюжетный пунктир

Так же построен и любовный сюжет: Лика и Арсеньев многократно расстаются и сходятся, разлуки и встречи повторяются, образуя сюжетный пунктир, подобный пространственному пунктиру в этом романе. В XVII главе Четвертой книги Авилова в Орле знакомит Арсеньева с Ликой, и он, не успев осознать значение этой встречи, хотя и ревниво отметив, что некий высокий офицер с «продолговатым матово-смуглым лицом» «немного задержал ее руку в своей большой руке», уезжает в Батурино, «увозя одну мечту: как-то продолжить – и, насколько возможно скорей – то, что началось в Орле» (с. 196). А Лика, еще немного погостив у Авиловой, тоже возвращается домой, к отцу, в тот самый безымянный уездный город, где проходили гимназические годы Арсеньева. Арсеньев навещается из усадьбы в уездный город, видится с Ликой, получает от нее записки, потом на празднике в имении друзей (III глава Пятой книги) их влюбленность друг в друга уже ясно осознается ими («Я сидел рядом с ней и уже без всякого стыда держал ее руку в своей, и она не отнимала ее» (с. 200)), а дальше разлуки, размолвки и препятствия раскачивают маятник любовного сюжета. Отец Лики отказывается благословить брак его дочери с Арсеньевым, и влюбленные расстаются, но вскоре, договорившись заранее, уезжают в Орел, где ситуация повторяется. Они вновь, уже во второй раз, разлучаются по вине отца, который пытается сосватать ей более подходящего жениха. Влюбленные разлучаются «на первой неделе поста» и в начале весны Арсеньев, не находя себе места без Лики, отправляется в свое первое путешествие.

Этот прерывистый сюжет, беспрестанно «нанизывающий» и повторяющий разлуки, размолвки и краткие расставания ради встреч и примирений, развивается по музыкальным законам, многократно возвращаясь к начальной точке. Лирическая тема всякий раз вариативно обновляется, насыщается многократными кульминациями: это и ночная прогулка в имении друзей, и ночь в пустом вагоне поезда на пути в Орел, и встреча в уездном городе после томительной разлуки и продолжение этого свидания в Дворянской.

Сюжет как будто кружит: повторяются не только две разлуки из-за отца, и счастливые примирения после разлук, но и сцены ревности (Арсеньев ревнует Лиду то к офицеру Турчанинову, упомянутому дважды, то просто к веселым развлечениям на прогулках, на катке, то к театру и купцу Богомолу, то, уже в южном городе, из ревности не позволяет ей наряжаться в костюм Ночи на маскара-

де), многократно Арсеньев принимается рассказывать Лике о поэзии, литературе, о своих путешествиях, о юности в усадьбе, при этом о прошлом Лики мы почти ничего не знаем... Повторы играют роль композиционных опор романа, события «текут» между этими неподвижными точками повторов, от чего возникает и ощущение наполненности и легкой запутанности всех событий, и двойное чувство постоянства и обновления, так, как будто бы перед нами стихотворный текст, пронизанный рефренами.

Обновление становится темой разговоров Арсеньева с Ликой, и эта тема тоже возникает не единожды, а повторяется в разных ситуациях: «Ты очень изменился, – говорила она. – Ты стал мужественней, добрей, милей. Ты стал жизнерадостный» (с. 272), «Ты опять делаешься какой-то другой <...> Совсем мужчина. Стал зачем-то эту французскую бородку носить (с. 279)». У Лики появляется множество двойников. Она всё так же – единственная, но Арсеньев влечет разнообразие жизни и женской красоты. Он ездит то в Миргород, то в Казахи Броды, в Приднестровье, в Николаев, то на хутор толстовцев, где знакомится с женой младшего из них, и она очень ему запоминается, то по воскресеньям в одно село за Днепром, где встречается с красивой рыжей девкой. Дома он любит казачкой горничной и говорит о ней с Ликой, невзначай упомянута и некая Черкасова, попросившая Арсеньева проводить ее до Кременчуга. В таких разъездах проходит полтора года, любовные увлечения Арсеньева кратки, ни одно из них не может перерасти в как-то развивающийся сюжет: душа Арсеньева жаждет лишь смены ярких впечатлений от жизни, и эти краткие сюжеты-впечатления тоже никак не эпического, а чисто лирического характера.

Самая близкая параллель к сюжету Лики – любовь к горничной Тоньке (финал Третьей книги, ее последняя, XIV глава), которой связь с Арсеньевым едва не стоила жизни. По ней одной из всех своих увлечений тосковал Арсеньев довольно долго, а ее неожиданное исчезновение было подобно весенней грозе, описанной в стихотворении, сочиненном в тот самый момент, когда муж ее увозил, а Арсеньев не было рядом, он сидел за столом и сочинял:

И шмель замрет на венчике цветка,
И загремит державными громами
Весенний бог, а я – где буду я?
(с. 145)

Тонька тоже была на краю смерти: муж не мог простить ей измены с барином. Стихи о грозе оказались предчувствием ее отъезда и грозы, нависшей над ними. Но гибнет не Тонька, а Лика, смерть которой была как будто тоже символически предсказана, поскольку начало любви Арсеньева и Лики сопровождают два недобрых предзнаменования: знакомство с Ликой совпадает со встречей траурного поезда и весенней грозой. Счастливый и уже влюбленный Арсеньев едет на вокзал, к которому уже приближается траурный поезд: «В день моего отъезда гремел первый гром. Помню этот гром, легкую коляску, уносившую меня на вокзал с Авиловой» (с. 195)). Подобно звучанию витебского органа, этот гром тоже прокатывается по всему роману, особенно, если вспомнить, что известие о смерти Лики с запозданием, как гром после молнии, настигает Арсеньева тремя годами позже, тоже весной: «Весной того же года я узнал, что она приехала домой с воспалением легких и в неделю умерла» (с. 287).

Кладбищенские мотивы сопровождают любовный сюжет от начала до конца. Однажды в южном городе Арсеньев рассказывает Лике про обнаруженную им

могилу: «Я там видел ночью на кладбище нечто очень странное: пустую, но уже совсем готовую могилу – загодя приказал вырыть себе один из братии и даже с крестом в возглавии: на кресте уже написано, кто здесь погребен, когда он родился, написано даже «скончался» – только оставлено пустое место для даты будущей кончины». И добавляет: «Везде чистота, порядок, цветы – и вдруг эта ждущая могила» (с. 273). А когда после отъезда Лики он еще месяц живет в южном городе, этот образ как будто бы еще раз отзывается в его душе: он бродит по осенним «узким тротуарам с черными садами за заборами», вдыхая «кладбищенский запах лиственного тления» (с. 281), кладбищенский запах, как оказывается, преследует Арсеньева в то самое время, когда умирает Лика. И так же грустны его предчувствия по пути домой, в те места, где прошли его детство и юность: «Какая могила ждет меня там, в Батуристине! Старость отца и матери, увядание моей несчастной сестры, нищая усадьба, нищий дом, голый, низкий сад, по которому дует ледяной ветер, зимний лай собак...» (с. 285).

Разного рода повторов и лирических вариаций очень много в романе, но они не воспринимаются как тавтология, напротив – они практически незаметны в тексте, их не так легко вычленишь, потому что каждый мотив, каждая деталь описания окружены своим контекстом, похожие описания незаметно подменяют или продолжают друг друга, порой повторы разделены интенсивной сменой картин, настолько детализированных, что предыдущее звено повтора успевает забыться ко времени следующего. К каждому повтору, как в музыке, сделан свой подход, повторяемое даже если узнается, то узнается не точно, смутно, оказывается новым и имеет свой эмоциональный ореол, что всякий раз усиливает переживание события, превращает его в событие лирического плана, выводит каждый сюжетный виток на новый уровень.

Список литературы

- Анисимов К. В.* «Грамматика любви» И. А. Бунина: историко-культурные контексты // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014. С. 217–224.
- Астащенко О. А.* Ритмические особенности романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 2004. С. 67–73.
- Жаглова Т. М.* Усадебное пространство и время в эпическом и лирическом контексте творчества И. А. Бунина // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2012. № 4. С. 43–56.
- Зайцева Н. В.* Тема оскудения «дворянских гнезд» в прозе И. А. Бунина // Материалы международной конференции, посвященной 850-летию Ельца. Елец, 1996. С. 106–107.
- Капинос Е. В.* Поэзия Приморских Альп. Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: ЯСК, 2014. 340 с.
- Климова Г. П.* Образ города в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // И. А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 117–124.
- Пономарев Е. Р.* Концепция Памяти и российский хронотоп в послереволюционном творчестве И. А. Бунина // И. А. Бунин в начале XXI века. Воронеж, 2005. С. 116–144.
- Пономарев Е. Р.* Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

Трубицина Н. А. Художественный образ усадьбы Батурино в рассказе «Золотое руно» и в романе «Жизнь Арсеньева» // Бунинская Россия: Озерки – Батурино / Отв. ред. Е. Т. Атаманова. Елец, 2006. С. 160–168.

Юрченко Л. Н. Диалектика образа Украины в творчестве И. А. Бунина: Историико-культурный и структурно-поэтический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1999. 19 с.

Юрченко Л. Н. Поэтика мотивов Украины в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 2000. С. 95–100.

Список источников

Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 6. 340 с.

References

Anisimov K. V. “Grammatika lyubvi” I. A. Bunina: istoriko-kul’turnye konteksty [“The Grammar of love” by I. A. Bunin: historical and cultural contexts]. In: *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: ot Srednevekov’ya k Novomu vremeni* [Narrative traditions of Slavic literatures: from the Middle Ages to the Modern Age]. Novosibirsk, 2014, pp. 217–224.

Astashchenko O. A. Ritmicheskie osobennosti romana I. A. Bunina “Zhizn’ Arsen’eva” [Rhythmic Features of I. A. Bunin’s novel “The Life of Arsenyev”]. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina i russkaya literatura 19–20 vekov* [The works of I. A. Bunin and Russian literature of the 19th – 20th centuries]. Belgorod, 2004, pp. 67–73.

Kapinos E. V. *Poeziya Primorskikh Al’p. Rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Primorsky Alps. Stories of I. A. Bunin in the 1920s]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 340 p.

Klimova G. P. Obraz goroda v romane I. A. Bunina “Zhizn’ Arsen’eva” [The image of the city in the novel by I. A. Bunin “The Life of Arsenyev”]. In: *I. A. Bunin i russkaya literatura 20 veka* [I. A. Bunin and Russian literature of the 20th century]. Moscow, Nasledie, 1995, pp. 117–124.

Ponomarev E. R. Kontseptsiya Pamyati i rossiyskiy khronotop v poslerevolutsionnom tvorchestve I. A. Bunina [The concept of Memory and Russian chronotope in the post-revolutionary work of I. A. Bunin]. In: *I. A. Bunin v nachale 21 veka* [I. A. Bunin in the beginning of the 21st century]. Voronezh, 2005, pp. 116–144.

Ponomarev E. R. *Preodolevshiy modernizm: Tvorchestvo I. A. Bunina emigrant-skogo perioda* [Overcoming modernism: I. A. Bunin’s creativity of the emigrant period]. Moscow, Litfakt, 2019, 340 p.

Trubitsina N. A. Khudozhestvennyy obraz usad’by Baturino v rasskaze “Zolotoe ruно” i v romane “Zhizn’ Arsen’eva” [Artistic Image of the Baturino Estate in the Story “The Golden Fleece” and in the Novel “The Life of Arsenyev”]. In: *Buninskaya Rossiya: Ozerki – Baturino* [Buninskaya Rossiya: Ozerki – Baturino]. E. T. Atamanova (Ed.). Yelets, 2006, pp. 160–168.

Yurchenko L. N. *Dialektika obraza Ukrainy v tvorchestve I. A. Bunina: Istoriko-kul’turnyy i strukturno-poeticheskiy aspekty* [Dialectics of the Image of Ukraine in the Works of I. A. Bunin: Historical, Cultural and Structural-Poetic Aspects]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yelets, 1999, 19 p.

Yurchenko L. N. Poetika motivov Ukrainy v romane I.A.Bunina “Zhizn’ Arsen’eva” [Poetics of Ukrainian motives in I. A. Bunin’s novel “The Life of Arsenyev”]. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina i russkaya literatura 19–20 vekov* [The works of I. A. Bunin and Russian literature of the 19th–20th centuries]. Belgorod, 2000, pp. 95–100.

Zaytseva N. V. Tema oskudeniya “dvoryanskikh gnezd” v proze I. A. Bunina [The theme of the decline of “noble nests” in the prose of I. A. Bunin]. In: *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 850-letiyu El'tsa* [Proceedings of the international conference dedicated to the 850th anniversary of Yelets]. Yelets, 1996, pp. 106–107.

Zhaplova T. M. Usadebnoe prostranstvo i vremya v epicheskom i liricheskom kontekste tvorchestva I. A. Bunina [The estate space and time in the epic and lyrical context of I. A. Bunin’s work]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 2012, no. 4, pp. 67–73.

List of sources

Bunin I. A. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1966, vol. 6, 340 p.

Информация об авторе

Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about author

Elena V. Kapinos, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 27.06.2024;
одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 08.07.2024
The article was submitted on 27.06.2024;
approved after reviewing on 08.07.2024; accepted for publication on 08.07.2024*

Научная статья

УДК 81'255.2

DOI 10.17223/18137083/89/9

Анна Ахматова и ее соавторы за работой над переводами

Ольга Ефимовна Рубинчик

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

rubinchik_olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5609-1819>

Аннотация

Статья посвящена некоторым из проблем, с которыми сталкивается исследователь при изучении и публикации стихотворных переводов, выполненных Ахматовой. В 1950–1960-е гг. она фактически стала профессиональным переводчиком, перевела стихи более чем 150 поэтов. В работе названы имена соавторов Ахматовой. В основном это было неофициальное сотрудничество: стихи публиковались под именем Ахматовой, а гонорар получал тот, кто работал. Зачастую неясно, что именно переведено Ахматовой, что соавтором, а что коллективно. В томах переводов в ахматовском собрании сочинений 1998–2005 гг. этой проблеме уделено недостаточно внимания, что привело к существенным недочетам. На отдельных примерах показаны и другие недочеты этих томов.

Ключевые слова

Анна Ахматова, переводы, соавторы, проблемы издания, публикация стихотворных переводов

Благодарности

Моя глубокая благодарность за помощь Р. Д. Тищенко. Благодарю также И. Г. Иванову и С. А. Грушевскую.

Для цитирования

Рубинчик О. Е. Анна Ахматова и ее соавторы за работой над переводами // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 112–125. DOI 10.17223/18137083/89/9

© Рубинчик О. Е., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 112–125

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 112–125

Anna Akhmatova and her co-authors at work on translations

Olga E. Rubinchik

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

rubinchik_olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5609-1819>

Abstract

The paper focuses on the challenges encountered by researchers studying and republishing poetic translations by Anna Akhmatova or those published under her name. Initially, Akhmatova declined to translate poems on commission. However, in the mid-1930s, she occasionally started accepting such work, and by the 1950s and 1960s, she became a professional translator, solely for financial reasons. The most complete presentation of her translations can be found in a two-volume edition published from 1998 to 2005. During the 1950s and 1960s, Akhmatova translated the works of over 150 poets, totaling over 22,000 lines. The work required the assistance of co-authors. This collaboration was informal, with the poems attributed to Akhmatova and the contributing author receiving payment. This paper provides a list of Akhmatova's co-authors. However, it is necessary to consider each case individually, as it is often unclear which parts were translated by Akhmatova, which were translated by a co-author, and which were translated collectively. The volumes of Akhmatova's Collected Works that contain the translations do not adequately address this issue. This study examines selected examples to reveal other deficiencies in these collections. It is worth noting that any new collection of Akhmatova's translations should involve the participation of a team of scholars. The reason for this is that the extensive material requires comprehensive revision, which entails substantial and laborious research.

Keywords

Anna Akhmatova, translations, co-authors, publication problems, republishing poetic translations

Acknowledgments

I would like to express my profound appreciation to R. D. Timenchik. I would also like to express my gratitude to I. G. Ivanova and S. A. Grushevskaya

For citation

Rubinchik O. E. Anna Akhmatova and her co-authors at work on translations. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 112–125. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/9

Статья посвящена некоторым из проблем, подстерегающих исследователя при изучении и публикации стихотворных переводов, выполненных А. Ахматовой или вышедших в свет под ее именем. Ахматова долго отказывалась от заказных переводов стихов, но с середины 1930-х гг. начала иногда соглашаться, а в 1950–1960-е гг. фактически стала профессиональным переводчиком. Перевод был для нее поденной работой – добросовестной, но исключительно ради заработка. Она говорила, что переводить и писать свое одновременно невыносимо, что для поэта переводить стихи – «то же самое, что есть свой мозг» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 53], однако перевод был способом избавления от нищеты.

Наиболее полно переводы Ахматовой представлены в двух томах в собрании ее сочинений, подготовленном Н. В. Королевой и С. А. Коваленко. Составление томов с переводами (т. 7 и 8), две обширные вступительные статьи к ним и ком-

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

ментарии принадлежат Королевой. Это огромный труд. До того Н. Н. Глен – неофициальный, бесплатный литературный секретарь Ахматовой с 1958 по начало 1963 г. – подготовила раздел избранных переводов для второго тома ее двухтомника. В комментарии она написала: «Насколько нам удалось установить, в 50-е – 60-е годы Ахматова перевела – по большей части с помощью подстрочников – стихи почти ста пятидесяти поэтов с тридцати языков» [Ахматова, 1990, т. 2, с. 468]. Королева уточняет: «В 1950-е – 1960-е годы Анна Ахматова перевела стихи более ста пятидесяти поэтов, объем переведенного ею – более двадцати двух тысяч строк» [Ахматова, 2005, с. 7]. Казалось бы, работа Королевой уже сделана. Однако научной подготовкой любого нового собрания ахматовских переводов должна (в идеале) заниматься целая команда, потому что всё необходимо пересматривать заново, что подразумевает длинный ряд исследований. В собрании сочинений множество недочетов и ошибок [Горбаневская, 1998; Крюков, 2005; Крайнева и др., 2006; Гончарова, 2006], и тома переводов не исключение [Ивинская, Михайлова, 2016, с. 70, 72, 73]. Так, установка на полноту томов не означает, что их нечем дополнить. Пример: Р. Д. Тименчик сообщил автору данной статьи (в письме от 17.07.2020), что знает два неопубликованных ахматовских перевода с болгарского. Также надо учесть, что переводы, исключенные Королевой как выполненные ее соавторами, нуждаются в пересмотре. Подготовка текстов восьмого тома в значительной степени основана на материалах умершего задолго до того Э. В. Песоцкого, который при жизни не смог опубликовать им сделанное¹, имя Песоцкого указано в данных на обороте титула. Но нужно учитывать: Песоцкий, проделавший огромную первопроходческую работу, был энтузиастом, а не профессионалом. А составительница опирается на его копии и проч., очевидно, многое не перепроверяя. Так, просматривая в Отделе рукописей РНБ ахматовские материалы, касающиеся переводов с польского и древнеегипетского языков², я всегда видела в листках использования подпись Песоцкого и отнюдь не всегда – Королевой. Это связано с объективными трудностями: исследовательница жила в Москве, архив петербургский, причем ахматовский фонд труднодоступен, так как хранитель Н. И. Крайнева по необходимости разбирает его заново, планируя новые описи. И надо сказать, что по переводам эта работа пока не проводилась. Исследователи смотрят описи, составленные прежним, первым хранителем архива Ахматовой Л. А. Мандрыкиной, которой было очень трудно. В описи переводов множество ошибок. Приведу примеры на польском материале. ОР РНБ, ф. 1073 (фонд А. А. Ахматовой), ед. хр. 401: стихотворение «Юность» – указано, что это подстрочник к переводу стихотворения Юлиана Тувима, однако это не Тувим, а Рабиндранат Тагор, и не подстрочник, а перевод с правой рукой Ахматовой. Ед. хр. 402: перевод стихотворения «Wagun» – указано, что это стихи Тувима, а это стихи Владислава Броневского. Ед. хр. 442: «Трены вислянские» – указано, что это стихотворение литовской поэтессы Людмилы Эгле, а на самом деле – польской поэтессы Марии Павликовской-Ясножевской. В единицах хранения, касающихся Тувима, часто написано «перевод», когда это подстрочник; «авторизованная машинопись» – когда рука не Ахматовой, а автора подстрочника. По такой описи невозможно судить о том, что на самом деле находится в фонде.

¹ О работе Э. В. Песоцкого и Л. М. Мкртчяна над неосуществившимся изданием переводов Ахматовой см.: [Саакянц, 2018].

² Они просматривались в ходе написания статей: [Рубинчик, 2020; 2023]. Другие архивные материалы, связанные с ахматовской работой над переводами, не были мной изучены.

В одном случае (я имею в виду только польские переводы) доверие привело исследователя к катастрофической ошибке. Описывая ед. хр. 400, Мандрыкина указывает, что это перевод стихотворения Тувима «Умер». «Машиноп. С надписью Ахматовой: “Пляшущий Сократ”. 1 л.» На самом деле это машинопись подстрочника, надпись же сделана не Ахматовой, а автором подстрочника или редактором. Опираясь на опись, а возможно, и на Песоцкого, Королева опубликовала этот подстрочник в качестве не публиковавшегося ахматовского перевода, указав в примечании: «*Умер*. В ОР РНБ <...> чистовая машинопись перевода без подписи Ахматовой, с пометой, что стихотворение взято из книги Ю. Тувима “Пляшущий Сократ”». Принять прозаический подстрочник, хорошо выполненный, записанный с соблюдением строфики оригинала, за перевод можно, если не пытаться разобраться в ситуации. В польском оригинале стихотворения рифма в нескольких местах встречается, и это не могло бы пройти мимо внимания Ахматовой. Общавшийся с ней польский славист А. Дравич писал: «Поэтесса, видимо, немного знала польский язык: пользуясь подстрочником, она постоянно контролировала себя, сверяясь с оригиналом» [Дравич, 1977, с. 185]. За перевод стихотворения «Умер» Ахматова, видимо, не бралась, как и за некоторые другие предложенные ей польские тексты. Да и сама Королева, комментируя находящийся в ОР РНБ список стихов Тувима, переведенных Ахматовой, указывает стихотворение «Умер» в числе вычеркнутых [Ахматова, 2005, с. 915]. В книге Тувима «Стихи» (1965), где напечатаны переводы Ахматовой и др., «Умер» – в переводе В. Леви́ка. Осторожность по отношению к томам переводов в собрании сочинений нужна и на более мелком уровне. Есть неточности в комментариях, в библиографии переводов и т. д. Немало мелких неточностей в воспроизведении ахматовских текстов. По какому источнику приводится текст, в комментариях не указывается. О Тувиме сказано в целом: «Некоторые переводы Ахматовой остались неопубликованными. Они даются нами по рукописям» [Там же, с. 916]. Не найдя среди прижизненных ахматовских публикаций «День» Тувима, я сверила публикацию Королевой с авторизованной машинописью в ОР РНБ (ед. хр. 386) и обнаружила неточности, среди которых – смысловая: в машинописи в четвертой строфе «День обдавал духотою и жаром...», в томе переводов – «обдувал» [Там же, с. 470–471].

Сверкой мне пришлось заниматься, так как надо было выбрать варианты текстов для польской книжки-билингвы (не издана). В процессе я сталкивалась со сложными решениями: по какому источнику давать перевод. При жизни Ахматовой одни и те же переводы выходили в разных изданиях с небольшими различиями, зависящими больше от редактора, чем от переводчицы. Ориентироваться следовало на последнюю публикацию, но иногда «последних» в один год выходило несколько. В почти образцовых советских книгах встречались опечатки. И так далее.

Перейду к проблеме ахматовских соавторов. Какие-то переводы выполнял соавтор, Ахматова редактировала, какие-то наоборот, какие-то выполнялись вместе, при этом почти всегда указывалось только имя Ахматовой. Из моей беседы с Глен (27.04.1997, краткая запись от руки): на вопрос об авторстве «ахматовских» переводов Н. Н. ответила: «Тут ничего окончательно утверждать нельзя. Действительно, Ахматова часто ставила свою подпись под чужими переводами. Причины могли быть разными. В случае с Толей Найманом – чтобы ему помочь: у него не было литературного имени, а ему нужна была работа. <...> Иногда ей предлагали работу, а она не могла ее взять, но и отказаться боялась: в следующий раз не предложат. Тогда брала кого-то в соавторы. Гонорар получал тот, кто рабо-

тал». В. В. Радзишевский, «Колхоз имени Ахматовой»: «Анатолий Найман объяснил мне, что никто бы из них не получил в издательстве тех заказов, которые получала Ахматова. Тем более – тех гонораров, которые полагались ей» [Радзишевский, 2004, с. 169].

О случаях официального соавторства Ахматовой и Наймана – молодого поэта, ее литературного секретаря, точнее, бесплатного помощника в 1963–1966 гг. Прежде всего речь идет о переводах Джакомо Леопарди. В телефонной беседе со мной (31.07.2020) Найман сообщил: «Анна Андреевна не хотела переводить Леопарди. Но тогда Бродского арестовали, и она сказала: “Если Вы согласитесь, я возьму”». Л. К. Чуковская: «Анна Андреевна собирается переводить Леопарди с Толей вместе: хлопочет об издательском договоре на оба имени. Она высоко ценит Толю как переводчика стихов, а об “официальном оформлении” торопится потому, что договор с государственным издательством докажет, что Найман не трутень, а труженик» [Чуковская, 1997, т. 3, с. 231]. В сборнике Леопарди «Лирика» (1967) указано: «Переводы с итальянского Анны Ахматовой и Анатолия Наймана». И гречанку Риту Буми-Папа Найман переводил с Ахматовой официально, для сборника «Солнце на ладони» (1966), где они – в числе многих переводчиков. В этих случаях ряд переводов публиковался под именем Наймана. В 7-м и 8-м томах двенадцатитомного собрания сочинений Тагора (1961–1965) наряду с переводами, подписанными Ахматовой, шесть вышло под именем Наймана. Но его работа этими стихами отнюдь не ограничивалась, как, впрочем, и в ситуации с Леопарди и Буми-Папой. «...С публикацией ахматовских переводов следует вести себя осторожно. Например, переводы Леопарди, сделанные одним, обязательно исправлялись другим, и распределение их в книжке под той или другой фамилией очень условно» [Найман, 1989, с. 160]. Насколько условно, можно убедиться на примере. Среди нескольких сохранившихся у него ахматовских автографов перевода Леопарди³ есть черновик перевода стихотворения «Одинокая жизнь». Начало – рукой Наймана, правка Ахматовой, а дальше – работа Ахматовой, продолжается она и на следующих страницах. В сборнике же Леопарди текст дан в переработанном виде, название изменено на «Уединенная жизнь», но некоторые находки и строки Ахматовой сохранены. В качестве переводчика при этом указан Найман. У Королевой среди ахматовских переводов «Уединенная жизнь» справедливо отсутствует, однако, если бы в свое время она видела эти черновики, возможно, включила бы текст в раздел «Коллективное» – раздел нужный, но чрезвычайно неполный. Очевидно, что ситуация сложная даже с официальным соавторством. Причем сложность не только в том, о чем обычно говорят: имя Ахматовой, но ее ли перевод? – оказывается, встречается и обратное. Насколько же сложнее проблемы соавторства неофициального, которое в свое время скрывалось и о котором до сих пор мало что известно!

О таком соавторстве. Пока – в связи с Найманом. Став секретарем Ахматовой, он стал и основным ее соавтором по переводам. Как пример неафишируемого сотрудничества можно привести переводы древнеегипетской поэзии. Найман писал Ахматовой 6 марта 1965 г.: «Дорогая Анна Андреевна, / здесь 300 строк египтян. Переводы отпечатаны в одном экземпляре, потому что у Иосифа не было копировальной бумаги, а перепечатывать до того, как Вы поглядите, уже не имело

³ Автографы были проданы. См. сайт «Антиквариум», аукцион от 14 ноября 2018 г., лот 6. URL: <http://smartauctions.ru/item/5fabbc6eb839ab283b7a832d> (дата обращения 10.07.2023).

смысла. Я буду в Москве во вторник. Прошу Вас до этого времени поправить то, что покажется неудовлетворительным, а там уже можно будет привести все в необходимый вид» [Ахматова, 2005, с. 773]. Письмо послано из Ленинграда в Москву по возвращении Наймана из деревни Норинской, где находился в ссылке Бродский. Судя по письму, в деревне Найман, видимо, завершил то, что было начато ранее с Ахматовой. Шестнадцатого марта того же года с издательством «Художественная литература» был заключен договор на перевод стихотворений для сборника «Лирика древнего Египта» («перевод представлен; 600 строк по 1 руб. 40 коп. за строку» [Черных, 2016, с. 818]). Таким образом, кроме тех 300 строк, которые Найман привез из Норинской, к тому моменту существовали еще около 300 строк перевода – ахматовского или выполненного в соавторстве. Подчеркну, что активное участие Наймана не означает неучастия Ахматовой. Принимаясь за сложную работу, она – это было ей свойственно – консультировалась со специалистами: в данном случае, как она пишет в 1964 г. заведующей Восточной редакции «Худлита», – «с академиком В. В. Струве, главой советской египтологии, и с молодым египтологом О. Д. Берлевым»⁴. К сожалению, составить точную картину «распределения труда» в переводах с египетского не удалось. Подробный анализ сохранившихся материалов (ахматовских автографов и т. д.) – в моей статье [Рубинчик, 2023]. Все египетские переводы включены Королевой в восьмой том как ахматовские, участие Наймана обозначено в комментариях.

Даже когда существуют указания ахматовских соавторов, что они перевели то-то и то-то, это не обязательно соответствует истине. Готовя статью о работе Ахматовой над переводами польской поэзии, я спросила Наймана (31.07.2020), в переводах кого из поляков он принимал участие. Уточнила: «В Польше считают, что Вы перевели два из трех “ахматовских” стихотворения Шимборской». Первоисточником этих сведений является книга биографов Виславы Шимборской А. Биконт и И. Щенсней [Bikont, Szczęsna, 2012], списывавшихся с Найманом. В разговоре со мной он подтвердил, что переводил Шимборскую, но добавил: «Я не помню ничего». Вопреки сложившейся картине, в ахматовской записной книжке есть ее автографы всех трех переводов польской поэтессы: черновик и чистовик стихотворения «За вином», черновик «Баллады», черновик начала стихотворения «Голодный лагерь под Яслем» [Записные книжки..., 1996, с. 409–413]. Черновик начала, причем не полностью совпадающий с опубликованным вариантом, подразумевает возможность продолжения перевода Найманом, но два других стихотворения есть в ахматовских автографах целиком и почти совпадают с публикацией. Между тем в работах о Шимборской пишут, что Ахматова перевела только стихотворение «За вином», и сама Шимборская так считала [Нетрудно быть пророком, 2002, с. 37], видимо, исходя из всё тех же сведений Биконт и Щенсней. На мой вопрос, переводил ли он еще кого-то из поляков, Найман ответил, что других польских поэтов под маркой «Ахматова» не переводил. Но в РНБ есть машинопись перевода стихотворения Тувима «Ты» (ед. хр. 399) с небольшой правкой его рукой.

Участие в польских и многих других переводах принял и старый друг Ахматовой, искусствовед и литературовед Николай Иванович Харджиев, о чем через много лет написал: «Мои переводы весьма далеки от совершенства, и я не хочу, чтобы они попали в литературное наследие такого поэта, как Ахматова. / В конце

⁴ Из письма Ахматовой Тамаре Прокофьевне Редько от 27 июля 1964 г. (ОР РНБ. Ф. 1073. Ед. хр. 680).

40-х гг. Анна Андреевна предложила мне быть ее сотрудником в этом достаточно скучном и изнурительном деле. На ее предложение подписывать переводы двумя фамилиями я ответил решительным отказом. <...> ее поэтическая деятельность (после выступления Жданова) фактически прекратилась. Переводы были единственным доступным средством к существованию. <...> Много переводов сделано Ахматовой единолично. Не меньшее количество принадлежит мне. <...> многие переводы подвергались совместному редактированию. / К сожалению, я не составлял библиографии ахматовских переводов и поэтому могу отметить только те свои переводы, которые напечатаны в сборниках, находящихся в моей библиотеке. <...> Совместная работа над переводами прекратилась в начале 60-х годов» [Харджиев, 1992, с. 229]. Кроме перечисления в статье, есть сделанный его рукой, трудный для использования перечень того, что он считал своими переводами⁵. Эти поздние заявления, по-видимому, содержат преувеличения. Самое оглушительное – о древнекитайском поэте Цюй Юане: «Перевод знаменитой поэмы “Лисао” (“Скорбь изгнанника”) целиком принадлежит мне» [Там же, с. 230]. В связи с этим Радзишевский приводит «байку»: «Году в 70-м заезжая американская славистка позвонила Николаю Ивановичу Харджиеву и попросила ее принять. Она, дескать, готовит работу об ахматовских переводах из китайской классической поэзии, и встреча с человеком, который хорошо знал Ахматову, очень помогла бы научным изысканиям.

– Я вам не советую этим заниматься, – сказал Харджиев и положил трубку» [Радзишевский, 2004, с. 138]. Между тем и поэмой «Лисао», и другими ахматовскими переводами, авторство которых сомнительно, исследователи активно занимаются.

Чуковская записала за Ахматовой в 1953 г. о Цюй Юане: «Дали китайца, необыкновенно трудного.

– Работала три часа, глянула в зеркало – губы посинели... Такой трудный, – объясняла она. / Показала мне подстрочник, по ее словам, “совершенно немотствующий”. Он сделан каким-то старым специалистом. Тут же на полях карандашные разъяснения более молодого, более толкового китаевода»; через 11 дней – Ахматова: «Я хочу прочесть Лидии Корнеевне китайца. Я его кончила», Чуковская: «Перевод, по-моему, отличный» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 69, 71–72]. Запись К. И. Чуковского 1954 г.: «Ахматова принесла свои переводы с китайского, читала поэму 2000-летней давности – переведенную пушкинским прозрачным светлым стихом – благородно простым <...> “Мой редактор в Л[енингра]де такой-то (я забыл фамилию) очень большой китаист”» [Чуковский, 1994, т. 2, с. 212]. Ахматова говорила о Б. И. Панкратове, который не был официальным редактором издания⁶, но принимал участие в работе как консультант. Консультации Ахматовой с Панкратовым, подтверждаемые китаистами [Кроль, 1989, с. 90], говорят о том, что в работе над «Лисао» она как минимум участвовала. Да и не кажется возможным, чтобы она взялась читать в качестве своего перевод, не вложив в него усилий. Харджиев свидетельствует: «Перевод другого произведения Цюй Юаня “Призывание души” – ахматовский (при моем участии)» [Харджиев, 1992, с. 230]. Но ахматовских переводов Цюй Юаня существует всего два, а в письме

⁵ Список переводов стихотворений разных авторов, выполненных Н. И. Харджиевым для А. А. Ахматовой. РГАЛИ. Ф. 3145 (фонд Н. И. Харджиева). Оп. 2. Ед. хр. 144. 12 л.

⁶ Ахматовский перевод опубли. в изд.: [Цюй Юань, 1954], переизд. в 1956 г. Автор подстрочника и официальный редактор книги – синолог Н. Т. Федоренко.

к Ахматовой от 28 октября 1954 г. Харджиев пишет: «Изданы ли творения Цюй Юаня, Вами переведенные?» (цит. по: [Ахматова, 2005, с. 816]).

Понятно, что публикатор переводов Ахматовой должен изучить все имеющиеся источники. Единственно надежный – ее рукописи, показывающие работу над текстом. Чтобы убедиться, что напечатан именно ахматовский перевод, нужно сравнить рукопись с публикацией. Но рукописи есть далеко не всегда. Подлежат изучению и все машинописные тексты, авторизованные и неавторизованные, и записные книжки Ахматовой, и переписка, где встречаются упоминания о переводах, а также дневники и воспоминания ее соавторов и просто современников и т. д. Но даже всё изучив, публикатор часто останется в неясной ситуации.

Осторожность нужна и в безусловных, казалось бы, случаях. Пример. Ахматова надписала Харджиеву издание «Корейская классическая поэзия» (1956): «Николаю Ивановичу / Харджиеву / от / его старого друга / (1930–1956) / книгу / хороших стихов / древних / поэтов – смиренно – / А. Ахматова / 8 апреля / 1956 / Москва» [Свою меж вас еще оставив тень..., 1992, с. 220]. Тот, кто хочет верить, что Ахматова переводила корейцев без помощников, будет считать эту надпись тому доказательством, но она лишь не хотела афишировать соавторство. Харджиев утверждает: «В сборнике “Корейская классическая поэзия” (1956, 1958) мне принадлежит большая часть переводов. У меня сохранились экземпляры обоих изданий с многочисленными моими поправками для несостоявшегося третьего издания» [Харджиев, 1992, с. 230]. Это заявление нельзя просто проигнорировать (ср.: [Ахматова, 2005, с. 831–833]).

Похожая ситуация – при другом соавторе – с изданием «Стихотворения и поэмы» (1960) украинского классика Ивана Франко, куда включен большой цикл стихов «Увядающие листья» в переводе Ахматовой. Издатели литературного наследия Л. Н. Гумилева М. Г. Козырева и В. Н. Воронович пишут: «На томе Ивана Франко, принадлежащем Льву Николаевичу (архив Гумилева) и подаренном ему Ахматовой с надписью на форзаце: “Левушке моему. Мама. Вербное Воскресенье. 1961”, в оглавлении, на с. 766 под строкой “Перевод А. Ахматовой” подписано: “А точнее – ее сына ЛГ”» [Гумилев, 2004, с. 615]. Гумилев сотрудничал с матерью после возвращения из лагеря – с 1956 г., но в 1961 г. они поссорились и больше совместно не переводили. Из его «погодного дневничка», где он в конце 1970-х гг. записывал, что было в предыдущие годы, – о времени возвращения из лагеря: «1956 год <...> Поступил в Эрмитаж. <...> Переводил для нее <матери. – Сост.> Франко; очень уставал»; «1958 г. <...> Перевел для мамы сербский эпос»; существует «текст из телеграфного перевода Ахматовой сыну, где она сообщила, что высылает ему деньги за Франко (500 р.), а “деньги за сербские песни еще не переведены”» [Там же, с. 615–617]. В томе литературного наследия Гумилева в разделе «Проблемные переводы» опубликованы все стихи из «Увядающих листьев» и часть сербского эпоса. Пытаясь определить меру участия Ахматовой и Гумилева в переводах Франко, нужно заново изучить соответствующие материалы в ахматовском фонде РНБ, а также учесть воспоминания А. А. Гозенпуда, который в 1956 г. обратился к Ахматовой с предложением перевести «Увядающие листья» для «Библиотеки поэта». Он показывает, сколько времени Ахматова потратила на освоение оригинала, отказавшись от подстрочника, какие затруднения преодолевала в ходе перевода. Во время работы они многократно встречались. В результате он делает вывод: «...ее перевод конгениален оригиналу» [Гозенпуд, 1990, с. 322].

Едва ли главные ахматовские соавторы Харджиев, Гумилев и Найман сознательно говорили неправду о характере своего участия в работе. Нет, происходила аберрация памяти, а многое просто забывалось в старости. Нужно учитывать и эффект сиюминутности высказывания, особенно это касается устной речи: что-то гиперболизируется для яркости, а потом, оказавшись запечатленным на бумаге, превращается из яркого в ложное высказывание. Вот Лев Николаевич рассказывает об Ахматовой в одном из последних интервью, вспоминает о конце 1950-х гг.: «...говорим о поэзии – корейской или китайской (тогда мы переводили вместе). А вообще эти отношения с переводами (кто их делал) – пусть останутся нашей тайной, не нужно <их> знать»; «В истории я толк знаю! Это Ахматова такое загибала в исторических переводах!.. Ну да я обещал молчать...» [Гумилев, 2015, с. 338–339]. Насколько известно, Гумилев лишь консультировал мать относительно исторических фактов, а не переводил с ней корейцев и китайцев.

Но лихость встречается и в речи письменной (см., например: [А это осталось за переплетом, 1995]). А вот высказывание Н. Я. Мандельштам во «Второй книге»: «Когда-нибудь соберут и переводы Ахматовой, где не больше десяти строчек, переведенных ею самою, а всё остальное сделано с кем попало на половинных началах <...> и в сочинениях Ахматовой будет печататься вся переводная мура» [Мандельштам, 2014, с. 138]. Ср.: «Сохранились, по данным Э. В. Песоцкого, автографы (более 3 с половиной тысяч строк) и авторизованная машинопись (более 3 с половиной тысяч строк) ахматовских переводов, и это при ее не очень бережном отношении к рукописям и особенно к рукописям переводов» [Мкртчян, 1992, с. 71–72]. На данные Песоцкого без перепроверки опираться нельзя, и всё же количество строк автографов, пусть и приблизительное, производит впечатление. Найман, возражая Мандельштам и тем, кто ей поверил, писал: «Я переводил *вместе* с Ахматовой Леопарди, Тагора и еще нескольких поэтов, – и я один из пяти, возможно, шести, переводчиков, кто когда-либо переводил и за Ахматову. (Оговорюсь, что это “за” всегда до некоторой степени условно, ибо называть вполне моим перевод, в котором она поправила хотя бы строчку, я, строго говоря, не вправе.) Не смею говорить за остальных – Н. И. Харджиева и Льва Гумилева, признавшихся в этом, и двух других, мне известных, – но, естественно, им, как и мне, Ахматова отдала весь до копейки выписанный на ее имя гонорар...» [Найман, 1995, с. 9]. «Каким бы уважением или симпатией ни пользовался поэт, которого она переводила, он был мучитель, требовал сочинения русских стихов, и непременно в больших количествах <...> переводила каждый день, с утра до обеда. <...> Это вовсе не значит, что она неохотно работала: всё-таки это были стихи, а она была Ахматова» [Найман, 1989, с. 157–158; см. также с. 159–160]. Понятно, что «переводила с утра до обеда» далеко не всегда. На шкале преувеличений это полюс защиты Ахматовой, противоположный полюсу, где расположены слова Мандельштам. Но, видимо, бывали периоды, когда такое расписание – «с утра до обеда» – существовало. Ф. Г. Раневская вспоминает: «Она просила меня <...> приходить <...> во вторую половину дня, так как по утрам она работает, переводит» [Раневская, 1989, с. 9].

В числе пяти-шести переводчиков, кроме себя, Найман называет лишь тех, кто признался сам: Харджиева и Гумилева. В «Рассказах о Анне Ахматовой» завуалированно присутствует еще одно имя: «Я знаю степень помощи, долю участия в ахматовском труде – Харджиева, Петровых. Ручаться за авторство Ахматовой в каждом конкретном переводе никто из людей, прикосновенных к этим ее занятиям, не стал бы» [Найман, 1989, с. 160]. Сама поэтесса и переводчица Мария

Сергеевна Петровых, близкая подруга Ахматовой, в черновых записях о ней сообщает: «Анна Андреевна иногда советовалась со мной по поводу переводов» [Петровых, 1991, с. 366]. О соавторстве – ничего. Среди пяти ахматовских переводов (автографы и машинопись с ее подписью), сохраненных Петровых и известных на сегодняшний день ⁷, два содержат небольшую правку рукой Марии Сергеевны. Однако в 2021 г. внучка Петровых А. В. Головачева сообщила мне следующее: «С переводами Ахматовой Мария Сергеевна помогала главным образом как редактор. Было несколько случаев, когда М. П. сделала перевод полностью. Об этом я слышала и от мамы, и от Екатерины Сергеевны (Чердынцевой) (родной сестры М. С. Петровых. – *О. Р.*), и от ее дочери Ксении Викторовны. Но об этом говорили только в семейном кругу, широко это никогда не обсуждалось, и я не знаю, о каких произведениях шла речь» (письмо от 03.08.2021). Таким образом, четвертый соавтор назван, но что именно перевела Петровых за Ахматову, неизвестно.

Радзишевский: «В качестве дублера Ахматовой мне называли <...> филолога-германиста Владимира Адмони...». С тем, что Адмони мог переводить за Ахматову, соглашался и А. Г. Найман (наш разговор от 31.07.2020): «Отношения с Адмони были доверительные». В воспоминаниях Владимира Григорьевича Адмони есть рассказ, как Ахматова переводила стихи Генрика Ибсена: «...Из четырех переводов один оказался замечательным и впоследствии перепечатывался во всех собраниях ахматовских переводов. Один перевод был просто хороший. А в двух было немало слабых мест, и я основательно переработал их...» [Адмони, 1991, с. 344]. Возможно, об эпизодах, когда он выполнял за нее работу целиком, Адмони умолчал. Добавлю: по свидетельству Харджиева, перевод одного стихотворения Ибсена сделан им [Харджиев, 1992, с. 230–232].

И еще одна «байка» Радзишевского: «...в свое время признания Харджиева вызвали резкую отповедь Льва Озерова. Он утверждал, что этого не было, потому что не могло быть. Я позвонил Льву Адольфовичу и спросил, почему он так резко нападает на Харджиева, который всего лишь восстанавливает истину в своем частном случае.

– Это не по-мужски, – отрезал Озеров. – Если ты условился с Ахматовой подписать свой перевод ее именем, это не только твоя, но и ее тайна, а общую тайну выдавать нельзя.

Я уже готов был согласиться со Львом Адольфовичем, как он добавил:

– Один из моих переводов тоже печатается с подписью Ахматовой, но я даже под пыткой не укажу на него» [Радзишевский, 2004, с. 169].

В текстах об Ахматовой поэта и литературоведа Льва Озерова упоминаний о том, что он переводил за Ахматову, не обнаружилось. И едва ли нужно считать его гипотетическим «шестым». Скорее, одним из «шестых». Таких «шестых», к которым ситуативно, однократно обратилась Ахматова, когда что-то срочно нужно было сдать, могло быть и несколько. И не всех переведивших надо относить к нуждавшимся в работе. Петровых, Адмони, Озерова – нет, они просто оказывали или один раз оказали Ахматовой помощь.

Проблемы, обозначенные в статье, не исчерпывают списка. В заключение же хочется сказать о другом. Подневольное отношение Ахматовой к переводческому труду нередко отражалось на результате, поэтому она «предпочитала браться за стихи поэтов, к которым была безразлична, и еще охотней – за стихи средних

⁷ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

поэтов: отказалась от участия в книге Бодлера, не соглашалась на Верлена» [Найман, 1989, с. 158]. И всё же ахматовские переводы котируются очень высоко, и не только из-за магии ее имени: встречаются среди них и сделанные в полную ахматовскую силу.

Список литературы

- Адмони В. Г.* Знакомство и дружба // Воспоминания об Анне Ахматовой. М.: Сов. писатель, 1991. С. 332–346.
- Ахматова А. А.* Переводы. 1950–1960-е годы // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т.; 2 доп. тома. М.: Эллис Лак, 2005. Т. 8. 1120 с.
- Ахматова А. А.* Соч.: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Худож. лит., 1990.
- «А это осталось за переплетом» [Диалог А. Стреляного с Е. Витковским] // Книжное обозрение. 1995. 19 сент., № 38. С. 9.
- Дравич А.* Польская поэзия в переводах Анны Ахматовой и Бориса Пастернака // Мастерство перевода. Сб. 11. 1976. М., 1977. С. 183–207.
- Гозенпуд А. А.* Неувядшие листья // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат, 1990. 576 с.
- Гончарова Н. Г.* Несколько наивных вопросов к составителям ахматовского шеститомника // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.; СПб., Альянс-Архео, 2006. С. 551–566.
- Горбаневская Н.* Умерим восторги. Реплика // Русская мысль. 1998. № 4224, 28 мая – 3 июня. С. 12.
- Гумилев Л. Н.* Дар слов мне был обещан от природы. Литературное наследие. Стихи. Драммы. Переводы. Проза. СПб.: Росток, 2004. 622 с.
- Гумилев Л. Н.* Всем нам завещана Россия. М.: Айрис-пресс, 2015. 575 с.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва; Torino: Einaudi, 1996. XIX, 849 с.
- Ивинская А.-С., Михайлова Г.* Литовская поэзия в переводах Анны Ахматовой: Культурологический аспект // *Literatūra*. 2016. № 58 (2). С. 66–89.
- Крайнева Н. И., Тамонцева Ю. В., Филатова О. Д.* К истории создания «Поэмы без Героя»: Поэма в Собрании сочинений А. Ахматовой // «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник. М.; СПб., Альянс-Архео, 2006. С. 518–550.
- Кроль Ю. Л.* Борис Иванович Панкратов (зарисовка к портрету учителя) // Страны и народы Востока. М.: Глав. ред. вост. лит., 1989. Вып. 26, кн. 3. С. 84–100.
- Крюков А.* Анна Ахматова в исполнении Нины Королевой // Подъем. 2005. № 6. С. 237–250.
- Мандельштам Н.* Вторая книга // Мандельштам Н. Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 29–704.
- Мкртчян Л. М.* Анна Ахматова: Жизнь и переводы. Егвард, Б. и., 1992. 90 с.
- Найман А.* О кабале, муре и дряни // Книжное обозрение. 1995. 10 окт., № 41. С. 9.
- Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
- Нетрудно быть пророком [С лауреатом Нобелевской премии по литературе Виславой Шимборской беседует Ян Стшалка] // Новая Польша. 2002. № 6. С. 36–37.
- Петровых М. С.* О переводческой работе Анны Ахматовой // Петровых М. С. Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. М.: Худож. лит., 1991. С. 366–367.

- Радзишевский В.* Байки старой «Литературки» // Знамя. 2004. № 6. С. 138–170.
- Раневская Ф.* ...Заставить человека улыбнуться // Советская культура. 1989. 16 сент. С. 9.
- Рубинчик О. Е.* «Любой цветок прочтет канцону Зосе...»: Польские поэты в переводах Анны Ахматовой // Новая Польша: сетевой журнал. 01.10.2020. URL: <https://novayapolsha.eu/article/lyuboi-cvetok-prochtet-kanconu-zose-polskie-poety-v-perevodakh-anny/> (дата обращения 09.07.2023).
- Рубинчик О.* «Книга лучше расписного надгробья...»: Вокруг «египетской» переписки Анны Ахматовой // «Одна великолепная цитата...»: Сб. ст. и материалов к 70-летию Наталии Ивановны Крайневой. М.: Азбуковник, 2023. С. 134–180.
- Саакянц К.* О работе Л. Мкртчяна над книжкой «Анна Ахматова. Жизнь и переводы» // Banber Yerevani hamalsarani. Russian Philology. 2018. № 1 (10). С. 3–24.
- Свою меж вас еще оставив тень... Ахматовские чтения. М.: Наследие, 1992. Вып. 3. 269 с.
- Харджиев Н. И.* О переводах в литературном наследии Анны Ахматовой // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 2. С. 229–232.
- Цой Юань.* Стихи. М.: Гослитиздат, 1954. 159 с.
- Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Азбуковник, 2016. 943 с.
- Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Сogласие, 1997.
- Чуковский К. И.* Дневник: В 2 т. М.: Современный писатель, 1994.
- Bikont A., Szczęсна J.* Pamiątkowe rupiecie. Biografia Wisławy Szymborskiej. Warszawa, 2012. 576 p.

References

- “A eto ostalos’ za perepletom” [Dialog A. Strelyanogo s E. Vitkovskim] [“And this was left behind the binding” [Dialogue between A. Strelyany and E. Vitkovsky]. *Knizhnoe obozrenie*. 1995, September 19, no. 38, p. 9.
- Admoni V. G. Znakomstvo i druzhba [Acquaintance and friendship]. In: *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy* [Memories of Anna Akhmatova]. Moscow, Sov. pisatel’, 1991, pp. 332–346.
- Akhmatova A. A. Perevody. 1950–1960-e gody [Translations. 1950–1960s]. In: *Akhmatova A. A. Sobr. soch.: V 6 t.; 2 dop. toma* [Collected works: in 6 vols., 2 add. vols.]. Moscow, Ellis Lak, 1998–2005, vol. 8, 1120 p.
- Akhmatova A. A. *Soch.: V 2 t.* [Works: in 2 vols.]. 2nd ed. Moscow, Khudozh. lit., 1990.
- Bikont A., Szczęсна J. *Pamiątkowe rupiecie. Biografia Wisławy Szymborskiej* [Souvenir junk. Biography of Wisława Szymborska]. Warszawa, 2012, 576 p.
- Chernykh V. A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy. 1889–1966* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. Moscow, Azbkochnik, 2016, 943 p.
- Chukovskiy K. I. *Dnevnik: V 2 t.* [Diary: In 2 vols.]. Moscow, Sovremennyy pisatel’, 1994.
- Chukovskaya L. K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy: V 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova: In 3 vols.]. Moscow, Soglasie, 1997.
- Dravich A. Pol’skaya poeziya v perevodakh Anny Akhmatovoy i Borisa Pasternaka [Polish poetry translated by Anna Akhmatova and Boris Pasternak]. In: *Masterstvo perevoda. Sb. 11. 1976* [Translation skill. Coll. 11. 1976]. Moscow, 1977, pp. 183–207.

Goncharova N. G. Neskol'ko naivnykh voprosov k sostavitelyam akhmatovskogo shestitomnika [Several naive questions to the compilers of Akhmatov's six-volume edition]. In: *"Ya vsem proshchenie daruyu..."*: Akhmatovskiy sbornik ["I grant forgiveness to everyone ...": Akhmatov's collection]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2006, pp. 551–566.

Gorbanevskaya N. Umerim vostorgi. Replika [Let's temper the raptures. Replica]. *Russkaya mysl'*. 1998, no. 4224, May 28 – June 3, p. 12.

Gozenpud A. A. Neuvyadshie list'ya [Unfaded leaves]. In: *Ob Anne Akhmatovoy: Stikhi, esse, vospominaniya, pis'ma* [About Anna Akhmatova: Poems, essays, memoirs, letters]. Leningrad, Lenizdat, 1990, 576 p.

Gumilev L. N. *Dar slov mne byl obeshchan ot prirody. Literaturnoe nasledie. Stikhi. Dramy. Perevody. Proza* [The gift of words was promised to me by nature. literary heritage. Poetry. Drama. Translations. Prose]. St. Petersburg, Rostok, 2004, 622 p.

Gumilev L. N. *Vsem nam zaveshchana Rossiya* [Russia is bequeathed to all of us]. Moscow, Ayris-press, 2015, 575 p.

Ivinskaya A.-S., Mikhaylova G. Litovskaya poeziya v perevodakh Anny Akhmatovoy: Kul'turologicheskiy aspekt [Lithuanian poetry in Anna Akhmatova's translations: Cultural aspect]. *Literatūra*. 2016, no. 58 (2), pp. 66–89.

Khardzhiev N. I. O perevodakh v literaturnom nasledii Anny Akhmatovoy [About translations in the literary heritage of Anna Akhmatova]. In: *Tayny remesla. Akhmatovskie chteniya* [Secrets of the craft. Akhmatova Readings]. Moscow, 1992, iss. 2, pp. 229–232.

Krayneva N. I., Tamontseva Yu. V., Filatova O. D. K istorii sozdaniya "Poemy bez Geroya": Poema v Sobranii sochineniy A. Akhmatovoy [On the history of the creation of "A Poem Without a Hero": A Poem in the Collected works of A. Akhmatova]. In: *"Ya vsem proshchenie daruyu..."*: Akhmatovskiy sbornik ["I grant forgiveness to everyone...": Akhmatova's collection]. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2006, pp. 518–550.

Krol' Yu. L. Boris Ivanovich Pankratov (zarisovka k portretu uchitelya) [Boris Ivanovich Pankratov (sketch for a teacher's portrait)]. In: *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Moscow, Glav. red. vost. lit., 1989, iss. 26, bk. 3, pp. 84–100.

Kryukov A. Anna Akhmatova v ispolnenii Niny Korolevoy [Anna Akhmatova performed by Nina Koroleva]. *Pod'em*. 2005, no. 6, pp. 237–250.

Mandel'shtam N. Vtoraya kniga [The second book]. In: Mandel'shtam N. *Sobr. soch.*: V 2 t. [Collected works: in 2 vols.]. Ekaterinburg, 2014, vol. 2, pp. 29–704.

Mkrtchyan L. M. *Anna Akhmatova: Zhizn' i perevody* [Anna Akhmatova: Life and translations]. Egvard, B. i., 1992, 90 p.

Nayman A. G. *Rasskazy o Anne Akhmatovoy* [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, Khud. lit., 1989, 302 p.

Nayman A. O kabale, mure i dryani [About peonage, nonsense and rubbish]. *Knizhnoe obozrenie*. 1995, no. 41, p. 9.

Netrudno byt' prorokom (S laureatom Nobelevskoy premii po literature Vislavoy Shimborskoy beseduet Yan Stshalka) [It is not hard to be a prophet (Jan Strzalka talks to Wislawa Szymborska, winner of the Nobel Prize in Literature)]. *Novaya Pol'sha*. 2002, no. 6, p. 36–37.

Petrovykh M. S. O perevodcheskoy rabote Anny Akhmatovoy [About the translation work of Anna Akhmatova]. In: Petrovykh M. S. *Izbrannoe: Stikhotvoreniya. Perevody*.

Iz pis'mennogo stola [Selected: Poems. Translations. From the desk]. Moscow, Khudozh. lit., 1991, pp. 366–367.

Radzishhevskiy V. Bayki staroy “Literaturki” [Tales of the old “Literaturka”]. *Znamya*. 2004, no. 6, pp. 138–170.

Ranevskaya F. ...Zastavit' cheloveka ulybnut'sya [...To make a person smile]. *Sovetskaya kul'tura*. 1989, September 16, p. 9.

Rubinchik O. E. “Lyuboy tsvetok prochtet kantsonu Zose...”: Pol'skie poetry v perevodakh Anny Akhmatovoy [“Any flower will read canzone to Zosia...”: Polish poets in Anna Akhmatova's translations]. *Novaya Pol'sha: setevoy zhurnal*. 01.10.2020. URL: <https://novayapolsha.eu/article/lyuboi-cvetok-prochtet-kanconu-zose-polskie-poety-v-perevodakh-anny> (accessed 09.07.2023).

Saakyants K. O rabote L. Mkrtchyan nad knizhkoj “Anna Akhmatova. Zhizn' i perevody” [About the work of L. Mkrtchyan on the book “Anna Akhmatova. Life and translations”]. *Banber Yerevani hamalsarani. Russian Philology*. 2018, no. 1 (10), pp. 3–24.

Svoyu mezh vas eshche ostaviv ten'... *Akhmatovskie chteniya* [Still leaving a shadow between you... Akhmatov Readings]. Moscow, Nasledie, 1992, iss. 3, 269 p.

Tsuy Yuan'. *Stikhi* [Poems]. Moscow, Goslitizdat, 1954, 159 p.

Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966) [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]. Moscow, Torino, Einaudi, 1996, XIX, 849 p.

Информация об авторе

Ольга Ефимовна Рубинчик, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Olga E. Rubinchik, Candidate of Philology, Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 02.08.2023;

одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 12.09.2023

The article was submitted on 02.08.2023;

approved after reviewing on 12.09.2023; accepted for publication on 12.09.2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Научная статья

УДК 821.111(73).0

DOI 10.17223/18137083/89/10

**Кемеровский текст на перекрестке двух утопий:
американская мечта и коммунистический интернационал
в повести Р. Э. Кеннелл «Товарищ Костыль.
Приключения американского мальчика в Кемерове:
сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера,
1922–1924»**

Наталья Валерьевна Налегач

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

nalegach@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению одного из первых художественных воплощений образа города Кемерово в повести для детей видной представительницы АИК «Кузбасс» Рут Эпперсон Кеннелл «Товарищ Костыль». Предпринятый анализ системы персонажей, антинормы «свои» – «чужие» и ее преодоления в развитии сюжетобразующего мотива дружбы русского беспризорника Володи и американского мальчика Дэвида, символических образов Сибири и Советского Союза как «новейшего Нового Света», фактической подосновы, связанной с реальной историей становления и развития города Кемерово, основных сюжетных ситуаций, позволяет объективно изучить авторское представление о построении нового мира, характеристики которого строятся на сочетании двух утопий – американской мечты, опирающейся на широкое понимание христианства, и программы Коминтерна.

Ключевые слова

АИК «Кузбасс», сибирский текст, детская литература, новый мир, Эрнита

Для цитирования

Налегач Н. В. Кемеровский текст на перекрестке двух утопий: американская мечта и коммунистический интернационал в повести Р. Э. Кеннелл «Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера, 1922–1924» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 126–138. DOI 10.17223/18137083/89/10

© Налегач Н. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 126–138

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 126–138

**Kemerovo text at the crossroads of two utopias:
The American dream and the communist international
in the story by R. E. Kennell “Comrade One-Crutch.
The Adventures of an American Boy in Kemerovo:
The Siberian Chronicle of the Life of Young David Plummer,
1922–1924”**

Natalya V. Nalegach

Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

nalegach@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1214-7363>

Abstract

The article is devoted to the consideration of one of the first artistic incarnations of the image of the city of Kemerovo in the story for children by a prominent representative of the AIC “Kuzbas” Ruth Epperson Kennell “Comrade One-Crutch” (1932). The main focus is on the myth-making strategy used to depict AIC “Kuzbas” and its “capital” Kemerovo. The study analyzes the character system and the antinomy of “us” versus “strangers,” exploring its resolution through the plot-driven theme of friendship between Volodya, a Russian street child, and David, an American boy. Also, attention is paid to symbolic images of Siberia and the Soviet Union as the “newest New World,” the factual basis associated with the real history of the formation and development of the city of Kemerovo (technical equipment of the Kemerovo mine, launch of the Coke and Chemical Plant, electrification of the village of Silino near Kemerovo, expansion of the AIC “Kuzbas” and development of the Kolchuginskoye deposit, and others). This analysis of the main plot situations reveals the author’s idea of building a new world, the characteristics of which are based on a combination of two utopias: the American dream, based on a broad understanding of Christianity, and the program of the Comintern. The genre of the story for children and the idea of international friendship emphasized by Ruth Kennell in the dedication to Alice Grover Whitbeck, updated as the address of the book “about the new Russia for American boys and girls,” are organically combined with the value-labeled orientation towards building a new world.

Keywords

AIC “Kuzbas”, Siberian text, children’s literature, new world, Ernita

For citation

Nalegach N. V. Kemerovo text at the crossroads of two utopias: The American dream and the communist international in the story by R. E. Kennell “Comrade One-Crutch. The Adventures of an American Boy in Kemerovo: The Siberian Chronicle of the Life of Young David Plummer, 1922–1924”. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 126–138. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/10

Кемеровский текст является элементом сибирского. Его уникальные черты обусловлены спецификой историко-культурного развития региона. Одной из таких особенностей стала деятельность в 1920-х гг. международной автономной индустриальной колонии «Кузбасс», получившая отражение сначала в американской (Р. Э. Кеннелл¹, Т. Драйзер²), а затем и в современной русской литературе

¹ Кеннелл Р. Э. Товарищ Костыль. Приключения американского мальчика в Кемерове: сибирская хроника жизни юного Дэвида Пламмера, 1922–1924 / Иллюстрации М. Перц, фотоиллюстрации; пер. с англ. С. Сафронова, В. Сухацкого. Кемерово: АРФ, 2008. 176 с.

и публицистике (Н. Козько, Е. Кривошеева³, Е. И. Тюшина⁴, Г. Е. Юров⁵ и др.). Особое место в этом ряду занимает повесть Р. Э. Кеннелл «Товарищ Костыль», автор которой была библиотекарем в АИК «Кузбасс». После возвращения в США она использовала материалы личного дневника, который вела, находясь в Сибири, для создания повести для детей.

Впервые книга была опубликована в Нью-Йорке в 1932 г., а на русский язык полностью переведена С. Сафроновым и В. Сухацким в 2007 г. и издана в том же году. Отдельные фрагменты этой повести в переводе на русский язык Н. Козько и Е. Кривошеевой вошли в состав их научно-популярной книги «Загадка Эрниты», впервые опубликованной в 1979 г. и переизданной в 1990 г. Так как ее авторы привлекали фрагменты повести для характеристики жизни колонистов и Р. Кеннелл, с которой состояли в переписке в период работы над книгой, она отчасти приобретает характер историко-культурного и биографического комментария к повести американской писательницы. Так, Н. Козько и Н. Кривошеева приводят показательный фрагмент письма Р. Кеннелл к ее подруге М. Кальверт, из которого видно, что та написала не столько приключенческую повесть для детей, сколько книгу о городе: «Моя книга для детей “Товарищ Костыль” является рассказом о Кемерово» (Козько, Кривошеева, с. 170). В научном освещении «Товарищ Костыль» лишь упоминается в работах Я. Н. Засурского [1977] и О. Ю. Пановой [2017; 2021] для характеристики биографии Р. Кеннелл в контексте рассмотрения рассказа «Эрнита» Т. Драйзера, прототипом главной героини которого стала Р. Кеннелл.

В контексте рассмотрения особенностей кемеровского текста повесть «Товарищ Костыль» приобретает особую ценность, поскольку в ней содержится один из первых художественно воплощенных образов города, чем и обусловлено обращение к интерпретации ее русского перевода. Создавая образ Сибири и характеризуя деятельность колонистов, Р. Кеннелл изображает художественный мир, в котором соединяются документальность и воображение, а поступки героев коррелируют с двумя противоположными утопическими стратегиями, которые автор интуитивно объединяет за счет мотива построения нового мира всеобщего счастья. Одна из них обусловлена идеями Коминтерна (решение о создании АИК «Кузбасс» стало следствием III Конгресса Коммунистического Интернационала, проходившего в Москве с 22 июня по 12 июля 1921 г.), другая несет на себе отпечаток того, что принято называть американской мечтой (основу международной индустриальной колонии «Кузбасс», собравшей выходцев из 54 стран, составили американцы, объединившие в своем сознании высказанную С. Рутгерсом идею рабочей колонизации первого пролетарского государства с изначальными для

Далее при цитировании текст будет сопровождаться сноской с указанием автора и страниц в круглых скобках после цитаты.

² Драйзер Т. Эрнита (пер. В. Станевич) // Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1986. Т. 12: Рассказы. Статьи и выступления. С. 46–87. Далее при цитировании текст будет сопровождаться сноской с указанием автора и страниц в круглых скобках после цитаты.

³ Козько Н., Кривошеева Е. Загадка Эрниты. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1990. 176 с. Далее при цитировании текст будет сопровождаться сноской с указанием автора и страниц в круглых скобках после цитаты.

⁴ Тюшина Е. И. Секретный код Горелой горы: Повесть для детей. Кемерово: Муниципальная информационно-библиотечная система, 2021. 68 с.

⁵ Юров Г. Е. Заповедное пространство. Стихотворения, поэмы, разыскания. Кемерово, 2012. 484 с.

США идеями основания Нового света в колонизированном пространстве). Идеи Коминтерна изложены в его манифесте 1919 г.⁶, в связи с чем при обнаружении этой утопии в тексте писательницы мы будем ориентироваться на него. Что касается литературных инвариантов, границ и трансформаций американской мечты, методологически значимыми в статье стали работы современных исследователей [Бондарева, 2013; Коршунова, 2017; Рабеев, Чугунов, 2018]. Обычно эти идеи принято противопоставлять, чему способствует текст Манифеста Коминтерна, противопоставляющий интернационал идеям национального государства, однако в тексте американской колонистки они удивительным образом соединились. Рассмотрению этого синтеза, а также его художественного функционирования в анализируемом произведении и посвящена предлагаемая работа, актуальность которой обусловлена ростом историко-культурных [Кушникова, Тогулев, 2001; Неизвестный Кемерово..., 2010] и филологических исследований [Ащеулова, 2018; Прохорова, 2022; Рабкина, 2018] кемеровского текста в последние десятилетия. Новизна предпринятого исследования состоит в обращении к не привлекавшему до сих пор внимания одному из первых художественных оформлений образа города Кемерово, а также к самому феномену кемеровского текста, который на фоне других сибирских городов изучен в меньшей степени. Так, в статье [Богумил, 2023], посвященной семиотике сибирских городов, он даже не упоминается, хотя кузнецкий текст и Новокузнецк в этом систематическом обзоре присутствуют.

Как и другие работы, посвященные городскому тексту, исследование выполнено в рамках комплексной методологии, сочетающей методы структурно-семиотического и историко-культурного подходов с подключением мифопоэтического анализа текста, выработанной основоположниками изучения городских текстов в отечественной литературоведческой традиции [Лотман, 1984; Топоров, 1995], а также была актуализирована и для исследований сибирского текста [Тюпа, 2002]. Обращение в процессе интерпретации повести Р. Кеннелл к историко-культурному и биографическому комментированию отдельных деталей и ситуаций обусловлено интересом писательницы к «литературе факта», связанной не только с деятельностью левовцев, со многими из которых она была лично знакома, о чем свидетельствует ее переписка с Т. Драйзером, но и с проникновением этой стратегии в изображение жизни Новой Сибири, в журналистике связанного с деятельностью АИК «Кузбасс» Новосибирска [Васильев, 2021; Капинос, 2016]. В этой связи следует также отметить, что в литературу Р. Кеннелл пришла из журналистики.

Идеалы Коминтерна в художественном отражении повести Р. Кеннелл

Сюжет повести строится на преодолении трудностей и столкновении мечты и реальности, чему немало способствуют приемы контраста и мотивы недоверия, рождающиеся из противопоставления своего и чужого, а также сопротивления носителей прежнего уклада жизни устремлениям колонистов. Эта антиномия за-

⁶ Коммунистический Интернационал. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира. М., 1919. 14 с. // Электронная библиотека ГПИБ. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/53862-kommunisticheskiy-internatsional-locale-nil-manifest-kommunisticheskogo-internatsionala-k-proletariyam-vsego-mira-locale-nil-m-1919-kommunisticheskaya-biblioteka-locale-nil-5> (дата обращения 20.11.2023).

дана

в повести с самого начала и как несовпадение ожиданий Дэвида с тем, как их встретили в России, и в том недоверии и равнодушии, с которым к ним отнеслись в иммиграционной службе в Кронштадте, и в тех сложностях с первой ночевкой после сошествия на берег, и в ряде других деталей. По мере развития сюжета противоречия нарастают, особенно они обостряются в главе «Майский праздник и трагедия на реке», однако параллельно с ростом напряжения, достигающего кульминации в ситуации интриг русских инженеров, оставшихся еще со времен Копикуза, против колонистов; появляется и другая линия, в которой воплощается идея дружбы, взаимовыручки, понимания, возникшего на основе реализации общей мечты об индустриализации Сибири. Несмотря на все интриги и диверсии, колонисты запускают Коксохим, два подростка – Володя и Дэвид – находят общий язык, преодолевая взаимное недоверие, и становятся друзьями, в результате чего они разоблачают убийцу мельника. При этом сближение двух мальчишек оказывается основанным на реализации в их поступках идеалов Коминтерна.

С самого начала в текст повести вводится документальный факт о целях создания индустриальной колонии, полностью совпадающий с историческим решением III Конгресса Коммунистического Интернационала и реализованный через видение вымышленного главного героя, мальчика Дэвида, чей отец «...Уильям Джей Пламмер, горный инженер, подписавший с советским правительством двухлетний контракт, привез в Россию 150 американцев, чтобы помочь русским восстановить промышленность в Сибири» (Кеннелл, с. 8). Так в повести задается мотив дружбы, в основе которой общая идея построения нового мира.

В этой связи закономерно, что в третьей главе под названием «Новый дом» своего рода сюжетным предсказанием этой дружбы становится реакция первого директора АИК Билла Хейвуда (реальное историческое лицо, лидер американского рабочего движения «Индустриальные рабочие мира», который с 1921 г. жил в СССР, с 1922 г. стал директором АИК «Кузбасс», через несколько месяцев был переведен в Москву, где жил до самой смерти в 1928 г.) на приезд колонистов с искалеченным Володей: «Заметив, что родители Дэвида укладывают на носилки раненого мальчика, чтобы отправить его в больницу, Большой Билл подбежал к Пламмерам и ужаснулся, когда те рассказали ему историю о том, что произошло в пути.

– Вот чертенок! – пробормотал он про себя. – Но мы сделаем так, что колония станет ему родным домом...» (Кеннелл, с. 21). И первым знаком того, что он стал своим в этом новом доме, явился символический подарок – костыль с именной надписью, вручение которого обернулось и новым именованием, которое через реакцию Володи объединило его образ с образом Билла Хейвуда, по чьей инициативе он и получил этот подарок и новое имя: «Володя озорно посмотрел на крепкого, закаленного в забастовках, американского воина и повторил: “Товарищ Опе-Срутч”. Похоже, это имя ему понравилось. Он дотронулся до своего глаза, потом перевел палец на Большого Билла и лукаво добавил: “Товарищ Одноглазый”» (Кеннелл, с. 33). Именно дружба с участником Коминтерна и сделала Володю по-настоящему своим в глазах колонистов, а самому русскому беспризорнику дала возможность проникнуться доверием, пусть и не сразу, к американцам. В текст повести для детей постепенно вводится ключевой идеал этого движения, нашедший выражение в знаменитом лозунге о необходимости пролетариев всех стран объединиться для того, чтобы построить новый мир социальной справедливости. Закономерно, что впоследствии Володя сыграет решающую роль в противостоя-

нии колонистов старорежимному инженеру Мицкевичу. Этот сюжетобразующий мотив тоже станет следствием значимости для писательницы идеи классовой борьбы, на которой основана вся программа Интернационала.

Тем не менее на первый план в повести выходит идея международной солидарности рабочих, поддерживаемая развитием темы дружбы русского и американского мальчиков, любви американского колониста Джона Эллисона и дочери сибирского мельника, ставшей секретарем в конторе АИК, Веры Николаевны. Акцент на созидание, преодоление трудностей, победы над врагом как успешного строительства и запуска шахт и предприятий неразрывно связано с тем, что Р. Кеннелл перед отправлением в Сибирь была активисткой «Интернациональных рабочих мира», а не Коммунистической партии США, в связи с чем в ее взглядах того периода органично соединились идеи социализма и того, что принято называть Великой американской мечтой.

Идеалы американской мечты в художественном отражении повести Р. Кеннелл

Раскрытие характера Дэвида, обустройство семьи Пламмеров в Кемерове ставят предположить, что помимо идеалов Интернационала в авторской аксиологии значимую роль играет комплекс представлений, который составляет основу американской мечты не в современном ее звучании с акцентом на материальное благополучие, а в тех ориентирах, что были заданы отцами-основателями США и нашли выражение не только в их публицистических статьях, дневниках, письмах, но и в Декларации Независимости 1776 г. В основе этой утопии, как подчеркивает Е. С. Коршунова с опорой на размышления Р. У. Эмерсона, образ человека, который «сделал себя сам». Закономерно, что в одном из первых систематических трудов, обобщивших и сформулировавших идеалы «американской мечты», книге Джеймса Траслоу Адамса «Эпос Америки» (1931) звучит мысль об обществе равных возможностей, где человек достигает счастья, опираясь на свои природные способности, а само общество организовано так, что максимально способствует саморазвитию каждого человека (это очень напоминает социалистический лозунг: «От каждого по способностям – каждому по труду»). При таком подходе материальное благополучие является не целью, а следствием американской мечты, которая в изводе Адамса становится инвариантом реализации идеала свободы в обществе.

Примечательно, что книга Адамса выходит за год до издания повести Р. Кеннелл, создавая тот духовно-интеллектуальный контекст, в котором появилась повесть для детей вернувшейся в США из России колонистки. Еще одна черта, характеризующая авторский кругозор, знакомство Р. Кеннелл с Т. Драйзером. Именно она сопровождала его в 1927 г. в путешествии по СССР, выполняя функции секретаря и переводчика, так как на момент его прибытия работала библиотекарем Коминтерна в Москве и корреспондентом американского журнала «The Nation». За самовольное путешествие с Драйзером она была уволена с этой должности по возвращении в Москву, что стало одной из причин ее возвращения в Америку. В этом контексте символично выглядит ее конфликт с О. Д. Каменевой и С. П. Тривасом (представителями ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей), организации, по линии которой Драйзер прибыл в СССР). Суть их претензий к Р. Кеннелл как раз и состояла в том, что она слишком американка, не советская женщина: «Т[ривас] спросил В[уда], правда ли, что я работаю у него,

и сказал: “Она отличный переводчик, но, видите ли, она американка, и не может понять нашу советскую точку зрения...”» (из письма Р. Кеннелл Т. Драйзеру от 08.02.1928)⁷ (Кеннелл, с. 328). Именно она является прототипом главной героини его повести «Эрнита», часть событий которой разворачивается в АИК «Кузбасс». Примечательна реплика Эрниты, которой заканчивается рассказ: «И потом, как Эрнита с улыбкой мужественно заявила мне однажды: “В годы моей юности и фанатизма мне казалось, что коммунизм может и должен изменить самую природу человека – сделать его лучше, добрее, развить в нем братские чувства к людям. Теперь я не уверена, что это так. Но во всяком случае коммунистическое учение может привести к созданию более совершенного общественного строя, и ради такой цели я всегда готова работать”» (Драйзер, с. 87). В этой фразе есть выход за пределы ценностного поля идеалов Интернационала, как нам думается, к позитивному ядру американской мечты, трагическую деконструкцию и перерождение которой в реальности США констатировали оба писателя, но идеалами которой они не могли не вдохновляться, как Адамс.

Наконец, следует упомянуть в качестве важного прецедентного текста, который мог оказать влияние на принцип синтеза двух идеологических интенций в произведении Рут Кеннелл, книгу Уильяма Монтгомери Брауна «Коммунизм и христианство»⁸, которая была опубликована в 1920 г., а часть денег от ее продажи «красный епископ», как его прозвали современники, передал в 1921 г. Герберту Кальверту, представителю АИК «Кузбасс» в США, на развитие сибирской колонии. Символичен подзаголовок его книги: «Гоните богов с небес и капиталистов с земли!» В нем еще раз подчеркивается фундаментальная мысль о том, что человек своими руками, опираясь на идеалы христианства, которое мыслится как основа коммунизма, противопоставленная капитализму как царству Дьявола, может создать рай на земле. Более того, в заключение книги У. М. Браун, отлученный через несколько лет за свои взгляды, изложенные в этой книге, от методистской церкви и вошедший в старокатолическую, формулирует тезис о том, что в России объединенное братство рабочих, вдохновленное идеями марксизма, строит подлинное христианство. И хотя в книге Брауна речь не идет об американской мечте, но сам ее идеологический посыл, основанный на критике старого сложившегося уклада, опирающегося на искаженную в угоду правящим силам религию, и стремление ее очистить, вернув к истокам первохристианства, коррелирует с пафосом идеи Нового Света американских первопоселенцев.

О том, что в сознании колонистов присутствовали идеалы Нового Света как ориентира их деятельности, свидетельствует и письмо С. Рутгерса к Р. Кеннелл, когда она уже находилась в Москве, от 31 июля 1927 г, времени подведения итогов, поскольку АИК «Кузбасс» официально была реорганизована 1 октября 1927 г. в Государственный трест объединения каменноугольной, металлургической и химической промышленности (Кузбасс-уголь), формально реорганизация состоялась еще в январе: «Дорогая Рут! Значит, у меня есть возможность встретиться с Вами в Старом свете или, наоборот, в самом Новом. Я боялся, что вы уже сбежали в США» (Козько, Кривошеева, с. 123).

⁷ Переписка Р. Кеннелл с Т. Драйзером за 1928–1929 гг. приводится здесь и далее по публикации О. Ю. Пановой [2021, с. 317–423] с указанием автора письма и страницы.

⁸ Brown W. M. Communism and Christianity. Ohio, 1920 // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/communismchristi00browiala/page/n1/mode/2up> (дата обращения 20.11.2023).

О наличии в тексте Р. Кеннелл элементов американской мечты свидетельствует не столько национальная принадлежность колонистов, сколько то, как они воспринимают пространство Сибири и свою роль в его преобразовании. Показателен разговор Дэвида с матерью, когда он увидел засыпанные снегом землянки и задался вопросом, почему люди в них живут: «Потому что они очень бедные, сынок. Пока жить в Сибири тяжело. Только сейчас здесь начинается промышленное освоение. Представь, это как Америка в эпоху Колумба, только Сибирь, конечно, более развита. Надо немножко подождать, и тогда все увидят, на что способны американцы!» (Кеннелл, с. 52–53). В этом ответе миссис Пламмер, работавшей медсестрой, можно видеть прямое соотнесение миссии колонистов АИК «Кузбасс» с тем, как виделся проект создания Нового Света европейским колонистам в Северной Америке.

Здесь прогрессорство соотнесено с идеалами гуманизма, которые опираются на христианскую традицию. Христианская подоплека происходящего дана не напрямую, а через название главы «Первое Рождество» и кругозор мальчика, который сожалеет, что праздник может пройти незамеченным из-за новых ценностей Советской России и трудностей жизни колонистов. Важно, что это именно Рождество – праздник воплощения Бога в человеческом естестве, намечающий в идейном плане один из изводов этого события – возможность человека выстроить свой путь к Богу через земной успех, как это транслируется в американской мечте в размышлениях отцов-основателей. Встреча Рождества всё же состоялась по инициативе миссис Пламмер, и колонисты, отодвинув в сторону свои тяготы, собрались вокруг рождественской елки с подарками. Символичной деталью становится участие в этом празднике Володи и его неосознанная реакция на наряженную ель: «Гости были уже в сборе, и горели свечи, когда в комнату вошел Володя. В изумлении он уставился на дерево и испуганно перекрестился, словно в этот момент вспомнил что-то из уже забытого детства. Никто не рассмеялся» (Кеннелл, с. 54). Примечательно, что именно в этой главе завязываются основные коллизии, которые впоследствии позволят развернуться авантюрному сюжету, главную роль в котором при обличении преступника и восстановлении справедливости сыграют подружившиеся Дэвид и Володя.

В свете актуализации американской мечты через рождественские мотивы не менее символично название следующей главы – «Американцы берут всё в свои руки». Первым фактом преобразования реальности стало упразднение раздутой бюрократической машины, которую создали русские начальники, чтобы не дать американским колонистам реализовать свои проекты. Так, не выдержавший бюрократической волокиты Джим Блэк, уезжая на родину, говорит мальчику на прощание: «Всё дело в русских начальниках, которые и сами не хотят работать и другим не дают. Чтобы спасти свою шкуру, они хотят избавиться от нас» (Кеннелл, с. 57). Поэтому, когда советское правительство передало управление Кемеровским рудником американским колонистам, те первым делом навели порядок в конторе: «В свое время здесь сидела целая куча посыльных, секретарш и помощников. А сейчас их почти не осталось. Вместо бюрократических ухищрений и волокиты колонисты ввели простые и понятные методы управления» (Кеннелл, с. 57). Но поединок на этом не закончился, так как на самом верхнем этаже конторы ничего не изменилось, поскольку главным инженером оставили Мицкевича. По мере развития повествования в других главах этот процесс преобразования пространства будет реализован как создание школы для детей колонистов, обучение в которой шло на английском, но и русской грамоте там тоже учили, элек-

трификация близлежащих деревень и поселков, запуск Коксохима. Следует отметить, что эти факты не являются вымыслом и отражают реальную жизнь АИК «Кузбасс», однако, будучи тонко вплетенными в основной событийный ряд, способствуют художественному воплощению в рамках поэтики жизнеподобия и требований литературы факта – тезиса о способности изменить жизнь к лучшему посредством упорного труда и веры в лучшее.

Наступление весны в главе «В Сибирь пришла весна» снова отсылает к христианскому восприятию времени, которое благодаря мотиву стечения обстоятельств становится способом характеристики истории колонистов: «Пасха в этом году была ранней и, конечно, все в поселке готовились к празднику. Так получилось, что как раз в эти дни в Кемерово наконец-то пришли посылки из Америки, которые должны были прийти к Рождеству <...> Конечно, было бы лучше получить эти гостинцы на Рождество, когда колония переживала нелегкие времена, но и сейчас они были кстати» (Кеннелл, с. 66). Как и в главе «Первое Рождество» возникает мотив единства русских и американских рабочих. Помимо единства через христианский праздник здесь изображено объединение рабочих против начальства: «Пасху отмечали все – и русские, и американцы. Понедельник после Пасхи даже в Советской России считался выходным. Но начальство колонии решило сделать его рабочим. Напрасно! Махнув рукой на антирелигиозную пропаганду, люди не вышли на работу и гуляли два дня» (Кеннелл, с. 66). Здесь же присутствует и юмористический штрих: «На здании конторы комсомольцы повесили большой транспарант с надписью: “Религия – опиум народа!” Они установили несколько электрических лампочек для подсветки плаката. Вечером перед Пасхой комсомольцы включили свет, полюбовались своей работой и пошли на всенощную в маленькую церковь, что находилась рядом с конторой у обрыва» (Кеннелл, с. 67). Комизм описанной ситуации способствует изображению мечты об объединении всех трудящихся в координатах не столько атеистической коминтерновской идеологии, сколько в системе христианских ценностей, благодаря чему развитие мотива интернациональной дружбы коррелирует с идеалами исходного варианта американской мечты: «В воскресенье Пламмеры взяли гостинцы из рождественской посылки и отправились в гости к русским друзьям» (Кеннелл, с. 67). Возвращаясь из гостей, Пламмеры неожиданно получают приглашение девочки Кати, которая работала в столовой на Руднике, и главы о Рождестве и Пасхе оказываются связаны еще одним дополнительным мотивом чуда. Оказывается, в доме Кати и ее родителей жил и Володя, никому не раскрывавший, где в городе он нашел приют. Получилось, что если в Рождество он пришел в гости к Пламмерам, то на Пасху – они к нему. И эффект неожиданности создает ощущение чуда встречи. Заодно и Володя впервые открывается с другой стороны. До сих пор юный беспризорник, ставший калекой, представал грубоватым и дерзким мальчишкой, в чьих поступках, как, например, с шапками, которые он выманил у колонистов, играя на их чувстве жалости, а потом продал на базаре, очень многое свидетельствовало о его уличном прошлом, когда ему приходилось выживать. В этом эпизоде он открывается как человек, способный на милосердие и ответственность. Он уходит от гостеприимных Пламмеров и выбирает семью, в которой не хватает средств, чтобы прокормить маленьких детей, потому что как сотрудник колонии получает американский паек, который и отдает за постой, хотя мог бы этого не делать и остаться в каменном доме, где его приняли как своего. В свете такого поступка то, что Володя перекрестился, увидев в доме Пламмеров рожде-

ственную елку, предстает уже не случайным жестом, а характеристикой самой сути героя.

Символичен финал повести, когда семья инженера Пламмера, отработав положенные по контракту 2 года, перед возвращением домой подарила Володе протез, благодаря чему он снова крепко встал на обе ноги и в прямом, и в переносном смысле. В той же главе мы видим возвращение к американской мечте, которая дана в сочетании с идеалами Коминтерна, только теперь уже в восприятии вернувшегося в Америку и повзрослевшего Дэвида: «Только спустя несколько лет Дэвид узнает, что вслед за АИК последует план индустриализации страны. Возникнет Урало-Кузнецкий промышленный комбинат. Во всех уголках Советского Союза появятся новые заводы и фабрики. И туда тоже приедут тысячи американцев, чтобы открыть для себя новейший Новый Свет» (Кеннелл, с. 165).

Таким образом, можно видеть, что через систему персонажей, переключку символов Нового Света и Новой Сибири Р. Кеннелл осуществляет синтез двух утопий, который ей видится как перспективная модель реального будущего. Этот синтез делал ее восприятие происходящего в России иным, нежели у ее современников, что она подчеркивала в переписке с Драйзером: «Мои старые боевые товарищи в Заливе [Сан-Франциско] стараются залучить меня для выступления, но, боюсь, что меня запишут в коммунисты, и я только распугаю публику, так что результат будет прямо противоположный тому, чего я хотела бы достичь. У моих друзей уже сложились свои убеждения, хоть и не основанные на точных фактах, и, если я расскажу им правду, они придут в ужас и решат, что я уехала отсюда “разочарованной”, – они ведь считают, что там должно быть либо всё идеально, либо всё плохо. Я от них устала. Но это касается не всех: лучшие из них не в Партии и идут в ногу со мной» (из письма Т. Драйзеру от 17.08.1928) (Кеннелл, с. 357). В основе авторского объединения обычно противопоставляемых концепций заложена общая для них идея созидания нового мира равных возможностей объединившимися людьми, преодолевшими недоверие на пути обретения счастья, которое неотделимо от плодотворного упорного труда, посредством чего утверждается прогресс как инструмент достижения справедливого общественного строя на Земле.

Список литературы

- Ащеулова И. В.* Образ Кемерово в повести Е. Гришкова «Реки» // Балибаловские чтения: Материалы восьмой и девятой научно-практических конференций. Кемерово, 1–31 мая 2018 г. Кемерово: Научно-методический центр, 2018. С. 137–141.
- Богумил Т. А.* Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-350-367
- Бондарева Е. Е.* К вопросу о зарождении понятия «American dream» – «Американская мечта» // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2013. № 5. С. 82–86.
- Васильев С. С.* Хронотоп Сибири в материалах журнала «Настоящее» (1928–1930) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 96–105. DOI 10.17223/18137083/75/7
- Засурский Я. Н.* Теодор Драйзер. Жизнь и творчество. М.: МГУ, 1977. 320 с.
- Капинос Е. В.* «Литература» и «факт» в Новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетогрфия. 2016. № 2. С. 138–165.

Корицунова Е. С. «Американская мечта» в американской художественной литературе // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 22–27.

Кушникова М. М., Тогулев В. В. Красная Горка: очерки истории «американской» коммуны в Щегловске, провинциальных нравов, быта и психологии 1920–1930-х гг. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 833 с.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1984. Вып. 664: Символика города и городской культуры. Петербург. С. 30–45. (Труды по знаковым системам; XVIII)

Неизвестный Кемерово. История американской колонии в Сибири, 1921–1926: на двух языках / авт. проекта Владимир Сухацкий; пер. на англ. С. Сафронова. Кемерово: Музей-заповедник "Красная Горка", 2010. 252 с.

Панова О. Ю. У революции женское лицо: Джулия Микенберг об американках в советской России (Julia Mickenberg. American Girls in Red Russia: Chasing the American dream. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. VIII, 427 P.) // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 491–499.

Панова О. Ю. «Дорогой ТД»: переписка Рут Эпперсон-Кеннел с Теодором Драйзером (1928–1929) // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 289–423.

Рабеев С. К. Б., Чугунов Д. А. Теоретическая модель «американской мечты» в литературоведении // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2018. № 4. С. 75–79.

Прохорова Л. П. Феномен прецедентности в венке сонетов «Томская Писаница. Кемерово» Энди Крофта // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 125–139.

Рабкина Н. В. История автономной индустриальной колонии «Кузбасс» в работах иностранных исследователей: монография Джулии Л. Миккенберг «American Girls in Red Russia: Shasing the Soviet Dream» (2017) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2018. № 3. С. 49–56.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367.

Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

References

Ashcheulova I. V. Obraz Kemerovo v povesti E. Grishkovtsa “Reki” [The image of Kemerovo in the story “Rivers” by E. Grishkovets]. In: *Balibalovskie chteniya: materialy vos'moy i devyatoy nauchno-prakticheskikh konferentsi. Kemerovo, 1–31 maya 2018 g.* [Balibal readings: materials of the eighth and ninth scientific and practical conferences. Kemerovo, May 1–31, 2018]. Kemerovo, 2018, pp. 137–141.

Bogumil T. A. Semiotika gorodov Sibiri: tipologicheskii aspekt [Semiotics of Siberian cities: typological aspect]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 1, pp. 350–367. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-350-367

Bondareva E. E. K voprosu o zarozhdenii ponyatiya “American dream” – “Amerikanskaya mehta” [On the question of the origin of the concept “American dream” – “American Dream”]. *Fundamenta 'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty*. 2013, no. 5, pp. 82–86.

Kapinos E. V. “Literatura” i “fakt” v Novosibirskom zhurnale “Nastoyashchee” (1928–1930) [“Literature” and “fact” in the Novosibirsk magazine “Present” (1928–1930)]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya*. 2016, no. 2, pp. 138–165.

Korshunova E. S. “Amerikanskaya mechta” v amerikanskoy khudozhestvennoy literature [“American Dream” in American Fiction]. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2017, no. 4, pp. 22–27.

Kushnikova M. M., Togulev V. V. *Krasnaya Gorka: ocherki istorii “amerikanskoy” kommuny v Shcheglovsk, provintsial’nykh nravov, byta i psikhologii 1920 – 1930-kh gg.* [Krasnaya Gorka: essays on the history of the “American” commune in Shcheglovsk, provincial mores, life and psychology of the 1920s – 1930s]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2001, 833 p.

Lotman Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbols of St. Petersburg and problems of city semiotics]. In: *Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific notes of the Tartu State University]. Tartu, 1984, iss. 664: Simvolika goroda i gorodskoy kul’tury. Peterburg [Simvolika goroda i gorodskoy kul’tury. Peterburg [Symbols of the city and urban culture. Petersburg], pp. 30–45. (Trudy po znakovym sistemam [Proceedings on sign systems]; XVIII)

Neizvestnyy Kemerovo. *Istoriya amerikanskoy kolonii v Sibiri, 1921–1926: na dvukh yazykakh* [The unknown Kemerovo. History of the American colony in Siberia, 1921–1926]. Vladimir Sukhatskiy (Auth.); S. Safronova (Transl. into Engl.). Kemerovo, Muzei-zapovednik “Krasnaya Gorka”, 2010, 252 p.

Panova O. Yu. “Dorogoy TD”: perepiska Rut Epperson-Kennel s Teodorom Drayzerom (1928–1929) [“Dear TD”: correspondence between Ruth Epperson-Kennel and Theodore Dreiser (1928–1929)]. *Literature of the Americas*. 2021, no. 11, pp. 289–423.

Panova O. Yu. U revolyutsii zhenskoe litso: Dzhuliya Mikenberg ob amerikankakh v sovetskoy Rossii (Julia Mickenberg. American Girls in Red Russia: Chasing the American dream. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. VIII, 427 P.) [The Revolution Has a Female Face: Julia Mickenberg on American Women in Soviet Russia (Julia Mickenberg. American Girls in Red Russia: Chasing the American dream. Chicago; London: University of Chicago Press, 2017. VIII, 427 p.)]. *Literature of the Americas*. 2017, no. 3, pp. 491–499.

Prokhorova L. P. Fenomen pretsedentnosti v venke sonetov “Tomskaya Pisanitsa. Kemerovo” Endi Krofta [Precedent Phenomena in “Tomskaya Pisanitsa Park, Kemerovo” crown of sonnets by Andy Croft]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2022, no. 3, pp. 125–139.

Rabeeakh S. K. B., Chugunov D. A. Teoreticheskaya model’ “amerikanskoy mechty” v literaturovedenii [Theoretical model of the “American Dream” in literary criticism]. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*. 2018, no. 4, pp. 75–79.

Rabkina N. V. Istoriya avtonomnoy industrial’noy kolonii “Kuzbass” v rabotakh inostrannykh issledovateley: monografiya Dzhulii L. Mickenberg “American Girls in Red Russia: Shasing the Soviet Dream” (2017) [The history of the autonomous industrial colony Kuzbass” in the works of foreign researchers: a monograph by Julia L. Mickenberg “American Girls in Red Russia: Shasing the Soviet Dream” (2017)]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2018, no. 3, pp. 49–56.

Toporov V. N. Peterburg i “Peterburgskiy tekst russkoy literatury” (Vvedenie v temu) [Petersburg and the “Petersburg text of Russian literature” (Introduction to the topic)] In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow, Progress-Kul’tura, 1995, pp. 259–367.

Tyupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologem of Siberia: on the issue of the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2002, no. 1, pp. 27–35.

Vasil'ev S. S. Khronotop Sibiri v materialakh zhurnala "Nastoyashchee" (1928–1930) [Chronotope of Siberia in the materials of the magazine "Present" (1928–1930)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2021, no. 2, pp. 96–105. DOI 10.17223/18137083/75/7

Zasurskiy Ya. N. *Teodor Drayzer. Zhizn' i tvorchestvo* [Theodore Dreiser. Life and art]. Moscow, MSU, 1977, 320 p.

Информация об авторе

Наталья Валерьевна Налегач, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, русской литературы и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)
Scopus Author ID 57395462400
WoS Researcher ID U-1472-2017

Information about the author

Natalya V. Nalegach, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Russian Literature and Media Communications of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
Scopus Author ID 57395462400
WoS Researcher ID U-1472-2017

*Статья поступила в редакцию 23.04.2024;
одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted on 23.04.2024;
approved after reviewing on 11.06.2024; accepted for publication on 11.06.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1-1

DOI 10.17223/18137083/89/11

**«Автоматические стихи» Бориса Поплавского:
тема и вариации**

**Глеб Максимович Маматов¹
Елена Викторовна Тырышкина²**

¹ Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ g.m.mamatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

² elena.tyryshkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0215-4949>

Аннотация

Исследуется концепция музыки лирической книги Б. Поплавского «Автоматические стихи». Рассматривается музыкальный код книги, под которым понимается символика, мифопоэтика и образность музыки, а также музыкальность, выраженная на уровне архитектоники. Одним из центральных образов всей книги Поплавского является звук. В «Автоматических стихах» этот образ имеет онтологический смысл; с ним связан мотив витальности, звуки становятся «строительным материалом» для создания особой сферы, где можно спастись от ужасного внешнего мира. Символика «внутренних звуков» героя книги соотносится с водными мотивами. Структура книги основана на монотематическом принципе, подобная организация близка жанру «тема и вариации».

Ключевые слова

Б. Поплавский, «Автоматические стихи», сюрреализм, музыка, монотематизм, тема и вариации, архитектоника

Для цитирования

Маматов Г. М., Тырышкина Е. В. «Автоматические стихи» Бориса Поплавского: тема и вариации // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 139–155. DOI 10.17223/18137083/89/11

© Маматов Г. М., Тырышкина Е. В., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 139–155
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 139–155

“Automatic poems” by Boris Poplavsky: theme and variations

Gleb M. Mamatov¹, Elena V. Tyryshkina²

¹ Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation

² Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ g.m.mamatov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0625-3853>

² elena.tyryshkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0215-4949>

Abstract

The paper delves into the concept of music as portrayed in Boris Poplavsky’s “Automatic poems.” It thoroughly analyzes the musical code of the book, which can be seen as a fusion of symbols, mythological poetics, and musical imagery. Additionally, the paper explores how the musical essence of the verses is expressed through the architectural structure of the text. One of the central images in the book is sound, which holds great ontological significance. Within “Automatic poems,” the symbols representing the internal sounds of the persona are consistently associated with water motifs, creating a profound and specific spatial connection. This aquatic and subterranean imagery alludes to the music that resides within the persona’s soul. The book disrupts the Boethian dichotomy, with Musica Mundana overpowering Musica Humana. Furthermore, some verses depict a celestial world devoid of sound, capable of petrifying the entire world, thereby establishing an opposition between the persona, Orpheus, and the outer world, represented by Medusa. The sounds from the lower worlds are fragments of “eclectic” music, intertwined with eschatological ideas. The architectonics of “Automatic poems” resemble the methods used in constructing the genre of theme and variations, where the descending theme introduced in the first verse reappears in various manifestations throughout the series of verses. Overall, the structure of the book adheres to a monothematic principle. “Automatic poems” is an experimental work by Boris Poplavsky that was created using the techniques close to those employed by composers.

Keywords

B. Poplavsky, “Automatic verses”, surrealism, music, monothematic, theme and variations, architectonic

For citation

Mamatov G. M., Tyryshkina E. V. “Automatic poems” by Boris Poplavsky: theme and variations. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 139–155. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/11

Введение

В комментарии к книге Б. Поплавского «Автоматические стихи» Е. Менегальдо и А. Богословский отмечали важную роль мотива погружения в бессознательное. Поэт близок эстетике А. Бретона, который в знаменитом «Манифесте», с опорой на открытия З. Фрейда, писал о нейробиологических процессах, «управляющих человеческой психикой», которые «навели сюрреалистов на мысль о том, что надо писать как бы “под диктовку” бессознательного» [Поплавский, 2009, с. 528]¹. Поэт, как отмечают исследователи, – *наследник сюрреалистов*, он ис-

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

пользует их приемы не только в указанной книге, но и в других произведениях (стихи в романе «Аполлон Безобразов») [Там же, с. 529]. Мысль Е. Менегальдо и А. Богословского стала хрестоматийной и нашла отражение в трудах о «сюрреализме Поплавского» [Livak, 2000; Сыроватко, 2007; Лапаева, 2004; Прадивлянная, 2019]. Действительно, поэтика «Автоматических стихов» близка сюрреалистической: мотив погружения в бессознательное, маркированный акватической символикой; расширенные метафоры, инверсия, коллаж, сложно структурированные образы [Спаская, 1993, с. 8–9]. Форма миниатюр напоминает «Изречения Рака-Отшельника» из поэмы А. Бретона и Ф. Супо «Магнитные поля».

Но книгу нельзя назвать образцом «русского сюрреализма», так как в ней очень значима музыка, а сюрреалисты отвергали ее ценность [Токарев, 2011, с. 41]. Они считали «кинематографическое» визуальное начало главным, тогда как аудиальное видели пережитком прошлого: «До начала XX века слух определял качество стихотворения: ритм, звучание, интонация, размер – всё для слуха. С 20-х годов торжествует зрение. Мы живём в век кино» [Называть вещи своими именами, 1986, с. 322]. В ряде статей и дневников Б. Поплавский пишет о значении музыки (запись от 21.12.1928): «И даже в нарочитом чудачестве ещё более отражается духовная музыка, как в нарочито изменённом почерке ещё более явствует то, к чему довлеет человек» (с. 528).

Слово «автоматические» в заглавии книги можно интерпретировать как следование потока звуковой энергии по нотным знакам в партитуре, поэт дает возможность такой трактовки в одной из миниатюр: «*Автоматически безумно дух поёт, / Автоматически безбрежный мир напрасен*» (с. 375). Мотив автоматизма коррелирует с темами безумия, что обусловлено дисгармонией этого звучания. Надо учитывать и названные в книге устройства для механического воспроизведения музыки². Музыка и звук имеют центральное значение в книге и проявляются на символическом (музыкальный код) и архитектурном (музыкальность) уровнях³.

Звук vs Музыка в «Автоматических стихах»

Особенно частотен в «Автоматических стихах» образ звука, обладающий онтологическим началом. Звук может служить материалом для создания прекрасного и упорядоченного мира, строящегося из солнечных гамм, а внутренний мир его обитателей и внешний, окружающий их, находятся в согласии, музыкальном консонансе: «*Всё разрешалось у подножия философии Гегеля, где / субъективная и объективная логика согласно / играли на солнце – но с различных сторон – / нисходящие и восходящие гаммы. / Но когда руки их встречались на одной и той же ноте, / происходило томительное междуцарствие звуков / и одну секунду казалось: плоскости отражения / качались и смешивались, и если бы сомнения / про-*

² «Розы танцуют под рёв неземных граммофонов...», «Нам Гамлета кто-то читает – / Как будто фонограф во мраке», «И пел Орфей, сладчайший граммофон» (с. 363, 388, 404).

³ Под музыкальным кодом понимается словесное выражение музыки в поэзии, к нему относятся такие понятия, как «музыкальная символика», «образность», «мотивика», упоминания великих музыкантов, произведений и античных и новоевропейских мифов о музыке [Соловьёва, 2016; Мансков, 2007]. Музыкальность рассматривается как система технических приемов, сближающих звуковое и словесное искусства, позволяющих лирике подражать музыке на уровнях синтаксиса, фоники, ритмики и композиции [Эткинд, 1970; Васина-Гроссман, 1972; Макарова, 2018].

должали быть, вся постройка обратилась бы / обратно в хаос (с. 392). Междущастие звуков – это сфера искусства, внутренний мир лирического героя-творца-сновидца. Б. Поплавский использует гегельянскую терминологию, отсылающую к идее о логике как силе, снимающей все противоречия до их полного искоренения и появления Абсолюта [Кирвель, 2015]⁴. Слияние объективного и субъективного разрешается в гегелевском идеале чистого бытия, но в то же время подчеркивается мысль о хрупкости гармонии, которая может разбиться от сомнения в силе этой музыки. Звуковая материя сочетает хрупкость-разрушаемость и фундаментальность, с чем связана специфическая синестезия – звуки у поэта металлические и каменные:

С металлическим звуком огромных просторов пустых...

Железо пения усталых
Звенело в глубине заката.

Каменные звуки
Стук молитв
Скрежет словесных битв
(с. 342, 399).

Звук предстает как идеал, во имя которого стоит умереть: «Пой как умеешь / Не бойся звуков / <...> / Этот звук нас погубит / Ну что ж, умрём / Мы звуки так любим / Там, в них наш дом / Мы предались гибели звуков» (с. 385). Гибель во имя звука – уход в царство искусства и преодоление бытия и времени, что позволяет рассуждать о созидательных потенциях музыки. Звуки в книге – это полнокровные живые существа:

Уж и так из запасных звуков вырывались чёрные руки
и ноги, высовывались языки и длинные мокрые
волосы периодически, как дождь, закрывали
горизонт.
<...>

Звуки побившись крыльями
Уставши как смерть
Возвращались с трудом на небо
И ложились на краю рая
Им не хотелось
Им не хотелось больше ни жить, ни звучать
(с. 392, 345).

Герой-музыкант, наделенный сакральным знанием, предстает в нескольких воплощениях: скрипач, прикованный цепью ко дну, Орфей, бродяга-флейтист. Упоминаются имена музыкантов, среди которых Моцарт и Орфей. Звуковой мир книги чрезвычайно богат.

А в тени колокольни бродяга играет на флейте.

А на дне моря философ играет на скрипке
И звенит своей цепью

⁴ Подробнее о влиянии Г. Ф. Гегеля на творчество Б. Поплавского см.: [Токарев, 2019].

Царь святых привидений и фей
Спит на солнце снежный Орфей.

Как волна – острова и скалы
Где огромные птицы молча
На грядущем задом сидят
Размышляя сидя на камне
И еще голубой колокольчик
Подле моря звенит, звенит.

В лазарете вечер играл на рояле
Загорались лампы в белом курзале
Как это было давно.

В низком доме
Часы на рояле играли

Шум аэростата Звон осенних трав
Поезд у плотины Колокол вдали
Тихо, отдаленно
Звуки долетают
(с. 327, 381, 322, 344, 371, 375).

Порой в одном стихотворении могут соединяться, как в приведенных примерах, несколько источников звука, диаметрально противоположных: шум осенней травы и громкое звучание аэростата, морской прибой и звон колокольчика. В книге доминирует многоголосие, соединение нескольких разных звучаний в унисон, который является мощным, но диссонансным, ведь слияние разных по тембру и динамике звонов создает какофонию.

В «Автоматических стихах» каждая пространственная сфера маркирована определенным звучанием. Л. Л. Гервер отмечала, что «мир музыки тесно взаимодействует с миром как таковым и является одним из его подобий. <...> Весь он озвучен: в этом отношении восприятие пространства, которое окружает человека, мало изменилось с древнейших времён» [2001, с. 52]. В книге Б. Поплавского значимы мотивы шума мироздания и мирового оркестра:

Карлик шум мироздания слушал
Он всходил на огромные башни
Опускался в бездны вулканов
С сердцем полным печали вчерашней.

Мирозданье в бокале алхимика
Порождало кривые и левые ветви
Адама и Еву
Змею неразлучной смерти
Мужчинка и женщинка пели о вечной любви
И опять повторялась
Та странная мука в оркестре
Тот трепет смычков над дыханьем пустыни судьбы
И греха
(с. 330, 388).

Эта «странная мука в оркестре» дисгармонична. Герои вынуждены продолжать путь печали в земном аду, жить запертыми в мире-бокале. В стихотворении возникает аллюзия к философскому яйцу, продолговатой колбе из толстого стекла, являвшейся в алхимии символом Мироздания: «Философское яйцо – символический образ герметической Вселенной. <...> Яйцо – саморазвивающаяся Вселенная. Скорлупа – первоматерия или воздухообразный хаос. Белок – сфера воздуха и огня, населённая ангело- и демоноподобными существами. В середине желтка помещён человек-птенец – микрокосмос, пребывающий в изоморфном отношении к макрокосмосу» [Рабинович, 1979, с. 73]⁵. Подразумевается крушение гармонии, грех Евы превратил мир в «пустыню греха». Земная юдоль в средневековой философии виделась сферой низшей, что находит отражение в миниатюре⁶.

Все локусы можно разделить по категориям гармонии и дисгармонии. Самые мелодичные звуки издают подземная и подводная сферы, именно тут можно услышать игру на скрипке и прекрасную музыку, дарующую истину:

Музыка звучала в подземелье
Но откуда? – удивлялся узник
Ведь вокруг глубоко и далёко
<...>
В чёрном море пели водолазы
Айсберги над ними проходили
Было пыльно в городе над ними
В лазарете с феями больными
День скользил сквозь годы одиночества
Шум дождя скользил на белых листьях
(с. 353, 328).

В подводных городах (реминисценция к мифам о Китеже и городе Ис), играет оркестр, что можно трактовать как музыку внутреннего мира героя. Акватические образы (морская раковина, река, ручей, рыба, краб, водопад) – маркеры бессознательного, а мотивы погружения в воду и путешествия на корабле или в лодке знаменуют уход в собственное эго [Livak, 2000, p. 183]:

Внизу, под облаками, было море, и под ним на страшной
глубине – ещё море, ещё и ещё море, и наконец
подо всем этим – земля, где дымили небоскребы
и на бульварах духовые оркестры тихо и отдаленно играли.

Вечером на дне замковых озер зажигаются разноцветные
луны и звёзды; чудовищные скалы из папье-маше
под пенье машин освещались зелёным и розовым
диким светом; при непрерывном тиканье
механизмов из воды выходило карнавальное
шествие, показывались медленно флаги, тритоны,
<...>

⁵ Произведения поэта насыщены алхимической символикой, что объясняется и влиянием сюрреалистов [Ичин, 2013, с. 167, Милькович, 2023, с. 74–75].

⁶ В «Автоматических стихах» мир часто «помещён» в стеклянную сферу: «Стеклянный шар, магический кристалл. В нем-то и заключен замок, окруженный деревьями» (с. 393).

Глубоко под водою разгорается
фейерверк – там, в системе пещер, леса,
освещённые подводным солнцем, издают
непрестанно пение слепых граммофонов; только
в подвесных парках была ночь – там
останавливались старообразные дирижабли...
(с. 317, 393–394).

В данном случае подводный мир – сфера поэтического духа, порождающего фантастические образы. Очевидно влияние сюрреализма – «поточный» стиль как красочное описание сказочных картин из сновидений. В связи с метафорой «вода-бессознательное», можно утверждать, что символика подводной и подземной музыки – выражение гармонии героя-поэта, его «звучащей души». Этому противопоставлены звуки небесные и надземные, которые сияют солнечным и лунным светом, но мелодика их обманчива. Возможно, здесь также имеет место алхимическая символика [Ичин, 2013, с. 167]:

*Луны и солнца звуки золотые
Серебряные муки без ответа
И боли равнодушные нагие
Прошлых звёзд танцующих над смертью
Сияние ветвей и пыль цветов
Века из розовых и мёртвых тел
И страшный шум необъяснимых слов
Как водопад от неба до земли
Но отвратительно дышать и ждать
Опять судьба поёт в своей лазури
Не надо ждать, не надо нас читать,
Мы только трупы ирреальной бури
Утопленники голубых ветвей
Пусть нас назад течение унесёт*
(с. 389).

Эти звуки связаны с адом, что обусловлено авторским пониманием небесного мира как бездны и пустоты. Осознание себя утопленником имеет положительное значение, это возвращение к той прекрасной музыке душ, которая спасает героя от небесной какофонии. На морскую тему указывают образы лазури, где «душа поёт», и голубых ветвей, схожих с реками или ручьями. Надземный мир представлен диссонансными образами (крик, брань, плач). Musica Humana противостоит Musica Mundana, что объясняет музыкально-мифологическую оппозицию Орфея-Героя и Медузы-Мира, живой материи, чье пение знаменует витальность, и окаменения как знака смерти звуков и жизненных порывов. Небо – это маска Медузы, которая превращает людей в статуи: «Страшно было это рождение камня – / На лету на вершине признанья / Нам являлось лицо бледно-синей Медузы Рассвета / Было страшно следить за рождением / За окаменением цветов / За каменной ленью Античных голов / Склонённых над теплою Летой / Все мы умерли здесь» (с. 339) ⁷.

⁷ Подробно про миф о Медузе Горгоне в творчестве монпарнасца см.: [Милюкович, 2023, с. 130].

В недрах земли и в пучине океана рождается музыка, напоминающая звучание медных духовых, противопоставленных воздушным струнам космоса (лира, эолова арфа) [Гервер, 2001, с. 19–21]. У Поплавского звуки небесные – это лишь «отдаленная музыка неба», а струны в мире «Автоматических стихов» разбиты или звучат на морском дне. В книге переосмыслена бозэцианская дихотомия *Musica Mundana* и *Musica Humana*. Мировая Музыка не имеет силы, а *Musica Humana* обладает мощью и спасает героя от окаменения:

Мерно падали ноты из белой стены
Было так хорошо у неё прилечь
И слушать музыки белую речь
Солнце пряталось в небе за краем лазурной стены
Изредка шлепала нота разбитой струны
Это будто мёртвый человек отвечал
Гений рояля по-прежнему важно звучал
Был над полем спокойный надорванный голос
Разбитой струны
Солнце пряталось в небе, казалось, так, может быть,
Вечность пройдет подле белой стены и разбитой
Струны
Только путались звуки, звонки за стеной раздавались
Всё спускалось на землю, и звуки молчали в пыли
(с. 367).

«Белая» музыка, исполняемая роялем, рассыпается на отдельные ноты, точно разрушающееся здание гармонии (архитектурная метафора), рушится и стена звукового дома из фортепианных аккордов, и синяя стена небесной музыки: «Изредка шлепала нота разбитой струны» (пренебрежительный глагол «шлепала» в значении «падала»). Трагизм падения-разрушения подчеркивается на уровне фонетики благодаря аллитерациям на сонорный *p* и зубные *c – z, d – t*, создающим звучание, схожее с треском: «надорванный голос / Разбитой струны».

Однако музыка и звук в книге не едины. В одном из стихотворений поэт пишет: «Музыка звучала в подземелье, но откуда?». Риторический вопрос маркирует тему энигматичности музыки. Если звуки имеют плоть, пространственную принадлежность, то музыка возникает из неведомых пространств и исчезает в миг: «С горячих рук больного музыканта / Стекала музыка холодная в окно» (с. 343). Она всегда прекрасна в отличие от звука: «*Страшную, дивную* музыку слышу». Эпитет «дивная» позволяет говорить о загадочности, но музыка – зловещая стихия, которая грозит окаменением («Ведь я в раю / Перехожу в неподвижность» (с. 357)). Подземная музыка неведомых миров – не небесное звучание горнего ада, что подтверждает мысль об оппозиции *Musica Humana* и *Musica Mundana*. Звуки апокалиптического мира представлены через образы руин. Трагедия заключается в том, что звуки не могут соединиться в мелодию: «Кто вы, гордые духи? / Мы с Земли улетевшие звуки / Мы вращаемся в вихре разлуки / И муки / Мы мстим небесам» (с. 404). Словосочетание «вихрь звуков» обозначает какофоническую разобщенность. Эта эклектическая музыка раздроблена на отдельные звуки, каждый из которых имеет свою силу, тембр и спасительное значение для героя, становясь духовным идеалом и залогом преодоления хаоса внешнего мира.

Принцип монотематизма в композиции «Автоматических стихов»

Л. В. Сыроватко высказала «теорию» о полифонической модели книги, анализируя *крестовый* цикл из четырех миниатюр, в каждой из которых возникают образы крестообразных предметов, соединенные в финальном стихотворении-контрапункте цикла (см. [Сыроватко, 2007, с. 78–79]).

На наш взгляд, в «Автоматических стихах» автор следует еще одному принципу построения архитектоники, который сближает книгу с музыкальным произведением. Все стихотворения объединены сюжетной ситуацией спуска вниз, проходящей через всю книгу в разных вариантах, но остающейся неизменной до финала, что позволяет высказать мысль о монотематическом развитии книги. Монотематизм – основной принцип построения жанра «тема и вариации»; о близости поэзии этой музыкальной форме писал К. Браун [Brown, 1970, p. 96]. Выбранная в большинстве произведений жанра простая тема константна во всех вариациях и представляет неизменный звуковой остов, усложняющийся с помощью разных приемов в каждой вариации. В музыковедческом анализе тема обозначается буквой А, вариации – А с цифрой в зависимости от их хронологической последовательности. Формула типичной «темы и вариаций» выглядит следующим образом: А – А1 – А2 – А3 – А4. Этот метод анализа был использован при изучении архитектоники «Автоматических стихов», где главной темой, заданной в первом стихотворении, является нисхождение героя под землю: «*Путешественник спускается к центру земли*» (с. 315). Тему нисхождения героя отметим прописной буквой А. Дальнейшие стихи, где она возникает, обозначим буквой А с цифрой. Все найденные вариации представим в таблице, которую разделим на три столбца. В первом запишем номера вариаций и их название, во второй вставим стихи, иллюстрирующие вариацию, а в третьем представим описание вариаций.

Заключение

Тема падения, данная в первой миниатюре как добровольное схождение к центру земли и более не повторяющаяся в таком виде, близка понятию темы в произведении музыкальном. Вариационное развитие достигается благодаря изменениям героя (отшельник, Моцарт, утопленник, узник, статуя, Орфей), метаморфозам сюжета падения, варьируются мотивика и хронотоп (падение в пучину моря, неволя в подземной темнице, спуск в подвал, склеп, колодец, яму, гробницу). Меняться может и смысловая наполненность: спуск имеет как позитивный, мажорный смысл (постижение священных истин), так и минорный (смерть, уход в статичное состояние, окаменение). Причем и нижнее, и верхнее пространства могут быть бездной. Таким образом, можно отметить темавариационное развитие «Автоматических стихов» в следующей формуле: А – А1 – А2 – А3 – А4 – А5 – А6 – А7 – А8 – А9 – А10 – А11 – А12. Тема падения развита в двенадцати различных вариациях (см. таблицу); все они связаны между собой единой ситуацией нисхождения. Финальное стихотворение можно интерпретировать и как превращение героя в космический поток звуков, обретший свободу, и как падение в космическую бездну и исчезновение в разрушенной антимузыкальной вселенной.

Вариации книги «Автоматические стихи»
Variations of the book “Automatic poems”

Номер вариации и название	Примеры вариации	Описание вариации
A1. Утопленник	От счастья кидались вплавав матросы / Был летний день. Не трудно угадать / Почто бросались в океан матросы / Часы ныряли в бездну океана / И глубоко звенели под водой (с. 337). Боже мой как медленно в озеро / Падаёт Уперов дом / Как беззвучно бьется сердце Моцарта / Под толстым льдом (с. 340). Тихо воду качала вечность / Колесом шумела плотина / На закате сын человечий / Опускался в сизую тину (с. 370). Золотые дали. Спит туман / Осень в жёлтых листьях засыпает / Видно глубоко на дне воды / Исчезают там твои следы (с. 375). Утопленники голубых ветвей (с. 389).	Погружение под воду – познание своего бессознательного
A2. Сновидец	Из комнаты в комнату вхожу / И сон за мной / Моё пальто там в лунной тьме сутулится / Я падаю, оно за мной / <...> / Перу уснуть пора / Сирени рвались в вечность, <i>спят давно</i> / Со странною улыбкой мёртвых дев (с. 319). Глубже уснули на снежном рассвете / Страшные чёрные лица детей (с. 321). Сплю на рельсах курьерского поезда / Поезд <i>пройдёт во сне</i> / испугавшись цветов / <i>Опрокинет-ся в реку</i> (с. 329)]. Так долго ходила, на камень ложилась лицом / И тихо шепталась с холодным и мёртвым отцом / Потом засыпала / Вернувшийся с бала / Толкал её пьяной ногой (с. 332). Было тихо в Сахаре молчанья / <i>Всюду лежали мёртвые крылья</i> / Белые дальние замки / Остановили колокола / <...> / <i>Склонитесь в чёрные травы</i> / <i>Сните, умрите</i> / Так легче ждать (с. 345). <i>Лучше прямо на дно</i> / Отоспаться <i>во тьме</i> от врагов (с. 365). Звуки ночи, усталость – / Так падает ручка из рук / Так падают руки из рук / И сон встает / Так падают взоры в священные звуки разлук (с. 389). Высокий многотрубный / Собор поёт, увы, приди / Сонливость клонит / К чему бороться / Усни / Пади (с. 395).	Сновидение равнозначно уходу в иные измерения. Со сном связаны мотивы падения, спуска на дно смерти

Продолжение таблицы

Номер вариации и название	Примеры вариации	Описание вариации
А3. Падение с небес	Это и были Лериды / Высокие как окна соборов / Далёкие как солнце иных миров / Но зачем они опустились? (с. 321) Из жёлтого моря зари / Всё казалось ей: время настанет / Растворятся, раскроются бездны Голо- са поцелуют землю (с. 321). Луна играла серенады / На светло-голубом рояле / <...> / Но тот её ударил в спину / Кто больше всех боялся звуков / И смолк стеклянный лунный клоун / Истёк серебряною кровью / <i>И голова его скатилась</i> / За дальний чёрный низкий лес (с. 323). Я голос что спит в отдалённой планете / Я царь что живёт в отдалённой вселенной / И никто не слышит / Всё медленно дышит / Всё грезит на зимней заре / О царь / Что пел над болотом / И с каждым годом / Склонялся к земле (с. 323). Призраки в сферах молний / <...> / На высоких горах зари / Отдыхали они цари / Опускались потом к земле / Заползали в подвалы домов / Прячась в бездне подземных ходов / Засыпая на чёрных цепях / Не успевали запомнить (с. 350).	Падение с небес на землю знаменует не- возможность обрести покой, маркирован сим- воликой луны, планет
А4. Отшельник- книжник	Отшельник пел под хлороформом / Перед ним вращались стеклянные книги / Он был прикован золотою цепью / Ко дну вселенной (с. 328). Где отшельник нагой живёт / Он прикован цепью к вселенной (с. 334). Золотая рука часов / Разбудила отшельника в склепе / Он грустя потряс свою цепь <...> / Толь- ко бедный отшельник ослеп / Он покинул свой чёрный склеп (с. 335). На железной цепи ходит солнце в подвале / Где лежат огромные книги / В них открыты окна и двери / На иные миры и сны / Глубоко под склепом, в тюрьме / Под землёю служат обедно (с. 336).	Падший герой- отшельник связан с ми- ром тайн и сакральных знаний

Номер вариации и название	Примеры вариации	Описание вариации
	Тот кто лишается времени / Касается чёрной книги / Срыгается с круглой цепи / Наконец целует крест / Он спускается ниже и ниже / В отчаянии простых решений / По ту сторону возмездия и наказания / Прикасается к чаше Пилата / Проливая её над бездной / Омывая её грехи / Тихо, звёздно / В бездне кричат пелухи / Но мы глухи, но мы тихи / Мы читаем чёрную книгу (с. 341). Тихо книги в башне говорили: / Нас давно никто не раскрывает / Лишь отшельник под слоем пыли / Он всё то же Евангелие читает / Книги говорили на закате: / Спят в нас тайны города былые / И пути небесного огня (с. 368).	
А5. Падение	Я сегодня почувствовал жёсткий / Удар посередине сердца / Я сегодня спустился к чёрным / Безмятежным краям пустынь (с. 321). Колокол нежный, колокол белый / Звук золотой подает / Тёмное тело / Сможет упасть (с. 325). Но лукаво прятался страх / В прах / И устал возвратился дурак / Во мрак (с. 331). Мы отступали в горы от программы / Но ты упала в прорубь на лугу / Засыпанная летними цветами / Писала ты в испуге о признание / Что повторить я больше не могу / Я говорил: не быть воспоминаньям / Как и всегда там море на лугу (с. 337). Кости упавших домов / Согревались утренним солнцем / <...> / Здесь рок сияет / Я здесь в аду (с. 338). Страшно думать: мы опоздали / Мы бежали по чёрным предместьям / Попадая в двери глухие / В подземелья падали навзничь / А тем временем там хоронили / Там служили в башне обедню (с. 350). Он среди ночи / Будет блуждать / Дойдёт, проснётся / Поймёт, вернётся / С моста сорвётся / На дно колодца (с. 403).	Падение маркируется мотивами боли и смерти. Данная вариация является наиболее трагичной
А6. Звук или голос, звучащий из глубины	И со дна вселенной тихо льется / Звон первоначальной вечной боли (с. 330). Железо пения усталых / Звенело в глубине заката / Он пел из глубины природы / Но звук западал до смерти (с. 342).	Образ звука является одним из атрибутов личностного героя, а также

Продолжение таблицы

Номер вариации и название	Примеры вариации	Описание вариации
А7. Медуза Горгона	Были веки железных лиц / Склонены к пустыням страны / <i>Опускались звуки к земле / Прижились щекой ко льду / В подземельях далёко-далёко / Летали странные звуки</i> (с. 348). Лишь далёко и редко / Медленный нежный рождался звук / И тотчас склонялся / В мертвый испуг (с. 348). Только путались звуки, звонки за стеной раздавались / Всё спускалось на землю и звуки молчали в пыли (с. 367).	персонажем книги. Звуки возникают из глубины, их природа ассоциируется с темой смерти
	Страшно было это рождение камня – / На лету на вершине признанья / Нам являлось лицо бледно-синей Медузы / Рассвета / Было страшно следовать за рождением / <...> / За каменной ленью / Античных голов / Склоненных над теплою Летой / Все мы умерли здесь / Мы влюбленные в жизнь / Раздували лазурное пламя / Лазурных весенних / Ночных подземелий... (с. 339). Сумрак ночи – каменные руки / Протянуть к востоку свет обнять / Нет, луна как маска змеевая / Что-то шепчет: «Всё прошло, забудь» / Тихо, время, песня змеевая / Жалит каменную грудь (с. 339). И каменея, белея / Может быть мы отпустили / Руку прошедшую сны / Страшно под ликом Медузы (с. 340).	Мир противопоставлен герою-художнику; падение здесь можно трактовать в мифологическом смысле, как уход из царства живых в загробный мир*
А8. Ангел-Узник	На большой глубине / Где-то где-то / В смиренной рубашке / Во тьме, во сне / Безумное солнце – и камень / На сотни верст вокруг. / Безумно и глухо оно говорило во сне / Закованы ангелы в чёрные цепи (с. 352). Тяжёлый ангел в подземелье спал / Над ним закрыты сотни ворот / И сняты сотни железных лестниц (с. 358).	Падший Ангел представлен как творец, закованный в подземелье
А10. Подземный Христос	За безысходными толщами стен / Лежит золотая труба / Христос сидит на стуле / Он спит / С золотую трубою в руках / Христос проснётся (с. 341). В подземелье / Внизу глубоко / Христос на стуле / Он держит в руках весы спокойности (с. 360).	Христос – мудрец и Судия в заточении: эсхатологическое развитие сюжета

Окончание таблицы

Номер вариации и название	Примеры вариации	Описание вариации
A11. Падение в солярный, небесный, звёздный, лунный ад ^{**}	О как жестоко пространство / О как далёко до теплых Светлых лучей Плеяды – / Что это за зрелище? / Это картины звёздного ада (с. 352). Страшную дивную музыку слышу / Ведь я в раю / Перехожу в неподвижность (с. 357). В холодный день высоко птицы пели / Был в телескопе виден крест на солнце / В огне заката грешники хрипели / Скелет зари тихонько гладит солнце (с. 371). Смерть на солнце / Рок загоревшимся в бездне (с. 377). Падаю на солнце / Лечу и гасну (с. 385). Горячие органы ада / Спят в отраженных луны (с. 388).	Небо – бездна или ад, мир – сфера между двумя пропастями
A12. Орфей в Аду	Месяц в небо роги протянул / Братя, поцелуйтесь и умрите / Поцелуй и смерть – вся мудрость змия / Скоро час придёт и растворится / Дивный голос снежного Орфея (с. 380). Нежные весы / Снежные часы / Солнце светит, снег блестит не тая / На границе снега тихо ходит фея / В золотых лучах своих мечтая / Слышен голос снежного Орфея (с. 380). Царь святых привидений и фей / Спит на солнце снежный Орфей / А стеклянное время течёт отражаясь / И всё молчит (с. 381). Смеясь, таясь и побеждая страх. К какому-то пределу рвался он, / Где будет все понятно и ничтожно. И пел Орфей, сладчайший граммафон (с. 404) ^{***} .	Орфей в Аду, где тема Ада маркируется образами змия, холода, безмолвия, и отсылает к «Аду» Данте ^{****} .

* О мотиве окаменения как маркера темы смерти см.: [Компарелли, 2015, с. 97; Милькович, 2023, с. 131].

** Образ Солнца-Иуды в двух следующих друг за другом стихотворениях: «Солнце Иуды / <...> / Зачем тревожишь / Сирени сон / Понять не сможет / Иуду он / Иуду чуда / Звёздного блуда», «Если б оно рассказало / Девушка б наземь упала / Прокляло чудо / Солнца-Иуды / Дети, молчите / Вам знать не надо / Шутите, живите / И бойтесь ада» (с. 397, 398).

*** В модерне граммафон соотносится с мифами о Персефоне в Аиде и с Орфеем в Аду [Ямпольский, 2014]. Про миф о подземном граммафоне у Поппавского см.: [Кочеткова, 2010].

**** Об этих ассоциациях см.: [Милькович, 2023, с. 207].

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что «Автоматические стихи» являются экспериментальной книгой, принципы построения которой близки музыкальной технике, в чем поэт оказывается продолжателем традиции поэтов Серебряного века с их музыкально-поэтическими произведениями («Кубок метелей» А. Белого, «Темы и вариации» Б. Пастернака).

Список литературы

- Васина-Гроссман В. А.* Музыка и поэтическое слово: В 2 т. М.: Музыка, 1972. Т. 1. 151 с.
- Гервер Л. Л.* Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первые десятилетия XX века). М.: Индрик, 2001. 248 с.
- Ичин К.* Илья Зданевич – адресат стихов Б. Поплавского // ДАДА по-русски. Белград: Изд-во Белград. ун-та, 2013. С. 155–170.
- Кирвель Ч. С.* Философия. М.: Высш. шк., 2015. 741 с.
- Компарелли Р.* Лирика Б. Ю. Поплавского: мотивы, сюжеты, образы: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 194 с.
- Кочеткова О. С.* Миф об Орфее в творчестве Бориса Поплавского // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2010. № 1. С. 11–18.
- Лапаева Н. Б.* Борис Поплавский и сюрреализм: опыт автоматического письма // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы Всерос. конф. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2004. С. 284–290.
- Макарова С. А.* Музыкальность лирики как теоретико-литературная проблема: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 52 с.
- Мансков А. А.* Поэтика «Музыкальных новелл» С. Д. Кржижановского: интертекстуальный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 19 с.
- Милькович Н. С.* Три разговора о Поплавском. Белград: Изд-во Белград. ун-та, 2023. 233 с.
- Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. 638 с.
- Поплавский Б. Ю.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Книжница. Русский путь. Согласие, 2009. Т. 1. 560 с.
- Прадивлянная Л. Н.* Смыслообразующая функция эвфонических элементов в сюрреалистической поэзии // Науч. зап. БГПУ. 2019. № 18. С. 102–110.
- Рабинович В. Л.* Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 427 с.
- Соловьёва Е. Е.* «Музыкальный код» и «музыкальный экфрасис» // Stephanos. 2016. № 2. С. 119–128.
- Спасская Е. Л.* Семантика и структура образа в поэтических текстах французских сюрреалистов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 24 с.
- Сыроватко Л. В.* Русский сюрреализм Бориса Поплавского // Сыроватко Л. В. Культурный слой. Гуманитарные исследования: о стихах и стихотворцах. Калининград: Изд-во НЭТ, 2007. С. 51–85.
- Токарев Д. В.* «Между Индией и Гегелем». Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М.: НЛО, 2011. 352 с.
- Токарев Д. В.* «Гегель труден, но лучше, то есть ближе, не напишешь»: романы Бориса Поплавского как «гегелевский текст» русской литературы // НЛО. 2019. № 156. С. 41–59.
- Эткинд Е. Г.* Разговор о стихах. М.: Дет. лит., 1970. 242 с.

Ямпольский М. Подземный патефон (об одном мотиве в поэзии Марии Степановой) // НЛЮ. 2014. № 6 (130). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/130-2014/26191-podzemny-yupatefon-ob-odnom-motive-v-poezii-marii-stepanovoy.html> (дата обращения 10.01.2024).

Brown C. S. The Relations between Music and Literature as Field of Study // *Comparative Literature*. 1970. No. 2. P. 98–105.

Livak L. The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924–1927 // *The Slavic and East European Journal*. 2000. Vol. 44, no. 2. P. 177–194.

References

Brown C. S. The Relations between Music and Literature as Field of Study. *Comparative Literature*, 1970, no. 2, pp. 98–105.

Etkind E. G. *Razgovor o stikhakh* [Conversation about verses]. Moscow, Det. lit., 1970, 242 p.

Gerver L. L. *Muzyka i muzykal'naya mifologiya v tvorchestve russkikh poetov (per-vye desyatiletiya 20 veka)* [Music and music mythology in the oeuvre of Russian poets (first decades of 20th centuries)]. Moscow, Indrik, 2001, 248 p.

Ichin C. Il'ya Zdanevich – adresat stikhov B. Poplavskogo [Ilya Zdanevich – addressee of poems by Boris Poplavsky]. In: *DADA po-russki* [DADA in Russian]. Belgrade, Belgrad Univ. Publ., 2013, pp. 155–170.

Kirvel' Ch. S. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Vyssh. shk., 2015, 741 p.

Kochetkova O. S. Mif ob Orfee v tvorchestve Borisa Poplavskogo [Orpheus myth in creativity of Boris Poplavsky]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2010, no. 1, pp. 11–18.

Komparelli R. *Lirika B. Yu. Poplavskogo: motivy, syuzhety, obrazy* [Lyric by Boris Poplavsky: motives, plots, images]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2015, 194 p.

Lapaeva N. B. Boris Poplavskij i syurrealizm: opyt avtomaticheskogo pis'ma [Boris Poplavsky and surrealism: experience of automatic writing]. In: *Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti: materialy Vseross. konf.* [Russian literature: national development and regional properties. Materials of All-Russ. Conf.]. Ekaterinburg, UrSU, 2004, pp. 284–290.

Livak L. The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924–1927. *The Slavic and East European Journal*. 2000, vol. 44, no. 2, pp. 177–194.

Makarova S. A. *Muzykal'nost' liriki kak teoretiko-literaturnaya problema* [Musicality of lyric like theoretical and literature problem]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2018, 52 p.

Manskov A. A. *Poetika "Muzykal'nykh novell" S. D. Krzhizhanovskogo: intertekstual'nyy aspekt* [Poetic of "Music novells" by S. D. Krzhizhanovsky: intertextual aspect]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Barnaul, 2007, 19 p.

Mil'kovich N. S. *Tri razgovora o Poplavskom* [Three conversations about Poplavsky]. Belgrad, Belgrad Univ. Publ., 2023, 233 p.

Nazyvat' veshchi svoimi imenami: programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeyskoy literatury 20 veka [To call a spade a spade: program performances of masters of West European literature of 20th century]. Moscow, Progress, 1986, 638 p.

Poplavskiy B. Yu. *Sobranie sochineniy v 3 t.* [Complete works in 3 vols.]. Moscow, Knizhnitsa. Russkiy put'. Soglasie, 2009, vol. 1, 560 p.

Pradivlyannaya L. N. Smysloobrazuyushchaya funktsiya evfonicheskikh elementov v syurrealisticheskoy poezii [Meaning-forming function of euphonic elements in surre-

alistic poetry]. *Scientific works of BSPU. Series: Pedagogics*. 2019, no. 18, pp. 102–110.

Rabinovich V. L. *Alkhimiya kak fenomen srednevekovoy kul'tury* [Alchemy as the phenomenon of medieval culture]. Moscow, Nauka, 1979, 427 p.

Solov'eva E. E. "Muzykal'nyy kod" i "muzykal'nyy ekfrasis" ["Music code" and "music ekphrasis"]. *Stephanos*. 2016, no. 2, pp. 119–128.

Spasskaya E. L. *Semantika i struktura obraza v poeticheskikh tekstakh francuzskikh syurrealistov* [Semantic and structure of image in poetry of French surrealists]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1993, 24 p.

Syrovatko L. V. Russkiy syurrealizm Borisa Poplavskogo [Russian surrealism by Boris Poplavsky]. In: Syrovatko L. V. *Kul'turnyy sloy. Gumanitarnye issledovaniya: o stikhakh i stikhotvortsakh* [Culture layer. Humanitarian researches: about poems and poets]. Kaliningrad, Izd. NET, 2007, pp. 51–85.

Tokarev D. V. "Gegel' truden, no luchshe, to est' blizhe, ne napishesh'": romany Borisa Poplavskogo kak "gegelevskiy tekst" russkoy literatury ["Hegel is difficult, but you can't write better, or even closer": novels by Boris Poplavsky like "Hegel's" text of Russian literature]. *NLO*, 2019, no. 156, pp. 41–59.

Tokarev D. V. "Mezhdu Indiy i Gegelem". *Tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoy perspective* ["Between India and Hegel". The oeuvre of Boris Poplavsky in comparative perspective]. Moscow, NLO, 2011, 352 p.

Vasina-Grossman V. A. *Muzyka i poeticheskoe slovo: V 2 t.* [Music and poetical word: In 2 vols.]. Moscow, Muzyka, 1972, vol. 1, 151 p.

Yampol'skiy M. Podzemnyy patefon (ob odnom motive v poezii Marii Stepanovoy). [Underground gramophone. (About one motif in the poetry of Maria Stepanova)]. *New Literary Observer*. 2014, no. 6 (130). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/130-2014/26191-podzemnyypatefon-ob-odnom-motive-v-poezii-marii-stepanovoy.html> (accessed 10.01.2024).

Информация об авторах

Глеб Максимович Маматов, преподаватель кафедры филологии факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

Елена Викторовна Тырышкина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Gleb M. Mamatov, Lecturer, Department of Philology, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Elena V. Tyryshkina, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 19.01.2024;

одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 19.02.2024

The article was submitted on 19.01.2024;

approved after reviewing on 19.02.2024; accepted for publication on 19.02.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Научная статья

УДК 811.512.151

DOI 10.17223/18137083/89/12

**Коартикуляция по палатальности в алтайском языке
по данным УЗИ в динамическом аспекте**

Тимофей Владимирович Тимкин

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ttimkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9001-4729>

Аннотация

Статья рассматривает движение спинки языка в фонетических словах алтайского языка с целью определить характер коартикуляции по палатальности. Данные получены методом ультразвукового исследования, материалом послужил ряд односложных лексем структуры «взрывной – гласный – носовой». Аудиозапись, синхронизированная по времени с УЗИ-изображением, была сегментирована и аннотирована на основе слухового и акустического анализа. Далее была составлена временная развертка УЗИ-изображения, показывающая движение спинки языка в фонетическом слове. На основе развертки были вычислены коэффициенты, характеризующие подъем различных участков спинки языка в отдельные моменты, и описана временная динамика этих коэффициентов. Показано, что в мягкорядных словоформах в течение всего фонетического слова сохраняется подъем средней части спинки языка, придающий согласным палатализованный оттенок. В твердорядных словоформах со среднеязычным согласным подъем средней части спинки языка переходит на начало гласного, затем спинка опускается, создавая коартикуляционное движение.

Ключевые слова

алтайский язык, экспериментальная фонетика, УЗИ, коартикуляция, палатальность, палатализация, артикуляционные жесты

Для цитирования

Тимкин Т. В. Коартикуляция по палатальности в алтайском языке по данным УЗИ в динамическом аспекте // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 156–171. DOI 10.17223/18137083/89/12

© Тимкин Т. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 156–171

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 156–171

Palatal coarticulation in the Altai language according to ultrasound data in a dynamic aspect

Timofey V. Timkin

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ttimkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9001-4729>

Abstract

The paper explores the movement of the tongue dorsum in phonetic words of the Altai language. The data were collected using Articulate Instruments equipment and Articulate Assistant Advanced software, employing the ultrasound imaging technique. The focus was on several monosyllabic lexemes with a “plosive vowel nasal” structure. Every word was recorded three times in an isolated context. The audio recording, synchronized in time with the ultrasound image, was segmented and annotated based on auditory and acoustic analysis in the Praat program. The statistical analysis was performed using the R programming language. The dorsum movement was represented as a series of static frames at 10 ms intervals. The time-mapping approach was used to calculate the coefficients capturing the dorsum uplift at different time intervals, with time dynamics described as a bundle of contours for each phonetic word. The point coefficient was determined based on the highest dorsum point, indicating the elevated section of the dorsum. The height coefficient was calculated as a vertical coordinate of the highest point. These coefficients were used to determine dorsum distance from the articulation center, identify vowel row and openness, and recognize basic and additional palatal or velar articulation in consonants. The study found that in soft-type words, the dorsum uplift was consistent throughout the word, resulting in palatalized consonants. In hard-type words with dorsal consonants, the dorsum raise was limited to the beginning of the following vowel and then lowered, indicating coarticulation movement. The paper describes this process in terms of structural phonology and gestural theory.

Keywords

Altai language, experimental phonetics, ultrasound imaging, coarticulation, palatality, palatalization, articulatory gestures

For citation

Timkin T. V. Palatal coarticulation in the Altai language according to ultrasound data in a dynamic aspect. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 156–171. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/12

Введение

Настоящая работа посвящена попытке описания фрагмента фонетической системы алтайского языка с применением динамического подхода. Под динамическим подходом мы понимаем описание артикуляционных признаков в их временном развертывании и взаимодействии. Так, в работе [Kelso, 1986], основополагающей для данного подхода, сказано: The challenge of a dynamical approach is to identify and then lawfully relate macroscopic parameters (that operate on slow time scales) to the behavioral interactions among more microscopic articulatory components (that operate on faster time scales). <...> The issue then becomes less one of translating a “timeless” symbolic representation into space-time articulatory behavior, as it is one of relating dynamics that operate on different intrinsic time scales («Основная задача динамического подхода состоит в том, чтобы определить и затем логически соот-

нести макроскопические параметры (которые проявляются на длительных отрезках времени) с поведенческими взаимодействиями между более микроскопическими артикуляционными компонентами (которые реализуются на малых отрезках). <...> Таким образом, речь идет не столько о переводе “вневременного” символического представления в пространственно-временное артикуляционное поведение, сколько о соотношении показателей динамики, действующих на разных по своей природе временных масштабах» – перевод наш. – Т. Т.).

Динамический подход разрабатывается в качестве альтернативы классической сегментной фонетике, рассматривающей звуковую цепь как последовательность дискретных единиц. Безусловно, еще на этапе зарождения экспериментальной фонетики было осознано значение переходных артикуляций. Так, традиционно звук речи описывается как временная последовательность трех фаз: экскурсии, выдержки и рекурсии. Внутри фонетического слова рекурсия звука накладывается на экскурсию последующего звука, за счет чего создается переходная артикуляция. Однако на сегодняшний день общепринято, что даже такая модель чрезмерно упрощена: «...для реальной речи типичны глубокое переслаивание артикуляционных жестов соседних звуков и почти непрерывное изменение положения произносительных органов в пространстве речевого тракта» [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 64].

Вполне естественно, что в настоящее время в отечественной фонетике динамический аспект затрагивается больше в работах, основанных на акустических методиках, поскольку аудиофиксация звуковой волны подразумевает временное измерение. Работы по суперсегментной фонетике, в частности по интонации алтайского языка, которые активно ведутся в настоящее время, по своей природе носят динамический характер [Добрынина, 2023].

Консонантизм алтайского языка был описан М. Ч. Чумакаевой на основе таких методов, как дентопалатографию и рентгенографию. В алтайском языке существует явление сингармонизма, характерное для всех тюркских языков: качество гласных непервого слога детерминировано качеством гласного первого слога. Таким образом, в одном фонетическом слове могут сочетаться либо гласные переднего ряда, либо гласные непереднего ряда, что делит лексемы соответственно на мягкорядные и твердорядные. В свою очередь, согласные также испытывают влияние рядности гласного, и в мягкорядных словоформах употребляются особые настройки согласных, характеризующиеся продвижением средней части спинки языка к твердому нёбу. В соответствии с устоявшейся фонетической традицией, такие звуки могут быть названы палатализованными.

Однако в системе алтайского языка выделяются также среднеязычные согласные, для которых подъем средней части спинки языка является основной артикуляцией и которые реализуются как в твердорядных, так и в мягкорядных словоформах. Так, шумный ротовой среднеязычный [h] в работе М. Ч. Чумакаевой охарактеризован по активному органу как переднеязычно-среднеязычный, по пассивным органам – альвеолярно-постальвеолярно-переднетвердонёбный. В свою очередь, например, для фонемы [t] активным органом указана передняя часть спинки языка, а пассивным – лингвальная поверхность, альвеолы, а в мягкорядных словоформах – также передний участок передней части твердого нёба [Чумакаева, 1978].

Сравнение только этих характеристик показывает, насколько близки так называемые палатализованные и палатальные настройки и насколько сложной задачей является различить их инструментальными методами. В нашей работе [Рыжикова

и др., 2024] мы использовали методику ультразвукового исследования (УЗИ), чтобы показать различия между палатальными и палатализованными настройками в подсистеме носовых согласных. Настоящая работа основана на базе того же эксперимента, но привлекает данные по смычным согласным и включает элементы динамического подхода. Цель работы – описать на материале нескольких квазиомонимических пар коартикуляционное движение спинки языка в алтайских словоформах в его временном развертывании.

Материалы и методы

Исследование выполнено при помощи экспериментальной установки Articulate Instruments с участием одного диктора – носителя языка. Экспериментальный прибор включает в себя жесткий каркас-шлем, который надевается на голову информанта, и УЗИ-датчик, который закрепляется на каркасе и прижимается к горлу информанта между подбородком и гортанью. Ультразвуковое излучение позволяет получить сагиттальный срез ротовой полости и визуализировать контур языка. Параллельно с записью УЗИ при помощи миниатюрной видеокамеры, установленной на шлеме, фиксируется губная артикуляция. Звук в ходе эксперимента регистрируется при помощи петличного микрофона Røde SmartLav и звуковой карты Focusrite Scarlett. Данные записываются на компьютер при помощи программного обеспечения Articulate Assistant Advanced (AAA), поставляемого вместе с экспериментальной установкой¹.

Важнейшей частью эксперимента является процедура синхронизации, позволяющая соотнести УЗИ-данные, видео с камеры и аудиозапись в едином временном измерении. Без синхронизации было бы невозможно рассматривать в ходе эксперимента звуки в контексте фонетического слова. Однако данный механизм позволяет не ограничивать программу эксперимента статическими съемками, что характерно для классических методов – рентгена и статического МРТ, а рассматривать артикуляцию в ее временном течении.

Кадры УЗИ-записи поступают в компьютер из модуля обработки с постоянной частотой дискретизации, что позволяет установить временную метку на каждый кадр. Вместе с тем управляющий модуль генерирует краткий синхронизационный импульс, который при помощи специального устройства, входящего в состав установки, преобразуется в звуковой синхрокод. Синхрокод подается на отдельный вход звуковой карты и записывается параллельно с сигналом микрофона. Таким образом программное обеспечение в автоматическом режиме выравнивает звуковую и УЗИ-запись.

Микрофон и видеокамера подключаются соответственно к звуковой карте и карте видеозахвата не напрямую, а через специальный модуль синхронизации SyncBrightUp. В начале каждой записи прибор издает звуковой сигнал начала записи, который выводится на громкоговоритель также через модуль SyncBrightUp, переключая его этим в режим готовности. Поскольку звуковой сигнал естественным образом попадает на микрофон информанта, модуль синхронизации фиксирует момент начала записи и добавляет в изображение камеры специальную отметку в виде белого квадрата. Программа AAA соотносит звуковой сигнал

¹ Ultrasound Intraoral Imaging. URL: <http://www.articulateinstruments.com/ultrasoundimaging/> (дата обращения 01.08.2024).

в аудиозаписи и наличие белого квадрата в видеозаписи, что позволяет синхронизировать записи по времени.

Благодаря описанной технологии звучащая речь и ее визуализация в ААА корректно соотношены по времени.

Эксперимент был проведен с женщиной – носителем диалекта алтай-кижи. Испытуемая читала алтайские лексемы, напечатанные в традиционной алтайской орфографии и снабженные переводом на русский язык. Каждая лексема читалась изолированно и троекратно.

Графическая обработка УЗИ-изображений выполнялась в программе ААА при помощи методики сплайнов. Каждый сплайн представляет собой кривую линию, очерчивающую контур спинки языка. Движение языка во времени представляется как серия из статичных кадров (keyframe), отстоящих друг от друга на 10 мс. Сплаины каждого кадра независимы друг от друга.

Для определения положения языка использовалась полуавтоматическая методика. На первом этапе программа в автоматическом режиме проанализировала УЗИ-изображения и на основании светового контраста вычислила границу спинки языка. Далее все кадры исследуемых фонетических слов были в ручном режиме рассмотрены и перепроверены на предмет явно ошибочных значений, при которых сплайн отклоняется от видимого контура спинки языка. Там, где были обнаружены некорректные контуры, они были исправлены вручную на основании визуального анализа.

Далее сплайны были экспортированы для статистической обработки. Каждый сплайн был представлен как двумерные декартовы координаты 42 узловых точек, равномерно расположенных на его линии.

На следующем этапе аудиозаписи эксперимента были сегментированы и аннотированы при помощи программы Praat с использованием знаков Международного фонетического алфавита на основании слухового, спектрографического и осциллографического анализа². Результаты сегментации были экспортированы как последовательность меток времени, содержащих информацию о границах выделенных сегментов.

Статистическая обработка и визуализация производилась при помощи языка программирования R.

Общая база исследования составила 64 лексемы различного слогового строя. Однако в настоящей работе мы опираемся на подробный анализ ряда из 11 односложных лексем структуры «взрывной согласный – гласный – носовой согласный»: *күн* ‘день’, *кин* ‘пупок’, *јин* ‘содержимое кишок и желудка’, *тан* ‘рассвет’, *тун* ‘глохни’, *јун* ‘мой’, *јон* ‘народ’, *јен* ‘рукав’, *түн* ‘ночь’, *јун* ‘перья’, *тöн* ‘бугор’.

В работе используются знаки Международного фонетического алфавита, которые соответствуют следующим орфографическим обозначениям и знакам УУФТ:

- [cç] – орф. j, УУФТ h;
- [y] – орф. ü;
- [œ] – орф. ö;
- [ɔ] – орф. o.

² Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer. Version 6.1.17. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения 01.08.2024).

Результаты

1. Получение разверток УЗИ-изображения. На первом этапе исследования были получены временные развертки УЗИ-данных. Поскольку сегментация, выполненная в Praat, дает информацию о границах звуков, каждый кадр УЗИ можно соотнести с определенным звуком в исследуемом фонетическом слове. Это позволяет представить УЗИ-данные в виде временной развертки (раскадровки).

Покажем на рис. 1 развертку УЗИ начального фрагмента произнесения слова *jун* ‘мой!’, имеющего длительность 260 мс и охватывающего два первых звука фонетического слова: среднеязычный смычно-щелевой [с̥] и гласный [ʊ]. Рисунок разделен на ряд панелей, каждая из которых репрезентирует положение спинки языка в одну из фаз артикуляции, отстоящих на шаг 10 мс. Число на панели отмечает временную метку среза от начала фрагмента в секундах. Первый срез, отмеченный временной меткой 0, соответствует началу выдержки смычно-щелевого [с̥]. Панели со сплошными контурами соответствуют фонации звука [с̥]; панели с пунктирными контурами – произнесению [ʊ]. Граница звуков проходит по временной метке 150 мс. Последняя панель с временной меткой 260 мс соответствует концу фрагмента и обозначает контур спинки языка на границе между гласным [ʊ] и следующим за ним носовым [n].

На каждой панели положение спинки языка в данный момент времени обозначается синим контуром. Для удобства восприятия на каждой панели зеленой линией дублирован исходный контур, красной – конечный. Это упрощает определение того, как именно происходит движение от одной артикуляции к другой. Все панели графика выполнены в едином координатном пространстве. Оси *x* и *y* соответствуют горизонтальному и вертикальному положению точек языка так, что контур обрисовывает сагиттальную проекцию; лицо диктора ориентировано влево.

Развертка позволяет увидеть отдельные фазы коартикуляции между звуками [с̥] и [ʊ]. Так, на отрезке 0–100 мс спинка языка относительно малоподвижна и сохраняет свою форму. Очевидно, это можно соотнести с фазой выдержки смычного согласного. Начиная с отметки 100 мс, язык приходит в движение, реализуя размыкание смычки и переход ее в щель, при этом движение раскладывается на две фазы. На отрезке 100–120 мс передняя часть спинки языка начинает движение назад от нёба, однако средняя часть сохраняет свое положение. Далее на отрезке 120–140 мс назад уже движется всё тело языка. Щелевой компонент артикуляции, как следует из визуализации, не имеет устойчивой фазы, а реализуется в горизонтальном движении спинки языка в направлении от нёба. На точке 150 мс по акустическим данным фиксируется включение голосовых связок, граница щелевой артикуляции и начало фонации гласного. Однако граница звуков не изменяет принципиально характер артикуляционного движения: на отрезке 150–190 мс наблюдается движение спинки языка назад, к которому также добавляется сдвиг вверх. Только на отрезке 200–230 мс наблюдается относительно устойчивое сохранение положения языка, соответствующее артикуляции гласного. Далее на отрезке 240–260 мс наблюдается коартикуляционное движение, характеризующее уже приспособление к последующему согласному [n]. Спинка языка при этом опускается.

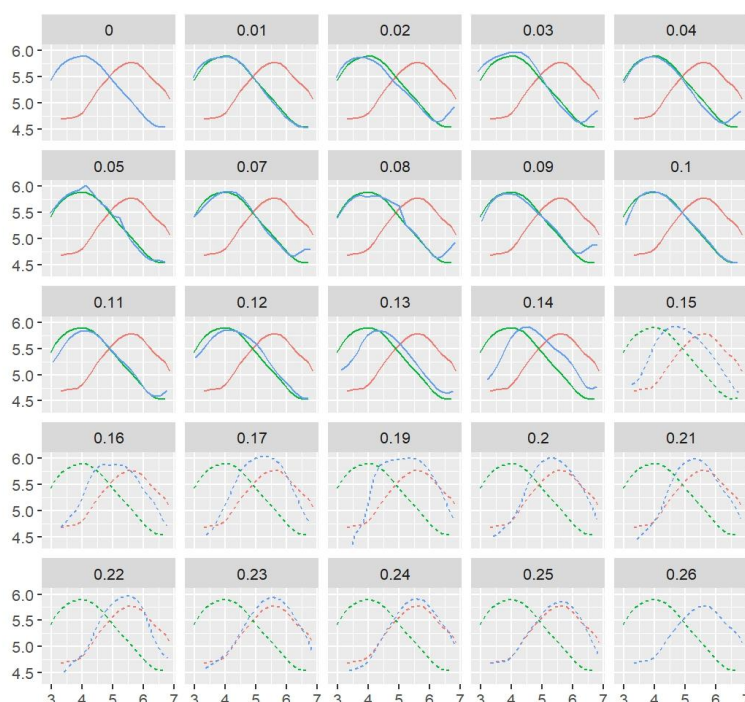

Рис. 1. Развертка УЗИ-записи фрагмента [с̌с̌о], выделенного из произнесения лексемы *jun* 'мой!': зеленая линия – начальный контур, синяя – фазы переходного движения; красная – конечный контур; сплошные линии – фазы артикуляции [с̌с̌]; пунктирные – фазы артикуляции [о]

Fig. 1. Time mapping of the ultrasound image of the speech section extracted from the lexeme *jun* 'wash!': green line – start shape; blue line – transition phases; red line – destination shape; solid lines – phases of [с̌с̌] articulation; ripple lines – phases of [о] articulation

К сожалению, УЗИ не дает качественного изображения кончика языка, и на приведенных графиках передний отрезок язычного контура усечен. Однако даже в усеченном виде можно наблюдать появление изгиба передней части спинки языка, которое косвенно свидетельствует об образовании переднеязычного фокуса артикуляции.

2. Вычисление показателей палатализации. Методика разверток позволяет покрупно рассмотреть, как одна артикуляционная настройка переходит в следующую. Но подобные развертки трудно поддаются обобщению, поэтому на следующем этапе работы необходимо выделить признаки, характеризующие артикуляцию так, что позволяют различить отдельные звуки и могут быть рассмотрены в динамическом аспекте.

В нашей работе [Рыжикова и др., 2024] для определения качества звука по данным УЗИ вычислялись место максимального сужения, которое должно соответствовать фокусу основной артикуляции, и величина сужения. Но у такого метода есть ряд ограничений. Прежде всего проблема заключается в том, что на УЗИ не отображается нёбо, поэтому о положении пассивного артикулятора

можно судить лишь по косвенным признакам. Второе ограничение связано с тем, что костная ткань нижней челюсти сужает обзор прибора, и на контурах не удалось зафиксировать такой важнейший артикулятор, как кончик языка.

В данной работе мы применяем несколько иную методику. Для определения палатальности мы используем такие характеристики, как точка наибольшего подъема и высота точки наибольшего подъема. Данные характеристики показывают, в какую сторону и насколько сдвигается спинка языка. Как мы проиллюстрируем ниже, эти характеристики позволяют определить наличие палатализованной настройки. Однако при статическом подходе необходимо выбрать, в какой временной точке определять артикуляцию. Для согласного наиболее репрезентативной точкой могла бы стать фаза наибольшего подъема, которая приходится на выдержку артикуляции. При этом для гласного фаза наивысшего подъема может попадать на границу с соседним согласным. По этой причине для гласного предпочтительнее использовать усреднение параметров по всей длительности.

Покажем на рис. 2 названные характеристики нескольких аллофонов, исследованных в ходе эксперимента. Каждая буквенная отметка обозначает данный звук в отдельной лексеме. Цвет отметки показывает, в какой лексеме записан звук: синие метки обозначают звуки в мягкорядных словоформах, красные – в твердорядных.

По горизонтальной оси отложена точка наивысшего подъема. Как указано выше, каждый сплайн представлен 42 точками. Однако точки на концах линии выходят за пределы язычного контура либо зоны обзора прибора, поэтому каждый сплайн обрезан от точки 8 до точки 30. В наших предыдущих работах мы рассматривали сплайн как линию, охватывающую весь контур языка. Однако следует признать, что такой подход не вполне корректен, поскольку кончик языка приходится на усеченную часть сплайна. Более точно рассматривать контур как отрезок, охватывающий только спинку языка таким образом, что точки 8–13 соответствуют передней части спинки языка, 14–19 – средней части, 20–24 – задней части; 24–30 – корню.

По вертикальной оси показана величина подъема наивысшей точки языка.

Приведенный график наглядно показывает движение спинки языка в отдельных артикуляциях. Так, параметр точки наивысшего подъема позволяет различить среднеязычные и заднеязычные настройки.

К первой группе относятся артикуляции с точкой наименьшего подъема менее 20 и высотой наивысшей точки более 5,8. Такие коэффициенты говорят о подъеме средней части спинки языка, т. е. о палатальной артикуляции. Сюда входят:

- гласные переднего ряда [i], [y], [e], [æ];
- мягкорядные реализации переднеязычных и заднеязычных согласных [t], [n], [k], [ŋ];
- реализации среднеязычного согласного [ç] как в твердорядных, так и в мягкорядных словоформах.

Ко второй группе относятся реализации с точкой наибольшего подъема более 20 и высотой наивысшей точки более 5,8. Такая конфигурация характерна для движения задней части спинки языка назад и вверх, что можно соотнести с веларной артикуляцией. Сюда входят:

- гласный заднего ряда верхнего подъема [u];
- твердорядные реализации заднеязычного согласного [ŋ].

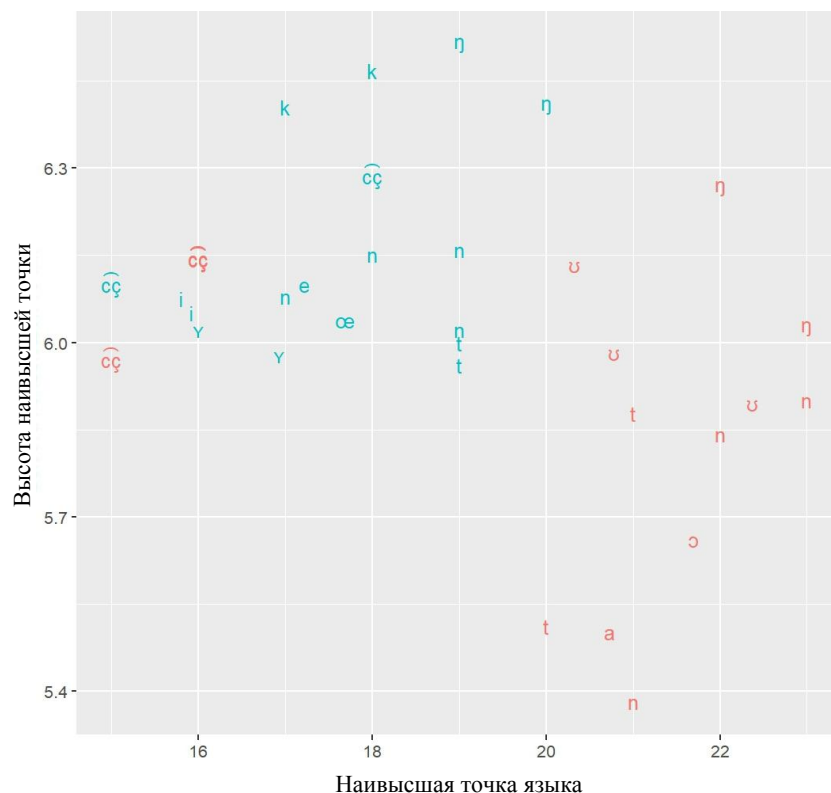

Рис. 2. Распределение язычных коэффициентов в выборке:
синие метки – в мягкорядных словоформах; красные метки – в твердорядных

Fig. 2. Tongue coefficient distribution in the sample data:
blue marks – front-vowel words; red marks – back-vowel words

Третья группа включает реализации с точкой наивысшего подъема более 20 и высотой наивысшей точки менее 5,8. Такая конфигурация означает движение задней части спинки языка вниз и назад. Сюда относятся:

- гласные заднего ряда неверхнего подъема [a] и [ɔ];
- твердорядные реализации переднеязычных согласных [t] и [n].

Что касается признака высоты наивысшей точки, то эта характеристика оказывается релевантной не сама по себе, а в сочетании с точкой наивысшего подъема. Если провести в каждую точку на графике вектор из условного центра артикуляционного пространства, оба признака в совокупности позволяют определить, насколько далеко смещается спинка языка от нейтрального положения.

Максимальное отстояние точки наивысшего подъема возможно в тех условиях, когда спинка языка касается нёба, образуя преграду, т. е. точка наивысшего подъема является фокусом основной артикуляции. Сюда относятся среднеязычный согласный [cɕ] и заднеязычные [k], [ŋ] независимо от того, в твердорядной или мягкорядной словоформе они были записаны.

Меньшее отстояние характеризует звуки, где спинка языка только смещается к пассивному артикулятору, но не достигает его. Это наблюдается для гласных,

а также для зубных согласных, для которых палатальный и велярный фокусы не являются основными фокусами артикуляции.

Также можно заметить, что для гласных степень отстояния также коррелирует с подъемом гласного: чем выше подъем, тем дальше положение наивысшей точки от центра. Так, в переднем ряду верхние гласные [i], [y] отличаются меньшей наивысшей точкой, т. е. сильнее удалены от центра, чем [e], [æ]. В заднем же ряду признак высоты наивысшей точки формирует градицию по подъему [a], [ɔ], [ʊ].

Таким образом, методика язычных коэффициентов позволяет разграничить отдельные типы артикуляций. Однако эти данные, в принципе, соотносятся с известными фактами и сами по себе не представляют большого интереса. Более важные данные можно получить, если совместить вычисление коэффициентов с построением УЗИ-разверток. Это позволяет рассмотреть палатальность в динамическом аспекте.

3. Построение контуров палатализации. В подпункте «Получение разверток УЗИ-изображения» мы показали, как применение развертки УЗИ-изображения позволяет кадр за кадром проследить переход от одной артикуляционной настройки к другой. В подпункте «Вычисление показателей палатализации» мы показали, как вычисление язычных коэффициентов на основании профиля УЗИ может разделить различные типы артикуляций. Совмещение данных принципов позволяет вычислить язычные коэффициенты на каждом кадре УЗИ-развертки, а затем составить динамические контуры артикуляции. Покажем на рис. 3 динамические контуры палатализации для одного произнесения лексемы *jʊn* ‘мой!’, развертка которого показана на рис. 1. Для наглядности контур совмещен с оциллограммой и спектрограммой сигнала. Нижний контур, подписанный меткой *point*, показывает точку наивысшего подъема, вычисленную способом, описанным в подпункте «Вычисление показателей палатализации», и характеризует смещение спинки языка по горизонтали. Верхний график, подписанный *height*, соответствует подъему наивысшей точки языка.

График позволяет увидеть движения языка, описанные в подпункте «Получение разверток УЗИ-изображения», но в более компактной форме. Так, мы наблюдаем, как после размыкания смычки спинка языка начинает движение назад (об этом свидетельствует нарастание параметра *point*), которое продолжается в течение артикуляции гласного до достижения целевой артикуляции конечного носового согласного. В течение реализации гласного спинка языка, судя по контуру параметра *height*, незначительно поднимается, а затем начинает опускаться, продолжая свое движение и в течение артикуляции согласного.

Если ориентироваться на границы признаков, выявленные во втором подпункте, то можно выделить границы палатального и велярного движения. Соответствующие границы показаны на рисунке прямоугольными маркерами.

Покажем для сопоставления на рис. 4, а, б, в контуры еще нескольких лексем, образующих ряд квазиомонимов.

Так, на рис. 4, б показаны контуры для произнесения лексемы *tʊn* ‘глохни!’. Видно, что всё фонетическое слово характеризуется подъемом задней части спинки языка, поскольку точка наивысшего подъема лежит выше отметки 20. Задняя часть спинки языка поднимается в течение длительности звука [t] в сторону велярной артикуляции и достигает наивысшей точки в середине произнесения звука [ʊ], затем начинает движение вниз, которое переходит в устойчивую артикуляцию звука [n].

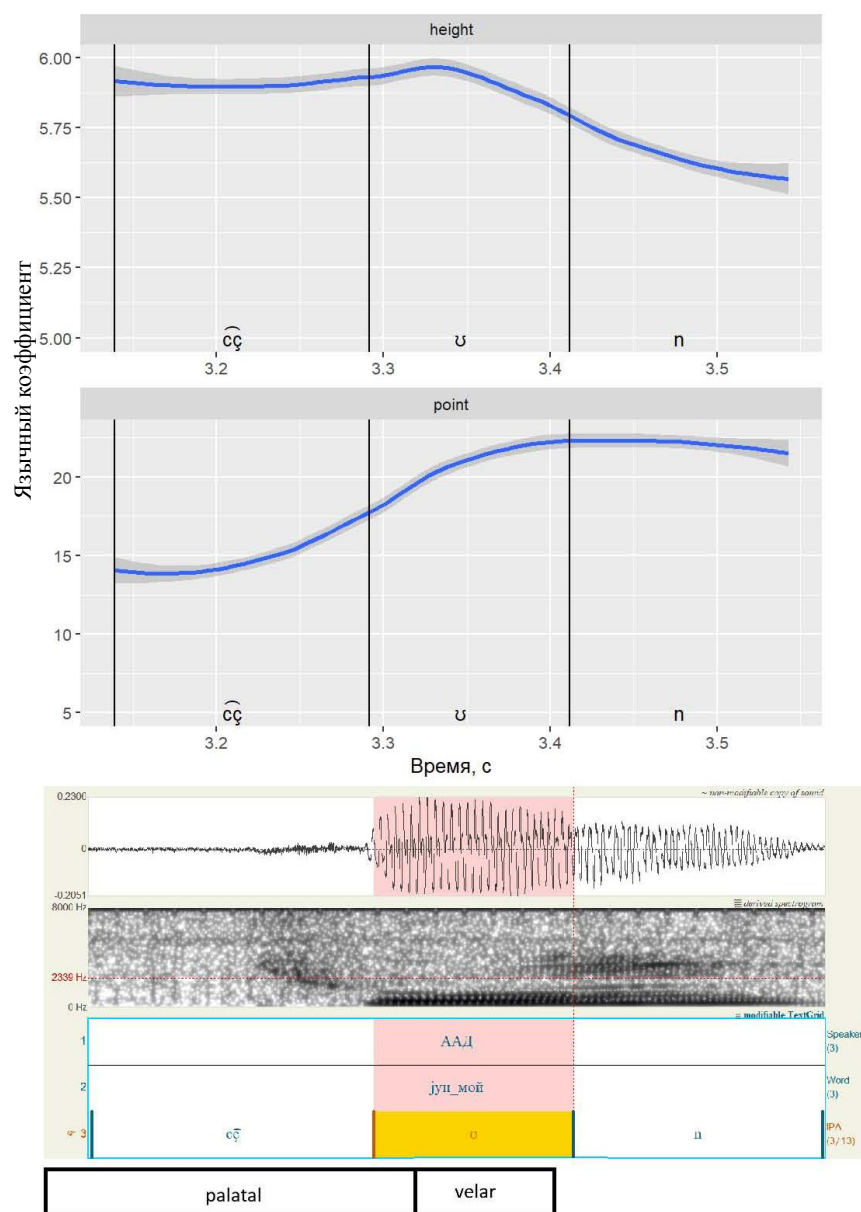

Рис. 3. Спектрограмма, осциллограмма и контуры язычных коэффициентов для лексемы *jun* 'мой!'

Fig. 3. Spectrogram, waveform, and tongue coefficients for the lexeme *jun* 'wash!'

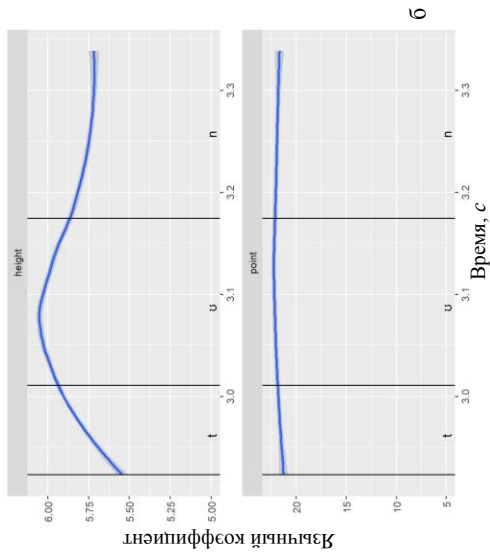
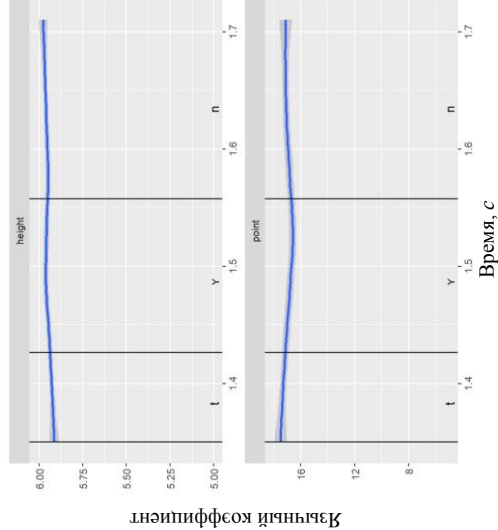
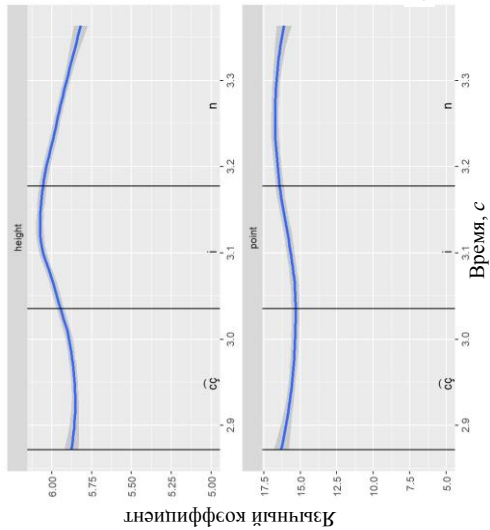

Рис. 4. Контуры язычных коэффициентов в произнесении лексем:
а – jin 'содержимое кишок и желудка',
б – mun 'глухни'; e – mʉn 'ночь'

Fig. 4. Tongue coefficient contours for the realizations of the lexemes:
a – jin 'stomach contents',
b – mun 'go deaf'; e – mʉn 'night'

На рис. 4, в показаны аналогичные контуры для лексемы *түн* ‘ночь’. Точка наивысшего подъема на всей длительности фонетического слова составляет менее 20, а величина подъема более 5,8, что говорит о наличии палатальной артикуляции. Пик палатальной артикуляции приходится на середину гласного, поскольку в данной точке отстояние спинки языка от артикуляционного центра максимально.

Похожим образом в произнесении лексемы *јин* ‘содержимое кишок и желудка’ (рис. 4, а) палатальная артикуляция охватывает всё фонетическое слово, однако в данном произнесении максимум палатальности приходится не на середину гласного, а на границу между палатальным согласным и гласным.

Построение подобных контуров позволяет выявить границы палатальной и веларной артикуляции, и мы можем наконец перейти к обобщающей схеме.

На рис. 5 приведены динамические артикуляционные схемы для лексем, проанализированных в ходе эксперимента.

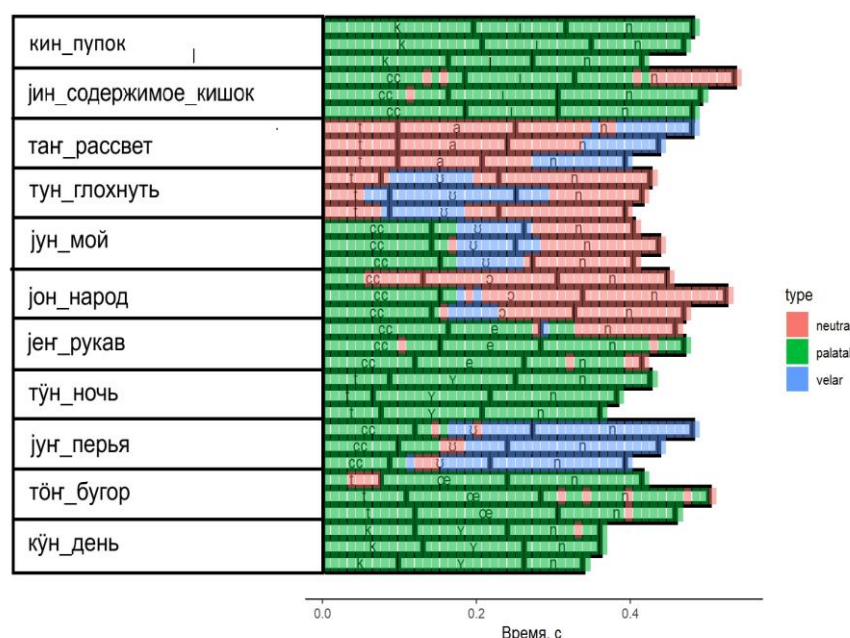

Рис. 5. Динамические схемы артикуляции для исследованных лексем
Fig. 5. Dynamic articulation score for the investigated lexemes

В каждой схеме отдельной строчкой обозначается фонетическое слово (всего таких строчек 33, поскольку каждая из 11 исследованных лексем анализировалась в трехкратном произношении). Строчка на схеме состоит из прямоугольных блоков, каждый из которых обозначает один звук. Границы звука определены на основании акустических данных. Внутри каждого блока подписана транскрипция данного звукового сегмента. Высота блока фиксирована, а ширина обозначает длительность. Для оценки временного масштаба внизу схемы приводится времен-

ная шкала. Время отсчитывается от начала фонетического слова, поэтому все строчки схемы имеют начальную точку 0 и разную конечную точку в зависимости от длительности фонетического слова.

Цветные клетки, заполняющие строчки схемы обозначают тип артикуляционного движения, выделенный на основании язычных индексов, описанных в подпунктах 2 и 3 данного раздела. Ширина клетки соответствует шагу 10 мс. Зеленая заливка обозначает палатальную конфигурацию, которая характеризуется подъемом средней части спинки языка. Голубой цвет показывает велярную настройку, которая характеризуется подъемом задней части спинки языка. Розовый оттенок показывает артикуляции, которые не могут быть отнесены ни к одному из данных типов. Можно заметить отдельные вкрапления розовых отметок сплошными зонами, что вызвано случайными колебаниями параметров в пограничных зонах.

Мы наблюдаем, что границы отдельных артикуляционных движений не совпадают с границами звуков. Таким образом, динамическая схема показывает зоны переходных артикуляций и характер артикуляционных настроек в них.

4. Характер палатализации по данным динамического ультразвукового исследования. Анализ динамических схем позволяет прийти к следующим выводам.

1. Мягкорядные словоформы произносятся с палатальной артикуляцией, охватывающей всё фонетическое слово: и инициальный согласный, и гласный, и финальный согласный. Подъем средней части спинки языка в таких формах сохраняется на протяжении всей длительности слова и не вызывает переходных артикуляций на границе гласного.

2. Твердорядные словоформы, не включающие среднеязычный согласный, произносятся без палатальной настройки: язык занимает нейтральное положение, либо его задняя часть поднимается к мягкому нёбу.

3. Согласный [сʃ] всегда имеет палатальную артикуляцию, даже в твердорядных словоформах, причем качество этой артикуляции не зависит от рядности гласного. В случае если среднеязычный согласный предшествует гласному заднего ряда, палатальность переходит на гласный и только затем исчезает, вызывая переходную артикуляцию и придавая гласному характер дифтонгоида. При этом финальный согласный не охватывается палатализацией.

Обсуждение и выводы

Настоящая работа преследовала цель описать на примере нескольких квазиомонимических лексем процесс коартикуляции по палатальности с использованием методики УЗИ. Для этого мы построили временные развертки изображения, где каждый шаг артикуляционного движения был представлен отдельным статичным кадром. Далее для каждого кадра были вычислены метрики, характеризующие положение спинки языка в соответствующий момент времени.

Из традиционных описаний известно, что палатальная артикуляция в алтайском языке представлена в двух вариантах:

1) в словоформах с гласным переднего ряда губные и переднеязычные согласные приобретают дополнительную артикуляцию – палатализацию, а у заднеязычных согласных модифицируется место образования;

2) основная палатальная артикуляция (палатальность) характеризует среднеязычные согласные.

Привлечение динамического аспекта позволяет понять, как эти артикуляции функционируют в контексте фонетического слова. Как показывают наши данные, механизм палатализации заключается в том, что подъем средней части спинки языка, характерный для гласных переднего ряда, распространяется на всё фонетическое слово, образуя дополнительный фокус артикуляции согласных. Напротив, палатальная артикуляция среднеязычного согласного не распространяется на фонетическое слово, а затрагивает только контактный гласный, образуя на его границе переходную артикуляцию.

Естественно, данные явления могут быть описаны в терминах традиционной структурной фонологии. В соответствии с этими принципами мы должны постулировать для согласных фонем алтайского языка два основных аллофона: твердо-рядный и мягкорядный. Причем если для переднеязычных различие заключается в наличии дополнительного подъема средней части спинки языка, то для заднеязычных меняется фокус основной артикуляции.

Непередние гласные, согласно этой модели, также реализуются в различных оттенках. После среднеязычного согласного гласные представлены в дифтонгоидных оттенках с упрежденной начальной фазой.

Однако мы полагаем, что структурный подход в данном случае имеет ряд ограничений. Дальнейшие исследования на основе данных УЗИ неизбежно приведут к обнаружению более сложных паттернов коартикуляции, и сведение их к дистрибуции статических аллофонов не может вполне выявить специфику артикуляционного движения. Внедрение динамического подхода в фонетические исследования требует не только современных приборов и программных средств, но и совершенствования теоретической базы.

Мы полагаем, что в этом отношении продуктивным может оказаться модель артикуляционных жестов, разрабатываемая отдельными научными школами [Browman, Goldstein, 1989].

Согласно этой концепции, каждый сегмент речевой цепи реализуется при взаимодействии особых типовых моторных программ – артикуляционных жестов. Каждый жест имеет начало и конец и характеризуется целевой артикуляцией, которая должна быть достигнута в течение длительности жеста. Коартикуляция трактуется как наложение жестов во времени.

В первом приближении можно утверждать, что для алтайского языка существует палатальный жест, целевой артикуляцией которого является подъем средней части спинки языка к твердому нёбу. Палатальный жест характерен для гласных переднего ряда, а также для среднеязычных согласных. Однако палатальный жест гласного имеет границы, совпадающие с границей фонетического слова, тогда как палатальный жест согласного ограничивается длительностью самого согласного. Таким образом, палатальность гласного распространяется на согласные, придавая им дополнительную артикуляцию, а палатальность согласного распространяется только на контактные гласные, что порождает коартикуляционное движение на границе гласного и его дифтонгизацию.

Список литературы

Добрынина А. А. Интонация простых интеррогативных высказываний в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (48). С. 9–15.

Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.

Рыжикова Т. Р., Тимкин Т. В., Добрынина А. А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2024. № 88. С. 92–110.

Чумакаева М. Ч. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1978. 234 с.

Browman C. P., Goldstein L. Articulatory gestures as phonological units // *Phonology*. 1989. Vol. 6, no. 2. P. 201–251.

Kelso J. A. S. The dynamical perspective on speech production: data and theory // *Journal of Phonetics*. 1986. Vol. 14, iss. 1. P. 29–59.

References

Browman C. P., Goldstein L. Articulatory gestures as phonological units. *Phonology*. 1989, vol. 6, no. 2, pp. 201–251.

Chumakaeva M. Ch. Soglasnye altayskogo yazyka (na osnove eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy) [Consonants of the Altai language (on the basis of experimental-phonetic studies)]. Gorno-Altaysk, Alt. kn. izd., 1978, 234 p

Dobrynina A. A. Intonatsiya prostykh interrogativnykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke [Intonation of simple interrogative statements in the Altai language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (48), pp. 9–15. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-9-15

Kelso J. A. S. The dynamical perspective on speech production: data and theory. *Journal of Phonetics*. 1986, vol. 14, iss. 1, pp. 29–59.

Kodzasov S. V. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, RSUH, 2001, 592 p.

Ryzhikova T. R., Timkin T. V., Dobrynina A. A. Yazychnye nosovye soglasnye altayskogo yazyka (rezul'taty elektropalatograficheskogo i ul'trazvukovogo issledovaniya) [Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasonic research)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2024, no. 88, pp. 92–110. DOI 10.17223/19986645/88/5

Информация об авторах

Тимофей Владимирович Тимкин, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Timofey V Timkin, Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 21.06.2024;

одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 08.07.2024

The article was submitted on 21.06.2024;

approved after reviewing on 08.07.2024; accepted for publication on 08.07.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

Научная статья

УДК 811.511.1

DOI 10.17223/18137083/89/13

**Номинация растений
по признаку сходства с другими растениями
в финно-пермских языках**

Игорь Вадимович Бродский

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
kodima@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6267-9819>

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена номинации растений, основанной на сходстве с другими растениями, в финно-пермских языках – одной из ветвей финно-угорских языков. Всего рассматривается более ста сложных народных фитонимов, состоящих из двух или трех компонентов и относящихся в основном к травянистым растениям. Названия растений, с которыми производится сравнение, всегда занимают в сложных названиях последнее место, так как между компонентами сложных финно-угорских фитонимов почти всегда присутствует подчинительная связь. Некоторые модели номинации общие для двух или нескольких языков, что позволяет предположить их древнее происхождение. Результаты изучения номинации растений имеют значение для лексикологии, истории распространения знаний о флоре, общей истории земледелия и др.

Ключевые слова

финно-угорские языки, финно-пермские языки, лексика, фитонимы, лексическая номинация, номинация растений, ива, горох, хвощ

Благодарности

Данная работа выполнена при финансовой поддержке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в рамках проекта «Финно-угорская фитонимия. Сравнительное исследование», получившее поддержку по итогам Конкурса на выполнение перспективных фундаментальных научно-исследовательских работ молодыми учеными РГПУ им. А. И. Герцена 2021 г.

Для цитирования

Бродский И. В. Номинация растений по признаку сходства с другими растениями в финно-пермских языках // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 172–185. DOI 10.17223/18137083/89/13

© Бродский И. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 172–185

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 172–185

Plants nomination based on their similarity to other plants in the Finno-Permic languages

Igor V. Brodsky

The A. Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

kodima@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6267-9819>

Abstract

Phytonymy, an important part of the nominal vocabulary, is a subject of study that has significance in linguistics and other disciplines such as history and ethnography. This paper examines the nomination of plants by comparing them with other plant names from the vocabulary of Finno-Permic languages. The aim is to describe how the folk names of a plant are nominated based on their similarity to other plants by analyzing common nomination patterns in related languages and examining various aspects of the nomination process. The data were taken from various lexicographic sources, monographs, and articles. In total, more than a hundred folk phytonyms were considered. These are complex nouns comprising two or three components connected by a subordinating conjunction. The plant name to which the nomination object is compared takes the last place in such phytonyms. The names under consideration were found to be produced mostly based on two main attributes: resemblance to another plant and an additional characteristic such as color, habitat, growth period, taste, or fragrance. Flora vocabulary was studied mainly by descriptive methods, with component and semantic analysis approaches used in some cases. In the Finno-Permic languages, plant nomination based on similarity with another plant is less prevalent compared to nominations based on other features. We believe that it is due to the late origin of this intricate form of nomination that has led to its separate development in each language. Several plants, such as willow, peas, anemone, and horsetail, are particularly prevalent as objects of comparison.

Keywords

Finno-Ugric languages, Finno-Permic languages, vocabulary, phytonyms, lexical nomination, plants nomination, willow, peas, horsetail

Acknowledgments

This research was supported by the Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen within the framework of the project “Finno-Ugric phytonymy. Comparative Study.” The support was granted based on the outcomes of the 2021 Competition for the Implementation of Promising Fundamental Research Works by Young Scientists of the Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen

For citation

Brodsky I. V. Plants nomination based on their similarity to other plants in the Finno-Permic languages. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 172–185. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/13

В финно-пермских языках распространены сложные названия растений, последний компонент которых сам представляет собой фитоним, обозначающий как отдельное растение, так и его разновидности. Мы рассматриваем такие названия как продукты номинации растений по признаку сходства с иным растением.

Фитонимия – значительная по объему тематическая группа именной лексики. Большинство названий растений, особенно сложных по форме, образовались в результате номинации по какому-либо существенному признаку (цвет, место произрастания, время произрастания, лекарственность, сходство части растения

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4

с каким-либо предметом быта и др.). В данной работе, в числе других подобных исследований автора, изучается именно номинация по признаку, результатом которой является сложное название растения.

Признак сходства с другим растением лежит в основе номинации всех рассматриваемых ниже фитонимов; носителем этого признака является последний компонент сложного слова, сам по себе представляющий собой фитоним. Сходство при этом может иметь разную природу: либо внешнее, либо по наличию хозяйственного, пищевого или другого применения. Эти названия растений обычно относятся к травянистым растениям, реже к кустарникам, а также к грибам. В современной биологической классификации грибы к растениям не относятся, однако принципы их номинации не отличаются от таковых у растений и потому позволяют рассматривать представителей этих двух царств живой природы вместе.

В данной работе явление номинации растений по признаку сходства с другим растением рассматривается на материале финно-пермских языков – одной из двух крупных ветвей финно-угорских языков. Угорские и саамские лексические данные не привлекаются нами в связи с преимущественным проживанием саамов и обских угров в природно-климатических зонах, отличающихся по составу флоры от финно-пермского ареала.

Количество финно-пермских названий растений, номинация которых основана на сходстве с другими растениями, достаточно велико, поэтому в данной статье мы рассматриваем только часть такого лексического материала. Работа делится на две части: в первой рассматривается, на каком именно типе сходства основывается сравнение растений в их названиях; во второй дается ряд примеров фитонимов-определяемых компонентов в составе сложных названий растений. Названия растений, с которыми производится сравнение, всегда закономерно занимают последнее место в сложных фитонимах.

Строго говоря, рассмотренные ниже названия являются продуктами номинации растений по двум признакам, а носителем второго признака (например, цвета, места произрастания, вкуса, запаха) становится первый, определяющий компонент. При этом встречаются и трехкомпонентные фитонимы, например, *фин.* *valko*||*pää*||*apilas* или *эст.* *must härja*||*pea*; при этом под компонентами мы понимаем отдельные лексемы в составе композитных названий. Нельзя не отметить, что номинация по признаку сходства с другим растением характерна в большей степени для прибалтийско-финских языков. За пределами этой языковой ветви ее примеры редки, хотя и встречаются практически во всех финно-угорских языках. Какой-либо статистики по частотности участия того или иного признака в номинации растений в определенном языке или языковой ветви в настоящее время нет по ряду причин. В частности, количество народных фитонимов, имеющих в нашем распоряжении, постоянно увеличивается.

Автор данной работы концентрируется именно на исследовании номинации растения по признаку. Иные вопросы, в том числе проблемы родовидовых отношений в сложных (составных) фитонимах, нами не рассматриваются.

При написании данной статьи использовалось большое число различных печатных источников (только лексикографических – более сорока изданий). Автор ссылается в тексте на конкретный источник лишь в ряде случаев, например, при указании на наиболее раннюю фиксацию фитонима в лексикографическом источнике либо при указании на альтернативный или менее известный лексикографический источник. Важнейшие работы, ставшие источником лексики для работы, –

это различные словари (фитонимические, диалектные): (Анненков, 1878; ССКГ, 2009; KKS, 1968–2005; MW, 1990; Suhonen, 1936; Vilbaste, 1993). Происхождение фитонимов уточнялось, в частности, по этимологическим словарям: (Лыткин, Гуляев, 1970; SSA, 1992–2000).

Во всех случаях мы сохраняем транскрипцию источника.

В большинстве случаев сравнение с другим растением присутствует при номинации тогда, когда имеется внешнее сходство всего растения либо его части, например цветка, листа, с другим растением. Вторым признаком номинации, носителем которого является первый компонент сложного фитонима, может определяться различными факторами. Получившиеся названия могут относиться и к отдельному виду растения, общее название которого выражено последним компонентом фитонима. В любом случае сравнение одного вида с другим основано на каких-либо существенных признаках – сходных либо различных.

При рассмотрении названий со вторым компонентом, имеющим значение ‘ива’, выясняется, что большинство этих названий относится к деревьям и кустарникам. Некоторые из них относятся по большей части к различным видам ивы, которых в финно-пермском ареале насчитывается немало. Например, свидина кроваво-красная (*эст. rüpane paju*, букв. ‘красная ива’) в зимний безлистный период вообще с трудом отличается неподготовленным человеком от ивы пурпурной: цвет их молодых ветвей одинаков. Очень схож внешне с кустарниковыми ивами хемадафне (болотный мирт), ср., например, его названия, основанные на таком сходстве: *фин. hanhen||paju*, букв. ‘гусиная ива’, или *эст. soo||paju*, букв. ‘болотная ива’. Здесь роль сходства растений в номинации несомненна. Но среди растений с названиями, основанными на сходстве с ивой, встречаются и травянистые растения, имеющие длинные стебли и (или) листья, напоминающие листья ивы. Например, листья горца земноводного (*эст. põld||paju*, букв. ‘полевая ива’) по цвету и форме напоминают ивовые. Но не все случаи номинации могут быть удовлетворительно объяснены: так, например, ни одна морфологическая часть сабельника болотного (*фин. hanhen||paju*, букв. ‘гусиная ива’) внешне не напоминает иву.

Модели номинации растений, основанной на сходстве с ивой, лежат в основе целого ряда сложных фитонимов в разных финно-пермских языках. Такова, в частности, модель ‘белая ива’, представленная в целом ряде языков: *фин. valko||paju* ‘ветла, ива белая’, также *valkeja pajju* [Коппалева, 2007, с. 276]; *эст. valge||paju*, *valge||pajus*, *valge||pao* ‘ива козья’, ‘ива трехтычинковая’; *вод. valka||paju* ‘ветла, ива белая’; *эрз. ашо каль* ‘ветла, ива белая’; *мокш. akša kal* ‘ива’. Все эти названия, по-видимому, не имеют отношения к номенклатурному латинскому *Salix alba*, а модель номинации имеет древнее происхождение. Прибалтийско-финские фитонимы можно сравнить и с *лит. balt||karklis* ‘ива белая’, букв. ‘белая ива’ (также *лит. baltoji blindė* ‘ива белая’, букв. ‘белая ракета’), построенном на идентичной структурно-семантической модели.

Первым компонентом в фитонимах этого ряда выступает прилагательное со значением ‘белый’. Подобных моделей в финно-пермских языках немало. Например, модель номинации ‘черная ольха’ также функционирует в целом ряде языков и относится к одному и тому же растению: *эст. must lepp* ‘ольха черная’; *лив. mustaa||lieppaa* ‘ольха черная’; *мар. шем||нёлпö* ‘ольха черная’; *удм. съöd лул||лу* ‘ольха черная’. Происхождение эстонского и ливского названий может быть и результатом калькирования балтийских фитонимов, ср. *латышск. meln||*

alksnis и *лут. juod||alksnis* ‘олуха черная’, букв. ‘черная олуха’. В качестве последнего компонента здесь также выступает название дерева (‘олуха’).

Подобные модели номинации, конечно, чаще всего присутствуют лишь в одном языке; в некоторых редких случаях их можно встретить в нескольких родственных языках, например, *фин. suo||kuusi* ‘хвош болотный’ и *эст. soo||kuusk, soo||kuus, soo||kuused* ‘ель’, ‘мытник болотный’, ‘хвош болотный’, букв. ‘болотная ель’; *фин. vesi||ruusu* ‘калужница болотная’, ‘сабельник болотный’, ‘манжетка’ и *эст. vesi||roos, vesi||roosi, vesi||roosid, vesi||ruus, vee||roos, vee||ruus* ‘кувшинка’, букв. ‘водяная роза’. Присутствие модели в родственных языках встречается намного реже и является весьма показательным: «В случае... устойчивости и повторяемости определенной семантической модели для выражения определенного понятия наблюдаются многочисленные типологические схождения даже между языками различных лингвистических групп» [Меркулова, 1967, с. 242]. Существование такой модели номинации прослеживается на историческую глубину и позволяет предположить ее древнее происхождение.

Признак цветности является заметным определяющим фактором в номинации некоторых ягодных растений. Ярким примером являются названия смородины:

1) черной – *фин. musta||herukka* с фонетическими вариантами, *musta||viini||marja*; *ижор. musta||siehtarlain*; *эст. must sitik, must sõstar* с фонетическими вариантами; *вод. tuus sõssõr*; *эрз. раужо шукишторов*; *моки. равжа шукишторукс*; *мар. шем||шоптыр*;

2) красной – *фин. puna||herukka, punainen herukka*; *puna||marja||pehko* [Копалева, 2007, с. 265], *ижор. punain||siehtarlain*; *эст. punane sitik, punane sõstar* с фонетическими вариантами; *вод. kaunis sõssõr*; *моки. якстере шукишторов*; *мар. йошкар||шоптыр (Г. якишар||шантыр)*; *коми гөрд||сэтөр*

В этих названиях в качестве определяющих компонентов выступают прилагательные со значением цвета (‘черный’, ‘красный’), а в качестве последнего компонента – общее название смородины, если оно имеется в данном языке. Точно так же происходит номинация разновидностей смородины во многих неродственных языках, например, в русском.

Окраска часто выступает признаком номинации и грибов: в этом случае всегда имеется в виду цвет шляпки гриба, например, *удм. съд нин||зуби* ‘груздь черный’, букв. ‘черный груздь’ или *лыз шыргуби* ‘сыроежка синяя’, букв. ‘синяя сыроежка’ – здесь в качестве определяемого компонента выступает общее родовое название гриба.

Кроме цветности в качестве важного дополнительного признака номинации может выступать внешнее сходство частей растений – листьев, плодов, стеблей и др., а также специфических качеств этих частей. Определения в таких сложных названиях очень разнообразны: *фин. hento||korte* ‘хвош камышовый’, букв. ‘хрупкий хвош’, *jauho||puola, jauho||puolukka, jauho||puolain* ‘толокнянка’, букв. ‘мучная брусника’, *моки. оржа лопа каль* ‘верба’, букв. ‘ива с острыми листьями’, *панжси нярьхамаз* ‘чернобыльник’, букв. ‘цветущая полынь’; *удм. ниж-няж кызь||ну* ‘береза плакучая’, букв. ‘береза с длинными тонкими (опущенными) ветвями’; *коми перм. кыз||рыжык* ‘гриб рыжик боровой (сосновый)’, букв. ‘толстый рыжик’. Камышовый хвош, не имеющий отростков стебля, жесток и хрупок за пределами периода вегетации, что и отражено в его финском названии. Толокнянка внешне настолько схожа с брусникой, что неопытный человек может перепутать эти растения, но плоды толокнянки несъедобны: они мучнисты и лишены вкуса (см. финское название). Листья вербы – удлинённые, с заостренными кон-

цами: отсюда ее название в мокшанском языке. Название чернобыльника в этом языке основано на близком сходстве этого растения и полыни; у этих растений заметно различается только цвет стебля и мелких цветков – по-видимому, у чернобыльника они заметнее. Ветви плакучей березы (удм. *ниж-няж кызь||пу*), действительно, повисшие, а сосновый (или полукрасный) рыжик обладает утолщенной ножкой: особенно это заметно в ее нижней части.

Ягоды водяники (фин. *sijan||mustikka* ‘водяника’, букв. ‘свиная черника’), действительно, очень похожи на ягоды черники и имеют такую же окраску, однако вкусовые качества этой ягоды намного ниже, что и отразилось в ее названии (использование в качестве определительного компонента зоосемизмов со значениями ‘свинья’, ‘волк’, ‘собака’ обычно указывает на несъедобность, непригодность растения в пищу).

Определение – носитель признака места предпочтительного произрастания растения указывает в составе сложного фитонима на местность, отличную от ареала оригинального растения, например, фин. *joki||ruusu* ‘кукушкин цвет’, букв. ‘речная роза’; кар. *собств. kangaš||riižikkä* ‘боровый рыжик’, букв. ‘боровый рыжик’; эст. *jõe||nõgesse* ‘хвостник’, букв. ‘речная крапива’; эрз. *вирь чурька* ‘дикий лук’, букв. ‘лесной лук’; коми зыр. *сит выв рыжык* ‘шампиньон’, букв. ‘растущий на навозе рыжик’. Определением в таких фитонимах может быть не только прямое название места, но и, например, название растения, рядом с которым чаще встречается номинируемое растение, – эст. *kase||osi* ‘хвощ луговой’ имеет буквальное значение ‘березовый хвощ’, потому что хвощ лесной предпочитает расти именно в березовых рощах. Особенно такая разновидность номинации по признаку распространена у грибов, многие из которых растут рядом с определенными деревьями, образуя с ними микоризу, ср., например, коми перм. *ньыв||ельддөг, ньыл||ельддөг* ‘груздь желтый’, букв. ‘пихтовый груздь’, эст. *kase||riisikas* ‘груздь’, букв. ‘березовый млечник’ и др.

Дополнительный признак времени произрастания лежит в основе лишь небольшого числа растений. Примеры: эст. *kevad||hani||jalg* ‘лапчатка Ноймана’, букв. ‘весенняя лапчатка’, *sügis||mirt* ‘астра ивовая’, букв. ‘осенний мирт’; *sügisel||roos* ‘каллистефус китайский’, букв. ‘осенняя роза’; за пределами прибалтийско-финских языков такие фитонимы нам почти не встречались.

Напротив, признак вкуса играет в номинации растений довольно большую роль. Названия с компонентом-носителем этого признака присутствуют почти исключительно в прибалтийско-финских языках, например, фин. *hapan||kaali* ‘щавель’, букв. ‘кислая капуста’ и эст. *hapu||kapsas* ‘щавель’, ‘кислица’, букв. также ‘кислая капуста’; фин. *suola||horma* ‘щавель’, букв. ‘соленый кипрей’; эст. *mõru||uiibi* ‘крушина ольховидная’, букв. ‘горькое яблоко’. В *hapan||kaali* и *hapu||kapsas* последний компонент указывает не на внешнее подобие растения, а на его пригодность в пищу (ср. рус. *заячья капуста* ‘кислица’).

Признак запаха растения добавляется при номинации к признаку внешнего сходства растений очень редко, такие случаи единичны: эст. *lehk||haab* ‘разновидность тополя’, букв. ‘пахучая (вонючая) осина’; удм. *ческыт зыно чина* ‘чина душистая’, букв. ‘чина со сладким ароматом’; сюда же отнесем коми зыр. *ош||табак* ‘багульник болотный’, букв. ‘медвежий табак’, где на наличие сильного запаха указывает второй компонент.

Отдельный признак номинации, выделяемый в исследованиях по фитонимии, – способность растения выделять сок, образовывать споры и семена. Наиболее выражен он у растений или грибов, выделяющих млечный сок: см., например,

такие названия, как *фин. maito||ohake, maito||ohtainen* ‘бодяк ланцетолистный’, ‘бодяк полевой’, ‘бодяк разнолистный’, букв. ‘молочный бодяк’, *кар. собств. voi||gruwz’n’i* ‘масленок’, букв. ‘масляный груздь’; *мар. йёло||йёны* ‘разновидность осота’, букв. ‘молочный осот’; *коми зыр. व्या грузь* ‘груздь настоящий’, букв. ‘масляный груздь’. Носителями признака наличия млечного сока здесь выступают определения со значениями ‘молоко’, ‘масло’. Кроме этого, есть сложные фитонимы, где определяющий компонент указывает на слизистость или липкость поверхности растения, например, *фин. terva||leppä* ‘ольха черная’, букв. ‘смолистая ольха’ (листья растения липкие на ощупь); *кар. собств. razva||gruwz’n’i, ražva||gruuzn’i* ‘груздь желтый’, букв. ‘жирный груздь’.

Особую группу составляют сложные фитонимы со вторым компонентом – названием отдельного растения и первым компонентом – носителем признака наличия особенностей поверхности органов растения, при осязании которых появляются специфические тактильные ощущения (шероховатость, пушистость, гладкость). Разнообразие таких ощущений вызывает и разнообразие определяющих компонентов, например: *фин. karva||kuusi* ‘хвостник’, букв. ‘меховая ель’, *karva||mansikka* ‘княженика’, букв. ‘меховая земляника’, *sametti||ruusu* ‘бархатцы отклоненные’, букв. ‘бархатная роза’, *silkki||terva||kukka* ‘гвоздика-травянка’, букв. ‘шелковая гвоздика’ (здесь второй компонент *terva||kukka* сам сложный по форме); *ижор. karva||krizanikko* ‘сорт крыжовника’, букв. ‘мохнатый крыжовник’; *эст. karvane||kõrgas* ‘хвощ луговой’, букв. ‘меховой камыш’; *мокиш. понав каль* ‘ива серебристая’, букв. ‘мохнатая (ворсистая, волосатая) ива’; *мар. шуан||шаптыр* ‘крыжовник’, букв. ‘смородина с шипами’; *коми зыр. гёна||дор рыжык* ‘волнушка розовая’, букв. ‘рыжик с мохнатым краем’.

Кроме рассмотренных существуют и названия растений, ставшие результатом номинации по дополнительному признаку наличия хозяйственного использования, например, *фин. kelta||lieko* ‘плаун сплюснутый’, букв. ‘желтый плаун’ (из растения делали желтую краску). Лекарственность маркируется определяющими компонентами в следующих названиях растений: *фин. hullu||kaali* ‘белена’, букв. ‘капуста безумного’ (поедание белены приводит к помутнению сознания), *koiso||humala* ‘повилика европейская’, букв. ‘хмель [от] костоеды’, *veri||taarna* ‘ситник стигийский’, букв. ‘кровяная осока’, *yskä||kanerva* ‘подбел’, букв. ‘вереск [от] кашля’; *коми перм. гёгья||рöз* ‘зверобой’, букв. ‘подмаренник [от] пупа’ (т. е. от пупочной грыжи).

Суммируя сказанное, мы можем сделать некоторые общие выводы.

Разнообразие и многочисленность принципов номинации является одной из особенностей типологического характера в лексике флоры [Голев, 1983, с. 76]. Номинация растений по двум признакам, включающим признак сходства с другим самостоятельным растением, встречается в языках исследуемой ветви не столь часто, как номинация по одному признаку; мы полагаем, что такой усложненный тип номинации носит поздний характер и поэтому развивался чаще в каждом языке самостоятельно. Дополнительные признаки номинации, носителями которых становятся определяющие компоненты сложных фитонимов, разнообразны (цвет, место и время произрастания, лекарственность и др.).

Количество растений, с которыми сравниваются при номинации другие растения, достаточно велико. По нашим подсчетам, произведенным только по указанным в данной работе словарям, их насчитывается около двухсот. Большинство образцов фитонимов, образованных по признаку сходства с другим растением, мы находим в финском и эстонском языках (более пятидесяти примеров в каждом

их них). Это объясняется тем, что их диалектная лексика собрана исключительно хорошо.

Растения, сравнение с которыми чаще всего лежит в основе номинации по признаку сходства в финно-пермских языках

Представленный ниже список далеко не полон и включает лишь некоторые наиболее распространенные примеры. Для этого раздела мы отобрали пять растений и один гриб; их русские названия даны в алфавитном порядке.

1. горох

фин. *haju*||*herne* 'душистый горошек', букв. 'пахучий горох', *hiiren*||*herne* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох', *härkä*||*herne* 'боб конский', букв. 'бычий горох', *kurjen*||*herne* 'астргал', 'мышинный горошек', 'чина весенняя', 'чина лесная', букв. 'журавлиный горох', *tuoksu*||*herne* 'душистый горошек', букв. 'душистый, ароматный горох', *variksen*||*herne* 'мышинный горошек', букв. 'вороний горох', *vesi*||*herne* 'ряска', 'пузырчатка', букв. 'водяной горох';

кар. собств. *hiiren*||*herneh* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох', *kurren*||*herne* 'астргал', 'вика посевная', букв. 'журавлиный горох';

ижор. *hiireh*||*herne* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох';

венс. *hir'en*||*herneh* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох', *kur'gen*||*hernez* 'астргал', букв. 'журавлиный горох';

эст. *hiire*||*hernes* 'горошек заборный', 'лядвенец рогатый', 'мышинный горошек', 'чина весенняя', 'чина луговая', букв. 'мышинный горох', *kassi*||*hersed* 'мышинный горошек', букв. 'кошачий горох', *kollane hiire*||*heernes* 'чина луговая', букв. 'желтый мышинный горох', *kure*||*hernes* 'мышинный горошек', букв. 'журавлиный горох', *lill*||*hernes* 'душистый горошек', букв. 'горох с цветами', *mesi*||*hernes* 'разновидность душистого горошка', букв. 'медовый горох', *mets*||*hernes* 'мышинный горошек', 'чина весенняя', букв. 'лесной горох', *põld*||*hernes* 'горох полевой', букв. 'то же', *sea*||*hernes* 'лядвенец рогатый', 'чина болотная', 'чина луговая', букв. 'свиной горох', *sinine hiire*||*hernes* 'мышинный горошек', букв. 'синий мышинный горох', *ussi*||*herne* 'астргал сладколистный', 'астргал датский', 'горошек заборный', 'купена душистая', 'мышинный горошек', 'чина весенняя', 'чина гороховидная', 'чина луговая', букв. 'змеиный горох', *vesi*||*hernes* 'вахта трехлистная', 'пузырчатка', букв. 'водяной горох';

вод. *trè*||*erne* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох', *kurgõ*||*erne* 'вика', букв. 'журавлиный горох';

лив. *ir*||*jernaz* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох';

эрз. *каргонь кснав* (MW: *kargoñ ksnav*, *kargõñ gznav*) 'мышинный горошек', 'вика мышинная', букв. 'журавлиный горох', *чеерень кснав* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох';

мош. *бабань снафт* 'бобы', 'фасоль', букв. 'бабий горох', *каргонь куфтол*||*снав* 'мышинный горошек', букв. 'журавлиный стручковый горох', *kargõñ snav*, *kargõñ ksnav* (MW, 1990, Bd. 2, S. 568) 'журавлиный горох, везель'; 'Wicke; wilde Erbse', *сузиль снав* 'мышинный горошек', букв. 'горох глухаря', *ишшете* 'дятел' – *ишшеты*||*вурса* 'сочевичник весенний', букв. 'горох дятла';

мар. *коля*||*вурса* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох', *немьч*||*нурса* 'бобы', букв. 'немецкий горох', *ни*||*нурса* (*ни*||*вурса*) 'акация желтая', 'горошек заборный', 'вика посевная', 'мышинный горошек', 'люпин', букв. 'собачий горох';

таракан||*пырса* 'боб конский', букв. 'тараканий горох', *турня*||*вурса* (Г. *тырня*||*вырса*) 'чина лесная', букв. 'журавлиный горох';

удм. *кочыш*||*кӧжы* 'просвирник (мальва)', букв. 'горох кота', *кыр кӧжы* 'горох дикий', букв. 'степной горох', *немеч*||*кӧжы* 'бобы', букв. 'немецкий горох', *парсь*||*кӧжы* 'просвирник (мальва)', букв. 'свиной горох', *писэй*||*кӧжы* 'просвирник (мальва)', букв. 'кошачий горох', *пуны*||*кӧжы* 'проскурняк', букв. 'собачий горох', *сьӧд кӧжы* 'бобы', букв. 'черный горох', *тури*||*кӧжы* 'чина', букв. 'журавлиный горох';

коми зыр. шыр||*анькыти* 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох';

коми перм. шыр гӧридз 'мышинный горошек', букв. 'мышинный горох'.

Сравнение с горохом в сложных названиях растений показательно, так как часто встречается за пределами прибалтийско-финской языковой ветви (более двух десятков примеров: 7 в мордовских языках, 5 в марийском, 10 в пермских языках). Сравнение с другими растениями (грибами) не получило там значительного развития.

2. груздь

фин. musta||*ruusti* 'черный груздь', букв. 'то же';

кар. собств. voi||*gruwz'n'i* 'масленок', букв. 'масляный груздь';

ижор. koivu||*krusti* 'разновидность груздя либо другой съедобный пластинчатый гриб', букв. 'березовый груздь';

вепс. hebon||*gruz'n* 'желтый груздь', букв. 'лошадиный груздь';

мар. сӧсна||*гурезе* 'свинуха', букв. 'свиной груздь', *шем*||*курезе* 'груздь-чернушка; груздь-черноспинка', букв. 'черный груздь', *шопке*||*гурезе* 'разновидность груздя либо другой съедобный пластинчатый гриб', букв. 'осиновый груздь';

удм. *йӧло*||*нин*||*губи* 'груздь желтый', букв. 'молочный груздь', *сьӧд нин*||*губи* 'груздь черный', букв. 'черный груздь', *тӧдды нин*||*губи* 'белый груздь' ('подгруздок белый'), букв. 'белый груздь';

коми зыр. выя грузь 'груздь настоящий', букв. 'масляный груздь', *кӧчь*||*ельдӧг* 'груздь желтый', букв. 'заячий груздь', *порсь*||*ельдӧг* 'груздь желтый', букв. 'свиной груздь';

коми перм. кобыла ельдӧг 'груздь желтый', букв. 'кобылий груздь', *ныыв*||*ельдӧг*, *ныыл*||*ельдӧг* 'груздь желтый', букв. 'пихтовый груздь'.

Названия груздя включены нами сюда, чтобы показать идентичность номинации растений и грибов в языках финно-пермской ветви. Мы рассматриваем 4 прибалтийско-финских, 3 марийских и 8 пермских микронимов.

3. ива

фин. hanhen||*paju* 'ива ползучая', 'ива прутьевидная', 'ива пятитычинковая', 'подбел болотный', 'сабельник болотный', букв. 'гусиная ива';

эст. ripape paju 'ива мирзинолистная', 'ива пурпурная', 'свидина кроваво-красная', букв. 'красная ива', *põld*||*paju* 'горец земноводный', 'ива козья', 'ива мирзинолистная', букв. 'полевая ива', букв. 'немецкая ива', *soo*||*paju* 'ива пепельная', 'хемадафне, мирт болотный', букв. 'болотная ива';

лив. тоор'a||*ra'i* 'разновидность полыни', букв. 'ива Марии';

удм. *мувыр бадь* 'ветла', букв. 'ива [, растущая на] возвышенности', *нюр бадь* 'чернотал', букв. 'болотная ива', *сьӧд бадь*||*пу* 'чернотал', букв. 'черная ива'.

За пределами прибалтийско-финских языков (5 примеров) сравнение с ивой встречается лишь в удмуртских названиях растений (указаны 3 примера).

4. кипрей, иван-чай

фин. *hanhen||vormu* 'подмаренник', букв. 'гусиный кипрей', *hepo||hormu* 'кипрей, иван-чай', букв. 'лошадиный кипрей', *kelta||horsma* 'вероника длиннолистная', 'воробейник кистецветный', 'золотарник', 'марьянник лесной', букв. 'желтый кипрей', *kivi||horma* 'родиола розовая', букв. 'каменный кипрей', *lehmän||horsmi* 'иван-чай, кипрей', букв. 'коровий кипрей', *luhta||horsma* 'кипрей болотный', букв. 'луговой кипрей', *mäki||vormu* 'лабазник вязолистный', букв. 'горный кипрей', *oja||hormu, oja||formu* 'таволга вязолистная', букв. 'ручейный кипрей', *ranta||horsmu* 'дербенник иволистный', букв. 'прибрежный кипрей', *sini||horsma* 'вероника длиннолистная', букв. 'синий кипрей', *suo||horsma* 'вербейник кистецветный', букв. 'болотный кипрей', *suola||horma* 'щавель', букв. 'соленый кипрей', *tuli||horsma* 'кипрей', 'таволга вязолистная', букв. 'пламенный кипрей', *valkia horma* 'таволга вязолистная', букв. 'белый кипрей', *vesi||horsma* 'вербейник кистецветный', 'кипрей мокричнолистный', букв. 'водяной кипрей'.

Сравнение с кипреем в номинации растений показательно тем, что характерно только для финского языка (дано 15 примеров).

5. фиалка

фин. *pelto||orvokki* 'фиалка трехцветная', букв. 'полевая фиалка', *sini||orvokki* 'ветреница', 'фиалка болотная', 'фиалка собачья', букв. 'синяя фиалка';

эст. *koera||kannike* 'фиалка собачья', букв. 'собачья фиалка', *koera||velhjen* 'фиалка трехцветная', букв. 'собачья фиалка', *külma||kannike* 'седмичник европейский', букв. 'фиалка холода', *lume||kannike* 'белоцветник весенний', 'ветреница дубравная', 'печеночница (перелеска)', 'подснежник', букв. 'снежная фиалка', *mets||kannike* 'фиалка полевая', 'фиалка собачья', 'фиалка удивительная', букв. 'лесная фиалка', *mets||velhjen* 'фиалка собачья', букв. 'лесная фиалка', *mets||võõrasema* 'фиалка полевая', 'фиалка собачья', 'фиалка трехцветная', букв. 'лесная фиалка', *nõmme||kannike* 'фиалка скальная', букв. 'фиалка пустоши', *põld||kannike* 'фиалка полевая', букв. 'полевая фиалка', *põld||võõrasemad* 'фиалка полевая', букв. 'полевая фиалка', *põllu||kassi||nägu* 'фиалка полевая', букв. 'полевая фиалка', *põllu||sini||lill* 'незабудка болотная', букв. 'полевая фиалка', *põllu||stihhmutter* 'фиалка полевая', букв. 'полевая фиалка', *sini||kannik* 'печеночница (перелеска)', 'фиалка собачья', букв. 'синяя фиалка', *soo||kannike* 'фиалка болотная', 'фиалка лысая', букв. 'болотная фиалка', *vesi||kannikese* 'фиалка болотная', букв. 'водяные фиалки'.

Эстонский фитоним *kannik(e)* может иметь значения 'цветок, цветочек' и 'фиалка', но мы переводим его как 'фиалка', так как *kannik(e)* практически во всех случаях находится в составе названий фиалок и внешне схожих с ними растений. Фиалка привлекается для сравнения при номинации растений в основном в эстонском языке (представлено 16 примеров). В финском языке такое сравнение встречается редко (2 примера).

6. хвощ

фин. *aro||korte* 'хвощ топяной', букв. 'низинный хвощ', *hento||korte* 'хвощ камышовый', букв. 'тонкий, хрупкий хвощ', *iso||korte* 'хвощ топяной', букв. 'большой хвощ', *kallio||korte* 'хвощ зимующий', букв. 'скальный хвощ', *kangas||korte(t)*, *kangas||korsi* 'хвощ зимующий', 'хвощ полевой', букв. 'хвощ [, растущий на] сухой возвышенности (холме)', *karahka||kortes* 'хвощ топяной', букв. 'сухая ветка-хвощ', *karva||korte* 'хвощ зимующий', 'хвощ луговой', 'хвощ полевой', 'хвощ топяной' (в большинстве случаев название относится к хвощу лесному), букв.

‘мохнатый хвощ’, *kaste||korte* ‘хвощ полевой’, букв. ‘росный хвощ’, *kirjava||korte* ‘хвощ пестрый’, букв. ‘пестрый хвощ’, *lieju||korte* ‘хвощ топяной’, букв. ‘тина (грязь)-хвощ’, *metsä||korte* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘лесной хвощ’, *mäki||korte* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘горный хвощ’, *nummi||korte* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘хвощ пустоши’, *oikea||korte* ‘хвощ топяной’, букв. ‘настоящий, правильный хвощ’, *oja||korte* ‘хвощ топяной’, букв. ‘ручьевой хвощ’, *pelto||korte* ‘хвощ полевой’, букв. ‘то же’, *poron||korte* ‘хвощ болотный’, ‘хвощ топяной’, букв. ‘олений хвощ’, *rauta||korte* ‘хвощ лесной’, букв. ‘железный хвощ’, *sara||korte* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘осока-хвощ’, *suo||korte* ‘хвощ болотный’, ‘хвощ камышовый’, ‘хвощ топяной’, букв. ‘болотный хвощ’, *vesi||korte* ‘хвощ топяной’, букв. ‘водяной хвощ’;

кар. *собств.* *joki||korteh* (только в (ССКГ, 2009, с. 147)) ‘хвощ топяной’, букв. ‘речной хвощ’, *järvi||korteh* ‘хвощ топяной’, букв. ‘озерный хвощ’, *kangas||korteh* ‘хвощ зимующий’, ‘хвощ полевой’, букв. ‘хвощ [растущий на] сухой возвышенности (холме)’, *maa||korteh* ‘хвощ лесной’, ‘хвощ полевой’, букв. ‘земляной хвощ’, *rauta||korteh* ‘хвощ, растущий в сосновом бору’ (ССКГ, 2009, с. 501), букв. ‘железный хвощ’, (*тверские говоры*) *šijan||betko* ‘хвощ лесной’, букв. ‘свиной хвощ’, *vesi||korteh* ‘хвощ болотный’, ‘хвощ топяной’, букв. ‘водяной хвощ’;

эст. *aasa õraval||saba* ‘хвощ лесной’, букв. ‘луговой хвощ’, *jõe||osi* ‘хвощ топяной’, букв. ‘речной хвощ’, *järve||osja* ‘хвощ топяной’, букв. ‘озерный хвощ’, *kase||osi* ‘хвощ луговой’, букв. ‘березовый хвощ’, *kida||osjad* ‘хвощ зимующий’, ‘хвощ полевой’, букв. ‘скрип-хвощ’, ‘скрипучий хвощ’, *kivi||osi* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘каменный хвощ’, *konna||osi* ‘хвощ болотный’, ‘хвощ луговой’, ‘хвощ полевой’, ‘хвощ топяной’, букв. ‘лягушачий хвощ’, *ku(u)se||osjad* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘ель-хвощ’, ‘еловый хвощ’, *kõrbe||osjad* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘хвощ чащи’, *liiv||osi* ‘хвощ болотный’, ‘хвощ пестрый’, букв. ‘песчаный хвощ’, *nurme||osja* ‘хвощ луговой’, букв. ‘луговой хвощ’, *nõmme||osi* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘хвощ пустоши’, *põld||osi* ‘хвощ луговой’, ‘хвощ полевой’, букв. ‘полевой хвощ’, *raud||osi* ‘хвощ зимующий’, ‘хвощ полевой’, букв. букв. ‘железный хвощ’, *sea||osi* ‘хвощ полевой’, букв. ‘свиной хвощ’, *soo||osi* ‘хвощ болотный’, ‘хвощ топяной’, букв. ‘болотный хвощ’, *vase||osi* ‘хвощ зимующий’, букв. ‘медный хвощ’, *vee||osi* ‘хвощ топяной’, букв. ‘водяной хвощ’;

лив. *kuiona||vož'a* ‘хвощ’ (предполагаем, что название относится к хвощу топяному), букв. ‘лягушачий хвощ’;

коми перм. *куль пистик* ‘хвощ топяной’, букв. ‘чертов хвощ’, *пон пистик* ‘хвощ луговой’, букв. ‘собачий хвощ’.

Перечисленные в этом разделе сложные названия растений относятся к отдельным видам и разновидностям хвоща. За пределами прибалтийско-финских языков сравнение с хвощом как основа номинации растений встречается крайне редко (2 примера в коми-пермяцком языке).

В заключение проведенного небольшого исследования мы можем сделать следующие выводы.

Среди различных видов номинации растений по признаку в финно-пермской ветви языков присутствует и номинация по сходству с другими растениями. Результатом данного вида номинации является ряд сложных (составных) названий растений, в которых носителем признака сходства является последний компонент – самостоятельный фитоним. В большинстве случаев такое сложное название относится к растению, не имеющему филогенетического родства с тем расте-

нием, с которым осуществляется сравнение. Но в некоторых случаях (см., например, раздел «хвощ») в результате такой номинации образуются видовые названия, т. е. в результате действия народной таксономии образуется своеобразная бинарная номенклатура.

Другая особенность рассматриваемого вида номинации состоит в том, что фитонимы образуются всегда как результат его действия совместно с действием другой разновидности номинации по признаку (места или времени произрастания, цветности, лекарственности и др.). Носителем дополнительного признака становится первый компонент фитонима.

Сложные названия растений – результаты номинации по сходству с другими растениями – немногочисленны по сравнению с другими. За пределами прибалтийско-финских языков их количество исчисляется лишь десятками (в представленных в данной статье примерах: 9 в мордовских языках, 9 в марийском и 31 в пермских языках). Причиной этого явления, по-видимому, является меньшее внимание исследователей к сбору фитонимической лексики. То же можно отметить и в отношении так называемых малых прибалтийско-финских языков (ливского, водского, ижорского, вепсского, а также карельских наречий). При этом мы приводим 68 финских и 62 эстонских примера фитонимической лексики.

Результаты изучения номинации растений по признаку имеют значение не только для лексикологии, но и для нефилологических дисциплин: истории распространения знаний о флоре, истории земледелия, формирования хозяйственных навыков, представлений о лекарственности растений и др.

Список сокращений названий языков и диалектов

вепс. – вепсский, *вод.* – водский, *ижор.* – ижорский, *кар.* – карельские наречия (*кар. собств.* – собственно-карельское наречие), *коми зыр.* – коми-зырянский, *коми перм.* – коми-пермяцкий, *латышск.* – латышский, *лив.* – ливский, *лит.* – литовский, *мар.* – марийский (*Г.* – горномарийский), *мокш.* – мокшанский, *рус.* – русский, *удм.* – удмуртский, *фин.* – финский, *эрз.* – эрзянский, *эст.* – эстонский

Список литературы

Голев Н. И. Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (наблюдения за ролью прагматического фактора) // Говоры русского населения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 76–87.

Коппалева Ю. Э. Финская народная лексика флоры. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2007. 287 с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды). М.: Наука, 1967. 259 с.

Список источников

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878. 322 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

ССКГ – Словарь собственно-карельских говоров. Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2009. 750 с.

KKS – Karjalan kielen sanakirja / Toim. Virtaranta P. // LSFu. 1968. Helsinki, 1968–2005. Vol. 1–6.

MW – Paasonens H. Mordwinisches Worterbuch. LSFu XXIII. Helsinki, 1990, Bd. 1–5.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Jyväskylä: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Vol. 1–3.

Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet. Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicae Fennicae Vanamo 7. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1936. 465 p.

Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised 20 (67). Tallinn, 1993. 708 p.

References

Golev N. I. Voprosy otozhdestvleniya, klassifikatsii i nominatsii v russkoy narodnoy leksike flory i fauny (nablyudeniya za rol'yu pragmaticheskogo faktora) [Issues of identification, classification and nomination in Russian folk lexicon of flora and fauna (observations on the role of the pragmatic factor)]. In: *Govory russkogo naseleniya Sibiri* [Dialects of the Russian population of Siberia] Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1983, pp. 76–87.

Koppaleva Yu. E. *Finskaya narodnaya leksika flory* [Finnish folk lexicon of flora] Petrozavodsk, KarRC RAS Publ., 2007, 287 p.

Merkulova V. A. *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy (Travy. Griby. Yagody)* [Essays on Russian folk nomenclature of plants (Herbs. Fungi. Berries).] Moscow, Nauka, 1967, 259 p.

List of sources

Annenkov N. I. *Botanicheskiy slovar'* [Botanical dictionary]. St. Petersburg, Tip. Imp. AN Publ., 1878, 647 p.

Karjalan kielen sanakirja. Virtaranta P. (Ed.) In: LSFu. 1968. Helsinki, 1968–2005, vols. 1–6.

Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkiy etimologicheskiy slovar' komi yazyka* [Concise etymological dictionary of the Komi language]. Moscow, Nauka, 1970, 386 p.

Paasonens H. Mordwinisches Worterbuch. In: LSFu XXIII. Helsinki, 1990, vols. 1–5.

Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov [Dictionary of the proper Karelian sub-dialects]. Petrozavodsk, ILLH KarRC RAS Publ., 2009, 750 p.

Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet. In: *Annales Botanici Societatis Zoologicae-Botanicae Fennicae Vanamo 7*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1936, 465 p.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Jyväskylä, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000, vols. 1–3.

Vilbaste G. Eesti taimenimetused. In: *Emakeele Seltsi Toimetised*. Tallinn, 1993, vol. 20 (67). 708 p.

Информация об авторе

Игорь Вадимович Бродский, кандидат филологических наук, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
Scopus Author ID 57194796343
WoS Researcher ID E-1524-2018

Information about the author

Igor V. Brodsky, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Uralic Languages, Folklore and Literature, Institute of the Peoples of the North, Herzen University (Saint Petersburg, Russian Federation)
Scopus Author ID 57194796343
WoS Researcher ID E-1524-2018

*Статья поступила в редакцию 22.09.2022;
одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 17.03.2023
The article was submitted on 22.09.2022;
approved after reviewing on 17.03.2023; accepted for publication on 17.03.2023*

Научная статья

УДК 81'367.624

DOI 10.17223/18137083/89/14

Наречия со значением отсутствия осознанности и контроля (в ситуации целеустановки)

Ирина Петровна Матханова¹

Татьяна Ивановна Стексова²

^{1, 2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ matkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3400-6713>

² steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Аннотация

Рассматривается группа наречий (*бесцельно, бесконтрольно, неосознанно, машинально, автоматически, интуитивно* и некоторые другие), совмещающая в себе признаки двух семантических разрядов (образа действия / качественных и целевых) и обладающая нетривиальными семантико-синтаксическими характеристиками. Все эти наречия маркируют ситуацию как периферийную между контролируемой и неконтролируемой, будучи грамматически зависимыми от глаголов, они в то же время характеризуют субъект в определенный момент ситуации. Различаясь степенью неконтролируемости, эти наречия в ряде случаев оказываются синонимичными, допускают взаимозамену. Выделяются четыре подгруппы (бесконтрольности, бесцельности, неосознанности, машинальности), различающиеся семантическими оттенками, сочетательными особенностями и синтаксическим поведением.

Ключевые слова

русский язык, наречия, семантика, контролируемость / неконтролируемость, целеполагание

Для цитирования

Матханова И. П., Стексова Т. И. Наречия со значением отсутствия осознанности и контроля (в ситуации целеустановки) // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 186–200. DOI 10.17223/18137083/89/14

© Матханова И. П., Стексова Т. И., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 186–200

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 186–200

Adverbs denoting a lack of awareness and control (in the context of goal-setting)

Irina P. Matkhanova¹, Tatiana I. Steksova²

^{1, 2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ matkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3400-6713>

² steksova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Abstract

The paper analyzes the adverbs *beskontrol'no* (uncontrollably), *mashinal'no* (automatically), *neosoznanno* (unconsciously), *bestsel'no* (purposelessly), and others as a remarkable phenomenon that occupies a unique space between adverbs of manner and adverbs of purpose, encompassing attributes from both groups. Some common characteristics have been identified for the adverbs concerned. All are formed from adjectives, can be combined with intensifiers, focus on the subject of action, perform the duplex function, and may combine with verbs denoting the action under control. However, certain semantic differences and functioning peculiarities allowed distinguishing four subgroups. The adverb *beskontrol'no* can characterize both the internal subject of control, coinciding with the agent, and the external one. The adverbs of machinality, due to the special state and professionalism of the subject of action, express the absence of constant control over the action. The adverbs denoting the lack of consciousness in the performance of an action demonstrate a shift towards qualitateness. While retaining the focus on the subject, they identify the lack of a rational way of achieving a result. The adverb *bestsel'no* mostly implements the semantics of lack of goal attainment, depending on the semantics of a particular verb. Some other specific features of each subgroup have been identified. For example, they can be enlarged by other adverbs (such as *reflektorno*, *bessoznatel'no*, *instinktivno*, and others that are synonymous to those under analysis), with all groups retaining the common considered in this study.

Keywords

Russian language, adverbs, semantics, controllability/uncontrollability, purpose-setting

For citation

Matkhanova I. P., Steksova T. I. Adverbs denoting a lack of awareness and control (in the context of goal-setting). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 186–200. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/14

Проблема классификации наречий, выделение их семантических групп является дискуссионной, начиная с XIX в. и до сегодняшнего дня. Исследователи опираются на различные критерии (функциональный, морфолого-семантический, грамматико-семантический, лексико-семантический и др.). Классификации могут представлять собой разделение всех наречий на несколько смысловых разрядов: образа действия (*хорошо, быстро, неожиданно*), времени (*вчера, редко*), места (*сзади, вблизи*), причины (*сгоряча, случайно*), цели (*нарочно, назло*), меры и степени (*очень, вдвое*) и т. д.¹ Более распространена ступенчатая классификация (см. [РГ, 1980]), в которой выделяются основные разряды наречий: обстоятельственные (не определяющие действие, а называющие внешние факторы, связанные с его совершением) и определительные, или качественные (называющие внутренние признаки действий). На второй ступени два этих разряда делятся на под-

¹ См., например: Сичинава Д. В. Наречие // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Наречие> (дата обращения 25.01.2024).

классы (наречия образа действия, количественные и пр.; времени, места, причины, цели). Кроме того, еще В. В. Виноградов [1972, с. 299] указывал на существование промежуточных классов наречий, в том числе качественно-обстоятельственных, у которых оттенки разных значений «образуют сложную смысловую амальгаму».

Учет разных критериев выделения семантических разрядов наречий, их неупорядоченность, приводят к тому, что количество таких разрядов значительно варьируется (от 3 до 20), одно и то же наречие (или целая группа близких по значению лексем) попадает в разные семантические разряды. Это касается и группы анализируемых наречий, которые одни исследователи относят к определительным, образа действия [Дегальцева, 2021], другие – к целевым [Левонтина, 2006], третьи ограничиваются общим указанием класса – качественно-обстоятельственных².

В пределах качественно-обстоятельственных наречий можно выделить несколько групп по их роли в структуре предложения.

1. Наречие – *факультативный компонент* семантической структуры предложения, характеризует способ, образ совершения действия: *Кто-то громко затянул песню*. Наречие *громко* характеризует действие, но в семантическую схему предложения не входит, на пропозицию не влияет.

2. Наречие как средство выражения свернутой *пропозитивной* семантики, что было исследовано и описано К. М. Хорук [2010], доказавшей, что обстоятельства образа действия могут быть пропозитивными, а потому обязательными: *Большой начальник **принародно** пришел в священный ужас* = *Начальник пришел в ужас, при этом (там) были люди (народ)*. Отметим, что идея возможного параллелизма наречия и синтаксического конструкта («целого предложения»), была высказана еще Ф. И. Буслаевым [1959]. Эту же мысль на примере оценочных наречий развивает Е. Л. Рудницкая [1994].

3. Наречие может иметь *двойные связи*: грамматически зависеть от глагола, а семантически характеризовать субъект: – *Может, – **машинально** согласился я, а в голове тем временем роились совсем другие мысли* (В. Белоусова. Второй выстрел). Субъект согласился неосознанно, так как мысли его были совсем о другом. Согласие относится к контролируемым ситуациями и целенаправленным. Наречие, грамматически подчиняясь глаголу, связано с субъектом в момент описываемой ситуации. Ср. с дуплексивом – членом предложения с двойной связью. Подобное явление отмечалось на примере других наречий (о двойных связях наречий см. [Битехтина, 1979, с. 14; Домашенкина, 1973, с. 55]).

Кроме того, одно и то же наречие при определенных условиях может различаться своим синтаксическим поведением, относиться к пропозитивным наречиям либо к дуплексивам (о наречии *бесконтрольно* см. ниже).

Представляется, что характеристика группы наречий, в которую можно включить слова *бесконтрольно, бесцельно, неосознанно, интуитивно, машинально, механически* и др., может базироваться на полевом подходе, предполагающем особое внимание к промежуточным, переходным случаям (см. [Адмони, 1988], где этот аспект рассматривается по отношению к разрядам прилагательных и числительных).

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000.

Целью исследования является установление семантико-синтаксических свойств группы наречий, совмещающих в себе признаки целевых и образа действия.

Материалом исследования послужила картотека высказываний с наречиями указанной группы, извлеченных из Национального корпуса русского языка и обработанных вручную. Выбор наречий для анализа обусловлен их особой ролью в ситуации целеполагания, ослабляющей достижение цели.

Предметом исследования являются высказывания, в которых интересующие нас наречия обладают двойными связями: с глаголом и с одушевленными субъектами. Отметим, что анализируются представители данной группы, у которых наиболее ярко, отчетливо проявились признаки, позволяющие объединить их в группу наречий с семантикой отсутствия осознанного целеполагания.

Характеристика общих свойств группы наречий со значением отсутствия контроля и осознанности

Анализируемые наречия находятся в переходной зоне между целевыми наречиями и наречиями образа действия, занимая в том и другом случае периферийное положение.

Наречия *бесконтрольно, машинально, неосознанно, бесцельно* часто включают в семантическую группу *образа действия*, никак специально не аргументируя. Можно предположить, что основным критерием такой квалификации является их деривационная характеристика: образование от качественных прилагательных при помощи суффикса *-о* (*бесцельно* ← *бесцельный*, *неосознанно* ← *неосознанный*, *машинально* ← *машинальный*).

Еще одним аргументом в пользу этой точки зрения является способность развивать оценочное значение, ср. толкование слова *бесцельно* в словаре Т. Ф. Ефремовой³: **I нареч. качеств.-обстоят.** 1. Не имея определённой цели. 2. *перен.* Бессмысленно, бесполезно. **II предик.** Оценочная характеристика чьих-либо действий как отличающихся отсутствием определённой цели.

Была выявлена такая черта, типичная для наречий образа действия (качественных), как сочетаемость с наречиями степени, причем каждая подгруппа имеет особенности сочетания.

Отнесенность анализируемых наречий к *целевым* требует более подробного рассмотрения структуры ситуации.

Н. Д. Арутюнова акцентирует внимание на двух составляющих: «Целеполагание предшествует действию. Это начало пути. Вместе с тем – цель – пункт назначения», «целенаправленным может быть только осознанное действие» [Арутюнова, 1992, с. 20]. И. Б. Левонтина считает, что для целеполагания особенно важна связь с субъектом. К аспекту целеполагания относятся наречия, характеризующие нацеленность субъекта (волевою и мыслительную) на достижение цели: *нарочно, намеренно, сознательно* и под.) [Левонтина, 2006]. В качестве антонимов, включенных в эту же ситуацию, приводятся наречия *невольно, нечаянно, произвольно, неосознанно*⁴.

Отнесенность этих наречий к периферии целевых можно аргументировать следующим: 1) они передают семантику отсутствия осознанного намерения со-

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000.

⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. Т. 1. С. 220.

вершать действие; 2) примыкают, как правило, к глаголам, обозначающим контролируемые ситуации, в ином случае наречия передают семантику причины (см. ниже); 3) могут выступать в сочинительном ряду с антонимами типа *целенаправленно, с той или иной целью* и под.; 4) связаны не только с глаголами контролируемого действия, но и со словами, называющими субъект этого действия, указывая на отсутствие у него определенных характеристик, реализуя двойные синтаксические связи. «Слово *цель*, – пишет И. Б. Левонтина, – высвечивает в первую очередь связь **между субъектом и той ситуацией**, которая каузируется с его помощью...» [2006, с. 166] (выделено нами. – И. М., Т. С.).

Таким образом, все анализируемые наречия объединяются идеей отсутствия осознанного целеполагания и совмещают в себе некоторые характеристики целевых и образа действия.

Характеристика отдельных групп наречий

Наречие *бесконтрольно*

Наречие *бесконтрольно* занимает пограничное положение по отношению к описываемой группе наречий: оно может передавать семантику отсутствия не только внутреннего, но и внешнего контроля, характеризуя разных субъектов, представленных в высказывании. В ситуации внутреннего контроля субъект действия и субъект контроля совпадают, а в ситуации внешнего контроля в высказывании фиксируется наличие еще одного субъекта контроля, не совпадающего с субъектом действия.

Если речь идет о внешнем контроле, то наречие можно считать пропозитивным, так как оно не характеризует субъекта действия, который действует осознанно, т. е. совершает контролируемое, целенаправленное действие: *К тому же он много лет бесконтрольно хозяйничал в Музторге* (Г. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху) = *Он много лет хозяйничал в Музторге, и его никто не контролировал*. При элиминации наречия предложение утрачивает полипропозитивность.

Если субъект действия и субъект контроля совпадают, то наречие соответствует всем признакам наречий, анализируемых в данной статье, передавая отсутствие осознанного целеполагания, а также выполняя функцию дуплексива. Наречие *бесконтрольно* сочетается с глаголами, обозначающими в принципе контролируемые ситуации, при его элиминации грамматическая структура предложения и пропозиция сохраняются, но наблюдается сдвиг в семантике, событие представляется контролируемым, целенаправленным: *Успел слегка застрять, выскочил уже без Сереги и рванул наверх. Позже бросил ходовой, уже бесконтрольно рванулся вверх, потерял маску, удачно выскочил в один из слепых карманов с воздухом около выхода...* (А. Нор. Дневники спелеоподводника) – *...бросил ходовой, рванулся вверх, выскочил...* При отсутствии внутреннего контроля наречие актуализирует сему невольного, бессознательного осуществления действия [Стексова, 2002]. Достижение результата отмечается уже постфактум.

Неконтролируемость действий автор может маркировать использованием в качестве субъектов действия соматизмов, а также лексем, не относящихся к одушевленным⁵. В таком случае наречие не является обязательным компонентом

⁵ Такой способ выражения неконтролируемости, неосознанности осуществления действия характерен для всех анализируемых наречий.

семантической структуры, оно только актуализирует семантику неконтролируемости, передаваемой конструкцией: *Как ни хотел Лев Филиппович оставаться спокойным, ему это не удавалось, он краснел, напрягал шею, губы ненужно и **бесконтрольно** сжимались, а кость над головой начал подрагивать...* (Ю. Трифонов. Время и место). Характерно, что в безличных конструкциях наречие *бесконтрольно* может функционировать только в случае отсутствия внешнего контроля, ср.: *...плоды твоего воспитания все-таки перевесят, и он не будет «зависать», как это делают те дети, которым **бесконтрольно** разрешалось играть* (Форум: Компьютерные игры).

Наличие в высказывании внешнего или внутреннего субъекта контроля обуславливает возможность / невозможность сочетания с целевой конструкцией. При отсутствии внешнего контроля она вполне допустима: *Практически он **бесконтрольно** распоряжался быстро увеличивающимся и централизованным партийным аппаратом* (Р. Медведев. О Сталине и сталинизме. Исторические очерки) – Он бесконтрольно распоряжался партийным аппаратом, чтобы еще больше упрочить свою власть. В случае отсутствия внутреннего контроля сочетаемость с целевой конструкцией исключена: *Понять, как они важны и достойны немедленно опубликования, а я как их составитель – признания и похвал. Безостановочно, **бесконтрольно** я выбарматывал их комбинации* (А. Найман. Колыбель). Ср.: *Безостановочно я выбарматывал их комбинации, чтобы не забыть.

Об отнесенности к группе наречий со значением отсутствия осознанного целеполагания свидетельствуют и возможные синонимические замены на *нецеленаправленно*: *Слушая радио и одновременно занимаясь своей работой, мы **бесконтрольно** переключаем внимание каждые несколько секунд* (Ю. Васильев. Остановите музыку); *автоматически, неосознанно: Но эшелоны, задаваемые диспетчером, все равно занимал как-то **бесконтрольно**, как во сне* (В. Ершов. Дневник); *машинально: После ужина, за которым не стала пьяней, чем была, она опять спросила <...>, чего мне налить на десерт, и опять сразу произнесла **бесконтрольно**: «Мне бурбон»* (А. Найман. Любовный интерес) и др. Такая семантическая близость позволяет ему выступать в одном ряду с наречиями отсутствия воли: *Слушая радио и одновременно занимаясь своей работой, мы **волей-неволей** бесконтрольно переключаем внимание каждые несколько секунд* (Ю. Васильев. Остановите музыку).

Наречие *бесконтрольно* может сочетаться с наречиями степени (*совершенно бесконтрольно*), но чаще это наблюдается в случаях отсутствия внешнего контроля, в корпусе зафиксирован лишь один пример подобного сочетания при отсутствии внутреннего контроля: *С тех пор я часто, тыкаясь лбом или носом в диск, служащий нам и картиной и полом, работая на коленях или лежа на левом боку или на животе, замечал, борясь со сном, что **рука совершенно бесконтрольно** писала, пачкала, а затем переставала, упираясь в уже написанное* (П. Филонов. Дневник). Такие ограничения в сочетании говорят о том, что *бесконтрольно* в большей степени проявляет отсутствие целевой семантики и в меньшей – семантику образа действия.

Наречия *машинально, механически, автоматически*

Особую подгруппу образуют наречия со значением машинальности: *машинально, механически, автоматически*.

Употребление таких наречий не меняет тип пропозиции, а вносит дополнительную информацию о характеристике субъекта в момент совершения действия,

без них предложение будет отражать совсем другую ситуацию. Поэтому они становятся обязательным компонентом семантической структуры предложения, осуществляя дополнительную семантическую связь с субъектом.

Специфика наречий машинальности проявляется в том, что они регулярно сочетаются с целевыми конструкциями (*машинально поднимала руку вверх, чтобы щелкнуть пальцами; механически наклонилась, чтобы проверить; механически раскрыл бумажник, чтобы положить его*): *С легкими мыслями о природе и пределах искусства он машинально наклонился, чтобы подобрать ракушку* (А. Битов. Что-то с любовью...). Сочетание с целевыми конструкциями наречия *автоматически* в предложениях с одушевленным субъектом в корпусе не зафиксировано.

Эти наречия, как правило, функционируют в высказываниях, обозначающих контролируемые действия, в том числе речевые (*повторять, переспросить, отметить, пробормотать*), но не состояния, так как они называют симптомы психологического состояния субъекта. Введение наречия в подобные высказывания приводит к фиксации неполноты контроля над действием.

Синонимичные наречия машинальности различаются смысловыми оттенками⁶. Все наречия этого ряда основаны на метафоре «человек – машина»: бессознательно выполняя заранее определенную последовательность действий, человек уподобляется машине. Важным параметром их разграничения является причина подобного осуществления действия.

При употреблении *машинально* акцент ставится на несколько аномальном психологическом состоянии человека, ср.: *Плохо понимая, что делаю, я подошла к визитке и подняла ее. Далее указаны телефон и адрес. Я машинально сунула визитку в карман и застыла в ступоре. В голове не было ни одной мысли* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

В качестве причины словарь называет не только душевное потрясение, но и отвлечение внимания, что подтверждается примерами из корпуса: *Тут медсестра-монашка <...> привычно быстро, мимоходом, перекрестилась и перекрестила Сою: – Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь! – Аминь! – машинально повторила Сося. Она старалась вспомнить, что произошло* (Е. Литинская. В руках Божьих). Внимание субъекта отвлечено от реальной ситуации попыткой вспомнить произошедшее событие. Причиной машинальности может быть и привычность, простота каких-либо действий, которые автор словарной статьи приписывает наречию *автоматически*, но это возможно и для *машинально*: *Виталий пристегнулся еще раньше, машинально, повинаясь намертво вколотенному в Академии рефлексу* (В. Васильев. Шуруп); *Секундная стрелка старых... швейцарских часов совершала свой мелочной бег, и Павел Алексеевич автоматически считал пульс* (Л. Улицкая *. Казус Кукоцкого). В подобных случаях можно говорить о привычном, часто повторяющемся действии.

Особенностью наречия *механически* является то, что основной причиной такого осуществления действия часто выступает незаинтересованность субъекта в его выполнении (*принимала гостей как-то механически, без прежнего энтузиазма; механически повторяла то, что было ей привычно*). Оценка обычно дается внешним наблюдателем: *Черноволосая девушка с серым лицом и громадными*

⁶ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 2003. Т. 2. С. 531–533.

* Минюстом РФ Л. Улицкая включена в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

неподвижными глазами **механически** проделывает привычную работу, уставив взгляд на экранчик малюсенького телевизора... (С. Юрский. Бумажник Хофманна).

Итак, наречия этой подгруппы характеризуют в большей степени субъект действия, его особое состояние, опытность, профессионализм, а не только само действие. Автоматизм действия проявляется в любой ситуации при наличии определенного опыта.

Наречия машинальности сочетаются с показателями степени, что характерно для группы с семантикой образа действия, причем частотными для всех являются слова *почти*, *совершенно*, а сочетание с наречием *абсолютно* единично для *машинально* и не зафиксировано для *механически* и *автоматически*.

Наблюдаются некоторые различия в употреблении *совершенно* и *почти*. В первом случае фиксируется полная утрата контроля: *Бедная Антуанетточка почувствовала, как потная волна смеха больно толкнула ее прямо под комсомольский значок, и – совершенно машинально – улыбнулась* (М. Степнова. Бедная Антуанетточка); *...он... когда вернулся, бросил взгляд на планшет и отметил – абсолютно машинально, как это делал всегда...* (А. Азольский. ВМБ). Во втором – *почти* указывает на частичное участие сознания в совершении действия: *Ранним вечером рокового дня Таня Б. лежала на диване и почти машинально щелкала пультом телевизора, переключая программы* (В. Ханан. Таня и ангел. История одного самоубийства).

Сочинительные ряды с другими наречиями этой подгруппы уточняют их семантику за счет синонимов: *До позднего вечера Галя точно, механически и бездумно делала женские хозяйственные дела, которые не имеют конца* (Л. Улицкая*. Генеле-сумочница). Возможна актуализация и при противопоставлении: *Умение декламировать эти стихи, причем не механически, а обдуманно, с душой, с эмоциями!* (Е. Сафронова. Так проходит слава земная).

Итак, наличие наречий машинальности в высказывании контролируемого действия не делает предложение полипропозитивным, оно осложняет семантику дополнительными смыслами, возникающими благодаря особой связи с субъектом. Семантические различия этих наречий влияют на место на шкале переходности от контролируемости к неконтролируемости. Если *автоматически* и *механически* находятся ближе к контролируемости, то *машинально*, скорее, стремится к неконтролируемости. Эта переходная зона весьма актуальна в русской речи, неслучайно в русском языке активно функционирует группа застывших словоформ (*на автомате, на автопилоте, по привычке* и др.), выполняющих ту же функцию, что и наречия.

Подгруппа наречий со значением отсутствия осознанности в совершении действия (*неосознанно, интуитивно*)

У этих наречий отсутствие осознанности связано с интеллектуальной оценкой происходящего, поэтому можно говорить о «сдвиге» в сторону *качественности*.

Качественная сторона наречия *неосознанно* проявляется в сочетании с интерпретационными глаголами [Апресян, 2004] (*мстить, хамить* и под.): *Хозяин... начинает немного хамить, впрочем неосознанно; сам он этого не понимает и полагает, что хвалит Михайлова* (В. Маканин. Отдушина).

Сложнее обстоит дело с наречием *интуитивно*, которое часто фиксирует способ получения информации, отсутствие рационального начала мышления, что

сближает его с группой наречий способа действия. Такое употребление фиксируется в высказываниях с глаголами восприятия, в том числе интеллектуального, и актуализируется при противопоставлении (*не интуитивно, а осмысленно; не понимала, а интуитивно чувствовала; не сознательно, а интуитивно*): *Чувства стали острее, мозг работает, как никогда. Что прежде достигалось длинным путем умозаключений и догадок, теперь я познаю интуитивно* (В. Гаршин. Красный цветок). Противопоставление может относиться к разным объектам: *Большинство из идей, изложенных Мейерхольдом в его книге «О театре», были восприняты Вахтанговым – некоторые сознательно, под непосредственным влиянием Мейерхольда, иные интуитивно, как результат совпадения творческих мыслей двух художников* (Ю. Елагин. Темный гений), или субъектам: *...этот переход от сцены к сцене в какой-то мере характерен для всей современной прозы, но драматург это делает заданно, а романист интуитивно – в этом разница, как мне кажется, принципиальная...* (С. Дангулов. Пристли).

Слова совершенно, чисто, сочетаясь с наречием интуитивно, ведут себя не как показатели интенсивности, а по своей функции приближаются к частицам исключительно, только, лишь, ср.: *Тарковский применяет (конечно же, совершенно интуитивно) эту «технику» созерцания «иной стороны» вещей, выводя своих героев из колеи мировосприятия...* (Н. Болдырев. Три этюда о Тарковском); *Я сама понимаю это чисто интуитивно, а вот слов подобрать не могу* (А. Пайкес. Кансер).

Наречие неосознанно сочетается и с показателями интенсивности, степени проявления признака (*совсем, почти что, совершенно, немного, вовсе*): *Она никогда не кокетничала с Брюхановым, зная, что может этим безвозвратно уронить себя в его глазах, и совершенно неосознанно, но безошибочно подчеркивала в себе самые выгодные стороны...* (П. Проскурин. Судьба); а также с показателями неуверенности, предположительности (*кажется, как бы, словно*), характеризующих отношение автора высказывания к адекватности своей оценки: *Я уже дважды дед, – сообщил Александр Евгеньевич, и невольно получилось, что он словно неосознанно похвастал* (П. Проскурин. Черные птицы). О наличии оценочной семантики свидетельствует употребление в однородном ряду с наречием оценки (*неосознанно и безошибочно; жестоко и неосознанно*): *Дочь уже жестоко и неосознанно мстит за свои несчастья отцу* (В. Липатов. И это всё о нем).

Участие наречий неосознанно, интуитивно в ситуации целеполагания зависит от сочетания с определенными группами глаголов. Если наречие примыкает к глаголам, не называющим действие, то невозможно говорить о его участии в целевой конструкции. Так, наречие неосознанно способно употребляться со словами, обозначающими неконтролируемую ситуацию (*было обидно, неосознанно надеясь, страдая, тоскуя и др.*): *И мне тогда, может, неосознанно, было обидно, что мой отец не находит себе места в этом мире...* (А. Рыбаков. Тяжелый песок). Представляется, что в этом случае возникает смысл: 'существует некая причина такого состояния, но носитель ее не знает, не может сформулировать', что подчеркивается другими языковыми средствами высказывания. В таком случае отсутствует связь с ситуацией целеполагания, обладающей футуральной перспективой, в то время как поиск причины ориентирован на претеритное прочтение.

Особую роль в ситуации целеполагания выполняют наречия этой подгруппы при сочетании с ментальными глаголами (*понимать, соображать, прийти к выводу, ищете решение*): *Развивая эту мысль дальше, Настя... чисто интуитивно*

вычислила корень зла (А. Маринина. Стечение обстоятельств). В этих случаях автор делает акцент на разных способах получения желаемого результата: логическом и интуитивном, причем последний является особо важным, и наречие участвует в выражении целеполагания, хотя и специфическим образом, а пропуск наречия меняет смысл высказывания.

Сочетаемость *интуитивно* с глаголами других лексических групп (действия, движения: *интуитивно свернула, поднялась, считала, искала* и др.) ослабляет значение целеполагания, содержащееся в их семантике: ...Он *интуитивно подобрал ключик* к «скарредному» лондонскому Сити, не желающему расстаться с фунтами просто так (Деньги на творчество собирали и Вольфганг Моцарт, и Константин Кинчев). Агнс нацелен на достижение результата, но отсутствует четко осознаваемый путь к его достижению.

При примыкании к глаголам действия наречие *неосознанно* также включается в структуру целеполагания, указывая на отсутствие осмысленного способа достижения цели: *Парень неосознанно перенимает Матвейкину позу* (Ю. Лунин. Три века русской поэзии). Контролируемое действие (*перенимать позу, выискивать*) должно иметь определенную цель, но в высказывании фиксируется ситуация, в которой агнс не отдает себе отчета, зачем он выполняет это действие. Иногда отмечается, что у субъекта была некая цель, но ее осознание происходит постепенно, во время действия: *И, передвигаясь с места на место, Алла совершила действия неосознанно, обретая осмысленность, лишь пошевелив мышью, оживлявшей ее собственный гармоничный мир...* (Т. Соломатина. Сони́на Америка). Свое намерение субъект может так и не осознать, хотя действие предполагает наличие цели: *Плотник Василий, завернувшись в простыню, сидел, остывая после парилки, на прогретых неярким августовским солнцем досках банного крыльца и неосознанно считал в уме падающие с высоких разлапистых сосен шишки...* (В. Максимов. Три дня до осени...).

Элиминация наречия *неосознанно* нарушает смысл высказывания не только в тех высказываниях, где оно находится в сильной позиции, но и в других: *Обычная публика, в том числе образованные люди, часто неосознанно употребляет криминальную лексику* (М. Кронгауз, О. Мартыненко. Язык меняется – значит, он живой). Пропуск наречия, ориентированного на субъект, превращает неконтролируемое поведение в эпатажное, нарочито создающее конфликтную ситуацию.

В высказываниях, представляющих ситуацию с позиции повествователя, автор не может определить степень участия сознания в выполнении действия, ср.: *Хотя в автошколе всех учат держать баранку непременно двумя руками, мужчины осознанно или неосознанно начинают рулить одной рукой* (В. Авченко. Правый руль).

Связь с ситуацией целеполагания проявляется также в способности наречий *неосознанно* и *интуитивно* выступать в сочинительном ряду с наречиями из волевой сферы (с отрицанием собственной воли в выполнении действия): *Мы и так паримся каждый день. – Это верно. Но мы делаем это как бы вынужденно, неосознанно, понимаешь?* (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть).

Таким образом, наречие *неосознанно* совмещает в своей семантике интеллектуальную оценку ситуации и отсутствие сознательного контроля над ней, причем в сочетании с разными глаголами (и некоторыми другими показателями) та или другая семантика могут доминировать. Наречие *интуитивно*, сохраняя семантику отсутствия четкого осознания пути к цели, характеризуется особым способом ее достижения. И в этом случае варьирование семантики во многом предопределяет-

ся сочетанием с определенными группами глаголов и в то же время семантической ориентацией на субъект.

Наречие *бесцельно*

Семантика бесцельности глубоко и аргументированно проанализирована И. Б. Левонтиной [2006], однако характеристика одноименного наречия как содержащего целевую и качественную семантику исследована недостаточно.

Наречие *бесцельно* проявляет указанные выше признаки *качественности*: не только образование от качественного прилагательного при помощи суффикса *-о*, но и сочетание с наречиями степени (*совершенно, абсолютно, довольно, не совсем* и под.): *Мы плакали абсолютно бесцельно, как всегда, не умея помочь друг другу* (И. Горелик. Шыр-пыр ю пятажгы); *Я в общем-то подозревала и то, и другое: и что Вичка тут неспроста, и что «Лапка» меня не совсем бесцельно пасет* (Г. Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы). Это свидетельствует о том, что в семантике этих наречий заложена градуальность, не свойственная целевым словам. Кроме того, наречие *бесцельно* в некоторых случаях сочетается с другими наречиями оценки.

Семантика *отсутствия цели*, вытекающая из самой номинации слова, преобладает у анализируемого наречия.

В этом плане особенно важным становится семантическая характеристика тех глаголов, к которым оно примыкает. Выделяются две группы: в одну включаются глаголы движения и зрительного восприятия, а в другую – глаголы с иной семантикой (действия, деятельности). Глаголы движения и зрительного восприятия нацелены на конечную точку движения (имплицитно при глаголах ненаправленного движения), у других глаголов цель ассоциируется с наступлением желаемой ситуации.

Как отмечала И. Б. Левонтина, наиболее типичным является примыкание *бесцельно* к глаголам ненаправленного движения (*бродить, блуждать, слоняться, шататься, кружить* и др.), например: *Мы бесцельно бродили по городу, и почему-то я все время вспоминал ключика, так здесь и не побывавшего* (В. Катаев. Алмазный мой венец). Наречие, актуализируя семантику отсутствия конечной точки, может быть опущено без нарушения смысла высказывания: *Мы бесцельно бродили по городу* → *Мы бродили по городу*. Именно «множественные и беспорядочные» движения позволяют характеризовать само действие как бесцельное сторонним лицам, поэтому такие наречия частотны в высказываниях с наблюдателем, а не только с говорящим или всеведущим автором, на что указывают соответствующие глаголы: *Добрых полчаса он наблюдал за тем, как «тупые» бесцельно слоняются по ферме, глупо озираясь и перебрасываясь короткими фразами* (О. Дивов. Молодые и сильные выживут).

В высказываниях с направленными глаголами движения *бесцельно* нельзя опустить без потери смысла, ср.: *Я выбежал во двор и побежал вперед... совершенно бесцельно* (Н. Емельянова. Путешественник). При пропуске наречия либо разрушается структура предложения, либо представлено движение, направленное на определенное место.

Интересно, что и глаголы восприятия, к которым примыкает наречие *бесцельно*, обычно имеют значение направленности: *Мне лежать не хотелось, я подошел к окну в конце коридора и бесцельно уставился вниз на бетонный забор...* (В. Егоров. Собачья жизнь). При элиминации наречия теряется смысл 'бездумно, бессмысленно', а глагол способен сочетаться с целевой конструкцией (*уставился*

вниз на бетонный забор, чтобы рассмотреть, **выглянула в окно**, чтобы посмотреть). Такое употребление подчеркивает связь цели и осознанности, *бесцельно* включается в синонимический ряд с *бездумно*, *неосознанно*, *бессмысленно*.

В высказываниях с глаголами физического действия *бесцельно* выражает семантику отсутствия результата, пользы, желаемой ситуации (*бесцельно перелистнула страницу назад; бесцельно разгладил газету*): ...он сильно потер лоб, будто умываясь освежающим воздухом, затем **бесцельно** (= не ожидая результата) **чиркнул** зажигалкой, вторично чиркнул, задул огонек... (Ю. Бондарев. Берег). Этот смысл может быть подчеркнут при противопоставлении: ...известный питерский художник Камаев... писал одну церковь много-много-много раз **с целью обогащения**, я **бесцельно** работала в родильном доме... (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки).

Отметим, что высказывание, принадлежащее всеведущему автору, допускает взаимодействие разных целевых средств: *Никто здесь, кроме него, не пытался привлечь внимания к своей особе рассуждениями о чем-нибудь личном. А Вайс сделал это с непродуманной поспешностью и, пожалуй, бесцельно. Только для того, чтобы проверить, примут ли его в этой среде за своего.* (В. Кожевников. Щит и меч). *Бесцельно* реализует семантику 'не достигнув цели', содержание цели дано в предыдущем контексте, намерение персонажа – в последующем, а само высказывание представляет собой внутреннюю речь персонажа, в которой сочетается фиксация намерений и оценка своего действия. В высказываниях с наблюдателем практически не встречается употребление наречия в значении 'без пользы, без результата'.

Итак, наречие *бесцельно* демонстрирует различие в поведении в зависимости от семантики глагола, а также наличия в высказывании других показателей, связанных с семантикой целеполагания, от внутренней / внешней фиксации действия.

Заключение

Современные исследования всё чаще включают в сферу своего внимания промежуточные, переходные явления, что позволяет выявить и объяснить свойства единиц периферийной зоны.

Наречия с семантикой отсутствия осознанности и контроля в ситуации целеполагания демонстрируют свойства, характерные одновременно и для наречий образа действия, и для целевых. Эти свойства характерны для всей рассматриваемой группы наречий, хотя есть ряд параметров, которые могут проявляться в большей степени у одних подгрупп и в меньшей – у других.

Объединение в одну группу наречий отсутствия осознанности и контроля объясняется их позицией в структуре ситуации целеполагания: отсутствие сочетания сознания и воли в достижении цели, что проявляется в их частотной встречаемости в однородном ряду, возможности взаимозамены в ряде случаев.

С наречиями образа действия (качественных) исследуемые слова связывают не только словообразовательные особенности, сочетание с интенсификаторами, но и способность вступать в синонимические и антонимические отношения.

Свойства целевых наречий проявляются в их ориентации на субъект действия, способности выступать в функции дуплексиа, сочетании с глаголами, называющими контролируемые действия.

Вместе с тем каждая из выделяемых подгрупп наречий обладает определенной вариативностью семантических характеристик, обусловленной их семантикой, сочетаемостью с разными группами глаголов, различиями в представлении цели (конечная точка движения / новая ситуация), количеством субъектов контроля, разной степенью контролируемости ситуации, разными способами постижения смысла (интуиция / умозаключение), возможностью реализации оценочного смысла.

Каждая из подгрупп может быть расширена (*рефлекторно, бессознательно, инстинктивно, непреднамеренно* и др., синонимичные рассмотренным), однако при существующих смысловых нюансах они сохраняют общие свойства, выявленные в данном исследовании.

Список литературы

- Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. С. 76–84.
- Апресян Ю. Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 5–22.
- Арутюнова Н. Д. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 14–23.
- Битехтина Г. А. Семантико-синтаксические разряды определительных наречий в современном русском языке и условия функционирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 16 с.
- Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
- Дегальцева А. В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2021. 51 с.
- Домашенкина Г. П. Синтагматические свойства качественных наречий на -О, -Е, -И в сопоставлении со свойствами прилагательных // Вопросы теории русского языка и говоров Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ин-т, 1973. С. 50–60.
- Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: ЯСК, 2006. С. 163–240.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
- Рудницкая Е. Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 114–125.
- Стексова Т. И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. Новосибирск, 2002. 200 с.
- Хорук К. М. Роль обстоятельства образа действия в организации семантической структуры русских простых предложений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 16 с.

References

- Admoni V. G. *Grammaticheskiy stroy kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki* [Grammar as a construction system and general theory of grammar]. Lenin-grad, Nauka, 1988, pp. 76–84.
- Apresyan Yu. D. Interpretatsionnye glagoly: semanticheskaya struktura i svoystva [Interpretive verbs: semantic structure and properties]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2004, no. 1, pp. 5–22.
- Arutyunova N. D. Yazyk tseli [Language of purpose]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Modeli deistviya* [Logical analysis of language. models of action]. Moscow, Indrik, 1992, pp. 14–23.
- Bitekhtina G. A. *Semantiko-sintaksicheskie razryady opredelitel'nykh narechii v sovremennom russkom yazyke i usloviya ikh funktsionirovaniya* [Semantic-syntactic categories of attributive adverbs in the modern Russian language and the conditions for their functioning]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1979, 16 p.
- Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, 623 p.
- Degal'tseva A. V. *Narechiya obraza deistviya v raznykh sferakh sovremennogo russkogo obshcheniya: strukturno-semanticheskaya tipologiya i rol' v organizatsii smysla predlozheniya* [Adverbs of the manner in different spheres of modern Russian communication: structural-semantic typology and role in creating the meaning of a sentence]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Saratov, 2021, 51 p.
- Domashenkina G. P. Sintagmaticheskie svoystva kachestvennykh narechii na -O, -E, -I v sopostavlenii so svoystvami prilagatel'nykh [Syntagmatic properties of qualitative adverbs in -O, -E, -I in comparison with the adjective properties]. In: *Voprosy teorii russkogo yazyka i govorov Dal'nego Vostoka* [Questions of the theory of the Russian Language and dialects of the Far East]. Khabarovsk, Khabarovskiy gos. ped. institut, 1973, pp. 50–60.
- Khoruk K. M. *Rol' obstoitel'stva obraza deistviya v organizatsii semanticheskoi struktury russkikh prostykh predlozhenii* [The role of the adverbial modifiers of manner in establishing the semantic structure of Russian simple sentences]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2010, 16 p.
- Levontina I. B. Ponyatie tseli i semantika tselevykh slov russkogo yazyka [The concept of purpose and semantics of purpose expressing words in the Russian language]. In: *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow, LRC Publishing House, 2006, pp. 163–240.
- Rudnitskaya E. L. Nekotorye klassy sententsial'nykh narechii v russkom yazyke. Semantika. Sintaksis. Leksikografiya [Some classes of sentential adverbs in the Russian language. Semantics. Syntax. Lexicography]. *Voprosy Yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1994, no. 1, pp. 114–125.
- Russkaya grammatika: V 2 t.* [Russian grammar: In 2 vols.]. Moscow, Nauka, 1982, vol. 1, 783 p.
- Steksova T. I. *Semantika nevol'nosti v russkom yazyke: znachenie, vyrazhenie, funktsii* [Semantics of involuntariness in the Russian language: meaning, expression, functions]. Novosibirsk, 2002, 200 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Vyssh. shk., 1972, 614 p.

Информация об авторах

Ирина Петровна Матханова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Татьяна Ивановна Стексова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Irina P. Matkhanova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation),

Tatiana I. Steksova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Its Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 10.03.2024;
одобрена после рецензирования 22.04.2024; принята к публикации 22.04.2024
The article was submitted on 10.03.2024;
approved after reviewing on 22.04.2024; accepted for publication on 22.04.2024*

Научная статья

УДК 811-512+811.512.153:81'367.625

DOI 10.17223/18137083/89/15

Семантика глаголов перемещения объекта в хакасском и алтайском языках

**Ольга Юрьевна Шагдурова¹
Елена Валерьевна Тюттешева²**

^{1, 2} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ kokoshnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

² tyunteshvae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Аннотация

Объектом исследования являются глаголы перемещения в хакасском и алтайском языках, предметом – их семантика. Анализируется употребление лексем, описывающих ситуацию физического перемещения, с субъектами и объектами разных типов. Глаголы систематизированы по инкорпорированным в семантику компонентам. Глаголы данной группы характеризуются такими обязательными признаками, как перемещение, исходный и конечный пункты, объект и субъект действия. Дополнительные компоненты, инкорпорированные в их семантику, – «маршрут», «трасса», «способ», «средство перемещения», «объект».

В исследуемых языках группа глаголов перемещения обнаруживает большое сходство в своем составе и идентичность семантических структур лексем. Выделяются также специфичные для каждого языка глаголы, которые связаны с бытом, трудовой деятельностью этих этноязыковых коллективов.

Ключевые слова

тюркские языки Сибири, хакасский язык, алтайский язык, лексико-семантическая группа глаголов, глаголы перемещения объекта, лексическая семантика, многозначность

Для цитирования

Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В. Семантика глаголов перемещения объекта в хакасском и алтайском языках // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 201–214. DOI 10.17223/18137083/89/15

© Шагдурова О. Ю., Тюттешева Е. В., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 201–214
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 201–214

Semantics of verbs of object transfer in Khakass and Altai languages

Olga Yu. Shagdurova¹, Elena V. Tyuntseva²

^{1,2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ kokoshnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1372-8685>

² tyuntsevae@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4819-8306>

Abstract

The paper deals with the semantic features of verbs of object transfer in Khakass and Altai languages. The use of lexemes describing the situation of physical transfer with subjects and objects of different types is analyzed. An attempt has been made to systematize verbs by components incorporated into semantics. All these verbs include obligatory signs characteristic of the situation of transfer (semantics of transfer, starting and ending points, object and subject of action). Besides, these tokens contain additional components incorporated into their semantics: “the path,” “route,” “manner of transfer transfer,” “means of transfer” (“transport” and “tool”), and “object.” According to the typological classification developed by L. Talmi, the Turkic languages belong to the verbal type, with their verb roots expressing an indication of the “the path.” The verbs with an incorporated “manner of transfer” component can have their “direction” parameter specified with satellites. The subject of the verbs under study can be a person, less often an animal, or a technical means. When secondary meanings of physical action are expressed, the subject can be expressed by natural phenomena and objects (wind, river, waves). The objects of physical movement are represented by various physical objects and living beings. The examined languages exhibit considerable resemblance in terms of the composition and semantic structures of the verbs associated with transfer. Each language has its own set of verbs used in everyday life and work activities of specific ethnic and linguistic groups.

Keywords

Siberian Turkic languages, Khakass language, Altai language, lexical-semantic group of verbs, verbs of object movement, lexical semantics, polysemantics

For citation

Shagdurova O. Yu., Tyuntseva E. V. Semantics of verbs of object transfer in Khakass and Altai languages. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 201–214. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/15

Введение

Глаголы перемещения представляют собой особый класс лексем, описывающих изменение положения предмета в пространстве под воздействием субъекта. В некоторых работах термин *перемещение* употребляется как синоним слову *движение* [Майсак, 2005]. Другие исследователи объединяют под термином *перемещение* движение субъекта (субъектное перемещение) и движение объекта под воздействием субъекта (объектное и субъектно-объектное перемещение) [Магомедова, 1993; Твердохлеб, 2017].

Ряд лингвистов разграничивает *движение* и *перемещение*, относя к последнему ситуацию, включающую объект, движимый субъектом (см.: [Соловар, 2011; Шилова, 2003; Кошкарева, 2004; Чугунекова, 2011; Рычкова, 2017] и др.). В на-

шей работе *перемещение* используется именно в таком понимании – как перемещение объекта субъектом.

В лингвистической литературе глаголы перемещения рассматриваются как предикаты синтаксических конструкций с точки зрения формирования моделей с типовым значением перемещения [Соловар, 2011; Шилова, 2003]; анализируется влияние развития их семантики на динамику синтаксического концепта, в структурной схеме которого они употребляются [Булынина, 2004], исследуется метафорический перенос значения предложения перемещения в физической сфере в другие сферы как способ формирования синтаксической экспрессивности [Рычкова, 2017].

М. М. Булынина, изучавшая эту группу лексем в русском и английском языках, следуя методике научной школы Воронежского университета, выделяет в семантической структуре глаголов перемещения прямые, производные денотативные и коннотативные семемы. Конструкции с семантикой перемещения квалифицируются как вариант акциональной гипермодели с общим значением «агенса воздействует на объект», в такой трактовке позиции локализаторов не являются обязательными компонентами [Булынина, 2004].

Н. Г. Рычкова вслед за Т. В. Шмелевой [1988] и Н. Б. Кошкаревой [2004] относит модели перемещения «к бытийно-пространственному блоку наряду с моделями бытия и движения». При этом локализаторы входят в семантическое ядро модели [Рычкова, 2017, с. 23]. В ее работе на материале русского языка рассматриваются конструкции с предикатами – фразеологизмами с глаголами перемещения – и описываются процессы метафоризации для конструкций с прототипической семантикой перемещения, пути, закономерности формирования переносных значений и экспрессивности применительно к единицам синтаксического уровня [Там же, с. 6]. Регулярны направления переноса исходного значения «перемещение в физической сфере»: 1) акциональное воздействие в физической, социальной, интеллектуальной сферах; 2) каузация изменения состояния в социальной, эмотивной, физической сферах; 3) передача информации в социальной сфере [Там же, с. 10].

Таким образом, глаголы перемещения рассматриваются в основном с точки зрения взаимодействия лексической и синтаксической семантики.

На материале тюркских языков Сибири – шорского и хакасского – глаголы перемещения исследовались в общей системе средств выражения пространственных отношений, как предикаты в составе моделей физического перемещения объекта [Невская, 2005; Чугункова, 2011]. Классификации глаголов перемещения в этих работах основаны на критерии преимущественной реализации позиции локализатора.

При описании глаголов движения и перемещения в языках Сибири применялась и другая классификация – по компонентам, инкорпорированным в семантику лексемы: при анализе глаголов движения, перемещения в ненецком языке [Шилова, 2003] и глаголов движения в хантыйском [Соловар, 2016]. Эта классификация основана на идеях Л. Талми о типологии глаголов движения в разнотипных языках [Talmy, 2000].

В. В. Шилова выделяет у ненецких глаголов перемещения основные семантические компоненты, которые объединяют все эти лексемы: значение перемещения объекта и путь перемещения (старт и финиш), объект и субъект. Кроме них она выявила конкретизирующие их дополнительные компоненты, характеризующие процесс перемещения (способ, средство или инструмент, цель, время перемеще-

ния), объект (тип объекта, его локализация, размеры, форма и др.) и субъект перемещения [Шилова, 2003, с. 83–84].

На тюркском материале попытка такой классификации не предпринималась. Группа глаголов перемещения остается малоисследованной как с точки зрения лексической семантики, развития вторичных значений, так и с точки зрения организации лексико-семантической группы.

В данной статье рассматриваются семантические особенности глаголов физического перемещения объекта в хакасском и алтайском языках, анализируется их употребление с субъектами и объектами разных типов; лексемы систематизируются по наличию компонентов, инкорпорированных в их семантику.

Глаголы перемещения содержат основные признаки, которые позволяют объединить их в одну группу: ситуация перемещения, включающая исходный и конечный пункты, объект и субъект действия. Кроме того, среди исследуемых лексем выделяются глаголы со следующими инкорпорированными в их семантику дополнительными компонентами: «маршрут», «трасса», «способ перемещения», «средство перемещения» («транспорт» и «инструмент»), «объект». Некоторые глаголы объединяют в своей семантике два таких компонента.

Глаголы с инкорпорированным компонентом «маршрут»

Большинство хакасских и алтайских глаголов перемещения объекта содержит в своей семантике указание на «маршрут». Многие из этих лексем образованы от глаголов движения с помощью каузативных аффиксов и содержат семы, которые определяют перемещение по горизонтали, вертикали, а также характеризуют конечную точку. При этом в семантике глаголов может актуализироваться один из пунктов перемещения или оба.

Актуализация одного из пунктов перемещения

- Перемещение по горизонтали:

«внутри»: хак. *кыр-*, алт. *кийдир-* «вводить; ввозить» (< хак. *кыр-* ~ алт. *кыр-* «входить»);

«вовне»: хак. *сыгар-* ~ алт. *чыгар-* «выводить; выносить» (< *сых-* ~ *чык-* «выходить»); алт. *кодор-* «вынимать, вытаскивать»;

хак. *Кресен палаларын пайның чуртынзар кирбечеңнер* (Толстой Л. Н. олғаннарға, 1985, с. 3) «Крестьянских детей не **впускали** в дом богачей»; алт. *...таайлу-јеендү арчымактарынан аш-курсак чыгарып, ажанышка белетендилер* (И. Шодоев) «...дядя и племянник, **достав** еду из своих перемётных сум, приготовились есть» (АРС, с. 82).

- Перемещение по вертикали:

«вверх»: хак. *көдир-* ~ алт. *көдүр-* «поднимать»;

«вниз»: хак. *түзір-* ~ алт. *түжүр-* «опускать» (< *түс-* ~ *түш-* «спускаться; падать»); хак. *индір-* (< *ин-* «спускаться») «спускать с горы; вывозить с возвышенного места», «сплавлять по течению реки»;

хак. *Очкизін харагынаң азырып, хамагынзар көдірген* (Костяков, 1989, с. 83) «Убрав очки с глаз, [он] **поднял** их на лоб»; *...пабам чазыдаң хой индіріп одырғанда, аны удурлирға ибдең сыға халғабын* (Тиников, 1985, с. 10) «...когда отец мой **спускал** со степи овец, я вышел из дома встречать его».

- Перемещение относительно наблюдателя

В семантике лексем, образованных от глаголов движения путем сложения основ, заключены признаки:

«приближение к наблюдателю» (хак. *агыл-* ~ алт. *эжел-* ‘приносить; приводить; привозить’ < ал *кел-* ‘взять прийти’):

алт. ...*Бис экүге одын да экелер кижжи јок, суу да экелер кижжи јок* (Кокишев, 1980, с. 23) ‘Нам двоим и дров **принести** некому, и воды **принести** некому’.

«удаление от наблюдателя» (хак., алт. *апар-* ‘относить; отводить; отвозить’ < ал *пар-* ~ ал *бар-* ‘взять пойти [от наблюдателя]’), например:

хак. *Мына пу палыхтарны іңеңе апар пирерзің* (Костяков, 1989, с. 59) ‘Вот эту рыбу **отнесешь** матери своей’; алт. *Улус оны колтуктап, өрө көдүреле, абра јаар апардылар* (Кокишев, 1980, с. 82) ‘Люди, взяв его под руки, подняв вверх, **отнесли** к телеге’.

- Характеристика начальной / конечной точки:

«домой», «обратно»: хак. *нандыр-* ~ алт. *јандыр-* ‘отправлять домой, возвращать кого-л., что-л.’ (< *нан-* ~ *јан-* ‘возвращаться домой’); хак. *айландыр-* ‘поворачивать; возвращать обратно’ (< *айлан-* ‘поворачиваться; возвращаться’):

хак. *Адайны ээзіне айландыр пирерге иткеннер* (Толстой Л. Н. олғаннарға, 1985, с. 39) ‘Собаку хотели **вернуть** ее хозяину’; алт. *Айылчыларын күндүлетпей ле јандырган* ‘Отправил своих гостей **домой**, даже не оказав уважение’ (АРС, с. 418);

«до точки назначения»: хак. *читір-* ~ алт. *јетир-* ‘доставлять’ (< *чит-* ~ *јет-* ‘достигать, добираться’):

алт. *Шак ол заводтон туку Бийск төөн сарју, сыр јетирип туратаныс* (Д. Каинчин) ‘С того самого завода вон до Бийска масло, сыр **доставляли**’ (АРС, с. 201–202);

«близко (к конечному пункту)»: хак. *чагыннат-* ‘придвинуть близко к кому-, чему-л.; поместить, расположить близко или ближе к чему-л.’ (< *чагынна-* ‘приближаться’ < *чагын* ‘близко’ + глаголообразующий аффикс *-ла*); *јууктат-* (< *јуукта-* ‘приближаться’ + каузативный аффикс *-т* < *јуук* ‘близко’ + глаголообразующий аффикс *-ла*);

хак. *Роман... хураганнарын, хадарып ала, хыстагзар чагыннатхан* (ХА) (ТСХЯ, 2023, с. 578) ‘Роман, охраняя ягнят, **приближал** их к зимнику’.

Имеются также глаголы, в которых корнем обозначен конкретный конечный пункт перемещения. Они образованы путем прибавления каузативного аффикса к глаголам движения, которые, в свою очередь, являются результатом отыменного словообразования: алт. *тайгала-* ‘угонять скот пастись в тайге’ (< *тайгала-* ‘ездить по тайге (горам)’ < *тайга* + глаголообразующий аффикс *-ла*).

алт. *Алтай јурт јерлерде, колхоз-совхоз ойинде, малчы-койчы эр улус малын тайгаладып јүретен* (Алтайдын чолмоны) ‘В алтайских селах во времена колхозов-совхозов мужчины свой скот **угоняли пастись в тайге**’ (АРС, с. 641).

В этой лексеме, кроме семантического компонента «маршрут», содержится компонент «цель».

Актуализация начальной и конечной точки перемещения

«с одного места на другое»: хак. *көзір-* ~ алт. *көчүр-* ‘перевозить’ (< *көс-* ~ *көч-* ‘перекочевывать; переезжать’); хак. *чылдыр-* ~ алт. *јылдыр-* (< *чыл-* ~ *јыл-* ‘сдвигаться’) ‘переместить, передвинуть’:

хак. *Іңезі палазын городтаң нандыра аалзар көзірібіскен* ‘Мать **перевезла** сына из города обратно в деревню’ [Чугунекова, 2011, с. 47]; ...*хыринда чатхан четты позынзар чылдырып алып...* (Тиников, 1985, с. 160) ‘...рядом лежащие счета, **передвинул** к себе...’;

алт. *Аринаны дезе ёскё јер јаар кёчүре берерге шүүнип алган* (Кокышев, 1980, с. 242) ‘А Арину [он] решил **перевезти** в другое место’; *Келинниг чичкечек ле узун сабарлары чоттын тегеликтерин ары-бери түрген жылдырып...* (Б. Укачин) ‘Тоненькие и длинные пальцы молодой женщины, быстро **передвигая** туда-сюда кругляшки счёта...’ (АПС, с. 222).

Субъектом физического перемещения при данных глаголах может быть как человек, животное, так и транспортные средства. Исключение составляют глаголы хак. *нандыр-* ~ алт. *јандыр-*, хак. *чагыннат-*, хак. *индір-*, при которых субъектом выступает только человек.

Глаголы с инкорпорированным компонентом «трасса»

В семантике некоторых глаголов заложен компонент «трасса» перемещения, эти лексемы образованы также от глаголов движения с помощью каузативных аффиксов:

«на другую сторону водного объекта / дороги»: хак. *кизір-* ~ алт. *кечир-* (< *кис-* ~ *кеч-* ‘переправляться через реку, переходить через дорогу’) ‘перевозить, переносить (через реку, дорогу)’:

хак. *Пу даа асхырлыг чылгыны олох пеер кизір пиртір* (Доможаков, 1975, с. 189) ‘И этот табун лошадей с жеребцом он же сюда **переправил через реку**’.

«через препятствие»: хак. *азыр-* ~ алт. *ажыр-* (< *ас-* ~ *аш-* ‘переваливать через что-л.’) ‘переносить, перевозить, перегонять (через препятствие)’:

хак. *Отты таг азырарга килісче* ‘Приходится сено **перевозить через** гору’ (ХРС, с. 36); алт. *кырды ажырып ийер* ‘**перевезти через** гору’ (АПС, с. 30); *Бисти суу-талайдын ол јанына кечирлер?* (АНС, с. 76) ‘Перевезете нас на тот берег реки-моря?’;

«сквозь что-л.»: алт. *откүр-* (< *от-* ‘проходить’) ‘проводить через что-л.’:

алт. *Ол туристтерди агаиш аразыла өткүрер* (АПС, с. 536) ‘Он **проведёт** туристов через лес’;

«по течению реки»: хак. *агыс-* ~ алт. *агыс-* ‘пустить что-л. по течению реки’:

хак. *Көнегімні сала ла агызыбыспадым* ‘[Я] **чуть не упустила** свое ведро **по реке**’.

Глаголы с инкорпорированным компонентом «способ перемещения»

Обобщающим признаком глаголов данной подгруппы является «способ осуществления действия», а также в этих лексемах присутствуют уточняющие семы: «с усилием»: хак., алт. *тарт-* ‘тянуть; тащить’, например:

алт. *Байа эки ле тоормошту чанакты јарды өрө тартып болбой, узак ла чиректенген* (Н. Бельчкова) ‘Не в силах **тащить** вверх по оврагу санки с теми же двумя брёвнами, долго же [он их] тянул’ (АПС, с. 816);

«волоком»: хак. *сөртө-* ~ алт. *сүүрте-* ‘тащить, тянуть, волочить’, алт. *сүүректе-* ‘волочить, тащить волоком’:

хак. *Пір хус чохыр нимені сөртеп париған осхас полған, че тигірзер көдірілбин, ноға-да чирче сөртепчеткен* (Доможаков, 1975, с. 11) ‘Казалось, что одна птица **тащила** что-то пятнистое, но почему-то, не поднимаясь на небо, **тащила** по земле’.

Семы «волоком» и «с усилием» могут соединяться в одном глаголе: хак. *sözir*- ‘тащить, тянуть, волочить’, например:

хак. *Отрядтың иң соондагылары азых-түлүк таарлаан санах сөзірглеп парчалар* (ТСХЯ, 2023, с. 101) ‘Люди из отряда, идущие позади всех, **тащили** груженные снастью сани’;

«броском»: хак. *таста-* ~ алт. *ташта-* ‘бросать, кидать что-л.’; хак. *сас-* ~ алт. *чач-* ‘кидать, бросать’; хак. *сил-* ~ алт. *чели-* ‘швырять (рывком)’; хак. *ызылат-* ‘бросать, кидать с силой, резко’, *сымала-* ‘бросать, кидать’; алт. *чыбала-* ‘бросать’;

хак. *...ол ипчи ол хоосханы, ниткезінең хаап, тасхар силібіскен* (Топоев, 1997, с. 134) ‘...та женщина ту кошку, схватив за шкурку, **швырнула** на улицу’; алт. *Бука оны мүўзине илеле, айылдаштың маны ажыра челиген* (Т. Торбоков) ‘Бык, зацепив его рогами, **перебросил** через соседскую изгородь’ (АРС, с. 806);

«с помощью своих частей тела»: хак. *тазы-* ~ алт. *тажы-* ‘таскать, носить’;

хак. *Пораатай, паза пеер чүгічектер паза чічіректер тазыбин, уя пазарга одырыбысхан* (Толстой Л. Н. олғаннарға, 1985, с. 36) ‘Воробей, больше **не таская** сюда перышки и солому, сел высиживать птенцов’; алт. *...шыркалу улусты та-жып, санитарлар кыймыража бердилер* (Л. Кокышев) (АРС, с. 639) ‘...санитары забегали, **таская** [в машины] раненых людей’;

«принуждая»: хак., алт. *сүр-*, алт. *айда-* ‘гнать’. Данные глаголы содержат и информацию об одушевленности объекта (объект – живое существо):

хак. *Мал даа сүрерге Икентай чөр килче, мин сүт ние пысхан аразында* (ЧЛ ӨЧ) (ТСХЯ, 2023, с. 124) ‘Икентай хоть **выгонять** скот ходит, пока я сепарирую молоко’.

Субъектом при глаголах ‘тащить, тянуть’ могут быть как человек, животное, так и транспортное средство. Действие, выраженное глаголами со значением ‘бросать, кидать’, совершает в основном человек, очень редко животное. В следующем примере имеет место метонимический перенос, так как настоящим действующим лицом здесь является не самолет, а находящиеся в нем люди:

хак. *...немецтерниң самолёттары сах андох бомба тастапчалар* (Костяков, 1989, с. 108) ‘...немецкие самолёты сразу же начинают **бросать** бомбы’.

Согласно типологической классификации Л. Талми тюркские языки относятся к языкам «глагольного типа», в которых «маршрут» кодируется в глагольном корне. В языках «сателлитного типа» корнем обозначен способ движения, а маршрут определяется «сателлитами» – служебными морфемами, глагольными модификаторами [Talmy, 2000]. В этом аспекте были рассмотрены глаголы кетского и хантыйского языков [Буторин, 2012; Соловар, 2016], которые по данной классификации представляют «сателлитный тип». Однако В. Н. Соловар приходит к выводу о неоднозначности места хантыйского языка в классификации Л. Талми, так как в этом языке «имеются глаголы разных словообразовательных и семантических моделей» [2016, с. 59].

В исследуемых тюркских языках наряду с глагольным используется и сателлитный тип выражения семантического компонента «маршрут». У лексем с инкорпорированным семантическим компонентом «способ перемещения объекта» в контексте параметр «направление» уточняется с помощью сателлитов-превербов. Превербы отмечал в тюркских языках В. И. Рассадин [1981, с. 221–222]. Функционально они сближаются с послелогами, но отличаются от них доминирующей отнесенностью к глаголу [Чугунекова, 1998, с. 13]. В рассматриваемых языках превербы образованы от формы слитного деепричастия на *-а* глаголов

с инкорпорированным в семантику компонентом «маршрут»: хак. *кире*, алт. *кийдире* (< *кир-*, *кийдир-* ‘вводить’) указывает на движение внутрь чего-либо; хак. *сыгара* ~ алт. *чыгара* (< *сыгар-* ~ *чыгар-* ‘выносить, выводить’) «употребляется для образования сложных глаголов, указывающих на совершение действия, направленного наружу, вовне, за пределы чего-л.» (АРС, с. 847).

хак. ...*алыг таахтарны уйаларына кире сүрп* муханчатханда, чил иледе тыбысыхан (Топоев, 1991, с. 35) ‘Пока мучился, **загоняя** глупых куриц в их гнезда, ветер еще больше усилился’; *Михеич сах андох, ізебінең фонарьычах сыгара тартып*, иб істін чарыдыбысхан (Костяков, 1989, с. 201) ‘Михеич, **вытащив** из кармана фонарик, тут же осветил внутренность дома’;

алт. *Јылан дезе ол ак немени Ысқұс-Уулдың оозына кийдире чачып ийген* (АНС, с. 316) ‘А змея что-то белое **забросила** в рот Ысқюс-Уула’; алт. *Карманынан кирлү колпаладын чыгара тартып ийеле... кожондоп турды...* (Кокышев, 1980, с. 51) ‘**Вытащив** из кармана грязный носовой платок... [она] запела’.

Глаголы с инкорпорированным компонентом «средство перемещения»

В семантике глаголов данной группы имеется указание на «транспорт» или «инструмент», с помощью которого осуществляется перемещение:

хак. *ўңер-* ‘везти на верховой лошади *кого-л.*, *что-л.* переброшенным через седло’. В данном глаголе инкорпорировано два компонента: «транспорт» и «способ перемещения», например: *Хыстарны тутхыннап, ўңерчеңнер* ‘Раньше девушек карамчили¹ и **увозили на верховой лошади, перебросив через седло**’ (ХРС, с. 753).

В глаголах, образованных от существительных путем присоединения глаголообразующего аффикса *-ла*, отражается инструмент, с помощью которого совершается действие: хак. *нанна-* ‘двинуть что-л. бедром’ (< *нан* ‘бок’), алт. *көжүүрле-* (< *көжүүр* ‘рычаг, домкрат’) ‘приподнимать, передвигать рычагом (домкратом)’, например:

хак. *Наннирга иткендөк сишти түскен хатычах ам на хости пол парган* (ШВ ЧС) (ТСХЯ, 2020, с. 347) ‘Как только [он] хотел **двинуть бедром**, взвизгнувшая бабенка только сейчас оказалась рядом’; алт. *Алдынган өрө көжүүрлеп, мынан чыгарга болужарым* (П. Кучияк) (АРС, с. 369) ‘**Приподнимая** снизу вверх **с помощью рычага**, помогу выбраться отсюда’.

Глаголы с инкорпорированным компонентом «объект»

Глаголы с инкорпорированным компонентом «объект» могут конкретизировать его или уточнять его форму, субстанцию, одушевленность: алт. *телеграмма-ла-* ‘отправлять телеграмму’ (< телеграмма + глаголообразующий аффикс *-ла*); *тогылахтандыр-* ‘катить, перекатывать что-л. круглое’ (*тогылахтан* ‘катиться’ (< *тогылах* ‘круглый’) + каузативный аффикс *-дыр*); алт. *тоглот / толот-* ‘катить’ (ср. *тоглок* ‘предмет круглой формы’); хак. *агыс-* ~ алт. *агыс-* в значении ‘лить, пускать воду, жидкость’ (< *ак-* ~ *ах-* ‘течь’).

хак. *Сабанны тогылахтандырып апарарга* ‘**Скатить** бочку’ (ХРС, с. 636); *Наңмырлыг сугны чурттаң хыйа агысчаң кооп хасхабыс* (Татарова, 1991, с. 68)

¹ Карамчить – похищать девушку с целью жениться.

‘[Мы] копали канаву, по которой **будут спускать** дождевую воду в сторону от дома’; алт. *Кемдер келетенин озолодо телеграммалап жартагар* (К. Төлөсөв) ‘Заранее поясните, **отправив телеграмму**, кто приедет’ [Колесникова, 2004, с. 187].

Остальные лексемы в нашей выборке, указывающие на объект действия, содержат еще какой-либо компонент. Так, в глаголе хак. *чидін* ~ алт. *једин* ‘вести за повод, за руку’ инкорпорирован «способ перемещения» (держа за повод, за руку) и указание на одушевленный объект; лексема хак. *чала* ‘выгонять скот на пастбище’ содержит «маршрут» и отнесенность к скоту.

хак. *Иртен малларны чазызар чалап салган соонда, оолахтар пазох кўргензер чыылысханнар* (Топоев, 1991, с. 10) ‘Утром, после того как **выгнали скот на пастбище**, мальчики снова собрались к кургану’; алт. *кичинек баланы јединип алар* ‘вести за руку маленького ребёнка’; *Бир үй кижси адын јединип алала, бис экү дөдөн басты* (К. Телесов) ‘Одна женщина, **ведя в поводу** своего коня, пошла в нашу с ним сторону’ (АРС, 195).

Субъектом при данных глаголах, как правило, выступает человек, лишь при некоторых субъектом может быть и животное (‘катить’):

алт. *Тоормоштый тоголодып... Ат [айуны] айылга экелди* (Ч. Чунижеков) ...Как бревно **катя**... Конь привёз [медведя] домой (АРС, с. 680).

Субъект и объект физического перемещения во вторичных значениях глаголов

У глаголов перемещения объекта выделяются как вторичные значения, описывающие физическое перемещение, так и метафорические значения. В последнем случае ситуация перемещения переосмысливается как изменение состояния, переносится из физической сферы в социальную и др. В данной статье мы останавливаемся только на значениях физического перемещения, исходных и производных, вторичных.

Субъектом при глаголах перемещения выступает в основном человек, иногда в роли субъекта встречаются животное, техническое средство. Во вторичных значениях, также выражающих физическое действие, субъектом может быть природная сила (ветер, река, волны), действие которой приводит к перемещению объекта:

хак. *Ырах ниместе чарына толдыра суун хайрахан Аббан индирген* (Ах тасхыл, 1991, с. 13) ‘Недалеко величественная **река** Абакан **гнала вниз** полную до краев свою воду’; *Хазыр чил чол хыриндагы агастарны прай индир салган* ‘Сильный **ветер повалил** все деревья, находящиеся у края дороги’;

алт. *Чөлдөн келген соок салкын карды көдүрип... Чуйдын трагы төмөн чөйбө улып жүрө берет* (Кокышев, 1980, с. 264) ‘Прилетевший из степи холодный **ветер, поднимая** снег... завывая, тянется вниз по Чуйскому тракту’; *јердин үстіндеги кадарын суу апарган* ‘верхний слой почвы **унесла вода**’ (АРС, с. 248); *Толкулар... Курачынын када берген сөбктөрин талкандаарга тургандый, ары таиштан, бери таиштан, түрген агызып турды* (Кокышев, 1980, с. 151) ‘Волны... как будто хотели перемолоть, как талкан², затвердевшие кости Курачы, **бросая** туда, **бросая** сюда, быстро уносили [их] (по течению)’.

² Талкан – традиционная пища многих тюркских народов Сибири из обжаренного и перемолотого ячменя.

В качестве объекта выступают различные предметы, живые существа. Во вторичных значениях, выражающих также физическое перемещение, это может быть человек или – очень часто – часть тела (поднять / опустить / волочить конечности, поднять / опустить голову, глаза):

хак. *Че-е, ам чаа кинектерін сдөртеп сыхтылар* (Топоев, 1992, с. 91) ‘Ну, теперь еще и ветеранов войны начали **таскать** [в магазины, для того, чтобы получить льготы]’; *Пазын кддирзе, хыриндагы орган пос турча, Паскирниң сагбазы чоғыл* (Костяков, 1989, с. 71) ‘Когда [он] **поднял голову** [видит], кровать, которая стоит рядом, пустая, Паскира нет’; ...*Акайзар улуг окерек харахтарын орта көрерге уядып, чирзер түзірібіскен* (Халларов, 1984, с. 33) ‘...Постеснявшись посмотреть прямо на Акая большими, красивыми глазами, [она их] **опустила** в землю’;

алт. *Көстөринг кддүрин көрзөн. Алдында јаткан немени канай көрбөй турун* ‘**Подняв глаза**, посмотри. Как не видишь то, что перед тобой лежит’; ...*Карганак буттарын сүүртеп, столго јууктай басты* (Кокышев, 1980, с. 262) ‘...Старушка, **волоча ноги**, приблизилась к столу’; *Карабаш... секирген бойынча сол будын јайат... онг будын таиштайт* (Э. Тоюшев) ‘Карабаш... подпрыгивая, вытягивает левую ногу... **выбрасывает** правую **ногу**’ (АРС, с. 577).

Заключение

Глаголы рассмотренной группы включают обязательные признаки, характерные для ситуации перемещения: исходный и конечный пункты перемещения, объект и субъект действия. В конкретном контексте тот или иной пункт может быть опущен, но он подразумевается.

Кроме того, в семантику глаголов перемещения хакасского и алтайского языков инкорпорированы дополнительные компоненты: «маршрут», «трасса», «способ перемещения», «средство перемещения» («транспорт» и «инструмент») и «объект». Некоторые из этих компонентов могут совмещаться в одном глаголе. Так, компонент «объект» может быть совмещен с компонентом «способ перемещения» или «маршрут», «маршрут» – с компонентом «цель».

Согласно типологической классификации Л. Талми, тюркские языки относятся к глагольному типу, выражая указание на «маршрут» своим корнем. Глаголы перемещения, содержащие компонент «маршрут», чаще всего образованы от глаголов движения с помощью каузативных аффиксов. От них, в свою очередь, произошли превербы, уточняющие «маршрут» у глаголов, включающих компонент «способ перемещения». Таким образом, в тюркских языках в данном случае используются сателлиты.

При глаголах, обозначающих физическое перемещение объекта, субъектом выступает прежде всего человек, реже это может быть животное или техническое средство (транспорт). Во вторичных значениях, которые также выражают физическое действие, в качестве субъекта встречаются природные явления и объекты (ветер, река, волны). Объекты физического перемещения – различные предметы и живые существа.

В двух исследуемых языках группа глаголов перемещения обнаруживает большое сходство в своем составе и идентичность семантических структур входящих в нее лексем. Выделяются также специфичные глаголы, которые связаны с бытом, трудовой деятельностью этих этноязыковых коллективов.

В хакасском и алтайском языках имеются специальные глаголы, указывающие на перемещение коня, скота и перемещение на лошади (указание на транспорт), что связано с ведущим значением скотоводства и важной ролью лошади в хозяйстве и культуре этих народов: хак. *чала-* ‘выгонять скот на пастбище’, хак. *чидін-* ~ алт. *једин-* ‘вести за повод’; хак. *јңер-* ‘везти на верховой лошади кого-л., что-л. переброшенным через седло’.

Список литературы

- Булынина М. М.* Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 40 с.
- Буторин С. С.* Директивные глагольные сателлиты в кетском языке и типология моделей лексикализации Л. Талми // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 1 (116). С. 33–37.
- Кошкарева Н. Б.* Пропозиция и модель (на примере предложений перемещения в уральских и тунгусо-маньчжурских языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 70–80.
- Колесникова А. В.* Аффиксальное глаголообразование в алтайском языке (в сопоставлении с древнетюркским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2004. 28 с.
- Магомедова П. А.* Функционально-семантический анализ глаголов перемещения в аварском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1993. 20 с.
- Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: ЯСК, 2005. 480 с.
- Невская И. А.* Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 304 с.
- Рассадин В. И.* Проблемы общности в тюркских языках саяно-алтайского региона // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981. С. 219–231.
- Рычкова Н. Г.* Синтаксические механизмы формирования экспрессивности (на примере предложений с русскими глагольными фразеологизмами с прототипической структурой перемещения): Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 413 с.
- Соловар В. Н.* Семантика глаголов перемещения и формируемые ими элементарные простые предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Вестник Вят. гос. гуманит. ун-та. 2011. № 1–2. С. 45–49.
- Соловар В. Н.* Семантическая классификация глаголов по способу движения (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 58–67.
- Твердохлеб О. Г.* Репрезентация инструмента (техника) в субъектных позициях в русских предложениях, образованных глаголами перемещения, ориентированного относительно конечного пункта // Вестник Приамур. гос. ун-та им. Шолом-Алейхема. 2017. № 2 (27). С. 90–99.
- Чугунекова А. Н.* Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998. 19 с.

Чугунекова А. Н. Глаголы со значением каузации перемещения, помещения и локализации объектов // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 2 (27). С. 46–48.

Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке: Ч. 1. Новосибирск: НГУ, 2003. 106 с.

Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 168–202.

Talmy L. *Towards a Cognitive Semantics*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000. 565 p.

Список словарей

АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.

ТСХЯ – Толковый словарь хакасского языка / Под ред. К. Н. Боргояковой. Абакан: Хак. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2020. Т. 1. 608 с.; 2023. Т. 2. 736 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Список источников

АНС – Алтайские народные сказки / Сост. Т. М. Садалова. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 21. 455 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)

Ах тасхыл. Ағбан, 1991. № 39. 155 с.

Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Красноярск, 1975. 256 с.

Кокышев Л. В. Алтайдын кыстары (Дочери Алтая). Горно-Алтайск, 1980. 495 с.

Костяков И. М. Чибек хур. Абакан, 1989. 232 с.

Татарова В. Н. Аат табызы. Абакан, 1991. 232 с.

Тиников Н. Е. Тіріг кизи џлбечен. Абакан, 1985. 239 с.

Толстой Л. Н. олғаннарға / Пер. на хак. яз. М. Н. Чебодаева, С. Е. Карачакова. Абакан, 1985. 200 с.

Топоев И. П. Көйтiк Миргенек. Ағбан, 1991. 40 с.

Топоев И. П. Туғаннар. Ағбан, 1992. 119 с.

Топоев И. П. Хоңалтах џдік. Абакан, 1997. 160 с.

Халларов А. А. Акай. Ағбан, 1984. 184 с.

References

Bulynina M. M. *Glagol'naya kauzatsiya dinamiki sintaksicheskogo kontsepta (na materiale russkoy i angliyskoy leksiko-semanticheskikh grupp glagolov peremeshcheniya ob'ekta)* [Verbal causation of syntactic concept dynamics (on the material of Russian and English lexical-semantic groups of verbs of object movement)]. Dr. philol. sci. diss. Voronezh, 2004, 40 p.

Butorin S. S. Direktivnye glagol'nye satellity v ketskom yazyke i tipologiya modeley leksikalizatsii L. Talmiv [Directive verbal satellites in the Ket language and typology of lexicalization models by L. Talmy]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012, iss. 1 (116), pp. 33–37.

Chugunekova A. N. *Glagoly dvizheniya i formiruemye imi modeli prostogo predlozheniya (na materiale khakasskogo yazyka)* [Verbs of motion and models of a simple sentence formed by them (a case study of the Khakass language)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1998, 19 p.

Chugunekova A. N. Glagoly so znacheniem kauzatsii peremeshcheniya, pomeshcheniya i lokalizatsii ob'ektov [Verbs with the meaning of causation of moving, placing and localization of objects]. *The world of science, culture and education*. 2011, iss. 2 (27), pp. 46–48.

Kolesnikova A. V. *Affiksial'noe glagoloobrazovanie v altayskom yazyke (v sopostavlenii s drevnetyurkskim yazykom)* [Affixal verb formation in the Altai language (in comparison with the ancient Turkic language)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2004, 28 p.

Koshkareva N. B. Propozitsiya i model' (na primere predlozheniy peremeshcheniya v ural'skikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykakh Sibiri) [Proposition and model (on the example of displacement sentences in Uralic and Tunguso-Manchurian languages of Siberia)]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2004, no. 4, pp. 70–80.

Magomedova P. A. *Funktsional'no-semanticheskii analiz glagolov peremeshcheniya v avarskom i russkom yazykakh* [Functional-semantic analysis of verbs of movement in the Avar and Russian languages]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Makhachkala, 1993, 20 p.

Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnykh s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammatikization paths of motion and posture verbs: typology]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 480 p.

Nevskaya I. A. *Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri (na materiale shorskogo yazyka)* [Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (a case study of the Shor language)]. Novosibirsk, 2005, 304 p.

Rassadin V. I. Problemy obshchnosti v tyurkskikh yazykakh sayano-altayskogo regiona [Issues of Universality in Sayan-Altai Turkic Languages]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik. 1977* [Turkological Anthology. 1977]. Moscow, 1977, pp. 219–231.

Rychkova N. G. *Sintaksicheskie mekhanizmy formirovaniya ekspressivnosti (na primere predlozheniy s russkimi glagol'nymi frazeologizmami s prototipicheskoy strukturoy peremeshcheniya)*. [Syntactic mechanisms of expressiveness formation (a case study of sentences with Russian verbal phraseologisms with the prototypical structure of movement)]. Cand. philol. sci. diss. Krasnoyarsk, 2017, 413 p.

Shilova V. V. *Prostranstvennye modeli elementarnykh prostykh predlozheniy v nenetskom yazyke: Ch. 1* [Spatial models of elementary simple sentences in the Nenets language: Part 1]. Novosibirsk, NSU, 2003, 106 p.

Shmeleva T. V. Modus i sredstva ego vyrazheniya v vyskazyvanii [Modus and its means of expression]. In: *Ideograficheskie aspekty russkoy grammatiki* [Ideographic aspects of Russian grammar]. Moscow, 1988, pp. 168–202.

Solovar V. N. Semantika glagolov peremeshcheniya i formiruemye imi elementarnye prostye predlozheniya v khantyyskom yazyke (na materiale kazym'skogo dialekta) [Semantics of verbs of movement and elementary simple sentences formed by them in the Khanty language (a case study of the Kazym dialect)]. *Herald of Vyatka State University*. 2011, iss. 1–2, pp. 45–49.

Solovar V. N. Semanticheskaya klassifikatsiya glagolov po sposobu dvizheniya (na materiale kazym'skogo dialekta khantyyskogo yazyka) [Semantic classification of verbs by the way of movement (a case study of Kazym dialect of the Khanty language)]. *Bulletin of Ugric studies*. 2016, iss. 4 (27), pp. 58–67.

Tverdokhlebov O. G. Reprezentatsiya instrumenta (tekhnika) v sub'ektnykh pozitsiyakh v russkikh predlozheniyakh, obrazovannykh glagolami peremeshcheniya, orientirovannogo otnositel'no konechnogo punkta [Representation of a tool (technique) in subject positions in Russian sentences formed by verbs of movement, oriented relative

to the final point]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleykhema*. 2017, no. 2 (27), pp. 90–99.

Talmy L. *Towards a Cognitive Semantics*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000, 565 p.

List of dictionaries

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018, 935 p.

Khakassko-russkiy slovar' [Khakas-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, 2006, 1114 p.

Tolkovyy slovar' khakasskogo yazyka [Khakas explanatory dictionary]. K. N. Borgoyakova (Ed.). Abakan, Khak. kn. izd. im. V. M. Torosova, 2020, vol. 1, 608 p.; 2023, vol. 2, 736 p.

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Шагдурова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Елена Валерьевна Тюнтешева, кандидат филологических наук старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Olga Yu. Shagdurova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Elena V. Tyuntesheva, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 29.06.2024;

одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 08.07.2024

The article was submitted on 29.06.2024;

approved after reviewing on 08.07.2024; accepted for publication on 08.07.2024

Научная статья

УДК 811.512.156+33

DOI 10.17223/18137083/89/16

Эвфемизмы, репрезентирующие значение ‘умереть’ в тувинском и монгольских языках

Начын Михайлович Монгуш

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

mongusnachyn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8784-3323>

Аннотация

Рассматриваются эвфемизмы со значением ‘умереть’ в тувинском и монгольских языках – халха-монгольском, бурятском, калмыцком. К анализу также привлекаются материалы цэнгэльского говора алтайского диалекта тувинского языка в Северо-Западной Монголии. Выявленные эвфемизмы разделяются по стиливой принадлежности на три группы: возвышенного стиля, нейтрального стиля, сниженного стиля. Устанавливаются параллельные для рассматриваемых языков эвфемизмы, предположительно, имеющие общие источники. Они обусловлены историческими и культурными контактами, духовной близостью, схожестью уклада жизни и хозяйствования, отсюда и общностью в представлениях о мире, жизни и смерти. Отмечаются различия в рассматриваемой группе эвфемизмов в сопоставляемых языках, присущие только отдельным языкам.

Ключевые слова

глагольные эвфемизмы, значение ‘умереть’, стиливая принадлежность эвфемизмов, тувинский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, цэнгельский говор тувинского языка

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (№ 23-18-00659)

Для цитирования

Монгуш Н. М. Эвфемизмы, репрезентирующие значение ‘умереть’ в тувинском и монгольских языках // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 215–228. DOI 10.17223/18137083/89/16

© Монгуш Н. М., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 215–228
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 215–228

Euphemisms representing the meaning ‘to die’ in Tuvan and Mongolian languages

Nachyn M. Mongush

Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

mongusnachyn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8784-3323>

Abstract

This paper presents a comparative study of euphemisms with the meaning “to die” in the Tuvan and Mongolian languages, specifically Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk, with a focus also on the Tsengel dialect of the Tuvan language in the North-West of Mongolia. The euphemisms that have been identified are categorized into three distinct stylistic groups. The first group consists of euphemisms of the sublime style associated with religious (Buddhist) beliefs regarding human existence and mortality. The latter is often seen as a passage to rebirth, embodying traits like burkhan/burgan, or signifying the pathway to the realm of burkhan/burgan (heaven, paradise, nirvana, and the true world). Furthermore, it symbolizes the journey back to one’s place of residency, the eradication of suffering, and the attainment of serenity. The second category includes neutral-style euphemisms that demonstrate similarities with the concept of “non-being” formed using the negative component of Tuvan *chok*, Khalkha-Mongolian *uguy*, Buryat *ugy*, Kalmyk *uga*. Also, death means reaching the allotted time for life, passing away, lack of breath, or loss of the ability to see. The third group includes the euphemisms of substandard style used in rough speech, mainly with no direct parallels in the languages under analysis. They are defined as dysphemisms. Parallel euphemisms in the languages considered can result from shared origins, historical and cultural interactions, spiritual connections, similarities in lifestyle, and similar governance systems. Consequently, there is a shared understanding of concepts related to the world, life, and death, with distinct variations specific to each language.

Keywords

verbal euphemisms, meaning ‘to die’, stylistic affiliation of euphemisms, Tuvan language, Khalkha-Mongolian language, Buryat language, Kalmyk language, Tsengel dialect of the Tuvan language

Acknowledgments

The research was conducted with the financial support of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project “The Turkic-Mongolian world of Central Asia: linguistic, historical, ethno-cultural processes in diachrony and synchrony” (no. 23-18-00659)

For citation

Mongush N. M. Euphemisms representing the meaning ‘to die’ in Tuvan and Mongolian languages. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 215–228. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/16

Введение

Эвфемизмы – эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, которые представляются носителям языка неприличными, грубыми и страшными, вызывающими при их произнесении негативные последствия. Эвфемизмы смягчают табуированные слова и выражения (ЛЭС, 1990, с. 590). Эвфемизмы в сибирских языках изучались в работах А. Д. Каксина [2016; 2017]. Имеются специальные исследования на материале якутского и алтайского языков [Павлова, 2017; Яимова, 1985]. Сопоста-

вительному анализу эвфемизмов английского, немецкого, русского и бурятского языков посвящено исследование О. С. Цыдендамбаевой [2011].

Тема эвфемизмов в тувинском языке освещалась в работах Ш. Ч. Сата [1984], П. С. Серен [2012; 2019], Н. Д. Сувандии [2016], Е. М. Куулар [2018], К. Б. Доржу [2018], Н. М. Монгуш [2021; 2022]. Материалы по цэнгэльскому говору алтайского диалекта тувинского языка в Северо-Западной Монголии приводят Э. Таубе [Taube, 1974], Д. А. Монгуш [1983].

Изучению эвфемизмов со значением ‘смерть’ посвящены работы по материалам бурятского языка [Цыдендамбаева, Доржеева, 2020], языка древнетюркских памятников и современных тюркских языков [Жизненное пространство..., 2021]. Целью нашей статьи является сопоставительный анализ глагольных эвфемизмов со значением ‘умереть’ в тувинском и монгольских языках – халха-монгольском, бурятском, калмыцком с точки зрения общности значений и имеющихся различий. К анализу также привлекаются данные цэнгэльского говора алтайского диалекта тувинского языка.

Материалом для анализа послужили данные словарей: монгольского языка (БАМРС, I–IV; БМРС, 1951), тувинского языка (Татаринцев, 2008; ТРС, 1968; Хертек, 1975). Примеры по бурятскому, калмыцкому языкам и цэнгэльскому говору тувинского языка извлечены из [Цыдендамбаева 2011, 2020; Taube, 1974; Монгуш, 1983; Серен, 2012; 2019; Баярсайхан, 2002].

Эвфемизмы со значением ‘умереть’ в тувинском и монгольских языках

Исследуемые глагольные эвфемизмы со значением ‘умереть’ в тувинском и монгольских языках маркированы признаками социального положения умершего и степени его авторитета. Поэтому они употребляются в разных стилистических типах высказывания, речевых жанрах и коммуникативных ситуациях. Это и обусловило стилистическую принадлежность данных эвфемизмов к тому или иному стилистическому пласту лексики – возвышенному, нейтральному или сниженному.

1. К **возвышенному стилю** относится довольно многочисленная группа эвфемизмов, связанных с религиозными представлениями, главным образом с буддийскими. Для них характерно присутствие компонентов тув. *бурган* / хмонг., бур. *бурхан*, калм. *бурхн* ‘бог, Будда’; тув. *бурган ораны* / хмонг., бур. *бурхан орон* ‘страна богов’, тув. *дываажан* / хмонг. *диваажин* ‘Диваажин, рай, небеса’ и др.

1.1. В буддизме смерть не является окончательным, полным прекращением жизни, а знаменует переход от этой жизни к следующей, к очередному новому рождению – «умирание – перерождение». Тувинский сложный глагол-эвфемизм *төре аралчыыр* ‘переродиться’ восходит к монг. *төрөл арилжих* ‘сменить рождение, переродиться’ (от *төрөл* ‘рождение, жизнь’ и *арилжих* ‘менять, обменивать’), которые употребляются также в отношении высокопоставленных духовных лиц.

1.2. Идея перерождения в высших мирах, мире богов в результате благочестивой жизни отражена и другими эвфемизмами со значением ‘умирание – обретение качества бурхана / бургана’¹: тув. *бурган болур*, хмонг. *бурхан болох*,

¹ В тюрко-монгольском религиозном культе *бурхан* / *бурган* – это высшая сила, создатель, творец. В монгольско-буддийской литературе слово *burhan* (или *purhan* / *porhan*) обозначает Будду [Шушаник, 2021].

бур. *бурхан болохо*, калм. *бурхн болх*, которые буквально переводятся как ‘стать, сделаться богом’. К этой группе примыкают и хмонг. эвфемизмы *тэнгэр болох* – букв. ‘стать небом’, *наран болох* – букв. ‘стать солнцем’. Известен древний культ поклонения небу у тюрков и монголов. Вечное синее небо «хөх тэнгэр» в древних культурах этих народов мыслится как божество [Абаев и др., 2014]. Солнце также входит в систему культа неба как сакральный объект, божество [Даржа, 2016, с. 6].

1.3. Идею «умирание – отправление в страну бурхана / бургана – небо – рай (нирвана) – истинный мир» передает ряд эвфемизмов:

- тув. *бурган оранынче чоруур* (*чоруй баар*), цэнг. *бурган-дываажан оранынче чоруур*, хмонг. *бурханы оронд явах* (*одох*), бур. *бурханай орондо ябах* (*ошохо*) ‘отправляться / идти в страну богов’;
- тув. *дээрже чалараар* букв. ‘изволить в небо’; хмонг. *өөд болох* ‘возвыситься’, *заяаны эрхээр өөд болох* букв. ‘возвыситься по воле судьбы’; уул *далдах* букв. ‘спрятаться за облаком’;
- тув. *дываажанче агтаныптар*, хмонг. *дываажинд залрах* ‘взойти на небеса, рай’, *дываажинд морилох* букв. ‘отправляться верхом в рай’; цэнг. *дываажан оранынче чоруур* ‘уезжать в рай’; хмонг. *нярваан болох* букв. ‘стать нирваной (достичь нирваны)’, *нярваан дүр үзүүлэх* букв. ‘обрести образ нирваны’ [Монгол хэл судлал..., 2022, х. 114];
- цэнг. *шын оранга баар* ‘идти в истинный мир’.

1.4. Представление о временности пребывания человека в этом мире и неизбежности его возвращения в свой (божественный) мир после земной жизни заключается в эвфемизмах со значением ‘умирание – возвращение’: тув., цэнг. *чанар* букв. ‘возвращаться домой’, хмонг. *буцах*, бур. *бусаха* ‘вернуться’. Бурятский эвфемизм *бурханда хариха* ‘вернуться к богу’ также выражает данное значение.

1.5. Эвфемизмы, отражающие значение ‘умирание – достижение блаженства, покоя, сна, освобождения от страданий’ приближают к идее рая (*дываажан / дыважин*) после смерти. При этом смерть мыслится как освобождение от страданий. В тувинском языке употребляется эвфемизм *таалал болур* ‘умирать’, который является калькой халха-монгольских эвфемизмов *таалал болох* букв. ‘достичь желаний’, *таалал төгсөх* букв. ‘достичь удовольствия’, *таалал барих* букв. ‘поймать желание’. Примечательно, что эти эвфемизмы употребляются в отношении высокопоставленных духовных лиц (МРС, 1957, с. 380). Сама лексема *таалал* с тувинского языка переводится как 1) удовольствие; наслаждение; приятное ощущение; 2) радость, радостное ощущение, блаженство (ТРС, 1968, с. 401).

1.6. В халха-монгольском и бурятском языках имеются эвфемизмы хмонг. *нойрсох*, бур. *нойрсохо* букв. ‘спать, почивать’, которые соответствуют тув. *ноюрзаар*, заимствованному из монгольских языков, имеющему значение ‘испытывать наслаждение, наслаждаться, блаженствовать’ (Татаринцев, 2008, с. 243), который также употребляется как эвфемизм со значением ‘умирать’. Глаголы *нойрсох / нойрсохо* входят в состав следующих эвфемистических сочетаний: хмонг. *амар болох*, *үүрд нойрсох* ‘заснуть навеки’, бур. *мунхэ нойроор нойрсохо* ‘уснуть вечным сном’, *бухэ нойроор унтаха* ‘спать крепким сном’ [Цыдендамбаева, 2011, с. 13]. Тувинский эвфемизм *удуур* ‘умереть’ (букв. ‘спать’), принадлежащий нейтральному стилю, входит в состав эвфемизма высокого стиля *мөнгө уйгузун удуур* ‘уснуть вечным сном’. В бурятском языке также зафиксированы эвфемизмы *унтан унтаха* ‘крепко заснуть’, *аниха* ‘дремать, засыпать’ [Там же]. Халха-мон-

гольские эвфемизмы *гаслангаас нөгчих*, *гаслангаас арилжих* означают буквально ‘освободиться от страданий, печали’, достичь при этом покоя. Калмыцкие эвфемизмы *залрх*, *сээн орнд төрх*, *сэдхэн хээх* буквально означают ‘вознестись’ [Бардаев, 1981, с. 14]. Значения эвфемизмов высокого стиля обобщены в табл. 1.

Таблица 1

Значения эвфемизмов высокого стиля

Table 1

Euphemisms used in a sublime style

Значение	Язык				
	тув.	цэнг.	хмонг.	бур.	калм.
Перерождение	+	+	+	—	—
Стать, сделаться богом	+	—	+	+	+
Отправляться в страну богов / рай	+	+	+	+	—
Изволить в небо возвыситься	+	—	+	—	+
Отправляться в истинный мир	—	+	—	—	—
Возвращаться домой	+	+	+	+	—
Приобретать покой, удовольствие, наслаждение	+	+	+	+	—
Приобретать покой, сон	+	—	+	+	—
Освободиться от страданий, печали	—	—	+	—	—
Лишиться брэнного мира	—	—	+	—	—
Увидеть невечность мира	—	—	+	—	—
Уйти от мира навечно	+	—	—	—	—
Сменить мантию (рясу)	—	—	+	—	—
Открыть мумию, переполнить мумию	—	—	+	—	—

Обнаруживаются эвфемизмы, не имеющие своих параллелей в рассматриваемых языках. Так, в хмонг. эвфемизм *орчлонгоос тэвчих* переводится как ‘лишиться брэнного мира’ («Орчлон(г) 1) вселенная, мир, окружающий мир; 2) уст. брэнный мир; 3) рел. круговорот воплощения души» (МРС, 1957, с. 310)). Брэнный мир мыслится как мир неустойчивый, ненадежный. В связи с этим интересен также хмонг. эвфемизм *ертөнцийг мөнх бусыг үзүүлэх* букв. ‘увидеть невечность мира’. Тувинское устойчивое сочетание *өртөмчөйдөн мөңгези-биле чорунтар* ‘уйти от мира навечно’ отличается высокой частотностью в современном языке. К эвфемизмам высокого стиля также относятся хмонг. *жанч халах*, *жанч солих*, *жанч арилжих* ‘сменить мантию (рясу)’. Примечательно, что в халха-монгольском имеются следующие эвфемизмы, не находящие параллелей в других сравниваемых языках: *шарил тайлах* букв. ‘открыть мумию’, *шарил халих* букв. ‘переполнить мумию’, где компонент *шарил* обозначает: 1) мумия, 2) *почтит.* труп уважаемого человека (МРС, 1957, с. 647); *агсрах* ‘уволиться, уйти в отставку’ (МРС, 1957, с. 22).

2. **Эвфемизмы со стилистически нейтральным значением.** Данная группа эвфемизмов является самой многочисленной.

2.1. К ним относятся, во-первых, эвфемизмы, образованные при помощи отрицания *не, нет* (тув. *чок*, хмонг. *үгүй*, бур. *үгы*, калм. *уга*) и глагола *бол=* ‘быть’ с общим значением небытия, обнаруживающиеся во всех анализируемых языках. Это эвфемизмы тув. *чок болур*, хмонг. *үгүй болох*, бур. *үгы болохо*, калм. *өңгрх*, заменяющие лексемы тув. *өл*, хмонг. *үхэх*, бур. *үхэх*, калм. *үкх* ‘умереть’.

2.2. Выделяются эвфемизмы с компонентом тув. *назы(н)*, хмонг. *нас*, бур. *наһ* ‘возраст, прожитые годы, прожитая жизнь’ (*назы(н)* является монголизмом, см. в (Татаринцев, 2008, с. 227–228)), при помощи которого выражается представление об отмеренном времени или сроке жизни того или иного человека. Наступление смерти мыслится как истечение данного срока – «умереть – истечение срока жизни»: тув. *назы бараар*, хмонг. *нас барах*, бур. *наһа бараха* ‘завершить годы’, бур. *накаяа дууһаха* ‘исчерпать возраст’; тув. *назы дөгүүр*, хмонг. *нас нөхцөх* ‘миновать возраст’. Глагольные компоненты в данных эвфемизмах *барыыр, бараар, нөгүчүүр* в тувинском языке, самостоятельно не употребляются, поэтому мы предполагаем, что рассматриваемые эвфемизмы в тувинский язык заимствованы из монгольских языков.

Эвфемизмы тув. *назын доостур* букв. ‘годы закончились’, *назынның саны доллар* букв. ‘количество лет наполнилось’ имеют соответствующие параллели и в монгольских языках: *назын доостур* – хмонг. *нас эцэслэх*, бур. *наһа дуурэхэ* ‘закончить годы’, *нас болох* ‘наступило время’; *назынның саны доллар* – *насны тоо гүйцэх* ‘закончить количество лет’; цэнг. *тыныштың саны доллар* ‘переполниться большим количеством дыхания’, хмонг. *сүнс нь халих* ‘дух переполнится’. Последние эвфемизмы связаны с образом переполненности возраста, дыхания, духа. Мы предполагаем, что тув. *назын доостур* букв. ‘годы закончились’, *назынның саны доллар* букв. ‘количество лет наполнилось’ являются кальками соответствующих монгольских эвфемизмов.

2.3. Жизнь связывается с дыханием, соответственно смерть – с его отсутствием, отсюда «умереть – перестать дышать». Смерть, по представлениям тувинцев, происходит от того, что какая-то невидимая сила проникает в человека и исторгает из него *тын* ‘дыхание’. Последнее, однако, не исчезает бесследно, а переходит в то, что дает жизнь другому существу – человеку или животному [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 130]. В эвфемизмах данной группы обнаруживаются лексемы тув. *тын* или *амы* ‘дыхание, жизнь’, хмонг. *амь*, бур. *ами*, калм. *эмсхул*. Тувинские эвфемизмы данной группы включают как исконно тюркскую лексему *тын*, так и заимствованную из монгольских языков *амы*. Обе лексемы передают значение ‘дыхание’.

В тувинском языке имеется сложная основа *амы-тын* ‘жизнь’, компонент *амы* самостоятельно не употребляется. Он встречается только в эвфемизме *амы үстүр* ‘прерываться дыханию’ и, по сравнению с *тыны үстүр* ‘прерываться дыханию’, употребляется реже. Им соответствуют: хмонг. *амь тасрах* или *амьсгал тасрах* ‘прерываться дыханию’ (*амьсгал* ‘дыхание’ (МРС, 1957, с. 37)), бур. *ами таһарха*. Отмечаются следующие соответствия: тув. *тынын салыр* – хмонг. *амь тавих* букв. ‘отпустить жизнь’, бур. *омья табиха, амя хороха* ‘испустить дыхание’. В цэнгельском говоре тувинского языка употребляется эвфемизм *тыныннан азар* букв. ‘заблудиться от своей жизни-дыхания’. В халха-монгольском языке употребляются и другие эвфемизмы, в которых присутствует основа *амь* ‘жизнь, дыхание’: *амь хураах* ‘лишиться жизни’ (МРС, 1957, с. 36).

2.4. К стилистически нейтральным относятся также эвфемизмы с семантикой ‘умирание – уход’, которые употребляются часто в официальных сферах об-

щения, публицистике и литературе. К ним относится тув. *чарлып чорунтар*, которому лексически соответствует хмонг. *талийх* ‘уйти’, *салж одох* ‘отделившись, уйти’ [Монгол хэл судлал..., 2022, х. 114]. Тувинский эвфемизм *чарлып чорунтар* употребляется в контексте того, что умерший человек уходит от своих родных и близких (не в контексте отделения души от тела). В тувинской речи используются эвфемизмы *чоруй баар* ‘уйти’, *ыңай болур* (цэнг. *ыңгай болур*) букв. ‘убежать прочь’, *арлыыр* букв. ‘исчезать’ выражают движение в противоположную сторону.

2.5. В сопоставляемых языках имеются также следующие соответствия: тув. *караан шимер* – хмонг. *нүдээ аних*, бур. *аниха* букв. ‘закрыть глаза’. *карак шимер* букв. ‘закрыть глаза’, выражающие значение ‘умереть – закрыть глаза’. Выражение *карак шимер* у цэнгельских тувинцев объясняется поверьем, что мертвецу принято закрывать глаза, поскольку в мире «ином» у усопших совершенно «иное зрение» [Серен, 2012, с. 784].

2.6. В тувинском языке имеется ряд эвфемизмов, связанных с образом коня и всадника: *аьдының бажы хояр* букв. ‘голова его коня отклонилась’, тув. *аьттаныр* ‘садиться на коня’, *чортар* букв. ‘ехать верхом шагом’. В хмонг. употребляется эвфемизм *мордох* ‘отправиться (на коне)’. В бурятском языке имеются эвфемизмы *мордохо* ‘садиться на лошадь’, *моринхоо хуу халиха* ‘падать с коня’ в значении ‘умереть’ [Цыдендамбаева, 2011, с. 13]. В приведенных примерах находят прямое соответствие только тув. *аьттаныр*, бур. *мордохо*, хмонг. *мордох* с общим значением ‘садиться на коня, отправляться (на коне)’.

2.7. В нашем материале есть специфические эвфемизмы хмонг. *хадан гэртээ харих* ‘вернуться домой к скале’ [Монгол хэл судлал..., 2022, х. 114], бур. *бооридо хони харахаяа ошохо* ‘пойти пасти овец у подножия’, *хададаа хариха* ‘вернуться в горы’ [Цыдендамбаева, 2011, с. 13], в которых присутствует указание на место смерти умершего: скала / гора / подножье горы. О. С. Цыдендамбаева эти эвфемизмы не комментирует. Мы можем привести тувинскую пословицу *Эр кижжи хана баарынга төрүттүнер, хая баарынга өлүр* ‘Достойный муж рождается у стены юрты, умирает у скалы’, которая подразумевает, что настоящий мужчина не сидит возле очага в тепле и уюте, у него всегда много важных и сложных, порой опасных дел, совершая которые он может достойно умереть вне дома. А горы и перевалы являются могучими преградами, которые преодолевает на своем нелегком пути всадник.

2.8. Тувинско-монгольские параллели обнаруживаются и в следующих эвфемизмах: тув. *эрте бээр* – хмонг. *өнгөрөх* букв. ‘миновать, пройти (мимо)’, тув. *хая көрнүр* – хмонг. *цааш харах* ‘отвернуться’.

2.9. Для выражения смерти детей в тувинском используются эвфемизмы *бүрлүр* букв. ‘свернуться, коробиться’, *ойнай берген* букв. ‘ушел поиграть’ [Кенин-Лопсан, 2000, с. 54]. Привлекает внимание наличие у *бүрүл*-соответствия в монгольском языке; ср. п.-монг. *büril-* / хмонг. *бүрлэх* ‘умирать; разоряться’. Не исключено, что возникновение переносного значения у тув. *бүрүл* обусловлено монгольским языковым влиянием (Татаринцев, 2000, с. 317).

2.10. Эвфемизмы хмонг. *бие барах* букв. ‘исчерпать тело’, *бие боловсрох* букв. ‘развить тело’ не находят параллелей в сравниваемых языках. В цэнгельском говоре тувинского языка встречается эвфемизм *улуг аалга баар* ‘уйти в большое селение’. Значения эвфемизмов нейтрального стиля обобщены в табл. 2.

Euphemisms used in a neutral style

Значение	Язык				
	тув.	цэнг.	хмонг.	бур.	калм.
Перестать существовать	+	+	+	+	+
Завершить / исчерпать годы, возраст	+	+	+	+	—
Прерываться дыханию	+	—	+	+	—
Отпустить жизнь	+	—	—	+	—
Лишиться заблудиться от своей жизни	—	+	+	—	—
Отделившись, уйти	+	—	+	—	—
Уйти / убежать прочь	+	+	—	—	—
Закрыть глаза	+	+	+	+	—
Садиться на коня, отправиться (на коне)	+	—	+	+	—
Падать с коня / заблудиться на коне	+	—	—	+	—
Пойти пасти овец у подножия	—	—	—	+	—
Вернуться домой к скале, в горы	—	—	+	+	—
Миновать, пройти (мимо)	+	—	+	—	—
Отвернуться	+	—	+	—	—
Свернуться, коробиться (о детской смерти)	+	—	—	—	—
Уйти поиграть (о детской смерти)	+	—	—	—	—
Исчерпать / развить тело	—	—	+	—	—
Уйти в большое селение	—	+	—	—	—

3. **Эвфемизмы сниженного стиля** – это пренебрежительные и грубые лексемы и словосочетания, употребляющиеся в просторечии. Такие грубые слова-заменители в лингвистической литературе называются дисфемизмами (ЛЭС, 1990, с. 590).

Эвфемизмы, относящиеся к данной группе не имеют четких параллелей в рассматриваемых языках, кроме тув. *довуракка хөмдүрер* – хмонг. *шороонд дарагдах*, бур. *шоройдо дарагдах* ‘быть засыпанным землей’. В некоторых других обнаруживается регулярный семантический компонент тув. *чер* – *довурак* – *даш* ‘земля – пыль’, хмонг. *гүзээ*: тув. *довурак пактаар* букв. ‘глотать пыль’, *чер ызырар* ‘кусать землю’, *даш сыртаныыр* ‘положить под голову камень’; цэнг. *хөмдүрер* ‘быть засыпанным землей’, хмонг. *гүзээ шороодох* букв. ‘замарать брюхо землей’.

Эвфемизмы тув. *чаштаар* букв. ‘отскочить’, *тонилох* букв. ‘убраться’ имеют общий семантический компонент «высокая скорость ухода». Другие эвфемизмы сниженного стиля не находят параллелей в данных языках: тув. *хыйыжа бээр* букв. ‘стать косым’, *тайлы бээр* букв. ‘свалиться’, хмонг. *өнхрөх* ‘перевернуться’,

мажийх ‘сдохнуть’. Примечательно употребление в цэнгельском говоре эвфемизма *Эрлик эжиин ажыдар* ‘открывать дверь царя подземного царства Эрлика’.

Заключение

Результаты сравнительного изучения эвфемизмов, передающих значение ‘умереть’, в тувинском, халха-монгольском, калмыцком и бурятском языках показали следующие параллели.

1. Присутствие в сопоставляемых языках эвфемизмов возвышенного стиля, связанных с религиозными (буддийскими) представлениями о жизни и смерти. В общих для всех исследуемых языков эвфемизмах смерть мыслится как начало перерождения, обретение качества *бурхана* / *бургана*, отправление в страну *бурхана* / *бургана* (небо, рай, нирвана, истинный мир), возвращение к своему изначальному месту пребывания, избавление от страданий и достижение покоя.

2. Функционирование эвфемизмов нейтрального стиля, обнаруживающих параллели в данных языках значения ‘смерть – небытие’. Это эвфемизмы, образованные при помощи отрицательного компонента тув. *чок*, хмонг. *үгүй*, бур. *үгы*, калм. *уга*. Кроме того, в этой группе эвфемизмов выделяются параллельные единицы, передающие значения ‘смерть как достижение отведенного для жизни срока’, ‘уход (при это не уточняется конечный пункт)’, ‘отсутствие дыхания’, ‘потеря способности видеть’.

Для выражения смерти маленьких детей в тувинском языке имеются специальные эвфемизмы. К сниженному стилю относятся немногочисленные единицы, употребляющиеся в грубой речи, определяемые как дисфемизмы. Они, в основном, не находят прямых параллелей в анализируемых языках. В тувинском языке зафиксированы эвфемизмы-кальки и эвфемизмы-заимствования из монгольских языков.

Список сокращений

букв. – буквально, бур. – бурятский язык, калм. – калмыцкий язык, монг. – монгольский язык, п.-монг. – старописьменный монгольский, хмонг. – халха-монгольский язык, цэнг. – цэнгельский говор тувинского языка

Список литературы

Абаев Н. В., Хомушку О. М., Бичелдей У. П. Буддизм в Центральной Азии: история, основы учения и культура // Религиоведческие исследования. М., 2014. С. 122–127.

Бардаев Э. Ч. Вопросы лексикологии калмыцкого языка // Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста: Республ. тип. Гос. комитета Калмыцкой АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 1981. С. 3–42.

Баярсайхан Б. О некоторых лексических особенностях языка цэнгальских тувинцев Северо-Западной Монголии // Учен. зап. ТИГИ. Кызыл, 2002. Вып. 19. С. 179–187.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. 412 с.

Даржа В. К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2016. 300 с.

Доржу К. Б. Эвфемизмы в поэзии Антона Уержаа // Вестник Тув. гос. ун-та. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1 (32). С. 149–155.

Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири / Отв. ред. Н. Б. Кошкарева, Е. В. Тюттешева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.

Каксин А. Д. О табу и подставных названиях в хантыйском и хакасском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 1 (11). С. 45–52.

Каксин А. Д. Табуированная и эвфемистическая лексика, обозначающая зверей и животных в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 249–251.

Кенин-Лопсан М. Б. Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары. – Тувинские традиции. Книга вторая: Священные традиции тувинского народа. Кызыл: Новости Тувы, 2000. 352 с.

Куулар Е. М. Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 49–51.

Монгуш Д. А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983. С. 127–145.

Монгуш Н. М. Эвфемизмы со значением «смерть» в тувинских народных сказках // Народы Алтая в социокультурном пространстве России на рубеже эпох: Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 30-летию со дня образования Республики Алтай и 265-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства / Отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2021. С. 719–731.

Монгуш Н. М. Использование эвфемизмов в тувинском языке // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Кызыл: Тув. гос. ун-т, 2022. С. 54–56.

Павлова И. П. Лексическая система эвфемизмов якутского языка: семантика и структура: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996. 23 с.

Сат Ш. Ч. Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Эртем ажылдарының чыындызы: Сб. науч. тр. Кызыл: ТывГУ, 2006. С. 65–70.

Серен П. С. Слова со значением 'умереть' в языке кобдских тувинцев Монголии (материалы полевых исследований) // Мир Центральной Азии – 3: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Е. В. Сундуева. Улан-Удэ; Иркутск: Отгиск, 2012. С. 783–786.

Серен П. С. Эвфемизм *поехать за красной солью* в тувинском языке // Актуальные проблемы гуманитарной науки: фольклористика, литературоведение, этнография, история, археология: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения видного ученого-фольклориста, почетного академика АН РБ А. М. С. Сулейманова. Уфа, 2019. С. 267–269.

Сувандии Н. Д. Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-2 (59). С. 138–141.

Цыдендамбаева О. С. Эвфемистическая картина мира: концептосфера «человек» (на материале бурятского, русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 21 с.

Цыдендамбаева О. С., Доржеева О. А. Концепт *Смерть* в эвфемистической картине мира на материале английского, немецкого, русского, бурятского языков // Филология: научные исследования. 2020. № 2. С. 67–77.

Шушаник А. О загадочном термине *бурхан* // Штудии по кавказско-каспийской словесности. 2021. № 2.2. С. 1–4.

Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 18 с.

Taube E. Das Kastrierfest bei des Tuwinern des Cengei-sum // *Asien in Vergangenheit und Gegenwart*. Berlin, 1974. S. 443–457.

Монгол хэл судлал: үгийн сан, утга зүй. Улаанбаатар, 2022. 218 х.

Список словарей

БАМРС I–IV – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. М., 2001–2002. Т. 1: А–Г. 520 с.; Т. 2: Д–О. 536 с.; Т. 3: Ё–Ф. 440 с.; Т. 4: Х–Я. 532 с.

БМРС – Бурят-монгольско-русский словарь / Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.

МРС – Монгольско-русский словарь / Под ред. А. Лувсандэндэва. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 715 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1: А, Б. 398 с.; 2008. Т. 4: М, Н, О, Ө, П. 442 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 646 с.

Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь / Под ред. Д. А. Монгуша, Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. 204 с.

References

Abaev N. V., Khomushku O. M., Bichelday U. P. Buddizm v Tsentral'noi Azii: istoriya, osnovi ucheniya i kul'tura [Buddhism in Central Asia: history, fundamentals of teaching and culture]. In: *Religiovedcheskie issledovaniya* [Religious studies]. Moscow, 2014, pp. 122–127.

Bardaev E. Ch. Voprosy leksikologii kalmytskogo yazyka [Questions of the lexicology of the Kalmyk language]. In: *Issledovaniya po leksike kalmytskogo yazyka* [Studies on the lexicon of the Kalmyk language]. Elista, Respubl. tip. Gos. komiteta Kalmytskoy ASSR po delam izdatel'stv, poligrafii i knizhnoy trgovli, 1981, pp. 3–42.

Bayarsaikhan B. O nekotorykh leksicheskikh osobennostyakh yazika tsengel'skikh tuvintsev Severo-Zapadnoi Mongolii [On some lexical features of the language of the Tsengel Tuvans of Northwestern Mongolia]. In: *Uchenie zapiski TIGI* [Scientific Notes of the Tuva Institute for Humanitarian Research]. Kyzyl, 2002, iss. 19, pp. 179–187.

Darzhva V. K. *Taini mirovozzreniya tuvintsev-nomadov* [Secrets of the Tuvinian Nomad worldview]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 2007, 300 p.

Dorzhu K. B. Evfemizmy v poezii Antona Uerzhaa [Euphemisms in the poetry of Anton Uerzhaa]. *Vestnik of Tuvan State University. Social sciences and humanities*. 2017, no. 1 (32), pp. 149–155.

Grumm-Grzhimaylo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and the Uriankhai Region]. Leningrad, 1926, vol. 3, 412 p.

Kaksin A. D. O tabu i podstavnykh nazvaniyakh v khantyyskom i khakasskom yazykakh [On taboo and substitute names in Khanty and Khakass languages]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2016, iss. 1 (11), pp. 45–52.

Kaksin A. D. Tabuirovannaya i evfemisticheskaya leksika, oboznachayushchaya zverey i zhivotnykh v khakasskom yazyke [Tabooed and euphemistic lexicon denoting beasts and animals in the Khakass language]. *The world of science, culture and education*. 2017, no. 4 (65), pp. 249–251.

Kenin-Lopsan M. B. *Tuvinskie traditsii. Kniga vtoraya: Svyashchennye traditsii tuvinskogo naroda* [Tuvan traditions. Bk. 2: Sacred traditions of the Tuvan people]. Kyzyl, Novosti Tuvy, 2000, 352 p.

Kuular Ye. M. Evfemizmy v okhotnich'e-rybolovnoy leksike tuvinskogo yazyka [Euphemisms in the hunting and fishing vocabulary of the Tuvan language]. *Vestnik KhGU im. N. F. Katanova*. 2018, no. 26, pp. 49–51.

Mongol hal sudlal: ugiin san, utga zuy [Mongolian language studies: vocabulary and semantics]. Ulaanbaatar, 2022, pp. 113–115.

Mongush D. A. O yazyke tuvintsev Severo-Zapadnoy Mongolii [About the Tuvan language of Northwestern Mongolia]. In: *Voprosy tuvinskoy filologii* [Questions of Tuvan philology]. Kyzyl, 1983, pp. 127–145.

Mongush N. M. Evfemizmy so znacheniem “smert” v tuvinskikh narodnykh skazkakh [Euphemisms with the meaning of “death” in Tuvan folk tales]. In: *Narody Altaya v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii na rubezhe epokh: Sb. st. Vseros. nauch.-prakt. konf., posv. 30-letiyu so dnya obrazovaniya Respubliki Altay i 265-letiyu dobrovol'nogo vkhozhdeniya altayskogo naroda v sostav Rossiyskogo gosudarstva* [Peoples of Altai in the socio-cultural space of Russia at the turn of the century: Collection of articles. All-Russian scientific and practical conference, dedicated to the 30th anniversary of the formation of the Republic of Altai. 30th anniversary of the Republic of Altai and 265th anniversary of the voluntary entry of the Altai people into the Russian state]. N. V. Yekeev (Ed.). Gorno-Altaysk, NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2021, pp. 719–731.

Mongush N. M. Ispol'zovanie evfemizmov v tuvinskom yazyke [The use of euphemisms in the Tuvan language]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniya etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsiy narodov Sayano-Altaya: Materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Actual problems of research of ethno-ecological and ethno-cultural traditions of the peoples of Sayano-Altai: Proceedings of the VII International sci. and pract. conf.]. Kyzyl, TuvSU, 2022, pp. 54–56.

Pavlova I. P. *Leksicheskaya sistema evfemizmov yakutskogo yazyka: semantika i struktura* [Lexical system of euphemisms of the Yakut language: semantics and structure]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 1996, 23 p.

Sat Sh. Ch. Tabu i evfemizmy v tuvinskom yazyke [Taboos and Euphemisms in the Tuvan language]. In: *Ertem azhyldaryny chyyndyzy: Sb. nauch. tr.* Kyzyl, 2006, pp. 65–70.

Seren P. S. Evfemizmy poekhat' za krasnoy sol'yu v tuvinskom yazyke [Euphemism “to go for red salt” in the Tuvan language]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki: fol'kloristika, literaturovedenie, etnografiya, istoriya, arkheografiya: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 80-letiyu so dnya rozhdeniya vidnogo uchenogo-fol'klorista, pochetnogo akademika AN RB A. M. S. Suleymanova* [Materials of the All-Russian scientific and practical conference, dedicated to the 80th anniversary of the birth of the prominent scientist-folklorist, honorary academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan A. M. S. Suleymanov]. Ufa, 2019, pp. 267–269.

Seren P. S. Slova so znacheniem ‘umeret’ v yazyke kobdoskikh tuvintsev Mongolii (materialy polevykh issledovaniy) [Words with the meaning of ‘to die’ in the language

of the Kobdo Tuvans of Mongolia (materials of field research)]. In: *Mir Tsentral'noy Azii – 3: Sb. nauch. st.* [The world of Central Asia – 3: coll. of sci. art.]. E. V. Sundueva (Ed.). Ulan-Ude, Irkutsk, Ottisk, 2012, pp. 783–786.

Suvandii N. D. Tabu i evfemizmy v okhotnich'ey leksike tuvinskogo yazyka [Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 5–2 (59), pp. 138–141.

Taube E. Das Kastrierfest bei des Tuwinern des Cengei-sum. In: *Asien in Vergangenheit und Gegenwart*. Berlin, 1974, pp. 443–457.

Tsydendambaeva O. S., Dorzheeva O. A. Kontsept Smert' v evfemisticheskoy kartine mira na materiale angliyskogo, nemetskogo, russkogo, buryatskogo yazykov [The concept of Death in the euphemistic picture of the world based on the material of English, German, Russian, Buryat languages]. *Philology: Scientific Researches*. 2020, no. 2, pp. 67–77.

Tsydendambaeva O. S. *Evfemisticheskaya kartina mira: kontseptosfera “chelovek” (na materiale buryatskogo, russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Euphemistic picture of the world: the concept sphere of “man” (based on the material of Buryat, Russian, English and German languages)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2011, 21 p.

Shushanik A. O zagadochnom termine burkhan [About the mysterious term burkhan]. *Journal of Caucasian-Caspian Philology*. 2021, no. 2.2, pp. 1–4.

Yaimova N. A. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altayskom yazyke* [Tabooed lexicon and euphemisms in the Altai language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1985, 18 p.

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [Living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. N. B. Koshkareva, E. V. Tyuntesheva (Eds.). Institute of Philology SB RAS. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p.

List of dictionaries

Bol'shoy akademicheskii mongol'sko-russkiy slovar'. V 4 t. [A large academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 vols.]. Moscow, 2001–2002: Vol. 1: A–G, 520 p.; Vol. 2: D–O, 536 p.; Vol. 3: Θ–F, 440 p.; Vol. 4: Kh–Ya, 532 p.

Buryat-mongol'sko-russkiy slovar' [Buryat-Mongolian-Russian Dictionary]. Ts. B. Tsydendambaev (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1951, 852 p.

Khertek Ya. Sh. *Tuvinsko-russkiy frazeologicheskii slovar'* [Tuvan-Russian phraseological dictionary]. D. A. Mongush, B. I. Tatarintsev (Eds.). Kyzyl, Tuvin. kn. izd., 1975, 204 p.

Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 685 p.

Mongol'sko-russkiy slovar' [Mongolian-Russian Dictionary]. Luvsandendev A. (Ed.). Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1957, 715 p.

Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 1: A, B, 398 p.; 2008, vol. 4: M, N, O, Θ, P, 442 p.

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 646 p.

Инофрмация об авторе

Начын Михайлович Монгуш, младший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Nachyn M. Mongush, Junior Researcher, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 08.11.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 19.01.2024
The article was submitted on 08.11.2023;
approved after reviewing on 19.01.2024; accepted for publication on 19.01.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/17

Классификатор ЦВЕТ как доминирующий при категоризации грибов в языках народов Прибайкалья

Наталья Александровна Петрова

Иркутский национальный исследовательский технический университет
Иркутск, Россия

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
Шэньчжэнь, Китай

natanataliya5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3648-783X>

Аннотация

Статья посвящена изучению категоризации грибов в русском, бурятском, татарском, монгольском, якутском, эвенкийском языках. Автор утверждает наличие связи между категоризацией и номинацией, которая проявляется в том, что единицы языка отражают особенности восприятия мира. Так, один фрагмент реальности, грибы Прибайкалья, отражается в языках жителей региона неодинаково. Самое важное место грибы занимают в русской культуре, поэтому в русском языке представлено наибольшее количество названий. Автор выявляет когнитивные классификационные признаки (классификаторы), послужившие основой номинации грибов: цвет, форма, тип поверхности, отношение к животному, практическая значимость и др. Доказывается, что классификатор ЦВЕТ является значимым при категоризации. Цвета, актуальные при номинации грибов, подтверждают теорию Б. Берлина и П. Кея о наличии базовых наименований цвета. Признак цвета является концептуальным, так как содержит в себе оценку реалии. Выбор цвета в качестве мотиватора названия гриба соотносится с символикой этого цвета в культуре.

Ключевые слова

когнитивная лингвистика, категоризация, классификатор, лексика природы, колористическая лексика, названия грибов, языки Прибайкалья

Для цитирования

Петрова Н. А. Классификатор ЦВЕТ как доминирующий при категоризации грибов в языках народов Прибайкалья // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 229–241. DOI 10.17223/18137083/89/17

© Петрова Н. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 229–241
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 229–241

The classifier COLOR a dominant one in the categorization of mushrooms in the languages of the peoples of the Baikal region

Nataliia A. Petrova

Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

Shenzhen MSU-BIT University
Shenzhen, China

natanataliya5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3648-783X>

Abstract

This study focuses on the categorization of mushrooms in Russian, Buryat, Tatar, Mongolian, Yakut, and Evenk languages. According to the author, the connection between categorization and nomination is demonstrated by how language units represent our worldview. Thus, the local languages exhibit varied reflections of the mushrooms found in the Baikal region. The prevalence of mushroom names in the Russian language is a testament to the significance of mushrooms in Russian culture. Mushrooms are not considered a significant part of the Buryat, Tatar, Mongolian, Yakut, and Even cultures, resulting in a limited number of mushroom names. The author discusses the cognitive classification features, or classifiers, used to name mushrooms, such as their color, shape, surface type, connection with animals, practical significance, and others. Extensive evidence supports the notion that the classifier COLOR is of primary importance in categorization. The colors relevant to mushroom nominations serve as confirmation for the theory of B. Berlin and P. Kay regarding the fundamental names of colors. Since the color attribute encompasses an evaluation of reality, it is classified as conceptual. The opposition between “white mushroom/black mushroom” shows the former as the optimal choice, edible and highly flavorful, and the latter as the least desirable choice, either inedible or less tasty. This differentiation is apparent in the mycological terminology in all the languages studied. The color choice for a mushroom name reflects its cultural symbolism. As an illustration, Turkic peoples utilize colors associated with solar symbolism to indicate the most valuable edible mushrooms.

Keywords

cognitive linguistics, categorization, classifier, vocabulary of nature, coloristic vocabulary, mushroom names, languages of the Baikal region

For citation

Petrova N. A. The classifier COLOR a dominant one in the categorization of mushrooms in the languages of the peoples of the Baikal region. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 229–241. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/17

Категоризация – сложный когнитивный феномен, важная особенность человеческого мышления. В широком понимании это «процесс образования и выделения категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека», а также «результат классификационной деятельности» (КСКТ, 1997, с. 42). Оперирование категориями, особыми ячейками знания, позволяет людям обобщать и систематизировать собственный опыт. В свою очередь, изучение того, как и по каким основаниям

происходит категоризация, помогает приблизиться к пониманию человеческого сознания.

Категоризация – явление идеального характера, и исследовать ее можно только опосредованно. Как отмечает Дж. Лакофф, «изучение категоризации в языке будет одним из основных источников данных о природе структуры категорий вообще» [Лакофф, 2004, с. 86]. Действительно, единицы языка регулярно подключаются к исследованиям категорий в лингвистических работах, что говорит о связи языка и категоризации. Известные психологи [Rosch, 1978], философы [Wittgenstein, 1953], антропологи [Berlin, Kay, 1969] строили свои гипотезы с опорой на лингвистические данные.

На основе языкового материала исследователями подробнее всего изучена категоризация цвета (см., в частности: [Cole, Scribner, 1974; Wierzbicka, 1992; Фрумкина, 2003]). Показательна в этом плане работа Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969]. В ней авторы опровергли положение о том, что в языках цветовой спектр членится произвольным образом, выявили базисные наименования цвета – названия для базовых категорий цвета, центральные члены которых универсальны. Согласно Б. Берлину и П. Кею, каждое базисное название цвета а) образовано с помощью одной морфемы, как *green* ‘зелёный’, в отличие от *dark green* ‘тёмно-зелёный’; б) обычное и общеизвестное, как *yellow* ‘жёлтый’, в отличие от *saffron* ‘шафрановый’; в) сочетаемость слова не ограничивается наименованиями небольшого количества объектов, как, например, *blond* ‘белокурый, светлый’; г) цвет, обозначенный таким названием, не содержится внутри другого цвета, как *scarlet* ‘алый’ внутри *red* ‘красный’. Люди различают все цветовые категории концептуально, но не все базисные наименования представлены в языках мира. Если в языке только два таких наименования, то это чёрный и белый (или холодный и тёплый), если три, то чёрный, белый и красный, если четыре, то четвёртый либо жёлтый, либо синий, либо зелёный и т. д. В соответствии с этим авторы выстроили следующую иерархию:

- 1) чёрный, белый;
- 2) красный;
- 3) жёлтый, синий, зелёный;
- 4) коричневый;
- 5) фиолетовый, розовый, оранжевый, серый (цит. по: [Лакофф, 2004, с. 44–45]).

В отечественном языкознании растёт интерес к изучению категорий в когнитивном аспекте. Лингвисты исследуют результаты категоризации отдельных фрагментов действительности: фруктов и овощей [Хаустова, 1999; Дзюба, 2015], химических соединений [Борисова, 2008], возвышенности [Корнева, 2014], водных объектов [Горбунова, 2017] и др. Большое внимание уделяется лексике природы, так как она широко представлена в языках, является исконной, отражает близкие человеку аспекты действительности. Лексические единицы закрепляют результаты классификационной деятельности, а во внутренней форме названий природных реалий, как правило, фиксируется значимый в когнитивном аспекте признак. При этом категоризация грибов до сих пор не была специальным объектом изучения, несмотря на то, что грибы как элементы природы отличаются большим разнообразием и группируются людьми во множество классов.

В нашем исследовании миконимы (названия грибов) впервые распределяются в соответствии с когнитивными классификаторами, послужившими основой наименования грибов. Введение понятия **классификатор** (по Дж. Лакоффу), или

когнитивный классификационный признак (по И. А. Стернину), как инструмента группировки фрагментов мира в категории позволяет представить результаты категоризации в наиболее систематизированном виде. Названия грибов характеризуются прозрачной внутренней формой, т. е. релевантный признак находит в них непосредственное отражение (например, *рыжик* – рыжий цвет). Анализируя внутреннюю форму миконима, мы выявляем мотивировочный признак, который является когнитивно и коммуникативно значимым, именно он выделяется и фиксируется в названии гриба.

Изучение категоризации одного фрагмента действительности средствами разных языков дает возможность выявить особенности концептуализации части мира представителями разных культур. О наличии специфики в национальном восприятии грибов говорит тот факт, что один и тот же фрагмент реальности – грибы, распространенные на территории, в языках жителей данного региона неодинаково. Так, самое большое количество миконимов удалось выявить в русском языке – 64. В якутском языке обнаружилось только 20 миконимов, в татарском – 19, бурятском – 16, монгольском – 12, эвенкийском – 5. Итак, количественные данные показательны: отражение в языке нашли именно те факты действительности, которые представляют для его носителя первичный интерес, связанный со способами взаимодействия человека с объектами природы. В русской культуре грибы в основном используются в пищу, и это использование весьма разнообразно. Особым подходом к приготовлению разных грибов и объясняется большое количество миконимов.

Примечательны следующие примеры, демонстрирующие разницу в субкатегоризации, т. е. в членении категории ГРИБЫ в языках. Так, русские отмечают различие между грибами, которые обозначены в языке как *белый гриб*, *груздь*, *рыжик*, осознают их как носителей разных существенных признаков, разделяют эти грибы на несхожие категории, так как используют эти грибы неодинаково, поэтому и осознают их как разносортные. Буряты и татары отмечают сходство цвета или место обитания этих грибов и поэтому объединяют их соответственно в одну субкатегорию – *сагаан һархяаг*, ‘белый гриб’ или *нарат гэмбэ* – ‘сосновый гриб’. В итоге в разных языках находит отражение разная структура категории.

В результате анализа материала нам удалось выстроить классификацию грибов по признакам, положенным в основу номинации. Таким образом мы выяснили, какие знания актуализировались при наименовании грибов. Актуальными оказались такие классификаторы, как **цвет, форма, тип поверхности, отношение к животному, практическая значимость** и др.

Наибольший интерес вызывает группа, объединенная классификатором **цвет**. Она представлена во всех рассмотренных языках и характеризуется самым большим количеством наименований. Так, в русском языке 8 колоративов среди 64 выявленных названий грибов (12,5 %), в бурятском 6 из 16 (37,5 %), в татарском 4 из 19 (21,05 %), в якутском 2 из 20 (10 %), в эвенкийском 5 из 12 (41,67 %), в монгольском 2 из 5 (40 %). В бурятском и эвенкийском языках это единственный доминирующий классификатор. В русском языке классификатор **цвет** (8 названий, 12,5 %) находится в числе лидеров наряду с такими классификаторами, как **место обитания** (9 названий, 14,06 %), **форма** (9 названий, 14,06 %), **тип поверхности** (9 названий, 14,06 %), **отношение к животному** (7 названий, 10,94 %). В татарском языке классификатор **цвет** (4 названия, 21,05 %) лидирует наряду с **местом обитания** (4 названия, 21,05 %) и **отношением к животному** (4 названия, 21,05 %). В якутском языке **цвет** (2 названия, 10 %) следует за классификато-

рами **практическая значимость** (4 названия, 20 %), **место обитания** (4 названия, 20 %) и **отношение к животному** (3 названия, 15 %). В монгольском языке **цвет** (2 названия, 40 %) лидирует наряду с классификатором **форма** (2 названия, 40 %).

Чем объясняется это явление? Дело в том, что восприятие цветов осуществляется человеком с помощью органов зрения. Зрение – самый важный источник получения информации о мире, посредством которого человек извлекает почти восемьдесят процентов знаний¹. Однако цвет объектов концептуализируется представителями разных культур неодинаково: отражение в языке находят те цвета и оттенки, которые наиболее важны в обыденной жизни народа. При этом в культуре народов, неактивно употребляющих грибы в пищу, цветовой признак играет большую роль и чаще используется при обозначении наиболее ценных представителей класса.

Рассмотрим подробнее номинации грибов, объединенных классификатором **цвет**, в языках народов Прибайкалья. В русском языке подобная группа миконимов составляет восемь единиц. В нее входят названия, актуализирующие как основные цвета спектра, так и периферийные, а также их оттенки и интенсивность цвета. Основные цвета спектра нашли отражение в следующих наименованиях:

- *белый гриб*;
- *белянка (белая волнушка)*;
- *красноголовик (подосиновик красный)*;
- *чернушка (чёрный груздь)*;
- *зеленушка (рядовка зелёная)*.

Как мы видим, базовые цвета спектра зафиксированы именно в названиях съедобных грибов. При этом цвета солярной символики (белый, красный) используются при номинации ценных, т. е. вкусных и простых в приготовлении грибов, а остальные (зелёный, чёрный) – при номинации менее ценных. Обратим внимание на название *белый гриб*, которое явно выделяется среди других, так как состоит из двух слов, одно из которых гипероним. Этот природный объект в русской культуре «считается самым ценным из грибов»². Неслучайно в его названии отразился именно белый цвет, цвет, представляющий вершину цветовой иерархии, по теории Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969].

Периферийные цвета также отражены во внутренней форме миконимов. Стоит отметить, что рыжий не относится к категории базовых цветов на основании того, что ограничивается небольшим количеством объектов для номинации.

- *Рыжик*.

Рыжий цвет занимает промежуточное положение между основными цветами спектра – красным и жёлтым. Данный колороним преимущественно используется по отношению к естественным объектам (*рыжий воробей, рыжий мальчик, рыжий лес, рыжий мох, рыжий бугор* и т. п.). Неудивительно, что *рыжик*, субстантив от *рыжий*, – это и распространенное имя для животных (кот *Рыжик*, собака *Рыжик*), и название для рода крестоцветных трав (*рыжик полевой, рыжик лес-*

¹ Емельяненко А. Владимир Попов: До 80 % информации об окружающем мире дает нам зрение // Российская газета, № 278 (7146). URL: <https://rg.ru/2016/12/07/vladimir-popov-do-80-informacii-ob-okruzhaiushchem-mire-daet-nam-zrenie.html> (дата обращения 07.09.2022).

² Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, 2003. URL: <https://books.academic.ru/book.nsf/62897026/Толковый+словарь+русского+языка> / (дата обращения 18.04.2022).

ной и др.), и обозначение группы видов грибов (*рыжик еловый*, *рыжик сосновый* и др.).

К следующей группе относятся названия, зафиксировавшие оттенок цвета гриба. Несмотря на то что связь с мотивирующим словом в современном русском языке затемнена, в этимологическом словаре сохранилось указание на тот факт, что наименование гриба происходит от обозначения цветового оттенка.

- *Лисичка*. «Диал. *лисый* ‘желтоватый’, *залисеть* ‘приобрести желтоватый оттенок’, череповецк.» (Фасмер, 1986, с. 500).

Носитель русского языка замечает, что данный гриб характеризуется не просто жёлтым цветом, а приближенными к нему оттенками. Гриб *лисичка* «имеет оранжевый оттенок, который может меняться на яичный, жёлтый и т. п. Иногда окрас выплывает до практически белого»³. Кроме того, жёлтый и его разновидности, как и красный, белый, рыжий (оранжевый), – это цвета солярной символики, и потому все они зафиксированы в названии наиболее значимых для русских людей грибов.

Особняком стоит название, мотивационным признаком для номинации которого является интенсивность цвета.

- *Бледная поганка*.

Примечательно, что интенсивность цвета эксплуатируется сознанием носителя русского языка как существенный признак при назывании денотата. Не без причины самый ядовитый в мире гриб получил такое название. Слово *бледный* в русском языке в одном из своих значений соотносится с болезненностью, неестественностью: ‘без румянца, нездоровый (о цвете лица)’ (ТСРЯз, 1935). В таких устойчивых выражениях, как *мёртвенно-бледный*, *бледный как мертвец*, *бледный как смерть*, прослеживаются ассоциации данного признака с темой смерти. В названии отражается не только цветовая характеристика предмета, но и опыт взаимодействия с ним человека: употребление в пищу бледной поганки смертельно опасно.

Итак, русскоговорящие часто обращаются к признаку цвета при номинации грибов. Помимо этого, данный признак также является актуальным при субкатегоризации. Так, известные русскому человеку грибы разделяют на категории по цвету: белые, чёрные, красные и др. «*Белые грибы* считаются лучшими; за ними *чёрные* или березовики и боровики; затем *красные* или осиновики, подосиновики <...> Иногда зовут *белыми*: белый, боровик, березовик; *чёрными*: волнуху, свинуху, сыроежку; *красными*: осиновик, боровой рыжик» (Даль, 1978, с. 394). Можно утверждать, что в русском языке цвет грибов коррелирует с их ценностью для человека, при этом основные цвета спектра соотносятся с положительной зоной аксиологической шкалы. Так, противопоставление *белый гриб* – *чёрный гриб* основано на соотношении лучший – второй по значимости представитель класса. Это объясняется тем, что при сушке *белые грибы* сохраняют свой первоначальный цвет, поэтому в народе они считаются ценными, а *чёрные грибы* приобретают тёмный оттенок, в связи с чем резко теряют в степени ценности.

Цвета часто отражаются не только в русских названиях видов грибов, но и в названиях подвидов, например: *подберёзовик серый*, *пепельно-серый*, *чёрный*,

³ Научно-популярный журнал «Как и почему». Грибы лисички. URL: <https://kipmu.ru/lisichki/> (дата обращения 07.09.2022).

чернеющий, розовеющий, разноцветный и др.⁴ Больше всего номинаций подвидов выявлено у сыроежки, при этом из 60 зафиксированных в настоящее время во всех регионах России (в работе мы рассматриваем только Прибайкальский регион) названий 39, т. е. почти две трети, эксплицируют названия цветов. Кроме того, в большом количестве миконимов находят отражение цветовые оттенки. Ср.: *сыроежка серая* и *сыроежка сереющая*, *сыроежка зеленая* и *сыроежка зеленоватая*, *сыроежка красная* и *сыроежка кроваво-красная*. Можно утверждать, что, когда носитель языка хочет разграничить похожие грибы, он чаще всего обращается к признаку цвета, отмечая самые незначительные цветовые отличия между природными объектами.

Как мы выяснили, в русской гастрономической культуре грибы используются очень разнообразно, поэтому в русском языке обнаруживается большое количество их номинаций. Однако и в других культурах Прибайкалья категория ГРИБЫ играет определенную роль (зачастую грибы не едят, но используют в иных целях, например для приготовления лекарственных отваров или галлюциногенных настоек), о чем свидетельствует наличие в языках разнообразных миконимов. При этом преобладающим классификатором, как и в русской культуре, выступает **цвет**.

В бурятском языке удалось выявить шесть миконимов из шестнадцати, в которых зафиксирован данный классификатор:

- *сагаан хархяаг* (белый гриб, груздь) – букв. ‘белый гриб’;
- *улаан хархяаг* (сыроежка) – букв. ‘красный гриб’;
- *улаан толгойто хархяаг* (подосиновик) – букв. ‘красноголовый гриб’;
- *шара хархяаг* (рыжик, маслёнок) – букв. ‘жёлтый / рыжий гриб’;
- *хара мөөгэ* (сморчок) – букв. ‘чёрный гриб’;
- *хүхэ мөөгэ* (общее название ядовитых грибов) – букв. ‘синие грибы’.

Выбор определенного цвета как классификатора не случаен, а предопределяется символикой этого цвета в культуре. Приведем примеры. Название *хара мөөгэ*, букв. ‘чёрный гриб’ используется в бурятском языке для обозначения сморчка, который у бурят считается несъедобным. Чёрный цвет в сознании говорящего соотносится с представлением о непригодности гриба, другими словами, название фиксирует негативно оцениваемый фрагмент действительности. Название *хүхэ мөөгэ*, букв. ‘синие грибы’ используется для номинации всех несъедобных грибов. Подобное представление наблюдается и в народном героическом эпосе «Гэсэр», где синий цвет ассоциируется с образом неестественного, испорченного продукта питания: «Всех кормил он тухлятиной синею, // Одарил их синей пустынею» [Гэсэр, 1972, с. 109]. Действительно, грибы у бурят не принято употреблять в пищу, они на протяжении веков считались опасными и ядовитыми, поэтому, с одной стороны, в языке для них мало обозначений, с другой стороны, грибы отмечены в лексике как потенциально опасное явление.

В бурятских названиях для несъедобных грибов, отрицательно оцениваемых в культуре, нашли отражение холодные цвета спектра, а в названиях съедобных, положительно оцениваемых грибов, – тёплые цвета. Кроме того, белый, красный и жёлтый цвета, на основе которых происходит категоризация именно съедобных

⁴ Цвет также задействован при субкатегоризации категорий, выделяемых на основании других когнитивных признаков.

грибов, относятся к солярному символическому цвету, ассоциируются у бурят с жизненной силой, светом и теплом, плодородием, достатком⁵.

В татарском есть четыре названия из девятнадцати, в которых нашел отражение классификатор **цвет**:

- *ак гәмбә* (белый гриб) – букв. ‘белый гриб’;
- *ал гәмбә* (сыроежка) – букв. ‘красный гриб’;
- *биләнке* (белянки);
- *кара гәмбә* (чернушка) – букв. ‘чёрный гриб’.

В татарском языке меньше номинаций для грибов, чем в русском, потому что эти природные объекты не обладают такой большой значимостью в татарской культуре. Татары относились к грибам негативно, о чем свидетельствуют авторы научных работ и художественных произведений. Л. Габдрафикова, говоря о культуре питания татар в XIX–XX вв., утверждает, что «такая еда считалась поганой, и татары с отвращением смотрели на тех, кто ел грибы»⁶. В рассказе Г. Исхаки «Он еще был не женат» главный герой ест грибные блюда, приготовленные русской женщиной, ему они очень нравятся, но не дает покоя мысль, что такая еда запретна⁷. Татары редко используют грибы, но грибы являются значимой и заметной частью природы, поэтому получают номинацию, и эта номинация дается по одному из легко воспринимающихся, не требующих непосредственного контактирования внешних признаков – цвету. Что примечательно, такие названия отсылают только к основным цветам спектра, представляющим первые две ступени цветовой иерархии по Б. Берлину и П. Кею.

В якутском языке удалось зафиксировать две номинации из двадцати, в основу которых положен классификатор **цвет**:

- *урун тэллэй* (белый гриб) – букв. ‘белый гриб’;
- *араҕас тэллэй* (рыжик) – букв. ‘жёлтый / рыжий гриб’.

Якуты почти не используют грибы ни в качестве продукта питания, ни в других практических целях. Половина названий (10 из 20) служит для обозначения несъедобных либо ядовитых грибов, например, *сытыган тэллэй* (поганка) – букв. ‘гнилой гриб’, *үөннээх тэллэй* (поганка) – букв. ‘червивый гриб’, *дьааттаах тэллэй* (поганка) – букв. ‘поганный гриб’, *тунах* (поганка) – букв. ‘поганка’ / ‘помёт’, *сидьин тэллэй* (бледная поганка) – букв. ‘мерзкий гриб’, *уөстээх тэллэй* (желчный гриб) – букв. ‘плесневый гриб’. Обилие подобных названий демонстрирует, что якуты, как и некоторые другие народы Прибайкалья, негативно относятся к грибам, считают их непригодными. «Не употребляют в пищу грибы сибирские татары, якуты, юкагиры и самодийские народы, при этом игнорирование продукта, богатого белками, подкрепляется не только пошлыми сказками и обычаям предков, но и осознанием того, что грибы могут вызвать болезнь»⁸. Группа, представленная названиями грибов, в которых зафиксирован признак цвета, немногочисленна (всего две номинации), однако данные названия используются для обозначения наиболее ценных съедобных грибов.

⁵ Наше наследие. Бурятский национальный костюм. URL: <https://dzen.ru/media/naslediefolk/buriatskii-nacionalnyi-kostium--chast-i-62eaaf742d7a345deb685595> (дата обращения 07.09.2022).

⁶ Гатина-Шафикова Д. Генезис кухни татарского народа: история и современность. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/50301> (дата обращения 05.09.2022).

⁷ Там же.

⁸ Живой журнал. Аналитик. Какие северные народы не едят грибы. URL: <https://analytic.livejournal.com/5521059.html> (дата обращения 05.09.2022).

В эвенкийском языке обнаружено пять названий из двенадцати, объединенных классификатором **цвет**:

- *багдама дэгинүктэ* (беянки) – букв. ‘белый гриб’;
- *дырам багдама дэгинүктэ* (белый гриб) – букв. ‘толстый белый гриб’;
- *хулама дэгинүктэ* (мухомор) – букв. ‘красный гриб’;
- *хутамакан дэгинүктэ* (волнушка розовая) – букв. ‘розовый гриб’;
- *игдяма дэгинүктэ* (рыжик) – букв. ‘жёлтый / рыжий / коричневый гриб’.

В эвенкийской культуре грибы играют не самую важную роль, о чем свидетельствует небольшое количество номинаций для этих природных объектов. Так, для обозначения ягод в эвенкийском языке есть видовые и родовые названия, а для всех грибов только слово *дэгиннэктыл* (*дэгиннэктэ*). «Объясняется это тем, что ягоды эвенки всегда употребляли и употребляют в пищу, грибов же раньше не ели совсем. Сейчас из них готовят разные блюда, солят и маринуют грибы на зиму, сдают заготовщикам. Поэтому необходимо различать грибы по видам. Для наименования разновидностей грибов используются заимствованные из русского языка слова и так называемые кальки» [Энциклопедия природы, 2004, с. 10]. Среди существующих в эвенкийском языке миконимов больше всего тех, в которых зафиксирован классификатор **цвет**, а актуальными при номинации выступают как основные цвета спектра, так и периферийные (последние отразились в заимствованных названиях). Все они соотносятся с солярной символикой и используются для обозначения ценных съедобных грибов.

В монгольском языке есть два названия из пяти, соотносимых с классификатором **цвет**:

- *цагаан мөөг* (рядовка монгольская) – букв. ‘белый гриб’;
- *шар хасундай мөөг* (маслёнок) – букв. ‘жёлтый гриб’.

В монгольской культуре первостепенную важность имеет белый цвет – это «символ верхнего мира, это мать всех цветов, это символ молока, и доброй души, чистосердечия, богатства»⁹. Цвет считается сакральным и связывается исключительно с позитивным началом. У монголов считается, что белая еда – святая, чёрная – символ бедности, нищеты, что обнаруживается в противопоставлении понятий **белая пища** (*цагаан идээ*) и **чёрная пища** (*хар идээ*)¹⁰. Это противопоставление коррелирует с бинарной оппозицией **хороший** – **плохой**, наблюдается и в обозначениях для такого продукта питания, как грибы. Логично, что в монгольском языке для самого ценного гриба, активно употребляемого в пищу (а ранее он был единственный, используемый в качестве продукта питания), есть особое название, в котором в качестве классификатора зафиксирован белый цвет. Кроме того, заслуживает внимания название для этого гриба в русском языке – *рядовка монгольская*. Номинация фиксирует тот факт, что гриб имеет отношение к монголам, занимает важное место в их культуре, в то время как в русском языковом сознании ему отводится незначительное место, это просто гриб, растущий рядами, не обладающий для русских какими-либо выдающимися качествами. В свою очередь, в названии *шар хасундай мөөг* отразился жёлтый цвет, который, как уже было сказано, соотносится с солнцем, светом, теплом, поэтому используется при номинации ценных съедобных грибов во многих культурах.

Итак, в основу номинации грибов часто положен определенный классификатор. Соответственно, на основе анализа наименований грибов можно выявить,

⁹ Голос Монголии. URL: <http://asiarussia.ru/articles/15977> (дата обращения 16.05.2022).

¹⁰ Там же.

на какие категории членятся грибы в разных культурах, и тем самым углубить представление о важнейшем когнитивном процессе, активно изучаемом современной наукой.

Наши данные подтверждают мнение ученых о том, что цвет «принимает участие в сложных процессах языковой концептуализации мира»¹¹. Цвета, оказавшиеся наиболее актуальными при наименовании грибов – белый, чёрный, красный, жёлтый, синий, зелёный, – доказывают теорию Б. Берлина и П. Кея о наличии базовых наименований цвета. Во всех рассмотренных языках есть цвет, который находится на вершине цветовой иерархии, – белый. *Белыми грибами* называются все те грибы, которые употребляются в пищу. При этом в каждом из рассматриваемых языков представлены цвета второй и далее ступеней иерархии только при наличии цветов первой ступени (белого и / или чёрного). Из этого следует вывод, что универсальность в членении цветового спектра отражается в наличии базовых колористических наименований, а специфика – в наличии периферийных названий.

Цвет – концептуальный признак, поскольку включает в себя оценку объекта. В противопоставлении **белый гриб – чёрный гриб** первый выступает в качестве лучшего представителя класса, т. е. съедобного и наиболее вкусного, а второй – в качестве худшего или не самого удачного члена категории, т. е. несъедобного или менее вкусного. Эта оппозиция отражается в миконимах всех рассмотренных языков и является универсальной. Т. В. Григорьева называет ее «ключевой аксиологической бинарной оппозицией» и отмечает, что та вписывается в «общую систему мировоззренческих координат» [Григорьева, 2004, с. 84]. Выбор остальных цветов в качестве мотиватора названия гриба соотносится с символикой того или иного цвета в культуре.

В целом мы можем утверждать наличие связи между категоризацией и номинацией, которая проявляется в том, что единицы языка фиксируют результаты членения мира. Анализ внутренней формы слов, направленный на выявление когнитивных признаков, послуживших основой для номинации объектов, дает возможность узнать, какие факторы повлияли на формирование категорий. Лексика природы позволяет исследовать категоризацию на обширном языковом материале.

Список литературы

Борисова Т. Г. Когнитивные механизмы деривации: деривационная категория вещественности в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 42 с.

Горбунова Л. И. Еще раз о языковой категоризации водных объектов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 208–220.

Григорьева Т. В. Метафорическая оппозиция *белый – черный* и ее роль в языковой интерпретации действительности // Вестник НГПУ. 2004. № 3 (19). С. 84–89.

Гэсэр. Бурятский героический эпос / Пер. с бурят. С. И. Липкина. М.: Худож. лит., 1972. 393 с.

Дзюба Е. В. Категоризация ягод в научной, лексикографической, торговой, кулинарной и бытовой картинах мира // Вестник Брян. гос. ун-та. 2015. № 2. С. 45–49.

¹¹ Григорьева Т. В. К вопросу об изучении цвета в современной лингвистике. URL: <http://articlekz.com/article/6404> (дата обращения 24.05.2022).

Корнева В. В. Категоризация возвышенности в испанской и русской лингвокультурах // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 69–72.

Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: ЯСК, 2004. 792 с.

Фрумкина Р. М. Психоллингвистика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 320 с.

Хаустова Э. Д. Когнитивные классификаторы в семантическом пространстве языка (на материале лексико-семантического поля «фрукты и овощи» в русском и английском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 23 с.

Энциклопедия природы. Флора / З. Н. Пикунова, И. Р. Пикунова. СПб.: Просвещение, 2004. 225 с.

Berlin B., Kay R. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969, 178 p.

Cole M., Scribner S. Culture and Thought: A psychological introduction. N. Y., 1974, 227 p.

Rosch E. Principles of categorization. In: Cognition and categorization. Hillsdale, 1978, pp. 27–48.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. Oxford Uni. Press, 1992. 497 p.

Wittgenstein L. Philosophical investigations / Transl. from German ин G. E. M. Anscombe. N. Y., 1953, 129 p.

Список источников и словарей

БРС – Бурятско-русский словарь / Сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.

Даль В. В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1978. Т. 1. 699 с.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 197 с.

МРС – Монгольско-русский словарь / Под ред. А. Лувсандэндэва. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 716 с.

Рупышева Л. Э. Флоронимическая лексика бурятского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 28 с.

Садовникова И. И. Лексика растительного мира в эвенском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 18 с.

Сафиуллина Ф. С. Карманный татарско-русский и русско-татарский словарь. Казань: ТаРИХ, 2007. 464 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: АСТ, 2003. URL: <https://books.academic.ru/book.nsf/62897026/Толковый+словарь+русского+языка> (дата обращения 18.04.2022).

ТСРЯз – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения 26.05.2022).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.

ЯР-РЯС – Якутско-русский, русско-якутский словарь: Учеб. словарь / Сост. Т. И. Петрова. Якутск: Бичик, 2015. 576 с.

References

Berlin B., Kay R. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley, 1969, 178 p.

Borisova T. G. *Kognitivnye mekhanizmy derivatsii: derivatsionnaya kategoriya veshchestvennosti v sovremennom russkom yazyke* [Cognitive mechanisms of derivation: the derivational category of materiality in the modern Russian language]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Krasnodar, 2008, 42 p.

Cole M., Scribner S. *Culture and Thought: A psychological introduction*. New York, 1974, 227 p.

Dal V. V. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. Moscow, Rus. yaz., 1978, vol. 1, 699 p.

Dzyuba E. V. *Kategorizatsiya yagod v nauchnoy, leksikografiche-skoy, trgovoy, kulinarnoy i bytovoy kartinakh mira* [Categorization of berries in scientific, lexicographic, commercial, culinary and household world pictures]. *The Bryansk State University Herald*. 2015, no. 2, pp. 45–49.

Entsiklopediya prirody. Flora [Encyclopedia of nature. Flora]. Z. N. Pikunova, I. R. Pikunova. St. Petersburg, Prosveshchenie, 2004, 225 p.

Frumkina R. M. *Psikholingvistika: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedeniy* [Psycholinguistics: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Akademiya, 2003, 320 p.

Geser. *Buryatskiy geroicheskiy epos* [The Buryat Heroic Epic 'Geser']. S. I. Lipkin (Transl. from Buryat). Moscow, Khudozh. lit., 1972, 393 p.

Gorbunova L. I. *Eshche raz o yazykovoy kategorizatsii vodnykh ob'ektov* [Once more on linguistic categorization of water objects]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2017, no. 1, pp. 208–220.

Grigorieva T. V. *Metaforicheskaya oppozitsiya belyy – chernyy i ee rol' v yazykovoy interpretatsii deystvitel'nosti* [Metaphorical opposition white and black and its role in language interpretation of reality]. *The Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2004, no. 3 (19), pp. 84–89.

Khaustova E. D. *Kognitivnye klassifikatory v semantiche-skoy prostranstve yazyka (na materiale leksiko-semanticheskogo polya "frukty i ovoshchi" v russkom i angliyskom yazykakh)* [Cognitive classifiers in the semantic space of language (based on the lexical and semantic field "fruits and vegetables" in Russian and English)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Voronezh, 1999, 23 p.

Korneva V. V. *Kategorizatsiya vozvyshennosti v ispanskoy i russkoy lingvokul'turakh* [Categorization of uplands in Russian and Spanish languages and cultures]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2014, no. 4, pp. 69–72.

Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: What the categories reveal about the mind]. I. B. Shatunovsky (Transl. from English). Moscow, LRC Publishing House, 2004, 792 p.

Roch E. Principles of categorization. In: *Cognition and categorization*. Hillsdale, 1978, pp. 27–48.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford University Press, 1992, 497 p.

Wittgenstein L. *Philosophical investigations*. G. E. M. Anscombe (Transl. from German). New York, 1953, 129 p.

List of sources and dictionaries

- Buryatsko-russkiy slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. K. M. Cheremisov (Comp.). Moscow, Sov. entsikl., 1973, 804 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. O. N. Trubachev (Transl. from German). Moscow, Progress, 1986, vol. 2, 672 p.
- Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. E. S. Kubryakova (Ed.). Moscow, Lomonosov MSU Publ., 1997, 197 p.
- Mongol'sko-russkiy slovar'* [Mongolian-Russian dictionary]. A. Luvsandendev (Ed.). Moscow, Izd. inostr. i nats. slovarey, 1957, 716 p.
- Rupysheva L. E. *Floronimicheskaya leksika buryatskogo yazyka* [Floronymic vocabulary of the Buryat language]. Abstract of Dr. philol. sci. dis. Moscow, 2004, 28 p.
- Sadovnikova I. I. *Leksika rastitel'nogo mira v evenskom yazyke* [The vocabulary of the plant world in the Evenk language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2010, 18 p.
- Safiullina F. S. *Karmannyi tatarsko-russkiy i russko-tatarskiy slovar'* [Pocket Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionary]. Kazan, TaRIKH, 2007, 464 p.
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. D. V. Dmitriev (Ed.). Moscow, AST, 2003. URL: <https://books.academic.ru/book.nsf/62897026/Толковый+словарь+русского+языка> (accessed 04.18.2022).
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. D. N. Ushakov (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (accessed 05.26.2022).
- Yakutsko-russkiy, russko-yakutskiy slovar': uchebnyy slovar'* [Yakut-Russian, Russian-Yakut dictionary: an educational dictionary]. T. I. Petrova (Comp.). Yakutsk, Bichik, 2015, 576 p.

Информация об авторе

Наталья Александровна Петрова, старший преподаватель департамента гуманитарных наук Байкальского института БРИКС Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия); аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); преподаватель центра русского языка МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Шэньчжэнь, Китай)

Information about the author

Nataliia A. Petrova, Senior Lecturer, Department of Humanities, Baikal school of BRICS, Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russian Federation); Postgraduate Student, Department of Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology, Foreign Languages, and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); Teacher of the Russian Language Center of the Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, China)

Статья поступила в редакцию 03.10.2022;
одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 11.06.2024
The article was submitted on 03.10.2022;
approved after reviewing on 11.06.2024; accepted for publication on 11.06.2024

Научная статья

УДК 811.512.15+81'367.625+81'366
DOI 10.17223/18137083/89/18

Стяженные формы аналитической конструкции *-(ы)n ий-* в чалканском языке

Наталья Никитовна Федина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
natfedina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3769-6139>

Аннотация

Впервые рассматривается аналитическая конструкция со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ в сравнении с парадигмой спряжения простого глагола. Такой подход позволил наиболее полно описать фонетические трансформации, наблюдаемые в парадигматических формах глагольных аналитических конструкций. При чтении и анализе текстов формы глаголов распознаются неоднозначно. В чалканском языке не только аналитические конструкции могут сливаться в одно слово, но и внутри одной глагольной формы происходят стяжения, при этом могут полностью или частично утрачиваться временные и личные показатели, а также редуцироваться часть лексической основы. Это создает трудности в дифференциации между простой глагольной формой и стяженной аналитической конструкцией.

Ключевые слова

глагол, стяженные формы, аналитические конструкции, фонетические трансформации, омографы, чалканский язык

Для цитирования

Федина Н. Н. Стяженные формы аналитической конструкции *-(ы)n ий-* в чалканском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 242–256. DOI 10.17223/18137083/89/18

© Федина Н. Н., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 242–256
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 242–256

Contracted forms of the analytic construction *-(y)p iy-* in the Chalkan language

Natalya N. Fedina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

natfedina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3769-6139>

Abstract

Analytical verb constructions in the Chalkan language undergo phonetic changes during the contraction process. In this paper, the analytical construction with the auxiliary verb *iy-* 'to send' is considered for the first time in comparison with the conjugation paradigm of a simple verb. This methodology enabled us to comprehensively depict the phonetic alterations observed in the paradigmatic structures of verbal analytical constructions. It was found that the Chalkan language exhibits the merging of not only analytical constructions into one word but also contractions within verb forms. Therefore, it is possible for temporal and personal indicators to be completely or partially omitted, and the lexical basis may be subject to reduction. The synthesis processes lead to the simplification of the outer phonetic structure of verbal word forms while simultaneously complicating the system of morphological forms of the verb. When verb analytic constructions are contracted depending on the tense markers, the auxiliary verb *iy-* 'to send' preserves its full or contracted form. When being conjugated, the verbs in the past tense on *-gyn* and the future tense on *-yr* in a positive form retain only the anlaut narrow vowel *i-* from the auxiliary verb *iy-* 'to send.' In the past tense forms on *-dy*, *-tyr* and the present tense forms on *-yp t'yt-*, two variants can be used: the first, with full retention of the auxiliary verb *iy-* 'to send' and the second, with partial retention of only the anlaut vowel *i-*.

Keywords

verb, contracted forms, analytic constructions, phonetic transformations, homographs, Chalkan language

For citation

Fedina N. N. Contracted forms of the analytic construction *-(y)p iy-* in the Chalkan language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 242–256. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/18

В южносибирских языках фиксируются различные стадии процесса синтеза глагольных аналитических конструкций (ГАК) от полного стяжения (чалканский язык) до более ранних этапов утраты самостоятельности лексическими компонентами аналитических конструкций (тувинский язык) [Селютина, Уртегешев, 2018, с. 100, 137].

В чалканском языке на стыке основного и вспомогательного глаголов происходят разнообразные фонетические процессы, которые приводят к стяжению этой конструкции. В результате возникает омонимия простых и стяженных глагольных форм в разных временных полях.

Цель настоящего исследования заключается в описании фонетических преобразований, происходящих в процессе синтеза чалканской ГАК, состоящей из лексического компонента в форме деепричастия на *-(ы)n* и вспомогательного глагола *ий-* 'посылать', принимающий показатели времени, лица, числа. В ходе исследования предполагается провести сравнительный анализ этой ГАК с простыми

глаголами, а также определить условия, при которых вспомогательный глагол подвергается редукции в процессе стяжения ГАК.

В статье впервые ГАК *-(ы)п ий-* рассматривается в сопоставлении с парадигмой спряжения простого глагола. Такой подход позволил наиболее полно показать фонетические особенности, наблюдаемые в парадигматических формах ГАК.

Как отмечает М. И. Черемисина, в южносибирских тюркских языках ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ относится к конструкциям, передающим аспектуальное значение краткости, «точечности», мгновенности [Черемисина, 1995, с. 5].

Актуальность исследования обусловлена тем, что при чтении и анализе текстов на чалканском языке формы глаголов распознаются неоднозначно. В одно слово могут стягиваться не только аналитические конструкции, стяжение происходит и внутри одной глагольной словоформы, полностью или частично утрачиваются временные, личные показатели, а также усекается часть лексической основы, в итоге сложно определить, какая из форм представлена в различных текстах: простой глагол или стяженная аналитическая конструкция.

В результате процессов синтетизации, с одной стороны, поверхностная фонетическая структура глагольных словоформ максимально упрощается, а с другой – система морфологических форм глагола усложняется [Озонова, Тазранова, 2004, с. 55; Федина, 2017, с. 45; 2018; 2022, с. 292; Озонова, Федина, 2018, с. 253; Федина, Широбокова, 2019, с. 156].

Стяжение ГАК *-(ы)п ий-* в поле прошедшего времени

При спряжении стяженной ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ в прошедшем времени на *-ды* вспомогательный глагол может сохраняться полностью, или же от него остается только анлаутный гласный *и-*, а согласный *-й* элизируется (на что указывают скобки в записи: *пар-↓-и(й)-ды-м*) (табл. 1).

Таблица 1

Спряжение глагола *пар-* ‘идти’ и стяженной ГАК *-(ы)п ий-* в положительной форме прошедшего времени на *-ды*

Table 1

Conjugation of the verb *par-* ‘to walk’
and the contracted analytic construction *-(y)p iy-*
in positive past tense form with *-dy*

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-TvAUX-Tense-Pers / Num
1SG	<i>пар-ды-м</i> ‘я шел’	<i>пар-↓-и(й)-ды-м</i> ‘я ушел’
2SG	<i>пар-ды-н</i> ‘ты шел’	<i>пар-↓-и(й)-ды-н</i> ‘ты ушел’
3SG	<i>пар-ды</i> ‘он шел’	<i>пар-↓-и(й)-ды</i> ‘он ушел’
1PL	<i>пар-ды-с</i> ‘мы шли’	<i>пар-↓-и(й)-ды-с</i> ‘мы ушли’
2PL	<i>пар-д-ар</i> ‘вы шли’	<i>пар-↓-и(й)-д-ер</i> ‘вы ушли’
3PL	<i>пар-ды-(лы)р</i> ‘они шли’	<i>пар-↓-и(й)-ды-лыр</i> ‘они ушли’

В представленной таблице во втором столбце приводится спряжение простого глагола *пар-* ‘идти’. В третьем столбце представлена стяженная форма с согласным в ауслауте основного глагола. Данная конструкция стянулась из двух слов в одну словоформу: *пар-ып ий-ды-м* > *пар-↓-и(й)-ды-м* ‘я ушел’. Если основа гла-

гола оканчивается на согласный, показатель деепричастия выпадает полностью (табл. 2).

Таблица 2

Спряжение глагола *тѳура*- ‘рисовать’ и стяженной ГАК *-(ы)n ий-*
в положительной форме прошедшего времени на *-ды*

Table 2

Conjugation of the verb *t'ura* ‘to draw’
and the contracted analytic construction *-(y)p iy-*
in positive past tense form with *-dy*

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-Taux-Tense-Pers / Num
1SG	<i>тѳура-ды-м</i> ‘я рисовал’	<i>тѳура-в-и(й)-ды-м</i> ‘я нарисовал’
2SG	<i>тѳура-ды-н</i> ‘ты рисовал’	<i>тѳура-в-и(й)-ды-н</i> ‘ты нарисовал’
3SG	<i>тѳура-ды</i> ‘он рисовал’	<i>тѳура-в-и(й)-ды</i> ‘он нарисовал’
1PL	<i>тѳура-ды-с</i> ‘мы рисовали’	<i>тѳура-в-и(й)-ды-с</i> ‘мы нарисовали’
2PL	<i>тѳура-д-ар</i> ‘вы рисовали’	<i>тѳура-в-и(й)-д-ер</i> ‘вы нарисовали’
3PL	<i>тѳура-ды-(лы)р</i> ‘они рисовали’	<i>тѳура-в-и(й)-ды-(лы)р</i> ‘они нарисовали’

В интервокальной позиции ауслаутный глухой согласный *-n* деепричастного показателя переходит в щелевой согласный *-в* (*сана* ‘считать’ – *сана-н* ‘считая’ – *саны-в-и-ды-м* ‘посчитал’) (табл. 2, 3). Аналогично фонетическому процессу в деепричастном показателе, ауслаутный глухой согласный *-n* основы основного глагола при синтезации в интервокальной позиции тоже спирантизируется. Это характерно для всех ГАК с разными вспомогательными глаголами с анулаутными гласными, например, со вспомогательным глаголом *ал-* ‘брать’ [Федина, 2022, с. 293]. В ГАК пауза в речи между словами устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее; вследствие фонетических преобразований создается фонетический контекст, способствующий озвончению финального *-n* основного глагола: *оцы-в-алдывыс*, что указывает на процесс стяжения [Уртегешев и др., 2021, с. 51]. Ниже представлена таблица стяженных ГАК: 1) с основным глаголом *тѳура-* ‘рисовать’ и со вспомогательными глаголами *ал-* ‘брать’ и *ий-* ‘посылать’; 2) с основным глаголом *қан-* ‘ловить’ и с соответствующими вспомогательными глаголами (табл. 3).

Таблица 3

Стяженные ГАК *-(ы)n ал-* и *-(ы)n ий-*

Table 3

The contracted analytic constructions *-(y)p al-* and *-(y)p iy-*

Стяженная ГАК <i>-(ы)n ал-</i>	Стяженная ГАК <i>-(ы)n ий-</i>
1) <i>тѳура-в-ал-ды-м</i> ‘я нарисовал (для себя)’ рисовать-CV-AUX.брать-PAST-1SG	1) <i>тѳура-в-и(й)-ды-м</i> ‘я нарисовал (быстро)’ рисовать-CV-AUX.посылать-PAST-1SG
2) <i>қан-ал-ды-м</i> ‘я поймал’ ловить(CV↓)-AUX.брать-PAST-1SG	2) <i>қан-и-ды-м</i> ‘я тронул’ ловить(CV↓)-AUX.посылать-PAST-1SG

В первом случае щелевой согласный *-в* является показателем деепричастия, во втором случае показатель деепричастия выпал, а щелевой согласный *-в* – это ауслаут основы основного глагола.

Пример стяженной ГАК *-(ы)n-ий-ды*:

(1) Адам **парийды**, мен литовканы кӧдирал **салыйдым**.

ада-м пар-(ып↓)-ий-ды мен литовка-ны
отец-POSS.1SG идти-(CV)-посылать-PAST я литовка-ACC
кӧдир-(ып↓)-ал-(ып↓) сал-(ып↓)-ы(/и)й-ды-м
поднимать-(CV)-братъ-(CV) класть-(CV)-AUX.посылать-PAST-1SG
‘Отец ушёл, я подняла литовку и начала косить’ [Федина, 2020].

При присоединении отрицательного аффикса конструкция принимает семантику нежелания что-либо сделать. При этом положительная форма этой ГАК в чалканском языке может иметь такую же семантику, как и отрицательная форма (табл. 4).

Таблица 4

Спряжение стяженной ГАК *-ып ий-* в положительной и отрицательной формах прошедшего времени на *-ды*

Table 4

Conjugation of the contracted analytic construction *-yp iy-* in positive and in negative past tense form with *-dy*

Лицо / Число	Tv-CV-TvAUX-Tense-Pers / Num	Tv-CV-TvAUX-NEG-Tense-Pers / Num
1SG	<i>пар-↓-и(й)-ды-м</i> ‘как бы я не ушел’	<i>пар-↓-и(й)-ве-ды-м</i> ‘как бы я не ушел’
2SG	<i>пар-↓-и(й)-ды-н</i> ‘как бы ты не ушел’	<i>пар-↓-и(й)-ве-ды-н</i> ‘как бы ты не ушел’
3SG	<i>пар-↓-и(й)-ды</i> ‘как бы он не ушел’	<i>пар-↓-и(й)-ве-ды</i> ‘как бы он не ушел’
1PL	<i>пар-↓-и(й)-ды-с</i> ‘как бы мы не ушли’	<i>пар-↓-и(й)-ве-ды-с</i> ‘как бы мы не ушли’
2PL	<i>пар-↓-и(й)-д-ер</i> ‘как бы вы не ушли’	<i>пар-↓-и(й)-ве-д-ер</i> ‘как бы вы не ушли’
3PL	<i>пар-↓-и(й)-ды-лыр</i> ‘как бы они не ушли’	<i>пар-↓-и(й)-ве-ды-лыр</i> ‘как бы они не ушли’

В тувинском языке Л. А. Шамина выделяет ГАК с семантикой предостережения. В контексте предостережения, когда говорящий информирует адресата о потенциальной угрозе или нежелательном событии, автором употребляется термин «апрехенсив». В случаях, когда говорящий стремится предотвратить данную нежелательную ситуацию, призывая адресата воздержаться от опасного действия, используется термин «превентив».

Л. А. Шамина в тувинском языке выделяет пять структурных типов грамматизированных конструкций, способных передавать указанные смыслы: первый тип с формой на *-ды*: *Tv-n V-ды-2SG*; *Tv-n/-a V-ды-2SG + халак*; *V-ды + халак*; *Tv-ды-2SG/PL + Q*; второй тип представлен ГАК с отрицанием: *Tv-CV V-NEG-OPT*; *Tv-n V-NEG-IMPER.3SG*; *Tv-n V-NEG-IMPER.3Sg халак*; третий тип репре-

зентирован ГАК с глаголами бытия: *Tv-n V-болур*; четвертый тип составили фразеологизованные ГАК: *Adv чүү деп*; пятый тип представлен императивами полных глаголов: *V^{IMPER}* [Шамина, 2020, с. 231]. Нас интересует первый тип с формой на *-ды*, которая по семантике совпадает с ГАК чалканского языка. В чалканском языке семантику нежелания, предостережения совершить то или иное действие могут передавать и простые глаголы в форме на *-ды* и ГАК со вспомогательными глаголами *ал-* ‘брать’ и *ий-* ‘посылать’ (см. табл. 4).

В табл. 4 представлено спряжение положительной и отрицательной форм стяженной ГАК в прошедшем времени на *-ды* с одинаковой семантикой предостережения. Представим примеры из чалканского языка, где форму на *-ды* в рассматриваемом значении вслед за Л. А. Шаминой обозначаем FUT.APRH.

- (2) **тув.** *төктүң эки тут!* [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 369]

төк=тү=ң	эки	тут
проливать=FUT.APRH=2SG	хорошо	держат.IMP.2SG
‘Прольешь, хорошенько держи! [Шамина, 2020, с. 232]		

- (3) **чалк.** *Төктын, жақшы тут* [ПМ].

төк-тын-ң	јақшы	тут
проливать-FUT.APRH=2SG	хорошо	держат.IMP.2SG
‘Прольешь (как бы не пролил), хорошо держи!’		

- (4) **чалк.** *Төгийдын, жақшы тут.*

төг-(ып↓)-ий-ды-ң	јақшы
проливать-(CV)-AUX:посылать-FUT.APRH=2SG	хорошо
тут	
держат.IMP.2SG	
‘Прольешь (как бы не пролил), хорошо держи!’	

- (5) **чалк.** *Төгийведын, жақшы тут* (ПМ).

төг-(ып↓)-ий-ве-ды-ң	
проливать-(CV)-AUX:посылать-NEG-FUT.APRH=2SG	
јақшы тут	
хорошо держат.IMP.2SG	
‘Прольешь (как бы не пролил), хорошо держи!’	

В примере (3) данная семантика представлена простым глаголом, как и в примере (2) в тувинском языке. В примере (4) эта же семантика передается ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ в положительной форме в форме на *-ды* и в примере (5) – в отрицательной форме.

При спряжении стяженной ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ в положительной форме в прошедшем времени на *-дын* вспомогательный глагол *ий-* ‘посылать’ сохраняет только анлаутный узкий гласный *и-*.

Если глагол оканчивается на согласный, то при спряжении простого глагола сохраняется анлаутный согласный *г-* и инлаутный гласный *-ы-* временного показателя, полностью временной показатель сохраняется только во 2 л. мн. ч. [Федина, 2022, с. 296]. При спряжении глаголов с основой на согласный в составе стяженной ГАК деепричастный показатель выпадает полностью, сохраняется только анлаутный гласный *и-* вспомогательного глагола *ий-* ‘посылать’, временной показатель выпадает полностью, частично он сохраняется только во 2 л. мн. ч. как ауслаутный малолушумный согласный *-н* (табл. 5).

Таблица 5

Спряжение глагола *пар-* ‘идти’ и стяженной ГАК *-(ы)n ий-*
в положительной форме прошедшего времени на *-гын*

Table 5

Conjugation of the verb *par-* ‘to walk’
and the contracted analytic construction *-(y)p iy-*
in positive past tense form with *-gyn*

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-Taux-Tense-Pers / Num
1SG	<i>пар-гын-м</i> ‘я ходил’	<i>пар-↓-и-↓-м</i> ‘я сходил’
2SG	<i>пар-гын-н</i> ‘ты ходил’	<i>пар-↓-и-↓-н</i> ‘ты сходил’
3SG	<i>пар-гын-н</i> ‘он ходил’	<i>пар-↓-и-↓-н</i> ‘он сходил’
1PL	<i>пар-гын-мыс</i> ‘мы ходили’	<i>пар-↓-и-↓-мыс</i> ‘мы сходили’
2PL	<i>пар-гын-зар</i> ‘вы ходили’	<i>пар-↓-и-н-зер</i> ‘вы сходили’
3PL	<i>пар-гын-ныр</i> ‘они ходили’	<i>пар-↓-и-↓-ныр</i> ‘они сходили’

При спряжении ГАК с гласной в ауслауте основного глагола показатель деепричастия *-(ы)n* в интервокальной позиции спирантизируется, а временной показатель *-гын* полностью выпадает (табл. 6).

Таблица 6

Спряжение глагола *тбура-* ‘рисовать’ и стяженной ГАК *-(ы)n ий-*
в положительной форме прошедшего времени на *-гын*

Table 6

Conjugation of the verb *t'ura-* ‘to draw’
and the contracted analytic construction *-(y)p iy-*
in positive past tense form with *-gyn*

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-Taux-Tense-Pers / Num
1SG	<i>тбура-↓-м</i> ‘я рисовал’	<i>тбура-в-и-↓-м</i> ‘я нарисовал’
2SG	<i>тбура-↓-н</i> ‘ты рисовал’	<i>тбура-в-и-↓-н</i> / <i>тбура-в-и-н-зын</i> ‘ты нарисовал’
3SG	<i>тбура-↓-н</i> ‘он рисовал’	<i>тбура-в-и-↓-н</i> ‘он нарисовал’
1PL	<i>тбура-↓-мыс</i> ‘мы рисовали’	<i>тбура-в-и-↓-мыс</i> ‘мы нарисовали’
2PL	<i>тбура-н-зар</i> ‘вы рисовали’	<i>тбура-в-и-н-зер</i> ‘вы нарисовали’
3PL	<i>тбура-↓-ныр</i> ‘они рисовали’	<i>тбура-в-и-↓-ныр</i> ‘они нарисовали’

Пример стяженной ГАК *-ын-и(й)-гын*:

- (6) ...кенетке ле пойымнын қызымны **санынам, саныним...**
кенетке ле пой=ым=нын кыз=ым=ны
вдруг PRTCL сам=POSS.1SG=GEN девушка=POSS.1SG=ACC
санын(ып↓)=а(л)-(га)м санын(ып↓)=и(й)-(ге)м
думать.(CV)=AUX:брат-PP.1SG думать.(CV)=AUX:посылать-PP.1SG
‘...сразу вспомнила свою дочь, подумала...’ [Федина, 2020, с. 174].

В примере (6) представлены две стяженные ГАК с основным глаголом *санын*- ‘думать’ и со вспомогательными глаголами *ал*- ‘брать’ и *ий*- ‘посылать’. В первом случае ГАК со вспомогательным глаголом *ал*- ‘брать’ несет семантику длительно-сти, действие, совершенное в свою пользу, – ‘вспомнил’. Вторая ГАК со вспомо- гательным глаголом *ий*- ‘посылать’ имеет семантику мгновенности действия – ‘подумал’.

ГАК со вспомогательным глаголом *-ий* ‘посылать’ в отрицательной форме прошедшего времени на *-гын* не встречаются.

При спряжении глаголов в положительной форме прошедшего времени на *-тыр* вспомогательный глагол *ий*- ‘посылать’ сохраняется либо полностью, либо частично – в виде анлаутного узкого гласного *и*- (табл. 7).

Таблица 7

Спряжение глагола *пар*- ‘идти’ и стяженной ГАК *-(ы)n ий*- в форме прошедшего времени на *-тыр*

Table 7

Conjugation of the verb *par*- ‘to walk’ and the contracted analytic construction *-(y)p iy*- in positive past tense form with *-tyr*

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-TvAux-Tense-Pers / Num
1SG	<i>пар-тыр-ым</i> ‘я шел, оказывается’	<i>пар-и(й)-тыр-ым</i> ‘я ушел, оказы- вается’
2SG	<i>пар-тыр-зын</i> ‘ты шел, оказывае- ся’	<i>пар-и(й)-тыр-зын</i> ‘ты ушел, ока- зывается’
3SG	<i>пар-тыр</i> ‘он шел, оказывается’	<i>пар-и(й)-тыр</i> ‘он ушел, оказыва- ется’
1PL	<i>пар-тыр-ыс</i> ‘мы шли, оказывае- ся’	<i>пар-и(й)-тыр-ыс</i> ‘мы ушли, ока- зывается’
2PL	<i>пар-тыр-зар</i> ‘вы шли, оказывае- ся’	<i>пар-и(й)-тыр-зер</i> ‘вы ушли, ока- зывается’
3PL	<i>пар-тыр-лыр</i> ‘они шли, оказыва- ется’	<i>пар-и(й)-тыр-лыр</i> ‘они ушли, ока- зывается’

ГАК со вспомогательным глаголом *ий*- ‘посылать’ в отрицательной форме прошедшего времени на *-тыр* не встречаются.

Стяжение ГАК *-(ы)n ий*- в поле настоящего времени

Показателем настоящего времени является стяженная форма двухкомпонент- ной ГАК на *-(ы)n јыт*, поэтому при присоединении дополнительного вспомога- тельного глагола *ий*- ‘посылать’ трехкомпонентная конструкция стягивается в одну словоформу: *-(ы)n ий- јыт*.

При спряжении ГАК со вспомогательным глаголом *ий*- ‘посылать’ в настоя- щем времени на *-(ы)n јыт* возможны два варианта употребления: с полностью сохранившимся вспомогательным глаголом или с редуцированным, с начальным узким гласным *и*-. Временной показатель сохраняется частично либо полностью выпадает.

При стяжении ГАК *-(ы)n ий- жым* происходят аналогичные фонетические процессы, что и при стяжении ГАК в прошедшем времени: выпадение показателя деепричастия *-(ы)n* после основ на согласные, переход глухого согласного *-п-* в щелевой согласный *-в-* в позиции между гласными, спирализация ауслаута деепричастного показателя после основ на гласные (табл. 8, 9).

В настоящем времени ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ приобретает семантику регулярного действия (см. табл. 8).

Таблица 8

Спряжение глагола *пар-* ‘идти’ и стяженной ГАК
-(ы)n ий-жым- в положительной форме настоящего времени

Table 8

Conjugation of the verb *par-* ‘to walk’
and the contracted analytic construction *-(y)p iy- t'yt-*
in positive present tense form

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-Taux-Tense-Pers / Num
1SG	<i>пар-т-ым</i> ‘я иду’	<i>пар-↓-и(й)-т-ым</i> ‘я ухожу (регулярно)’
2SG	<i>пар-↓-сын</i> ‘ты идешь’	<i>пар-↓-и(й)-↓-сын</i> ‘ты уходишь (регулярно)’
3SG	<i>пар-жым</i> ‘он идет’	<i>пар-↓-и(й)-жым</i> ‘он уходит (регулярно)’
1PL	<i>пар-т-ыс</i> ‘мы идем’	<i>пар-↓-и(й)-т-ыс</i> ‘мы уходим (регулярно)’
2PL	<i>пар-↓-сар</i> ‘вы идете’	<i>пар-↓-и(й)-↓-сер</i> ‘вы уходите (регулярно)’
3PL	<i>пар-↓-тыр</i> ‘они идут’	<i>пар-↓-и(й)-↓-тыр</i> ‘они уходят (регулярно)’

Таблица 9

Омографы положительных и отрицательных форм
в поле настоящего времени

Table 9

Homographs of positive and negative forms in present tense space

Лицо / Число	PR (<i>-ын жым</i>)	
	Tv-Neg-PR-Pers / Num	Tv-CV-Taux-PR-Pers / Num
1SG	<i>сура-вй-т-ым</i> ‘я не прошу’	<i>сурá-в-и-т-ым</i> ‘я прошу (регулярно)’
2SG	<i>сура-вй-↓-сын</i> ‘ты не просишь’	<i>сурá-в-и-↓-сын</i> ‘ты просишь (регулярно)’
3SG	<i>сура-вй-т</i> ‘он не просит’	<i>сурá-в-и-т</i> ‘он просит (регулярно)’
1PL	<i>сура-вй-т-ыс</i> ‘мы не просим’	<i>сурá-в-и-↓-тыс</i> ‘мы просим (регулярно)’
2PL	<i>сура-вй-↓-сер</i> ‘вы не просите’	<i>сурá-в-и-сер</i> ‘вы просите (регулярно)’
3PL	<i>сура-вй-↓-тыр</i> ‘они не просят’	<i>сурá-в-и-↓-тыр</i> ‘они просят (регулярно)’

ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ в отрицательной форме настоящего времени не встречаются. При этом при спряжении простых глаголов с основой на гласный в отрицательной форме настоящего времени наблюдается

полное совпадении на письме с ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ в положительной форме (см. табл. 9).

В данной таблице во втором столбце спряжение простого глагола *сура-* ‘просить’ с отрицательным аффиксом *-ви-*, в третьем столбце ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’, перед которым показатель деепричастия *-(ы)п* утратил начальный гласный *ы-*, и ауслаутный глухой согласный *-п* в позиции между двумя гласными перешел в щелевой согласный *-в*. В первом случае ударение падает на отрицательный аффикс, а во втором – на ауслаут основы основного глагола.

Стяжение ГАК в поле будущего времени

Показателем будущего времени в чалканском языке является аффикс *-ыр / -ир*. Если основа глагола оканчивается на согласный, используется показатель будущего времени *-ыр*. Если основа глагола исторически оканчивалась на гласный, выпавший к настоящему времени, употребляется показатель *-ир* [Федина, 2022, с. 304]. При спряжении стяженной ГАК после основ в положительной форме в будущем времени на *-ыр* вспомогательный глагол *-ий* ‘посылать’ сохраняет только анлаутный узкий гласный *и-*.

Если после основ на согласный мы наблюдаем гласный *ы*, это значит, что представлен простой глагол в форме будущего времени. Если после основ на согласный следует узкий гласный *и*, то перед нами ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ с семантикой быстрого действия (табл. 10).

Таблица 10

Спряжение глагола *пар-* ‘идти’ и стяженной ГАК *-ын ий-* в положительной форме будущего времени на *-ыр*

Table 10

Conjugation of the verb *par-* ‘to walk’ and the contracted analytic construction *-ыр ий-* in positive future tense form with *-ыр*

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-Taux-Tense-Pers / Num
1SG	<i>пар-(ыр)-ым</i> ‘я пойду’	<i>пар-↓-и-р-ым</i> ‘я уйду’
2SG	<i>пар-ыр-зын / пар-(ыр)-ын</i> ‘ты пойдешь’	<i>пар-↓-и-р-зын</i> ‘ты уйдешь’
3SG	<i>пар-ыр</i> ‘он пойдет’	<i>пар-↓-и-р</i> ‘он уйдет’
1PL	<i>пар-↓-ыс</i> ‘мы пойдем’	<i>пар-↓-и-р-ыс</i> ‘мы уйдем’
2PL	<i>пар-ыр-зар</i> ‘вы пойдете’	<i>пар-↓-и-р-зер</i> ‘вы уйдете’
3PL	<i>пар-ыр-лыр</i> ‘они пойдут’	<i>пар-↓-и-р-лыр</i> ‘они уйдут’

Во втором столбце представлено спряжение простого глагола с ауслаутным согласным основы, после которого обычно сохраняется временной показатель *-ыр*. В третьем – спряжение ГАК, в котором после основного глагола на согласный выпадает деепричастный показатель *-ын* и далее следует анлаутный гласный *и* вспомогательного глагола *ий-* ‘посылать’, затем идет редуцированный временной показатель, от которого сохранился только ауслаутный согласный *-р*. При спряжении простого глагола в форме будущего времени ударение падает

на конечный слог, при спряжении ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ – на первый слог.

Если в ауслауте простого глагола гласный, то на стыке морфем основы глагола и показателя будущего времени наблюдается редукция конечного гласного, в то же время при спряжении стяженной ГАК эта гласная восстанавливается перед деепричастным показателем (*тьур-ир-ым* ‘я буду рисовать’ – *тьура-в-и-р-ым* ‘я нарисую’). При этом глухой согласный *-н* в ауслауте деепричастного компонента в позиции между двумя гласными спирантизируется (табл. 11).

Таблица 11

Спряжение глагола *тьура-* ‘рисовать’ и стяженной ГАК *-(ы)п ий-*
в положительной форме будущего времени на *-ыр*

Table 11

Conjugation of the verb *t'ura* ‘to draw’
and the contracted analytic construction *-(y)p iy-*
in positive future tense form with *-yr*

Лицо / Число	Tv-Tense-Pers / Num	Tv-CV-Taux-Tense-Pers / Num
1SG	<i>тьур-ир-ым</i> ‘я буду рисовать’	<i>тьура-в-и-р-ым</i> ‘я нарисую’
2SG	<i>тьур-ир-зын</i> ‘ты будешь рисовать’	<i>тьура-в-и-р-зын</i> ‘ты нарисуешь’
3SG	<i>тьур-ир</i> ‘он будет рисовать’	<i>тьура-в-и-р</i> ‘он нарисует’
1PL	<i>тьур-ир-ыс</i> ‘мы будем рисовать’	<i>тьура-в-и-р-ыс</i> ‘мы нарисуем’
2PL	<i>тьур-ир-зер</i> ‘вы будете рисовать’	<i>тьура-в-и-р-зер</i> ‘вы нарисуете’
3PL	<i>тьур-ир-лыр</i> ‘они будут рисовать’	<i>тьура-в-и-р-лыр</i> ‘они нарисуют’

Выводы

В зависимости от временных показателей при стяжении ГАК вспомогательный глагол *ий-* ‘посылать’ сохраняется полностью или частично. При спряжении глаголов в прошедшем времени на *-гын* и в будущем времени на *-ыр* в положительной форме от вспомогательного глагола *ий-* ‘посылать’ сохраняется только анлаутный узкий гласный *и-*, в формах прошедших времен на *-ды*, *-тыр* и в настоящем времени на *-(ы)п йыт* могут использоваться два варианта – с полным сохранением вспомогательного глагола *ий-* ‘посылать’ и частичным, с сохранением только анлаутного гласного *и-*. ГАК со вспомогательным глаголом *ий-* ‘посылать’ в отрицательной форме не встречаются ни в одном временном поле, только в форме на *-ды*, но при присоединении отрицательного аффикса конструкция принимает семантику нежелания что-либо сделать и совпадает по семантике с положительной формой стяженной ГАК. Таким образом, спряжение положительной и отрицательной формы стяженной ГАК в форме прошедшего времени на *-ды* имеют одинаковую семантику предостережения.

В формах всех времен происходят одинаковые фонетические процессы: показатель деепричастия после основ на согласные выпадает, после основ на гласные сохраняется, при этом ауслаутный глухой согласный *-н* в интервокальной позиции переходит в щелевой согласный *-в-*, глухой согласный *-н* ауслаута основы основного глагола также спирантизируется. Ниже представлена таблица, в которой от-

ражено выпадение или сохранение деепричастного показателя, сохранение или частичное сохранение вспомогательного глагола *ий-* ‘посылать’ и сохранение, выпадение или частичное сохранение временного показателя после основного глагола на гласные или согласные (табл. 12).

Таблица 12

Процессы стяжения ГАК *-(ы)n ий-*

Table 12

Processes of contraction of the analytic construction *-(y)p iy-*

Форма	Tv-	CV	Таух. ий ‘посылать’	Tense
PAST (-ды)				
Положительная	-V	+ (-n → -e)	u(ü)	+
	-C	↓	u(ü)	+
Отрицательная	-V	+ (-n → -e)	И	+
	-C	↓	u(ü)	+
PP (-зын)				
Положительная	-V	+ (-n → -e)	И	—
	-C	↓	И	—
Отрицательная	—			
PAST.EVID (-тыр)				
Положительная	-V	+ (-n → -e)	u(ü)	+
	-C	↓	u(ü)	+
Отрицательная	—			
PR (-ын тьат)				
Положительная	-V	+ (-n → -e)	u(ü)	±
	-C	↓	u(ü)	±
Отрицательная	—			
PrP (-ыр)				
Положительная	-V	+ (-n → -e)	и	±
	-C	↓	и	±
Отрицательная	—			

В чалканском языке в результате стяжения ГАК фонетический облик морфем претерпевает значительные изменения, в ряде случаев сохраняются только корневые морфемы и личный показатель. При стяжении ГАК *-ын ий-* образуются омографы положительных и отрицательных форм в поле настоящего времени. Они встречаются при спряжении простого глагола в отрицательной форме и ГАК со вспомогательным глаголом *ий* ‘посылать’ в положительной форме. В устной речи различить, какая представлена форма, можно по ударению.

Список условных обозначений

ГАК – глагольная аналитическая конструкция; ПМ – полевые материалы; ACC – винительный падеж; AUX – вспомогательный глагол; C – согласный; CV – деепричастие; FUT.APRH – будущее апрехенсивное; GEN – родительный падеж; IMP – повелительное наклонение; NEG – отрицание; PAST – форма прошедшего времени на *-ды*; PAST.EVID – форма прошедшего времени на *-тыр*; Pers / Num –

личный показатель; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PP – причастие прошедшего времени; PR – настоящее время; PrP – форма причастия настоящего-будущего времени на *-ыр*; PRTCL – частица; SG – единственное число; Таух – основа вспомогательного глагола; Tense – показатель времени; Tv – основа глагола: V – гласный; - – граница между морфемами; ↓ – выпадение морфемы; 1, 2, 3 – показатель лица; в таблице 12: + – полное сохранение, ± – частичное сохранение, – – отсутствие показателя.

Список литературы

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М.: Вост. лит., 1961. 472 с.

Озонова А. А., Тазранова А. Р. Аналитические конструкции в чалканском диалекте (в сопоставлении с алтайским литературным языком) // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 15: Чалканский сборник. С. 55–72.

Озонова А. А., Федина Н. Н. Временные формы алтайского и чалканского языков // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе. Новосибирск: Гео, 2018. С. 228–254.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С. Фонетические процессы в позициях сандхи в аналитических конструкциях тюркского глагола как индикаторы языковой сложности // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе. Новосибирск: Гео, 2018. С. 80–139.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Фонетические трансформации в аналитических формах тюркского глагола. Новосибирск: Академиздат, 2021. 252 с.

Федина Н. Н. Глагольная форма с дезидеративной семантикой в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 3 (34). С. 44–50.

Федина Н. Н. О смысловозначительной роли ударения в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (36). С. 51–56.

Федина Н. Н. Рукописи на чалканском языке // Языки и фольклор народов Сибири и Дальнего Востока в рукописных текстах середины XX – начала XXI века. Новосибирск: Гео, 2020. С. 155–177.

Федина Н. Н. Процессы стяжения аналитических конструкций в чалканском языке (на примере аналитической конструкции *-ып ал-*) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 291–309.

Федина Н. Н., Широбокова Н. Н. Фонетические и морфологические особенности чалканского языка. Новосибирск: Академиздат, 2019. 188 с.

Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 3–22.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции с семантикой опасения и предостережения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 229–242.

References

Cheremisina M. I. Osnovnye tipy analiticheskikh konstruktsey skazuemogo v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Basic types of analytical predicate constructions in the

Turkic languages of South Siberia]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 2, pp. 3–22.

Fedina N. N. Glagol'naya forma s deziderativnoy semantikoy v chalkanskom yazyke [Verb form with desiderative semantics in the Chalkan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2017, no. 3 (34), pp. 44–50.

Fedina N. N. O smyslorazlichitel'noy roli udareniya v chalkanskom yazyke [On the semantic-differential role of the accent in the Chalkan language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2018, no. 2 (36), pp. 51–56.

Fedina N. N. Protsessy styazheniya analiticheskikh konstruktsey v chalkanskom yazyke (na primere analiticheskoy konstruktsey -yp al-) [Contraction of analytic constructions in Chalkan (on example of analytic construction -yp al-)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2022, no. 3, pp. 291–309.

Fedina N. N. Rukopisi na chalkanskom yazyke [Manuscripts in the Chalkan language]. In: *Yazyki i fol'klor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka v rukopisnykh tekstakh serediny 20 – nachala 21 veka* [Languages and folklore of the peoples of Siberia and the Far East in manuscript texts of the mid-20th – early 21st century]. Novosibirsk, Geo, 2020, pp. 155–177.

Fedina N. N., Shirobokova N. N. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti chalkanskogo yazyka* [Phonetic and morphological features of the Chalkan language]. Novosibirsk, Akademizdat, 2019, 188 p.

Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka* [Grammar of the Tuvan language]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p.

Ozonova A. A., Tazranova A. R. Analiticheskie konstruktsey v chalkanskom dialekte (v sopostavlenii s altayskim literaturnym yazykom) [Analytical constructions in the Chalkan dialect (in comparison with the Altai literary language)]. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2004, iss. 15: Chalkanskiy sbornik [The Chalkan anthology], pp. 55–72.

Ozonova A. A., Fedina N. N. Vremennyye formy altayskogo i chalkanskogo yazykov [Tense forms of the Altai and Chalkan languages]. In: *Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspektive* [Complexity of the languages of the Siberian area in diachronic-typological perspective]. Novosibirsk, Geo, 2018, pp. 228–254.

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S. Foneticheskie protsessy v pozitsiyakh sandkhi v analiticheskikh konstruktseyakh tyurkskogo glagola kak indikatory yazykovoy slozhnosti [Phonetic processes in sandhi positions in analytic constructions of the Turkic verb as indicators of linguistic complexity]. In: *Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diakhronno-tipologicheskoy perspektive* [Complexity of the languages of the Siberian area in diachronic-typological perspective]. Novosibirsk, Geo, 2018, pp. 80–139.

Shamina L. A. Analiticheskie konstruktsey s semantikoy opaseniya i predosterezheniya v tuvinskom yazyke [Analytical constructions with the semantics of fear and caution in the Tuvan language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2020, no. 3, p. 229–242.

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R. *Foneticheskie transformatsii v analiticheskikh formakh tyurkskogo glagola* [Phonetic transformations in analytic forms of the Turkic verb]. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 252 p.

Информация об авторе

Наталья Никитовна Федина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-6610-2017

Information about the author

Natalya N. Fedina, Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of the Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6610-2017

*Статья поступила в редакцию 23.06.2024;
одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 08.07.2024
The article was submitted on 23.06.2024;
approved after reviewing on 08.07.2024; accepted for publication on 08.07.2024*

Научная статья

УДК 811.51

DOI 10.17223/18137083/89/19

Семантико-структурные компоненты каузативных конструкций эмоционального воздействия в бурятском языке

Елена Александровна Дадужева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

edadueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2562-7331>

Аннотация

Описываются конструкции, выражающие воздействие на эмоциональную сферу в бурятском языке. Изучаются семантика, структура и средства выражения базовых компонентов ситуации эмоционального воздействия, определяется специфика взаимодействия категорий эмотивности и каузативности. Описываются семантико-структурные компоненты каузативных конструкций, обозначающих эмоциональное воздействие в бурятском языке: каузатор-стимул, каузативные эмотивы, каузируемый субъект и интенсификаторы эмоциональности. Показано, что эмотивная семантика в каузативной конструкции имеет особенности выражения. Выявлено, что в конструкциях преобладает непрототипический неагентивный каузатор в значении причины-стимула, между тем субъект, испытывающий эмоции, ставится в позицию аккузатива. Отмечается, что каузативные эмотивы представлены морфологическими каузативами, а также сочетаниями каузативных глаголов с именами, репрезентирующими эмотивное значение.

Ключевые слова

каузативность, эмоциональное воздействие, морфологический каузатив, эмотивность, каузативная конструкция, бурятский язык

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9)

Для цитирования

Дадужева Е. А. Семантико-структурные компоненты каузативных конструкций эмоционального воздействия в бурятском языке // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 257–266. DOI 10.17223/18137083/89/19

© Дадужева Е. А., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 257–266
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 257–266

Semantic and structural components of causative constructions of emotional impact in the Buryat language

Elena A. Dadueva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

edadueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2562-7331>

Abstract

This paper describes syntactic constructions expressing the impact on the emotional sphere in the Buryat language. Consideration is given to the semantics, structure, and means of expression of the basic components of the situation of emotional impact, with a focus on the interaction between the categories of emotivity and causativity. The analysis identifies the semantic and structural components of causative constructions denoting emotional impact in the Buryat language. These are causative stimuli, causative emotives, causable subjects, and intensifiers of emotionality. The distinct characteristics of expressing emotive semantics within causative constructions are determined. It is noted that the non-typical, non-aggressive causer prevails in the constructions in the meaning of the cause-stimulus expressed by the nominative. This causative stimulus represents a force or a source of energy that causes a reaction of the subject. A causable subject experiencing certain emotions takes the position of an accusative in an emotive construction. In such constructions, the focus is on representing the emotional state of the subject being influenced, acting as a direct complement. Furthermore, the analysis demonstrates that causative emotives in the Buryat language are represented by morphological causatives. These causatives are formed by adding special causative affixes to the corresponding non-causative counterparts. Alternatively, the semantics of emotional impact in the Buryat language can be expressed by phraseological combinations of causative verbs with names representing an emotive meaning. Finally, the paper identifies the components-intensifiers of emotivity of causative construction, such as adverbial parts, adverbs, particles, paired verbs, tautological combinations, and others.

Keywords

causativity, emotional impact, morphological causative, emotivity, causative construction, Buryat language

Acknowledgments

The research was conducted within the state assignment “Man’s World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth”, project no. 121031000258-9

For citation

Dadueva E. A. Semantic and structural components of causative constructions of emotional impact in the Buryat language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 257–266. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/19

Введение

Как известно, эмотивность – это лингвистическая категория, реализующаяся в речи через разноуровневые языковые средства. В. И. Шаховский определяет эмотивность как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [2008, с. 5]. Естественно, что эмоциональные состояния могут быть представлены в языке как имманентно при-
сущие тому или иному субъекту (*Бадма ууртай байна* ‘Бадма сердится’). Однако

эмотивные конструкции не только выражают эмоциональные состояния, но и обозначают причинно-следственные отношения, в результате которых изменяется эмоциональное состояние каузируемого субъекта путем воздействия. Ср.: *Гарма Бадмые ехэ уурлуулба* 'Гарма очень сильно рассердил Бадму'. Е. В. Падучева отмечает, что «значение глагола психического состояния мало говорит о сути самого состояния – эмоции различаются прежде всего тем, какими причинами они вызваны» [2004, с. 273]. В конструкциях со значением эмоционального воздействия демонстрируется взаимодействие систем языковых средств, актуализирующих каузативную и эмотивную семантику.

Каузативная семантика связана со значением воздействия. В лингвистике выделяется три значения воздействия: волевое, эмоциональное и физическое. В связи с этим каузативные конструкции можно разделить на конструкции, выражающие физическое воздействие, воздействие на волю лица и воздействие на эмоциональную сферу [Дадуева, 2020; 2022].

Эмотивные конструкции репрезентируют не только различные эмоциональные состояния, но и причинно-следственные отношения, которые приводят к появлению данных состояний. Основным их компонентом является каузативный глагол эмоционального воздействия (в терминологии Н. Д. Арутюновой) как предикатный центр конструкции [Арутюнова, 1976, с. 169]. К ним относятся переходные глаголы, которые отражают ситуации психического воздействия на эмоциональную сферу жизни человека. Каузация эмоциональных состояний обозначается большим числом каузативных глаголов (*ай-лга-ха* 'испугать', *уурл-уул-ха* 'сердить' и т. п.). В лингвистике их называют глаголами каузации психического состояния (эмоции) или каузативными эмотивами, каузативно-эмотивными глаголами [Онипенко, 2020], глаголами каузации эмоционального состояния [Падучева, 2004], эмоциональными каузативами [Апресян, 2013], эмотивными каузативами [Сюткина, 2020] и т. п. В данном исследовании используются термины «каузативный эмотив», «глаголы эмоционального воздействия», «каузативные конструкции эмоционального воздействия». Каузативные эмотивы, являющиеся предикатным центром синтаксических конструкций эмоционального воздействия, недостаточно изучены в бурятском языке. Цель настоящей статьи – определить семантико-структурные компоненты каузативных конструкций, выражающих эмоциональные воздействия.

Семантико-структурные компоненты каузативных конструкций эмоционального воздействия

Каузативные конструкции репрезентируют ситуацию, которая объединяет два события и показывает цепочечные отношения между причиной и следствием, воздействием и эмоциональным состоянием. Как указывает Н. К. Онипенко, «глаголы каузации психического состояния (эмоции), или каузативные эмотивы, выражают каузативную ситуацию, соединяющую два положения дел: первое – бытие, действие или состояние чего-либо или кого-либо и второе – эмоциональное состояние субъекта личного. Но для того, чтобы эмоциональная реакция была возможной, необходим еще один компонент – восприятие субъектом личным первого (каузирующего) положения дел» [Онипенко, 2020, с. 84]. Основное «отличие эмотивной каузативной конструкции от других каузативных конструкций состоит в том, что в ее семантике представлено опосредованное воздействие: между одним диктальным компонентом (каузирующим событием) и другим диктальным

компонентом (эмоциональной реакцией) существует третий (модусный) – восприятие и осмысление вторым субъектом поступков первого субъекта» [Онипенко, 2020, с. 84]. Таким образом, каузативная конструкция включает в свою цепочку еще одно звено – эмоционально-субъективное.

Каузативные конструкции имеют сложную семантическую структуру. В конструкциях с глаголами эмоционального воздействия всегда присутствует личный казулируемый субъект, что естественно, так как эмоционально-психологическая составляющая свойственна именно человеку. Вопросы вызывает семантическая роль каузатора как одного из основных компонентов каузативной конструкции. Каузативация, т. е. образование каузативной конструкции, добавляет в аргументную структуру каузатора. Существует позиция, при которой воздействие на эмоциональную сферу связывается с прагматическим намерением «воздействовать на получателя в нужном говорящему направлении, заставить его что-то сделать, удовлетворить просьбу, вызвать в нем определенные чувства» [Эмотивный код языка..., 2003, с. 208]. При таком подходе под каузативными эмотивными конструкциями понимаются конструкции интерперсонального взаимодействия двух субъектов каузативной конструкции: одушевленный каузатор оказывает воздействие на одушевленный казулируемый субъект. По мнению Н. П. Сюткиной, эмотивный каузатив описывает «смену эмоционального состояния под воздействием (целенаправленным или произвольным) другого человека» [2020, с. 34].

Семантическая роль каузатора, его агентивные или неагентивные свойства, влияют на семантико-синтаксические особенности каузативной конструкции. Неагентивный характер каузатора в конструкциях с каузативными эмотивами отмечает Н. К. Онипенко [2021, с. 187]. Важно, что глаголы эмоционального воздействия неакциональны, хотя и являются переходными. Например:

- (1) *Байһан газартамнай дүтэ унаһан бомбонууд бидэнийе нишлээд сошооно, айлгана* (ЭКБЯ. А. Батомункуев. Гурбан гүрэнэй армийн сэрэгшын хуби заяан. 2012).

<i>бай=һан</i>	<i>газар=та=мнай</i>	<i>дүтэ</i>
стоять=PC.PST	земля=DAT=POSS.1.PL	близко
<i>уна=һан</i>	<i>бомбо=нууд</i>	<i>бидэн=ийе</i>
упасть=PC.PST	бомба=NOM.PL	мы=ACC
<i>нишлээ=эд</i>	<i>сош=оо=но,</i>	<i>ай=лга=на</i>
объединиться=CV	пугать=CAUS=PRS	пугать=CAUS=PRS

‘Упавшие рядом бомбы очень сильно напугали нас’.

В данной конструкции присутствует непрототипический неагентивный каузатор, представляющий некую силу, источник энергии, который вызывает реакцию субъекта. Непрототипические каузаторы выражаются номинативом, к ним относятся предметы, обобщенные имена, стихийные явления, которые наделяются определенной энергией для оказания воздействия (ветер, метель, град, технические средства, эмоция и др.). Каузативные конструкции с непрототипическими каузаторами обозначают неконтролируемую, произвольную каузацию. Как указывает Н. Д. Арутюнова, «при глаголах психологического воздействия понятие лица-виновника преобразуется в понятие объекта чувств, той мишени, которая принимает на себя рикошет эмоций, вызванных событийным раздражителем» [1976, с. 155].

Каузативная конструкция эмоционального воздействия, обозначая события, характерные для внутреннего мира человека: его ощущения, эмоции и т. п., вы-

ражает значение 'В является причиной того, что А находится в каком-то состоянии'. Второй основной компонент каузативной конструкции – субъект воздействия. Именно каузируемый субъект испытывает определенные эмоции, занимая в каузативной конструкции позицию аккузатива. Между тем номинативную роль каузатора играют наименования событий, ситуаций, которые явились причиной-стимулом, послужили энергией для возникновения тех или иных эмоций, чувства, психологического состояния субъекта воздействия.

Так, глаголы эмоционального воздействия по своим семантико-синтаксическим свойствам больше тяготеют к предикатам состояния, обозначая эмоциональную реакцию человека на события. Т. М. Кильдибекова замечает, что сема каузативности настолько сильна, что глаголы эмоционального состояния и психического воздействия втягиваются в число каузативных глаголов [1985, с. 58].

Каузативные глаголы эмоционального воздействия выражают в бурятском языке весь спектр эмоций, от положительных до отрицательных. Исходя из этого получается, что в семантике каузативных эмотивов можно выделить значение оценки. К эмотивным каузативам, репрезентирующим положительные состояния, можно отнести глаголы каузации радости (*баярл-уул-ха*, *баяс-уул-ха* 'обрадовать', *сэнг-үүл-хэ*, *хүх-еэ-хэ* 'веселить'), каузации ободрения (*урмаиш-уул-ха* 'ободрить'), каузации вдохновения (*зоригж-уул-ха* 'вдохновить'), каузации счастья (*жарг-уул-ха* 'осчастливить'), каузации чувства любви (*дурл-уул-ха* 'влюбить'), каузации интереса (*һонирх-уул-ха* 'заинтересовать') и т. п.

В качестве примеров каузативных эмотивов, обозначающих отрицательные состояния в бурятском языке, можно выделить глаголы каузации гнева, злости (*уурл-уул-ха* 'сердить', *сухалд-уул-ха* 'гневить, сердить'), каузации печали, тревоги (*һанаашарх-уул-ха* 'печалить, встревожить'), каузации раздражения (*хэрүүлх-үүл-хэ* 'раздражать'), каузации страха (*ай-лга-ха* 'испугать', *һүрд-үүл-хэ* 'устрашать, пугать') и т. п.

Между тем глаголы каузации эмоций могут актуализировать значения положительных или отрицательных воздействий в зависимости от контекстуальных условий, ситуации. Например, глагол *гайх-уул-ха* в следующем контексте репрезентирует каузацию положительных эмоций:

- (2) *Цэрэнпил нэгэ удаа арбан табан нүүд үргэжэ ехэ гайхуулба* (ЭКБЯ. Х. Намсараев. Үүрэй толон. 1959).

Цэрэнпил *нэгэ* *арбан* *нүүд* *үргэ=жэ* *ехэ*
Цыренпил один раз пять пуд поднять=CV сильно
гайх=уул=ба
удивить=CAUS=PST.3

'Цыренпил очень сильно удивил, подняв за один раз пятнадцать пудов'.

В ЭКБЯ можно найти контексты, в которых глагол *гайх-уул-ха* выражает отрицательные эмоции:

- (3) *Энэнь лэ Барга-Нямые ехээр гайхуулба* (ЭКБЯ. Б. Мунгонов. Баян зүрхэн – II. 1979).

Энэ=нь *лэ* *Барга=Ням=ые* *ехээр*
это=POSS.3 PCL Барга=Нима=ACC много
гайх=уул=ба
удивить=CAUS=PST.3

'Это очень удивило Барга-Ниму'.

Увиденное оказало на субъект каузации отрицательное воздействие, Барга-Нима был неприятно удивлен тем, что женщина ярко накрасила губы, хотя ей уже за сорок, в контексте можно увидеть негативные чувства, испытываемые субъектом. Мысли Барга-Нимы, объясняющие его негативные эмоции, отражены в следующих предложениях: *Уралын улан шэрээр будагданхай. Дүшгэ гарахан аад, һөөл залу боложо ядана хэбэртэйш. Тээд хэдыш нюураа шэрдээ, будаа хаа, баарһан, хайшан гээд залу болохобиш?* ‘Губы накрашены красным цветом. Уже за сорок, а хочет выглядеть моложе. Однако сколько не крась лицо, бедная, каким образом станешь моложе?’ (ЭКБЯ. Б. Мунгонов. Баян зүрхэн – II. 1979).

По мнению Барга-Нимы, женщине, которой больше сорока лет, не нужно краситься, потому что моложе от этого она не станет. Увиденное его неприятно поразило: глагол *гайх-уул-ха* получает в этой ситуации значение отрицательной эмоции, в целом конструкция выражает негативную оценку.

Все предложенные примеры положительного или отрицательного эмоционального воздействия в бурятском языке представляют собой морфологические каузативы, т. е. эмотивные каузативы, образованные от соответствующих некаузативных коррелятов при помощи специальных каузативных аффиксов. Так, в монопредикативной конструкции, выражающей эмоциональное воздействие в бурятском языке, основным компонентом выступает морфологический каузатив, который демонстрирует единство взаимодействия категорий эмотивности и каузативности, совмещение эмотивного и каузативного значений. Лексическое значение эмоции заключено в корневой части морфологического каузатива, а аффикс выражает каузативное значение: *уурла-ха* ‘злиться’ от *уур* ‘злость’ + каузативный аффикс *-уул* = *уурл-уул-ха* ‘сердить, злить’.

В бурятском языке морфологические каузативы могут соотноситься с фразеологическими сочетаниями, состоящими из глаголов и существительных, обозначающих различные эмоции. В таком случае глагол не имеет эмотивного значения, сохраняя частично свою семантику, актуализирует сему каузативности. Например, к фразеологическим каузативным эмотивным сочетаниям можно отнести: *сухалын хур-гэ-хэ* ‘вызывать гнев, раздражать, рассердить’, *урмын хуха-л-ха* ‘портить настроение, разочаровывать’, *урма зориг мох-оо-хо* ‘сломить дух’, *зориг ор-уул-ха*, *зориг түр-үүл-хэ* ‘внести, поднять дух, ободрить’ и т. п. В данных сочетаниях участвуют каузативные глаголы физического воздействия во вспомогательной функции с отвлеченными именами.

Каузативные глаголы физического воздействия в сочетаниях с именами могут полностью сохранять свое лексическое значение, выражая при этом эмоциональное воздействие. Например:

- (4) *хайн үгэ хандалгаар сэдхэлыень дулаасуулха* (ЭКБЯ. Ч. Цыдендамбаев. Түрэл нутагһаа холо. 1958).

<i>Хайн</i>	<i>үгэ</i>	<i>хандалга</i> =ар	<i>сэдхэл</i> =ые=нь
хороший	слово	воззвание=GEN	душа=ACC=POSS.3
<i>дулаас</i> =уул=ха			
согреться=CAUS=PC.FUT.3			
‘Доброе отношение отогреет его душу’.			

В каузативной эмотивной конструкции кроме глаголов и глагольных сочетаний содержатся также и другие компоненты, являющиеся средствами выражения эмотивности. К ним относятся компоненты, усиливающие эмоциональную составляющую, так называемые интенсификаторы [Сюткина, 2020]. Интенсифика-

торы усиливают эмоциональность конструкции, придают экспрессию и могут выражать оценку воздействию каузатора на каузируемый субъект. В качестве интенсификаторов в бурятском языке выступают деепричастия, наречия, частицы, парные глаголы, тавтологические сочетания и др. Рассмотрим некоторые компоненты, интенсифицирующие эмотивную семантику каузативной конструкции. Например, в качестве интенсификатора эмотивности могут выступать деепричастные формы, являющиеся полными синонимами каузативного эмотивного глагола:

- (5) *Гэнтэ үхибүүд гүйдэн гаража, Дагбые сошоон айлгаба* (ЭКБЯ. Ц. Шагжин. Улаан морид. 1981).

<i>Гэнтэ</i>	<i>үхибү=үд</i>	<i>гүйд=эн</i>	<i>гара=жа</i>
внезапно	ребенок=PL	бегать=CV	выходить=CV
<i>Дагб=ые</i>	<i>сошо=он</i>	<i>ай=лга=ба</i>	
Дагба=ACC	пугать=CV	пугать=PST.3	

‘Внезапно выбежавшие дети очень сильно испугали Дагбу’.

Добавление деепричастной формы служит для интенсификации значения эмотивного глагола:

- (6) *Ардан эжыгээ хүрдөөн айлгаба* (ЭКБЯ. М. Осодоев. Заха холын займхада. 1975).

<i>Ардан</i>	<i>эжы=гээ</i>	<i>хүрд=өөн</i>	<i>ай=лга=ба</i>
Ардан	мать=ACC	устрашать=CV	пугать=CAUS=PST3

‘Ардан страшно напугал мать’.

Интенсификатором может служить добавление еще одного глагола в каузативную конструкцию. Парные глаголы в бурятском языке представляют собой яркое средство выражения усиления эмотивного компонента. Конструкции с парными каузативными глаголами могут достаточно ярко выражать как эмотивную семантику воздействия, так и субъективную оценку. К примеру, добавление некаузативного глагола, обозначающего эмоцию, *хүрдэ-хэ* ‘робеть, бояться, приходить в трепет’ к каузативному эмотивному глаголу *айлга-ха* ‘пугать’ служит интенсификатором эмотивной семантики. Образованный парный каузативный глагол *хүрдэ-хэ айлга-ха* получает значение крайне негативного воздействия на эмоциональную сферу – ‘терроризировать, приводить в трепет, угнетать’ [Дадиева, Харанутова, 2021; Дадиева, 2022].

Заключение

Таким образом, каузативные эмотивные конструкции представляют собой синтез двух лингвистических категорий – каузативности и эмотивности. Выражение эмотивной семантики в каузативной конструкции имеет свои особенности. В семантико-синтаксическом аспекте в конструкциях наблюдается преобладание непрототипического неагентивного каузатора в значении причины-стимула, при этом субъект, испытывающий определенные эмоции, ставится в позицию аккузатива. В эмотивной конструкции на передний план выдвигается репрезентация эмоционального состояния субъекта воздействия, выступающего в роли прямого дополнения. Каузативные эмотивы в бурятском языке представлены морфологическими каузативами, а также сочетаниями глаголов, выражающих каузативную семантику, с именами, репрезентирующими эмотивное значение. Интенсификатором

рами эмотивности в бурятском языке выступают такие компоненты, как деепричастие, наречие, частица, парные глаголы, тавтологические сочетания и др.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

ACC – винительный падеж; CAUS – каузативный глагол; CV – деепричастная форма; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; NOM – номинатив; PC – причастная форма; PC.FUT – причастие будущего времени; PCL – частица; PL – множественное число; POSS – личное притяжание; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время

Список литературы

Апресян В. Ю. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Международной конференции «Диалог 2013». М., 2013. Вып. 12 (19). С. 43–57.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.

Дадуюева Е. А. Каузативные конструкции с глаголами волевого воздействия в бурятском и русском языках // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 267–277.

Дадуюева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 46 с.

Дадуюева Е. А., Харанутова Д. Ш. Парные глаголы с каузативным значением: семантические особенности (на материале бурятского языка) // Монголоведение. 2021. Т. 13, № 3 С. 590–599.

Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1985. 160 с.

Онипенко Н. К. Семантика каузативных эмотивов и их функции в заголовках современных интернет-текстов // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. 2020. № 5. С. 83–90.

Онипенко Н. К. Каузативные эмотивы: между акциональностью и стательностью // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2021. № 31. С. 187–189.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 2004. 608 с.

Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь: ИЦ ПГНИУ, 2020. 176 с.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Эмотивный код языка и его реализация: Коллективная монография. Волгоград: Перемена, 2003. 174 с.

Список источников

ЭКБЯ – http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения 19.12.2022).

References

- Apresyan V. Yu. *Semantika emotsional'nykh kauzativov: status kauzativnogo komponenta* [Semantics of emotional causatives: status of causative component]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2013"* [Computational linguistics and intellectual technologies: based on the materials of the International Conference "Dialog 2013"]. Moscow, 2013, iss. 12 (19), pp. 43–57.
- Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning]. Moscow, 1976, Nauka, 383 p.
- Dadueva E. A. Kauzativnye konstruksii s glagolami volevogo vozdeystviya v buryatskom i russkom yazykakh [Causative constructions with verbs of volitional influence in Buryat and Russian languages]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2020, no. 1, pp. 267–277.
- Dadueva E. A. *Kauzativnye konstruksii v buryatskom yazyke: funktsional'no-semanticeskii i lingvokognitivnyy aspekty* [Causative constructions in the Buryat language: functional-semantic and linguocognitive aspects]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2022, 46 p.
- Dadueva E. A., Kharanutova D. Sh. Parnye glagoly s kauzativnym znacheniem: semanticeskije osobennosti (na materiale buryatskogo yazyka) [Paired verbs with causative meaning: semantic features (based on the Buryat language)]. *Mongolian Studies*. 2021, vol. 13, no. 3, pp. 590–599.
- Emotivnyy kod yazyka i ego realizatsiya: Kollektivnaya monografiya* [Emotive language code and its implementation: A collective monograph]. Volgograd, Peremena, 2003, 174 p.
- Kil'dibekova T. A. *Glagoly deystviya v sovremennom russkom yazyke* [Action verbs in modern Russian]. Saratov, SSU Publ., 1985, 160 p.
- Onipenko N. K. Kauzativnye emotivy: mezhdru aktsional'nost'yu i statal'nost'yu [Causative emotives: between actionality and statality]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2021, no. 31, pp. 187–189.
- Onipenko N. K. Semantika kauzativnykh emotivov i ikh funktsii v zagolovkakh sovremennykh internet-tekstov [Semantics of causative emotives and their functions in the headings of modern Internet texts]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2020, no. 5, pp. 83–90.
- Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 608 p.
- Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis, 2008, 416 p.
- Syutkina N. P. *Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov v kategoria'nom semanticheskoy kompleksy* [Functioning of emotive causatives in a categorical semantic complex]. Perm, PSNRU Publ., 2020, 176 p.

List of sources

Buryatskiy korpus [Buryat corpus]. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (accessed 19.12.2022).

Информация об авторе

Елена Александровна Дадиева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) (Улан-Удэ, Россия)

Information about the author

Elena A. Dadueva, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute of Mongolian Studies, Buddhology, and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 23.12.2022;
одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 17.03.2023
The article was submitted on 23.12.2022;
approved after reviewing on 17.03.2023; accepted for publication on 17.03.2023*